

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2024 / ТОМ 15 / НОМЕР 1

ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

11–19

И.Л. ПРОХОРЕНКО

Идентичность как
ключ к пониманию
мировой политики

20–45

В.И. ЖУРАВЛЕВА

Россия и США
как значимые Другие
в национальных
дискурсах
идентичности

63–76

Я.В. ЛЕКСЮТИНА

О двойной
международной
идентичности
современного Китая

103–117

А.Р. ШИШКИНА

Е.Д. ФАЙН
Л.М. ИСАЕВ

Дискурс
о неоколониализме
как элемент
внешнеполитической
идентичности России
в Африке

CHIEF EDITOR

Sergey M. Markedonov
MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR

Akhmet A. Yarlykapov
MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD

Andrei Tsygankov – San Francisco State University (USA)
Aleksandar Životić – University of Belgrade (Serbia)
Benedikt Harzl – University of Graz (Austria)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Xue Fuqi – Chinese Academy of Social Sciences (China)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander L. Chechevishnikov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Andrey A. Sushentsov – MGIMO University (Russia, Moscow)
Dmitriy I. Pobedash – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
Ilya N. Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)
Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia, Tomsk)
Lyubov A. Fadeeva – Perm State University (Russia, Perm)
Michael I. Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)
Natalia V. Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Oleg Yu. Mikhalev – Voronezh State University (Russia, Voronezh)
Pavel B. Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)
Valeriy N. Konyshchev – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
Viktor Yu. Apryshchenko – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)
Viktor L. Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)
Yakov Ya. Grishin – Kazan Federal University (Russia, Kazan)

SCOPE

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), and in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Q2). The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Alexander L. Chechevishnikov
Evgenia S. Larina
Grant A. Beglarian
Natalya A. Samoylovskaya
Nikita Ya. Neklyudov
Uliana V. Yakutova
Vladimir V. Pavlov

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

2024 / ТОМ 15 / № 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александар Животич – Белградский университет (Сербия)
Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)
Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)
Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)
Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)
Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)
Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)
Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)
Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)
Сюэ Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)
Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)
Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)
Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)
Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)
Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)
Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)
Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)
Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)
Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)
Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)
Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)
Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)
Павел Борисович Паршин – Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва)
Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал. В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (К2).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований
МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Александр Леонидович Чечевишников
Владимир Владимирович Павлов
Грант Артурович Бегларян
Евгения Сергеевна Ларина
Наталья Александровна Самойловская
Никита Яковлевич Неклюдов
Ульяна Вячеславовна Якутова

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

- «Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?»
Идентичность в современных международных отношениях
С.М. МАРКЕДОНОВ 7

ИНТЕРВЬЮ

- Идентичность как ключ к пониманию мировой политики
И.Л. ПРОХОРЕНКО 11

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Россия и США как значимые
Другие в национальных
дискурсах идентичности
В.И. ЖУРАВЛЕВА 20	Внешнеполитическая
идентичность ОАЭ:
авторитаризм, космополитизм,
«взаимосвязанность»
Т.Н. ТЮКАЕВА 136
Политический Запад как конец
истории
Р. САКВА 46	Становление
внешнеполитической
идентичности
де-факто государства:
от самопровозглашения –
к международно-правовой
субъектности (казус Абхазии)
А.В. ПАВЛОВА 154
О двойной международной
идентичности современного
Китая
Я.В. ЛЕКСЮТИНА 63	ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ
Тюркский мир и арабская
родина: туркоманы
Сирии и Ирака в поисках
идентичности
И.В. КУДРЯШОВА, С.А. СЕЙИДЛИ 77	Проблемы национальной
идентичности современной
Германии в международном
измерении
Е.В. ПИМЕНОВА 173
Дискурс о неоколониализме
как элемент
внешнеполитической
идентичности России в Африке
А.Р. ШИШКИНА, Е.Д. ФАЙН, Л.М. ИСАЕВ 103	Внешняя политика Индии
как отражение изменений
в индийской правящей элите
С.В. ВЕЛИЧКИН 191
«Конголитэ»: разделительные
линии в политической жизни
современной ДРК
М.В. НИКОЛЬСКАЯ 118	РЕЦЕНЗИИ
	Афганская идентичность:
перспективы дефрагментации
А.А. КНЯЗЕВ 210

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

“Where Do We Come From? What Are We? Where Are We Going?”
Identity in Contemporary International Relations

S. MARKEDONOV

7

INTERVIEW

Identity as Key to Understanding World Politics

I. PROKHORENKO

11

RESEARCH ARTICLES

Russia and the United States
as Constitutive Others in the
National Identity Discourses

V. ZHURAVLEVA

20

UAE Foreign Policy Identity:
Authoritarianism, Cosmopolitanism,
Connectivity

T. TYUKAEVA

136

The Political West as the End
of History

R. SAKWA

46

The Rise of *De Facto* State's
Foreign Policy Identity:
From Self-Proclamation to
International Legal Subjectivity.
The Case of Abkhazia

A. PAVLOVA

154

On the Dual International
Identity of Contemporary China

YA. LEKSYUTINA

63

Striving for National Identity:
Syrian and Iraqi Turkomans
in Search of a Homeland

I. KUDRYASHOVA, S. SEYIDLİ

77

The Problems of National
Identity in Contemporary
Germany in an International
Context

E. PIMENOVA

173

Discourse on Neocolonialism
as an Element of Russia's
Foreign Policy Identity in Africa

A. SHISHKINA, E. FAIN, L. ISSAEV

103

Foreign Policy of India
as the Reflection of Change
in its Ruling Elite

S. VELICHKIN

191

‘Congolité’: Dividing
Lines in the Political Life
of the Contemporary DRC

M. NIKOLSKAYA

118

REVIEWS

Afghan Identity: Prospects
for Defragmentation

A. KNYAZEV

210

«Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?» Идентичность в современных международных отношениях

«Откуда мы пришли? Кто мы? Куда мы идем?» – так называется одно из наиболее знаменитых полотен Поля Гогена. Эта картина, ставшая своеобразной визитной карточкой великого художника, была вдохновлена его рефлексией процесса достижения социального идеала. В очерке «Современность и католическая церковь» Гоген поставил вопрос: «Каково наше идеальное, естественное, разумное предназначение?» Свою поездку на Таити (по итогам которой и появился его знаменитый цикл картин) он мотивировал не только и даже не столько поиском новых впечатлений, сколько стремлением к «более естественному и простому» социальному началу¹.

Знаменитая гогеновская триада возникает всякий раз, когда человек – художник или писатель, политик или общественный деятель – пытается выразить свое кредо, заставить окружающих понять и принять его мотивы и ценности, а иногда и навязать другим «свою правду».

«Тематика идентичности утвердилась в социогуманитарном научном поле полвека назад, за это время были апробированы подходы, позволяющие соотносить теоретические разработки этого многомерного концепта и эмпирические исследования динамики индивидуальных и коллективных идентичностей. [...] Почти одновременно обращение к идентичности стало нормой публичной политики, а идентичность в разных политических измерениях – привычным для политических элит понятием. Это – пример стремительного укоренения в политическом лексиконе термина, который ранее использовался сугубо в научной дискуссии», – констатирует известный исследователь данной проблематики Ирина Семененко². Подобно ищущему художнику – государства, интеграционные блоки и объединения пытаются понять и дать понять другим, кто они, куда идут и почему именно их модель развития привлекательна для остальных действующих лиц мировой политики.

В науке о международных отношениях очень часто противопоставляются попытки государств (блоковых объединений или интеграционных структур)

1 Душенко, К.В. Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем? // Вестник культурологии. 2019. № 2. С. 150.

2 Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: «Весь мир», 2023. С. 10.

утвердить некие идеалы (или ценности) «реальной политики», уподобляемой зачастую своеобразной бухгалтерии, где высокопоставленные «счетоводы» постоянно сводят политические дебиты с кредитами¹. В действительности такого манихейского противопоставления не существует. Понятие «ценность» вовсе не тождественно американским или европейским нормативным установкам, различия между ними зачастую существенны; аналогично Россия, Китай и страны «мирового не-Запада» не обладают абсолютными правами на проведение «реальной политики».

В истории международных отношений имеется множество примеров, когда ценностно-ориентированная политика дополнялась сотрудничеством с идеологическими оппонентами. И напротив, ценностная общность порой не предотвращала межгосударственные конфликты. Борьба СССР за коммунистические идеалы и альтернативную капитализму модель модернизации сопровождалась ситуативным сотрудничеством с «буржуазными» государствами (наиболее яркий пример – антигитлеровская коалиция), а установление американской демократии нередко «рифмовалось» с кооперацией с самыми жестокими авторитарными режимами. Культурно-религиозная близость Ирана и Ирака не уберегла их от восьми лет кровопролитной войны (1980–1988).

Однако использование неконвенционального внешнеполитического инструментария и нарушение сложившихся представлений о духовной или исторической близости никогда не исключало главного: каждое государство использует собственную систему «опознавательных знаков» для остального мира, всякий раз формулируя свои внешнеполитические задачи таким образом, чтобы всем остальным – и противникам, и союзникам – было ясно, каким образом государство себя позиционирует и формулирует цели национального развития. Без такой устойчивой системы символов не объяснишь ни определенные исключения из правил, ни легитимность принимаемых решений.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов многим казалось, что проблемы идентичности потеряют свою актуальность². Однако этого не произошло. Напротив, проблемы национального государства, этничности, расы, религии вновь актуализировались и породили феномен так называемой «бунтующей идентичности» (по аналогии со знаменитой метафорой Альбера Камю). Проблема восприятия, воссоздания и поддержания статуса и идентичности оказалась сильнее унифицирующего воздействия институтов современности. При этом политизация данных вопросов привела к созданию (точнее, осознанию и концептуализации) особого направления политики – политики идентичности, направленной как в будущее, так и в прошлое (историческая политика, символическая политика и политика памяти)³.

Осмысление этого вызова требует особого внимания как на академическом, так и на прикладном уровне. Первый номер «Международной аналитики» за 2024 год посвящен фактору идентичности в современных международных от-

1 Sleat, Matt. "Legitimacy in Realist Thought: Between Moralism and 'Realpolitik'." *Political Theory* 42, no. 3 (2014): 314–337; Srinivasan, Krishnan, James Mayall, and Sanjay Pulipaka, eds. *Values in Foreign Policy: Investigating Ideals and Interests*. London: Rowman & Littlefield, 2019.

2 Habermas, Jürgen. *The Inclusion of the Other*. Cambridge: MIT Press, 1998.

3 Bourdieu, Pierre. "Social Space and Symbolic Power." In *In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology*, by Pierre Bourdieu, 123–139. Translated by Matthew Adamson. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990.

ношениях. Мы, как и прежде, пытаемся выстроить общее понимание этого сложного явления, обращаясь к широкому спектру страновых кейсов.

В интервью Ирины Прохоренко внешнеполитическая идентичность трактуется как «ключ к анализу, объяснению особенностей и осмыслению феноменов стратегической культуры, внешнеполитического сознания, внешнеполитической идеологии, практик стратегического планирования, а также как значимый маркер динамики этих явлений и практик». При этом, по ее мнению, государство не является единственным носителем внешнеполитической идентичности. Мы можем наблюдать становление и концептуальное оформление в стратегических документах макрорегиональной внешнеполитической и оборонной идентичности в региональных интеграционных проектах.

Статьи Виктории Журавлевой, Ричарда Саквы и Евгении Пименовой представляют условный «западный блок» номера. В работе Журавлевой выявляются и анализируются имагологические истоки современной конфронтации между Россией и США. По ее мнению, противостояние Москвы и Вашингтона – это не только расхождения по конкретным действиям оппонентов на международной арене. Не в меньшей степени оно предопределено национальными внутривнутриполитическими идеями национального развития, а также использованием противоположной стороны как значимого (конституирующего) Другого в данном процессе.

Статья Саквы предлагает эвристическую конструкцию «политический Запад» вместо устоявшейся медийной дефиниции «коллективный Запад». С его точки зрения, данный феномен возник на закате холодной войны. По мнению автора, «в отсутствие существенного конкурента, в эпоху однополярности “политический Запад” расширил свои притязания и амбиции». По сути, он позиционировал себя как «физическое воплощение “конца истории”». Однако сегодня этой монополии и претензиям на апофеоз человеческой (и политической) эволюции брошен вызов, поскольку международные отношения все больше «приобретают черты многополярности».

В тексте Пименовой рассматривается влияние текущих международных трендов на концепцию германской идентичности. Автор полагает, что задача обновления или формулирования новой национальной идеи в ФРГ в условиях стремительно меняющегося мира остается нереализованной.

Первый номер нашего журнала поднимает и немало вопросов, касающихся идентичности стран не-Запада. В статье Яны Лексютиной анализируется феномен двойной международной идентичности современного Китая. По мнению автора, сегодня в КНР диалектически сочетается представление о стране как ответственной державе мирового уровня, стремящейся к лидерству, и в то же время сохраняется идентичность крупнейшей развивающейся страны.

Работа Ирины Кудряшовой и Салеха Сейдли, а также статья Татьяны Тюкаевой формируют «ближневосточный блок» номера. В первом из упомянутых текстов авторы рассматривают сложные идентитарные поиски туркоманов Сирии и Ирака. В последние несколько лет в условиях непрекращающейся турбулентности в этих двух ближневосточных странах эта проблема значительно актуализировалась. Авторы рассматривают ее в двух контекстах – этно-религиозном и национально-государственном, – показывая непростое сочетание принадлежности общин туркоманов к арабской родине и к тюркскому миру. Тюкаева

обращается к внешнеполитической идентичности Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ). По мнению автора, эмиратской монархии удалось добиться сочетания консервативных ценностей и управленческих практик с прагматическими экономическими решениями, что позволило стране занять свою особую нишу на мировой арене.

Статьи Леонида Исаева, Алисы Шишкиной и Егора Файна, а также Майи Никольской представляют «африканский блок» первого номера. Впрочем, следует сделать одну важную оговорку. Первый из представленных текстов посвящен дискурсу неокOLONиализма во внешней политике России в Африке. Авторы полагают, что дискурс неокOLONиализма занял важное место в сегодняшнем внешнеполитическом позиционировании Москвы. И среди африканских стран он находит значительную поддержку. В то же время они отмечают «достаточно высокую степень абстрактности в определении конкретных проявлений и практик неокOLONиализма». И тем не менее продвижение заявленного дискурса оставляет «достаточно большой простор для дальнейшего диалога с африканскими странами». Вторая из представленных статей обращена к анализу современных интерпретаций понятия «конголитэ» (идентичности в Демократической республике Конго). Автор разбирает три его ипостаси: правовая, электоральная, символическая.

В тексте Сергея Величина трансформация внешней политики Индии рассматривается в контексте изменений национальной элиты этой страны. Автор приходит к выводу, что магистральной линией индийской элиты является представление о необходимости утверждения страны в статусе мощного международного игрока и, возможно, одного из полюсов в условиях новой многополярности.

Работа Анастасии Павловой обращена к феномену идентичности де-факто государств. В качестве примера для анализа автор выбирает Абхазию. По мнению Павловой, внешнеполитическая идентичность республики не является статичной. Многие тезисы, которые были обозначены абхазской элитой еще на закате существования СССР, хотя и артикулируются публично сегодня, но корректируются с учетом как внутренних изменений, так и международно-политической динамики.

Завершает номер рецензия Александра Князева. Она посвящена проблемам афганской идентичности в трудах известного отечественного дипломата и востоковеда Михаила Конаровского.

Идентичность, по словам Ирины Семененко, является «формой, или своего рода матрицей, которая может вместить многообразие смыслов и ценностных ориентиров и отразить их взаимодействие»¹. Таким образом, для понимания тех или иных действий международных игроков стоит, прежде всего, обратиться к такой фундаментальной проблеме, как целеполагание, которое невозможно без выдвижения определенных ценностных и смысловых координат. Значит, фактор идентичности в международных отношениях еще не раз станет предметом анализа для авторов нашего издания.

Сергей Маркедонов, главный редактор

1 Идентичность: личность, общество, политика. С. 21.

Идентичность как ключ к пониманию мировой ПОЛИТИКИ

Интервью с Ириной Прохоренко, доктором политических наук, заведующей сектором международных организаций и глобального политического регулирования Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук

Ирина Львовна Прохоренко – специалист-международник, эксперт в области изучения международных организаций, региональной интеграции, этнополитических конфликтов. Автор монографий «Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза» (2018), «Пространственный подход в исследовании международных отношений» (2015), «Национальный интерес во внешней политике государства: опыт современной Испании» (1995), глав в книгах, статей и докладов по проблемам идентичности.

Представитель научной школы идентитарных исследований ИМЭМО РАН, участник Экспертной сети по исследованию идентичности.

Беседу вел С.М. Маркедонов, главный редактор журнала «Международная аналитика»

Сергей Маркедонов: В 2018 г. известный американский политический мыслитель Фрэнсис Фукуяма написал книгу, посвященную проблемам идентичности и политике ресентимента¹. С его точки зрения, идентичность стала своеобразным деминугом действительности. Однако парадокс заключается в том, что никто иной, как Фукуяма в начале 1990-х гг. выступил глашатаем «конца истории» в виде всемирной победы неолиберального экономического и политического консенсуса². В одной из рецензий на книгу 2018 г. критик американского философа поставил резонный вопрос: «Что делает в конце истории такой человек, как Виктор Орбан?» Хочется добавить: а как себя чувствуют в «финале» исторического развития Дональд Трамп и Реджеп Тайип Эрдоган, Владимир Путин и Нарендра Моди, Си Цзиньпин и Ким Чен Ын? Почему, на Ваш взгляд, надежды на скорый конец истории сменились «требованием справедливости» и «политикой ресентимента»? А скорое торжество либерального консенсуса – периодом «бунтующей идентичности»?

1 Fukuyama, Francis. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

2 Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.

Ирина Прохоренко: Фрэнсис Фукуяма, отвечая критикам, объяснял, что использовал слово «история» в духе Георга Гегеля и Карла Маркса, как продолжительную во времени эволюцию общественных институтов, а слово «конец» подразумевало конечную цель, а не завершение. Действительно, многим на рубеже 1980 – 1990-х гг. после распада СССР и самоликвидации социалистического блока преодоление «сегментированности» цивилизации в пользу капиталистических рыночных отношений и либеральных ценностей казалось «концом истории». В этой уникальной реальности глобальное лидерство США представлялось естественным, неоспоримым и даже кому-то необходимым с точки зрения гарантий складывающегося миропорядка.

Однако весьма скоро однородность глобального мира и безальтернативность американского лидерства были поставлены под сомнение. С одной стороны, дальнейшее возвышение Китая, превращение его в «мастерскую мира», амбиции регионального и глобального игрока, усиление незападных держав, порой более

... ужесточение международной конкуренции, неудачи догоняющего развития и неолиберальной модернизации, новые разделения и неравенство, опасения потерять свою самобытность обернулись... попытками защититься от негативных последствий глобализации, которую в развитых странах нередко воспринимали как универсализацию, а в обществах Глобального Юга – зачастую как вестернизацию.

эффективные ответы на большие вызовы на региональном уровне подтверждали все более отчетливо явление так называемой регионализации глобализации и фрагментации глобального мира. С другой – ужесточение международной конкуренции, неудачи догоняющего развития и неолиберальной модернизации, новые разделения и неравенство, опасения потерять свою самобытность обернулись идеями инклюзивной глобализации и справедливости сложившегося мироустройства, в частности мировой финансовой архитектуры, попытками защититься от негативных последствий глобализации, которую в развитых странах нередко воспринимали как универсализацию, а в обществах Глобального Юга – зачастую как вестернизацию. Финансово-экономический кризис 2007–2008 гг. и его негативные последствия, миграционные и энергетические кризисы в разных частях света начиная с середины 2010-х гг. укрепили императивы и идеологию экономического национализма и протекционизма, усилили прежние или вызвали новые размежевания на страновом, региональном и общемировом уровнях.

Несомненной заслугой Фукуямы следует считать его способность раз за разом, с каждой новой книгой-бестселлером выявлять ключевой тренд в мировом развитии, не просто фокусировать внимание на важнейшем научном и общественно-политическом дискурсе, а превращать его в преобладающий и модный, облекая свои идеи и выводы исследователя в броские и запоминающиеся слоганы и метафоры. Однако Фукуяма был далеко не первым, кто в политической науке обратился к проблеме идентичности. В ИМЭМО РАН итогом многолетних междисциплинарных исследований сложных и динамичных общественных

процессов стали фундаментальные работы, посвященные концептам идентичности и политики идентичности в нашем стремительно меняющемся мире: двухтомник 2011¹ и 2012 гг.² и энциклопедическое издание 2017 г. «Идентичность: Личность, общество, политика»³. Научному коллективу под руководством доктора политических наук И.С. Семененко удалось оценить когнитивный потенциал категории идентичности в социогуманитарном знании, концептуализировать идентичность как многомерное и многоаспектное понятие и практику социальной коммуникации, выявить подвижный и множественный характер идентичности, рассмотреть идентичности «с прилагательными» и в различных измерениях и ракурсах – социокультурном, политическом и международно-политическом, национальном и этнополитическом, территориальном и пространственном, социально-стратификационном и социально-ролевом, – выявить дискурсы, политические практики и технологии конструирования идентичности, поставить вопрос об идентичности как факторе и ресурсе общественного развития. Оставим за рамками интервью сложный вопрос об интеграции национальных научных школ в общемировое пространство политической науки и, в частности, науки о международных отношениях.

Кстати, новым промежуточным результатом научной школы идентитарных исследований в ИМЭМО РАН стал выход в свет в конце 2023 г. коллективной монографии под редакцией И.С. Семененко «Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля»⁴. Были изучены дискурсы, которые отражают глубинные изменения в расстановке сил и в структуре мироустройства, субъекты и акторы общественного развития, в том числе экстратерриториальные по природе, которым тесны рамки национально-территориальных государств, механизмы и формы их взаимодействий, формирующие контуры не только новых политических пространств, но и ранее не известных противостояний и конфликтов.

С.М.: В одном из своих исследований Вы справедливо замечаете, что «до недавнего времени понятие внешнеполитической идентичности употреблялось в социальных науках сравнительно редко и почти всегда без попыток его концептуализации». Как бы Вы сегодня определили эту дефиницию? И как попытались бы разграничить сферу ее применения? Где и как внешнеполитическая идентичность связана с региональной, национальной, религиозной? В какой степени они влияют друг на друга, формируют одна другую?

И.П.: На мой взгляд, внешнеполитическая идентичность – это, во-первых, ключ к анализу, объяснению особенностей и осмыслению феноменов стратегической культуры, внешнеполитического сознания, внешнеполитической идеологии, практик стратегического планирования, а во-вторых, значимый маркер динамики этих явлений и практик.

1 Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 208 с.

2 Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х тт. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 471 с.

3 Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. 992 с.

4 Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2023. 512 с.

В самом общем виде внешнеполитическую идентичность национального государства формируют идеи и представления, порой мифологизированные, с использованием метафор и дихотомических понятий о сложившемся и / или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о вызовах, угрозах, опасностях и рисках внешней безопасности. Очевидно, что носителем такой идентичности выступают прежде всего политические элиты, те, кто принимает внешнеполитические решения. Вместе с тем исключительную важность для стабильного развития государства и социума имеет консенсус в обществе по вопросам внешней политики как составляющая национальной (национально-гражданской) идентичности.

Порой такого согласия сложно достичь в разделенном обществе. Играть роль не только культурная, этническая и конфессиональная неоднородность, но и территориальное неравенство, структурные дисбалансы, политическая поляризация. Имеют значение и фактор государственно-территориального устройства страны, сложности постконфликтного регулирования или демократического

... исключительную важность для стабильного развития государства и социума имеет консенсус в обществе по вопросам внешней политики как составляющая национальной (национально-гражданской) идентичности.

транзита (так было, скажем, в Испании после краха франкистского режима). И хотя такая коллективная идентичность достаточно стабильна во времени благодаря политике памяти и символической политике, история знает случаи кризиса, трансформации и даже слома внешнеполитической идентичности. Например, так произошло в Италии накануне Первой мировой войны и в межвоенный период, когда от участия в Тройственном союзе страна перешла к нейтралитету и поддержке Антанты, а затем присоединилась к Антико-

минтерновскому пакту и превратилась в державу «оси»; в России в результате Октябрьской революции и гражданской войны; в Армении по итогам Второй карабахской войны, самоликвидации непризнанной Нагорно-Карабахской Республики и массового исхода армянского населения.

Но национально-территориальное государство – не единственный носитель внешнеполитической идентичности и субъект формирования такой идентичности в современной мировой политике. Мы можем наблюдать становление и концептуальное оформление в стратегических документах макрорегиональной внешнеполитической и оборонной идентичности в региональных интеграционных проектах. В первую очередь, это наиболее заметно в Европейском союзе, где идут процессы военной интеграции и институционально сложилась Общая иностранная политика и политика безопасности, пусть и на основе консенсуса 27 государств-членов. Как тут не вспомнить решение Великобритании с ее материальными и нематериальными ресурсами внешней политики, политики «мягкой силы», опытом мирополитической деятельности о выходе из Евросоюза в поисках в том числе максимальной, насколько это вообще возможно в сегодняшнем взаимосвязанном и взаимозависимом мире, автономии во внешнеполитическом поведении.

В военно-политических организациях и блоках задача формирования общей оборонной идентичности является ключевой, без ее решения трудно добиться солидарности стран-участниц для успешной реализации коллективных целей и задач. Североатлантический альянс – показательный в этом смысле пример «выживания» и адаптации к трансформациям миропорядка после окончания холодной войны и блокового противостояния. У НАТО получилось весьма успешно использовать расширительное толкование безопасности и новые институциональные форматы взаимодействия с третьими странами далеко за пределами зоны коллективной ответственности, дополняя их практиками и технологиями коммуникации и обучения военных специалистов, служащих, парламентариев и экспертов из стран-партнеров.

В свою очередь, у государства есть и другие конкуренты в политике внешнеполитической идентичности – власти субнационального уровня в крупных по размеру странах, федерациях, региональных и децентрализованных государствах, где имеют место вертикальные конфликты – между центром и регионами, которые обладают административными и законодательными полномочиями и потенциалом парадипломатии. Так, власти Каталонии (автономного сообщества в Испании), заявляя о своих партикуляристских и сепаратистских амбициях, создали региональные институты по разработке и реализации собственной внешнеполитической деятельности, проводят автономную от центрального правительства политику «мягкой силы», международной помощи на цели развития. *De facto* они стремятся сконструировать в территориальном сообществе и за его пределами образ Каталонии как самостоятельного и по сути дела альтернативного Испании субъекта в международных делах.

С.М.: В последнее время набирает популярность дискуссия о «цивилизации» как одном из ключевых идентитарных факторов современности. Обновленная Концепция российской внешней политики, принятая в 2023 г., даже определяет РФ как «страну-цивилизацию»¹. Насколько данный фактор важен для (само)идентификации государств и отдельных групп? И нет ли определенного соблазна в упрощении всех имеющихся проблем, если мы сводим все к конфликту или взаимодействию «цивилизаций», ведь зачастую это не продукт органического развития, а конструктор.

И.П.: Говоря о научном дискурсе цивилизации, традиционно вспоминают Сэмюэла Хантингтона с его концепцией «столкновения цивилизаций» как сопротивления либеральному проекту², о торжестве которого в свое время рассуждал Фрэнсис Фукуяма как о «конце истории», других западных авторов, русского историка XIX в. Н.Я. Данилевского³ и порой оставляют за скобками новаторские исследования цивилизационной идентичности и государств-цивилизаций современных российских исследователей. Аналитические подходы В.И. Пантина⁴,

1 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД РФ. 31 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 30.03.2024).

2 Huntington, Samuel. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster, Inc., 1996.

3 Данилевский, Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. СПб.: Глаголь, 1995. 552 с.

4 Пантин, В.И. Национально-цивилизационная идентичность // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: Весь мир, 2023. С. 461–464.

В.И. Лапкина¹, М.М. Мчедловой², В.В. Наумкина³ преодолели западоцентричность и нормативное понимание цивилизации и очевидно бросили вызов современной политической (и цивилизационной) теории. Авторы изучают цивилизации в категориях идентичности как сложную концептуальную модель социокультурной интеграции в современном мире, которая в сфере политики проявляет себя принципиально по-иному, нежели национально-территориальные государства и этнические сообщества.

Мне импонирует идея В.В. Лапкина об объяснении кризиса нынешнего миропорядка логикой эволюции «от мира цивилизаций древности и столкновения их военно-политических машин, через этап псевдоунификации в рамках мировой и всеобъемлющей системы национально-территориальных государств – к миру политий-цивилизаций, с большей или меньшей полнотой ис-

С другой стороны, стратегический тренд полицентризма, укрепление прежних и появление новых центров силы и притяжения, ставят вопрос о сочетании логики многополярности и универсализма, возможности принятия универсальных ценностей.

пользующих инструментарий национальной государственности»⁴. Кстати, дополнительно советую почитать его раздел в новой монографии ИМЭМО 2023 г. о явлении экстратерриториальных сообществ в многомерной структуре меняющегося мирового порядка и в контексте цифровой революции, позволившей сетевые и цифровые коммуникации, а также распространение глобалистских норм и поведенческих ценностей и стереотипов⁵. В свою очередь, обладающий уникальным опытом изучения региона Ближнего Востока и незападного мира в целом авторитетный российский востоковед В.В. Наумкин раз-

личает государства-нации и государства-цивилизации и выделяет четыре типа взаимоотношений между этими двумя моделями государств в сегодняшнем трансформирующемся мироустройстве: непримиримое противоречие, неантагонистическое сосуществование, «слияние воедино в процессе своего рода конвергенции или синтеза» и так называемый переходный тип «неопределившихся государств» гибридного типа⁶.

Такого рода идеи и выводы, с одной стороны, заставляют задуматься, переосмыслить феномен цивилизаций, выявляя контуры новой картины мира с точки зрения динамики универсализма и партикуляризма. С другой стороны, стратегический тренд полицентризма, укрепление прежних и появление новых центров силы и притяжения ставят вопрос о сочетании логики многополярности и универсализма, возможности принятия универсальных ценностей,

1 Лапкин, В.В. Социально-политическая динамика эпохи глобального кризиса: цивилизационный бэкграунд // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 135–150. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.10>.

2 Мчедлова, М.М. Цивилизационные нарративы в политическом дискурсе: ценности и смыслы // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: Весь мир, 2023. С. 165–174.

3 Наумкин, В.В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 78–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06>.

4 Лапкин 2022, 146.

5 Лапкин, В.В. Экстратерриториальные сообщества: горизонты идентичности // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: Весь мир, 2023. С. 86–93.

6 Наумкин 2020, 85.

объединении коллективных усилий человечества и создания международных режимов регулирования для решения глобальных проблем, необходимости сохранения такой универсальной международной межправительственной организации, как ООН.

С.М.: После завершения холодной войны дискуссии, если не об отмирании, то о серьезном кризисе наций-государств стали общим местом и в академической среде, и в политических кругах. Но не поспешно ли было прощание с национальной идентичностью? Не наблюдаем ли мы сегодня ее ренессанс?

И.П.: Дискуссии о кризисе национального государства идут достаточно давно, нельзя отрицать перемены в модели государства-нации на Западе и в незападных странах под влиянием мегатренда трансформации миропорядка, процессов глобализации и регионализации. В региональных и субрегиональных интеграционных проектах (и не только в Европейском союзе) присутствует сложная комбинация национального и межправительственного регулирования, в которой присутствует в том или ином объеме наднациональный компонент, то есть элементы надгосударственного управления. Есть они и в деятельности такой универсальной международной организации, как Организация Объединенных Наций: речь идет, к примеру, об обязательном для всех стран-участниц характере санкций и других принудительных мер, принимаемых Советом Безопасности ООН для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Национальное государство испытывает и большое давление снизу, со стороны субнациональных и местных территориальных сообществ, регионов и крупных городов, которые, играя все большую роль в мировой экономике, настойчиво требуют и добиваются для себя не только административных, но и законодательных полномочий от центральной власти. Меняет ли это и сам институт, и наши представления о сегодняшнем национально-территориальном государстве? Безусловно, и мы это наблюдаем.

У государства появилось множество конкурентов в политике идентичности, связанной с территорией и пространством, и национальная (национально-гражданская) идентичность оказывается одной из множества, с которыми себя связывает индивид в современном мире. Это может быть идентичность территориальная (место, где человек родился, вырос, учился, работал, обрел семью), региональная (самоидентификация с определенным регионом как территориальным и политическим сообществом), макрорегиональная (европейская, латиноамериканская, североамериканская, африканская и т.д.), космополитическая (Я как гражданин мира). Иерархия этих идентичностей может меняться во времени, на нее могут оказывать воздействие множество факторов самого различного свойства, могут наблюдаться конфликты и кризисы идентичности и конкретных индивидов, и отдельных социальных групп¹. Но задачей национальных политических элит является формирование особой связи индивида (гражданина) с государством, и для этого ключевыми инструментами политики

1 Прохоренко, И.Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах-членах Европейского союза. М.: ИМЭМО РАН, 2018.

идентичности выступают образовательная политика, политика памяти, символическая и музейная политика¹.

С.М.: С наступлением эпохи модерна в социальных науках устоялось мнение о том, что вместе с общественным прогрессом, укреплением рационалистического мировоззрения роль религии будет неуклонно падать. И эта идея находила многократные подтверждения на практике. Секуляризм торжественно шествовал по миру, завоевывая не только «демократический Запад» и «коммунистический блок», но и такие форпосты исламского мира, как Турция и Персия. Светские тенденции укреплялись в Индии, Китае, Японии, Латинской Америке. Казалось, религия стала лишь объектом политики, но не ее субъектом. Но сегодня мы видим обратные примеры. И дело не только в укреплении радикального исламизма на Ближнем и Среднем Востоке. Растущая популярность *хиндутвы* в Индии, демонстративные сожжения Корана в ряде стран ЕС. Примеров и проявлений «возвращения» религии в активную политику слишком много, чтобы их игнорировать. Как бы Вы оценили этот процесс и его перспективы? Религиозная идентичность снова обретает значительный вес?

И.П.: Мне кажется, что налицо процессы секуляризации в современном мире и создание так называемых аконфессиональных государств в Западной Европе. Например, в Испании церковь отделена от государства и лишена бюджетных субсидий, ее деятельность фактически деполитизирована, священнослужители

У государства появилось множество конкурентов в политике идентичности, связанной с территорией и пространством, и национальная (национально-гражданская) идентичность оказывается одной из множества, с которыми себя связывает индивид в современном мире.

не имеют активного избирательного права, а национальное правительство поставило под жесткий контроль пожертвования верующих католической церкви через процедуру отчислений налоговых поступлений физических лиц в бюджет государства. Мы наблюдаем кардинальное снижение влияния религиозных институтов на сознание и поведение испанцев, особенно молодежи, и общество проявляет высокую степень терпимости к добрым связям, разводам, абортam, процедурам экстракорпорального оплодотворения, однополым бракам. Но в той же Испании католическая церковь играет важную

роль в интеграции мигрантов, в том числе не католиков, в рамках сложившейся в целом в Южной Европе миграционной модели *a posteriori*, а религиозная идентичность сохраняется в виде культурных норм².

В то же время особенностью нынешнего миропорядка является все более значимое присутствие исламского мира, а масштабные миграционные потоки (в первую очередь инокультурной миграции) и сложности интеграции мигрантов в принимающее общество ставят под сомнение принципы светского государ-

1 Семененко, И.С. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 5. С. 16–32.

2 de la Cueva, Julio, Contreras, Ana, and Miguel Hernando de Larramendi, eds. *Religious Landscapes in Contemporary Spain: The Impact of Secularization on Religious Pluralism*. Eastbourne: Sussex Academic Press, 2022.

ства, стимулируют новые конфликты и размежевания. В малых городах Испании время от времени возникают конфликты «старых» граждан и инокультурных мигрантов, нередко по поводу того, нужно ли проводить традиционные рождественские празднества на муниципальном уровне и в школах, где учатся дети различных конфессий и вероисповеданий. Еще до учреждения праворадикальной партии Vox в декабре 2013 г. представители маргинальных правопопулистских праворадикальных партий, которые не имели шансов преодолеть заградительный барьер и получить места в автономных и национальном парламентах, на местных выборах проходили в городские советы и даже становились алькальдами таких городков. Другой вопрос: что защищали сторонники таких партий – культурную или религиозную идентичность испанцев, политизируя вопрос о регулировании межэтнических и межрасовых отношений в стране. Подобные конфликты происходят и в других государствах-членах Европейского союза, недаром праворадикальные европейские политические партии нередко называют «партиями идентичности», защитниками национальной идентичности перед лицом инокультурной миграции, усиления наднациональности в экономическом и политическом управлении в ЕС и укрепления европейской макрополитической идентичности.

Цитирование

Прохоренко, И.Л. Идентичность как ключ к пониманию мировой политики // Международная аналитика. 2024. Том 15 (1). С. 11–19.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-11-19>

For citation

Prokhorenko, Irina L. "Identity as Key to Understanding World Politics."

Journal of International Analytics 15, no. 1 (2024): 11–19.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-11-19>

Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности

Журавлева Виктория Ивановна, РГГУ, ИВИ РАН, Москва, Россия

Контактный адрес: zhuravlevavic@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье автор, опираясь на современную историографию и собственные исследования, выявляет имагологические истоки современной конфронтации между Россией и США. Она обуславливается не только конкретными внешнеполитическими действиями в отношении друг друга, но и внутривнутриполитическими повестками развития, конструированием национальной идентичности и использованием противоположной стороны как значимого (конституирующего) Другого. Взяв конструктивизм за теоретическую основу исследования, автор рассматривает устойчивые имагологические тренды в российско-американских отношениях, объясняя их циклический характер изменением соотношения между прагматическим и ценностным подходами. В статье показано, как российский и американский Другие работали в роли значимых в национальных дискурсах идентичности соответственно США и России в длительном временном диапазоне, формируя репертуары смыслов, удобные для решения внутри- и внешнеполитических задач. Автор приходит к выводу о том, что современная конфронтация между Россией и США имеет ярко выраженный характер конфликта ценностей и мессианских проектов и создает новую воображаемую реальность двусторонних отношений, в рамках которой дихотомическая картина взаимного восприятия оказывается доведенной до своего логического завершения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

российско-американские отношения, идентичность, конструктивизм, имагология, значимый (конституирующий) Другой, национальная исключительность

Введение

Статья опирается на конструктивистский подход к изучению прошлого и настоящего российско-американских отношений. Данная теоретико-методологическая рамка позволяет понять, почему начиная с рубежа XIX–XX вв. (но не ранее) образ другой страны играет роль значимого (конституирующего) Другого в выстраивании дискурсов идентичности по обе стороны Атлантики, под влиянием каких внутренних и внешних процессов происходило это превращение Другого в конституирующего, что необходимо брать в расчет при объяснении логики и динамики взаимодействия США с Россией (будь то Российская империя, СССР или постсоветская Россия).

Конструктивисты полагают, что знание национальных коллективов о себе (в нашем случае – русских и американцев) выстраивается во взаимодействии со значимыми Другими¹. При этом общество-наблюдатель отбирает характеристики, имеющие важное значение для национальной повестки развития в каждый конкретный исторический период, выстраивает иерархию инациональных образов, делая одни из них центральными, а другие – периферийными и превращая тем самым внешнюю политику в поле конструирования идентичности. Оптика конструктивизма позволяет изучать то, как воображается международная реальность (в нашем случае – реальность российско-американских отношений), поскольку оценка внешних угроз субъективна, а определение национальных интересов имеет под собой дискурсивную основу².

Объяснительная схема автора выстраивается с опорой на современную историографию российско-американских отношений³, а также на собственные исследования. Статья нацелена не на прописывание исторических контекстов российско-американских отношений с опорой на источники различных видовых характеристик (это уже сделано в тех публикациях, на которые автор ссылается), а на метаисторический анализ, на выстраивание аналитической схемы, позволяющей понять, что современная конфронтация между Россией и США обуславливается не только конкретными внешнеполитическими действиями двух стран, но и долгосрочными трендами взаимного восприятия, напрямую связанными с внутривнутриполитическими интересами, конструированием национальной идентичности и использованием противоположной стороны в роли значимого Другого в данном процессе.

Текст статьи структурируется в соответствии со стремлением автора представить историю российско-американских отношений как поле взаимодействия интересов, ценностей и идентичностей с особым акцентом на соотношение ценностного и прагматического подходов, что во многом обуславливало и продолжает обуславливать их циклический характер.

Между 1880-ми гг. и Первой мировой войной (т.е. с того времени, когда русский и американский Другие стали значимыми в дискурсах идентичности друг друга) двусторонние отношения прошли свой первый полный цикл: от прагма-

1 Wendt 2004; Нойманн 2004, 25–70; Морозов 2009, 24–176.

2 Campbell 1998; Hixson 2008; Hunt 2009; Tsygankov 2019; Borozna 2022.

3 Zhuravleva 2022, 29–54.

тического сотрудничества XIX в. через кризис 1903–1905 гг. к новому прагматическому сближению в годы мирового конфликта.

Революции 1917 г. запустили следующий цикл в его ниспадающем движении: от Февраля к Октябрю и далее к военной интервенции США против Страны Советов. Как тогда, так и в дальнейшем изменение соотношения между ценностным и прагматическим подходами было связано с внутри- и внешнеполитическими повестками развития, а также с всплесками национализма во время кризисов национальной идентичности. Это изменение баланса маркировало периоды оттепелей и конфронтаций, обуславливая смену циклов в двусторонних отношениях: от интервенции в начале 1920-х гг. к экономическому сотрудничеству на рубеже 1920–1930-х гг. и дипломатическому признанию в 1933 г.; от похолодания второй половины 1930-х гг. на фоне Московских процессов и подписания пакта Молотова – Риббентропа к союзничеству в годы Второй мировой войны, когда существовало прагматическое партнерство СССР, США и Великобритании в борьбе с общим врагом; от конфронтации первого периода холодной войны к «холодной оттепели» конца 1950-х гг.; от Карибского и Берлинского кризисов к разрядке второй половины 1960-х–1970-х гг.; от нового витка холодной войны в конце 1970-х гг. – первой половине 1980-х гг. к ее окончанию; от «медового месяца» в российско-американских отношениях 1990-х гг. к разочарованию середины 2000-х гг.; от «перезагрузки» 2008–2012 гг. к текущему кризису.

В целом периоды «разрядок» и «перезагрузок» характеризовались преобладанием прагматического подхода в российско-американских отношениях и расширением зон сотрудничества. Как следствие, нивелировалась дихотомия восприятия другой страны в формировании национальной идентичности, подчеркивались сходства национальных моделей развития, а не их различия. И хотя при этом советская и постсоветская Россия и США оставались друг для друга конституирующими Другими, ценностный конфликт на время сглаживался. В конфронтационные периоды он, напротив, выходил на первый план, обуславливая стремление объяснять собственные провалы в политике происками противоположной стороны, превратив ее в своего рода «темного двойника» и козла отпущения. Однако даже в условиях «похолоданий» и «заморозков» это не исчерпывало всей палитры взаимных образов и представлений, хотя и способствовало поддержанию устойчивых имагологических паттернов, мешавших лучшему пониманию между правительствами и народами двух стран.

От прагматического взаимодействия XIX в. к ценностному конфликту XX в.

Начиная с рубежа XIX–XX вв. сравнение с русским или американским Другим превратилось в постоянный элемент дискурса национальной идентичности, что наиболее ярко проявлялось в условиях внутриполитических кризисов и переоценки ценностей. Таким образом, именно с этого времени Россия и США начали играть роль конституирующих Других друг для друга. Правоммерно задать вопрос, почему этого не произошло ранее.

На протяжении большей части XIX в. Российская империя и Североамериканская республика взаимовыгодно сотрудничали, несмотря на различия идео-

логий и политических систем, и противодействовали Великобритании как общему сопернику в век *Pax Britannica*. Эта прагматическая тенденция была заложена еще в 1780 г. Декларацией о вооруженном нейтралитете Екатерины II и проявлялась с особой силой в периоды европейских кризисов, поскольку интересы двух стран не сталкивались в Европе (впрочем, как и в других частях мира).

На протяжении практически всего XIX в. именно европейский Другой был в одинаковой степени значимым для формирования идентичностей русских и американцев, которые ощущали свою периферийность по отношению к западноевропейскому центру и которых сближало наличие институтов несвободы – рабства и крепостного права, – а также масштабная континентальная экспансия России в Среднюю Азию и на Восток, а США – на Запад. Кроме того, Российская империя была заинтересована в американской технике и технологиях, необходимых для модернизации армии и военного флота, строительства железных дорог и налаживания речного судоходства, а Америка ими охотно делилась. Это не значит, что сравнение с Другим отсутствовало в общественно-политическом дискурсе по обе стороны Атлантики. В отдельных случаях оно использовалось как для критики собственных недостатков, так и для артикуляции национальных достоинств¹. Однако в основном служило подтверждением сходств, а не различий в развитии двух стран и не выходило на уровень межгосударственных отношений². Одним словом, Российская империя и США долгое время оставались друг для друга теми, кого Н. Сол назвал «далекими друзьями» (*"distant friends"*), не превращаясь еще в «заклятых друзей» (*"frenemies"*) или «закадычных врагов» (*"intimate enemies"*), каковыми они стали в полной мере позже, что свидетельствовало об их превращении в конституирующих Других в национальных дискурсах идентичности.

Этот процесс начался в конце XIX – начале XX вв., когда ценностный подход впервые масштабно интегрировался в российско-американские отношения. Причинами стали, во-первых, изменения внутри системы международных отношений, связанные с разрушением «европейского концерта» после Крымской войны (1853–1856) и интеграцией новых игроков, таких как США и Япония, в мировую политику; с возникновением мировой экономики и мирового экономического разделения труда в эпоху индустриализации; с завершившимся колониальным разделом мира, приковавшим внимание великих держав к Азиатско-Тихоокеанскому региону вообще и Китайской империи в частности. Во-вторых, это обуславливалось внутривнутриполитическими процессами, которые в условиях кризисов идентичности в обеих странах в конце XIX в. акцентировали внимание на различиях политических систем, мессианских проектов и социокультурного наследия, что становилось основой долгосрочного идеологического конфликта в российско-американских отношениях.

В России после убийства Александра II наступил период реакции в правление Александра III (1881–1894), отмеченный консолидацией вокруг трона и церкви, проведением контрреформ и политикой русификации. Следствием курса на

1 Курилла 2018, 19–36; Kurilla 2016, 114–123.

2 Saul 1991; Курилла 2005; Журавлева 2021, 9–30.

укрепление национальной идеи стала массовая эмиграция за океан представителей этнических (евреи, поляки, русские немцы, финны, литовцы) и религиозных (духоборы, штундисты, лютеране, католики) меньшинств. Все эти группы вливались в поток «новой иммиграции», отношение к которой вызвало напряженные общественно-политические дебаты в США, сопряженные с пониманием белыми американцами своей национальной идентичности, и несли к берегам Америки крайне негативный образ России как страны произвола и деспотизма.

В свою очередь, в США после окончания периода Реконструкции в 1877 г. также происходила масштабная переоценка ценностей в условиях, когда: отмена рабства на Юге не принесла равных прав темнокожим американцам, а их белые сограждане отгораживались от них сегрегационными барьерами; индустриализация усиливала социальную дифференциацию общества, а большой бизнес бросал вызов многочисленным средним и мелким предпринимателям; «новая иммиграция» из Юго-Восточной Европы и Китая воспринималась как угроза генетическому коду американской нации; внутри общества впервые прозвучал внятный идеологический вызов «снизу» и «слева», появилась влиятельная третья партия популистов, а либералам и консерваторам пришлось обновлять свое идейное кредо и проводить партийно-политическую перегруппировку. К концу XIX в. американцы дошли до побережья Тихого океана, а исчезновение фронта как внутренней границы привело к формированию идеологии внешнеполитической экспансии, пришедшей на место континентальной и предполагавшей переосмысление роли США в мировом развитии. Важной вехой в данном процессе стала Испано-американская война 1898 г., по итогам которой Соединенные Штаты создали островную империю и втянулись в борьбу за рынки Китая.

Эти международные и внутриполитические изменения привели не только к столкновению мессианских и геополитических проектов России и США на Дальнем Востоке, росту конкуренции на мировом хлебном и нефтяном рынках, но и к обострению идеологических противоречий и превращению двух стран в значимых Других друг для друга. Тем более, что на фоне сближения англосаксонских наций Великобритании как общий враг перестала играть свою роль в уравнении российско-американской дружбы, а европейский Другой – в дискурсе идентичности России и США в качестве конституирующего¹.

На рубеже 1880-х – 1890-х гг. в США стартовал первый «крестовый поход» против России, превращавший ее в объект миссии США по демократизации и либерализации мира. Он разворачивался параллельно кампании в поддержку еврейского меньшинства Российской империи и был инициирован русскими политэмигрантами, американским либеральным журналистом Дж. Кеннаном, посетившим Сибирь и рассказавшим Западному миру о карательной системе царизма, а также американскими «друзьями русской свободы». На страницах американской прессы, на митингах и заседаниях различных обществ, в публицистике и карикатуристике отношения между странами начинают осмысливаться сквозь призму дихотомий свобода – политическое рабство,

1 О развитии российско-американских отношений в 1881–1914 гг. подробнее см.: Saul 1996, 233–588. Сквозь призму конструктивизма данный период кратко представлен в книге: Foglesong 2007, 7–50, а также в развернутом виде в фундаментальной монографии: Журавлева 2012.

демократия – авторитаризм, веротерпимость – религиозная ортодоксальность, а образ России как тюрьмы для политических и религиозных диссидентов и этнических меньшинств прочно интегрируется в палитру представлений о ней по другую сторону Атлантики¹.

В ответ в официальной прессе России обличалась политика сегрегации и практика линчеваний в США, дискриминация индейцев и китайских иммигрантов, повседневная погоня американцев за наживой и бездуховная американская культура, что закладывало основу официального антиамериканского дискурса, сохранившего свое значение до сих пор. Так образ другой страны начинал играть роль своеобразного «темного двойника», позволявшего оттенять преимущества национальной модели развития и ее исключительность².

В конце XIX в. данные имагологические тенденции, подтачивавшие традиционно дружественные отношения между странами, нивелировались в связи с американским филантропическим движением, развернувшимся во время голода в России 1891–1892 гг., с ее участием во Всемирной выставке в Чикаго, с массовым увлечением в США русской культурой, с масштабным торгово-экономическим сотрудничеством двух стран в условиях начавшейся в Российской империи в конце XIX в. модернизации экономики и строительства Транссибирской магистрали. Именно поэтому в общественно-политическом дискурсе двух стран преобладала полифония, а не дихотомия взаимных образов, а межгосударственные отношения сохраняли прагматический характер взаимовыгодного сотрудничества, унаследованный от предыдущего периода³.

Ситуация изменилась в период первого в двусторонних отношениях кризиса 1903–1905 гг. Во время Русско-японской войны симпатии вашингтонской администрации и американского общества оказались на стороне Японии. Она была представлена как «янки Востока» и принята в «клуб цивилизованных держав», в то время как Россию из него исключали на фоне Кишиневского антиеврейского погрома 1903 г. и продолжения оккупации Маньчжурии в противовес американскому принципу «открытых дверей и равных возможностей» в Китае. Президент Т. Рузвельт уповал на то, что модернизированная Япония «играет американскую игру» на Дальнем Востоке, в отличие от отсталой Российской империи⁴; либеральные «дружья русской свободы» в США делали ставку на поражение царизма в войне, которое, по их мнению, должно было ускорить русскую революцию; американо-еврейское лобби питало надежды на либерализацию законодательства в отношении русских евреев вследствие ослабления самодержавия⁵. На страницах американской прессы развернулась первая «имиджевая война» против России, нашедшая яркое выражение в карикатуристике, а конфликт на Дальнем Востоке осмысливался сквозь призму противопоставлений «англосакс – славянин», «цивилизация – варварство», «прогресс – регресс»⁶.

1 О развитии российско-американских отношений в 1881–1914 гг. подробнее см.: Saul 1996, 233–588. Сквозь призму конструктивизма данный период кратко представлен в книге: Foglesong 2007, 7–50, а также в развернутом виде в фундаментальной монографии: Журавлева 2012.

2 Behringer 2018, 286–296.

3 Журавлева 2012, 209–388.

4 Letters 724, 829–832.

5 Журавлева 2012, 522–526.

6 Ibid., 544–567.

Русская революция 1905–1907 гг. лишь подбросила дров в костер американского универсального либерализма, превратив революционную Россию в объект мессианского рвения общественных и религиозных деятелей, журналистов и карикатуристов в США, искавших среди русских либералов «отцов-основателей» и предававшихся мечтам о «русском 1776 годе». И это вдохновение, как и в последующем, закончилось разочарованием в революции по-русски как движении по кругу, минувя свободу¹.

На рубеже XIX – XX вв. в США сформировались дискурсы с характерными для них репертуарами смыслов и разным видением перспектив модернизации России и национального характера русских, в рамках которых русский Другой работал на формирование американской идентичности. Во-первых, либерально-универсалистский дискурс с присущей его участникам верой в русский народ, при определенных условиях и помощи из-за океана готовый сбросить цепи политического рабства, в русских либералов, которые должны повести общество по пути революции западного образца и не дать ему скатиться к социальному хаосу и политическому радикализму, в сопричастность американцев процессу демократического обновления России. Во-вторых, консервативно-пессимистический дискурс – со свойственным его участникам ориентализмом и верой в неизменность национального характера русских, определявшего устойчивость авторитарных политических традиций. При этом ориентализм в определенной степени присутствовал во всех дискуссиях по поводу модернизации России, происходивших в американском обществе с конца XIX в., соседствуя в рассуждениях русофилов с их восхищением русской культурой и надеждами на постепенные реформы «сверху», а у либералов – с их надеждой на то, что при определенных условиях русский «темный люд» сможет вступить на путь свободы и демократии².

Цивилизационный пессимизм в оценках России–неЗапада выходил в США на первый план на завершающей фазе своеобразных американских «циклов надежд и разочарований» в связи с очередным этапом модернизации России (в особенности в условиях русских революций), отодвигая на задний план американские мечты о ее быстром переустройстве по заранее известной схеме в духе универсального либерализма и возвращая опасения по поводу неизменности национального характера русских и реализации особого пути развития России, представлявшего угрозу Западу. Так было и в 1905–1907 гг., и в 1917 г., и после распада СССР.

В свою очередь, в Российской империи либералы, сравнивая развитие двух стран, вдохновлялись американским экономическим и политическим опытом, размышляя над тем, что может оказаться полезным для обновления самой России, чему Америка может ее научить³. В то время как либеральное крыло российского революционного движения рассчитывало на моральную поддержку американцев, русские радикалы ездили за океан для сбора средств на дело русской революции. В консервативно-националистическом лагере, напротив, окончательно сложился образ США как полного антипода России, как «темного двойника», противопостав-

1 Ibid., 626–764; Журавлева 2018а, 138–173.

2 Эткинд 2001, 172–173; Engerman 2003, 54–84, 244–272; Журавлева 2023а, 171–196.

3 Бородин 1915.

ление которому позволяло высветить преимущества русского пути развития, русского национального характера и особой духовности русских¹.

При этом в США, в отличие от России, сравнение со значимым русским Другим использовалось не только для актуализации собственных преимуществ, но и для критики собственных недостатков, чему способствовало отсутствие цензуры. Впрочем, это также было доказательством роли русского Другого в формировании представлений об американском Я, равно как и увлечение американских левых социальным, а затем и социалистическим посланием русских революций².

Первая мировая война завершила первый цикл в российско-американских отношениях в его движении от прагматизма XIX в. через первый кризис 1903–1905 гг., разрядку напряженности после окончания Русско-японской войны, несмотря на денонсацию в 1911 г. торгового договора 1832 г., к «медовому месяцу» в период мирового конфликта. В рамках этого цикла русский и американский Другие начали играть роль конституирующих соответственно в американском и российском дискурсах идентичности и использоваться на официальном уровне не для поиска сходств в развитии двух стран, а для выявления различий, для обоснования внутри- и внешнеполитического курса. В полной мере это проявилось уже после возникновения Советской России.

США и Советская Россия: от идеологического противостояния к товариществу по оружию

Революции 1917 г. запустили новый цикл в двусторонних отношениях, окончательно превратив Россию в объект «крестового похода» Соединенных Штатов за реформирование мира на основе принципов либеральной демократии. Признание Временного правительства после крушения монархии в Российской империи придало мощный импульс либеральному интернационализму, провозглашенному президентом В. Вильсоном, хотя участие в иностранной интервенции против большевиков в период Гражданской войны вызвало напряженные дебаты в среде американского политического истеблишмента³.

С этого момента русский Другой прочно интегрировался во внешнюю политику США, а идеологический подход, апеллировавший к ценностным императивам, стал устойчивым трендом формирования американской политики по отношению к России (советской и постсоветской). В итоге ее внешнеполитические действия воспринимались во взаимосвязи с внутривнутриполитическим режимом, а политика вашингтонских администраций по отношению к ней обуславливалась готовностью к проведению либеральных реформ, расширявших гражданские права и свободы. Такое видение было проекцией вовне одной из основополагающих репрезентаций самого американского общества, основанной на уверенности в том, что США действуют на мировой арене исходя из демократического характера своего политического строя.

1 Egert 1912.

2 Журавлева 2020.

3 Foglesong 1995; Saul 2001.

Постфевральская Россия уповала на экономическую помощь США для продолжения участия в Первой мировой войне и вдохновлялась американским опытом проведения политических реформ¹. В свою очередь, и Советская Россия не отрицала полезности этого опыта для ее экономического обновления, будь то фермерский путь развития аграрного сектора в репрезентациях В.И. Ленина или создание современной экономики в эпоху сталинской индустриализации, проходившей под лозунгом «фордизации»². Тогда американцы в очередной раз поставляли за океан технику и технологические ноу-хау, преподавали русским уроки эффективного производства³. Причем наиболее масштабный период этой помощи пришелся на годы первой пятилетки (1928–1932), т.е. до дипломатического признания СССР.

Участие американцев в обновлении советской экономики не только укрепляло экономическую составляющую американской мессианской идеи, но и способствовало индустриализации и технологической модернизации СССР, а также формировало прагматическую повестку двусторонних отношений. Не меньший вклад американцы внесли в борьбу с массовым голодом в Поволжье 1921–1922 гг., когда масштабная гуманитарная помощь США помогла большевикам сохранить власть. При этом глава Американской администрации помощи Г. Гувер как раз делал основную ставку на то, что филантропические грузы с маркой *Made in USA* наглядно продемонстрируют преимущества капитализма перед социализмом⁴.

Во второй половине 1930-х гг. на фоне начавшихся московских процессов и свертывания экономического сотрудничества американские дипломаты начали все чаще использовали ориенталистское объяснение природы сталинского режима и его лидеров, находя азиатское наследие как в системе, так и в характере советских людей. В 1936 г. первый посол США в Советской России У. Буллит написал в Государственный департамент, перефразируя кюстиновское «поскреби русского – найдешь татарина»: «Поскреби советского – найдешь русского»⁵.

СССР, в свою очередь, подчеркивал особые преимущества социалистического строя, используя для этого сравнение с американским Другим как с «темным двойником» и противопоставляя социализм, интернационализм и социальные гарантии в Советском Союзе капитализму, расизму и безработице в США, а моральный кодекс советского человека – американской бездуховности, неустанной погоне за наживой и потребительскому мещанству. В этом смысле образ «страны Желтого дьявола», созданный М. Горьким еще в конце революции 1905–1907 гг., прочно вошел в советский пропагандистский дискурс.

Соединенным Штатам было чему поучиться у Советского Союза, например равноправию женщин. Не случайно сюда устремились толпы американок, желавших воочию убедиться в том, как при социализме изменились гендерные отношения, а советские женщины получили равные с мужчинами права во всех сферах жизни⁶.

1 Листиков 2006; Мальков 2009, 102–153.

2 Журавлева 2021, 64–71.

3 Шпотов 2013.

4 Patenaude 2002; Дуглас 2021; Журавлева 2021, 31–52.

5 Engerman 2003, 260.

6 Эткинд 2001, 142–165; Roman 2012; Fedorova 2013; Дэвид-Фокс 2015; Mickenberg 2017.

Однако и Соединенные Штаты не могли не восхищать советских людей своим технологическим прогрессом, комфортом, трудовой культурой и тем, что вещи были поставлены на службу человеку. Одним словом, как написал один из читателей «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова в издательство «Художественная литература»: «Если бы Америка была советской, она была бы раем»¹.

Таким образом, советский и американский конституирующие Другие были призваны подчеркивать преимущества национального мессианского послания: американского – как послания свободы и демократии, советского – как послание равенства. Тем не менее идеологические противоречия и ценностный конфликт сглаживались прагматическими запросами сталинской модернизации, нашедшими отклик в США в годы Великой депрессии. Это запустило очередной цикл в двусторонних отношениях во второй половине 1920-х гг., достигший пика после дипломатического признания СССР в 1933 г. и сошедший на нет на фоне подписания пакта Молотова – Риббентропа.

Прагматическая тенденция во взаимоотношениях двух стран была характерна не только для тех периодов, когда в России (царской, советской и постсоветской) происходили экономические реформы, а из США поставлялись техника и ноу-хау, но и в период борьбы с общим врагом. Так случилось во время Первой мировой войны, когда впервые в повестку двусторонних отношений был поставлен вопрос о взаимном познании и изучении русскими и американцами друг друга². То же самое, но в гораздо больших объемах и более яркой форме произошло в годы Второй мировой войны³. В такие периоды в общественно-политических дискурсах обеих стран превалировал концепт сходств, а не различий. Не случайно в 1944 г. вышла книга П. Сорокина, акцентирующая внимание на обобщение опыта конструктивного взаимодействия между Россией и США в течение полутора вековой истории. Тем более, что большую часть этого времени они оставались «далекими друзьями», а не являлись конституирующими Другими. Книга увидела свет в то время, когда победа антигитлеровской коалиции, скрепленной товариществом по оружию СССР, Великобритании и США, уже не вызывала ни у кого сомнений. Однако вопрос о будущем мироустройстве, в котором коммунистической России предстояло играть особую роль, становился источником тревог в среде американского политического и военного истеблишмента. Осознание этой опасности и побудило П. Сорокина написать сравнительно-историческое исследование, основанное на его концепции «российско-американской исключительности» и совместимости фундаментальных ценностей народов двух стран, что позволяло надеяться если не на союз, то на сотрудничество между ними по восстановлению послевоенного мира⁴.

В конце войны в обществах СССР и США превалировало убеждение, что и после ее окончания сохранится прагматическое взаимодействие между ними, основанное на равном партнерстве, взаимном уважении национальных интересов и

1 Ильф, Петров 2010, 502.

2 Zhuravleva 2021, 273–292.

3 Журавлева 2021, 53–78, 150–173.

4 Sorokin 1944.

готовности к изучению опыта другой страны и другого народа. Тогда, как и в эпоху холодной войны, эти надежды оказались в основном иллюзорными, разбившись о конфликт ценностей и идентичностей, недалёковидность и национальный эгоизм политических и военных элит двух сверхдержав.

«Холодная война идентичностей»: советский vs американский конституирующие Другие

В годы холодной войны в условиях системного противостояния СССР и США советским людям и американцам нужно было доходчиво объяснить, почему им повезло родиться по ту или иную сторону «железного занавеса» и почему именно их правда является истиной¹. Политики и эксперты, журналисты, кинематографисты и карикатуристы с готовностью использовали образ другой сверхдержавы как своеобразного «темного двойника», выстраивая дискурсы идентичности на основе противопоставлений романтического Своего и демонического Другого.

В СССР с обоснованием новой политики в отношении США, которые еще недавно были союзником по антигитлеровской коалиции, выступил секретарь ЦК ВКП (б) А.А. Жданов на конференции Коминформа в 1947 г., а в 1949 г. был разработан специальный план по развертыванию антиамериканской пропаганды². Ее пик, также как и антисоветской в США, пришелся на 1949–1953 годы. Действия «американской военщины» теперь сравнивались с планами нацистской Германии. На первое место вышел образ США как «поджигателей Третьей мировой войны», представления о стране расовой дискриминации и угнетения рабочего класса, о всевластии Уолл-стрит и Пентагона, о культивирующей низменные человеческие инстинкты американской культуре. Советские карикатуристы и плакатисты маркировали образ США не только знаком доллара, но и свастики, а к подготовке антиамериканских кинолент были привлечены классики советской кинематографии, создававшие для экрана произведения, полные клише из передовиц советских газет и напоминавшие политический комикс³. И в последующем антиамериканизм неизменно усиливался в СССР в периоды кризисов и очередных витков холодной войны. Однако столь демонического образа США, как на ее начальном этапе, не создавалось больше никогда.

Положение дел стало меняться после смерти И.В. Сталина. На XX съезде КПСС в феврале 1956 г. был не только осужден его культ личности, но и признана возможность мирного сосуществования государств с различными общественными системами. В СССР началась «оттепель», а в советско-американских отношениях – «холодная оттепель», что привело к смягчению критики внутренней и внешней политики США и началу культурных и академических обменов после подписания соглашения Лейси – Зарубина в 1958 г. Пик этого временного «потепления отношений» между двумя сверхдержавами пришелся на поездку Н.С. Хрущева в США в 1959 г. Тогда на страницах советской прессы начали цитировать его сло-

1 Ball 2016; Fainberg 2020.

2 Правда. 22 октября 1947 г. План мероприятия по усилению антиамериканской пропаганды на ближайшее время. Документ агитпропа ЦК. 01.03.1949 // Архив Александра Н. Яковлева. Фонд А.Н. Яковлева. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69577> (дата обращения: 15.02.2024).

3 Magnusdottir 2019.

ва о том, что США – это большая и сильная страна с высочайшим уровнем жизни, обогнавшая все остальные государства в экономическом отношении, и бывший военный союзник СССР по антигитлеровской коалиции. Американская выставка в Сокольниках в 1959 г. стала для советских людей подлинным открытием Соединенных Штатов.

Вместе с тем советский пропагандистский дискурс вне зависимости от изменения климата двусторонних отношений выстраивался на основе базовых антитез, позволявших подчеркивать преимущества СССР в сравнении с США: «миролюбие» / «милитаризм»; «интернационализм» / «расизм»; «социальные гарантии» / «безработица»; «процветание для всех» / «изобилие для избранных»; «советский образ жизни» / «американский». Этими противопоставлениями были пронизаны публикации в прессе, научная и публицистическая литература, плакаты и карикатуристика, советский художественный кинематограф и документальное кино¹. Дихотомическая картина мировосприятия позволяла подчеркнуть преимущества советского Своего и представить миру смысл собственного мессианского послания, адресованного как внутренней, так и внешней аудитории, в особенности – в странах Третьего мира.

Тем не менее советский взгляд на США в годы холодной войны оказался явлением сложным. Это, безусловно, был враг номер один, воспринимаемый как враждебный Другой. Однако только его признание имело значение для легитимации советской сверхдержавности. Вот почему для национального дискурса идентичности и в Советской России, и в постсоветской была так важна память о союзничестве времен Второй мировой войны, когда две страны выступали как равные партнеры по антигитлеровской коалиции. И именно поэтому советские и постсоветские лидеры неизменно апеллировали к встрече на Эльбе как символу этого равноправного союза.

Кроме того, США не могли не восхищать экономическими и технологическими достижениями, которые советские лидеры были готовы заимствовать для собственных целей. В ходе своих реформ Н.С. Хрущев мечтал догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока и брал «уроки кукурузоведения» у американского фермера-миллионера Р. Гарста². В свою очередь, Л.И. Брежнев, начиная «разрядку» отношений с США в конце 1960-х гг., был заинтересован не только в равноправных отношениях с учетом законных интересов друг друга, но и в наращивании торгово-экономических связей с США и импорте западных технологий, что должно было помочь модернизировать стагнирующую советскую экономику. Таким образом, критика «зла» капиталистического строя и вера в превосходство социализма сосуществовали с комплексом экономической и технологической отсталости. Именно на его преодоление работала победа СССР над США на первых двух этапах космической гонки, для чего был использован весь советский научно-технологический потенциал.

В США происходил зеркальный процесс изобретения такого образа Советской России, который был бы удобен для понимания американцами собственной

1 Shaw, Youngblood 2010, 40–47; Журавлева 2022; Враг номер один... 2023.

2 Журавлева 2013, 121–143.

идентичности. В начале холодной войны Дж. Кеннан, дипломат и дальний родственник упоминавшегося ранее либерального журналиста, поставил вопрос о том, насколько внутривластический режим в СССР, чуждый американским ценностям, обуславливает его уникальную внешнюю политику, которая требует особого внешнеполитического курса Вашингтона. В своей «длинной телеграмме», присланной из посольства США в Москве, где он в то время занимал должность советника, Дж. Кеннан объяснил природу внешнеполитического поведения СССР поиском внутренних и внешних врагов, свойственным тоталитарным режимам, презрением к человеческой природе, мессианскими и экспансионистскими претензиями, унаследованными от царской России, военной мощью, обилием ресурсов и ростом влияния СССР после Второй мировой войны¹. Он предложил не воевать с Советским Союзом, а сдерживать распространение его влияния. Сформулированная Дж. Кеннаном концепция «сдерживания» сыграла важную роль в разработке плана Маршалла, «доктрины Трумэна» и стратегии «психологической войны» против СССР².

При этом взгляды самого Дж. Кеннана на Советский Союз начали эволюционировать практически сразу после того, как он сформулировал основные положения своей концепции. Во-первых, он был недоволен тем, как сменявшие друг друга вашингтонские администрации реализовывали ее на практике. Во-вторых, в рассуждениях Дж. Кеннана неизменно присутствовало глубокое уважение к русской культуре и вера в то, что вне рамок политики два народа могли бы продуктивно взаимодействовать. В-третьих, со временем Дж. Кеннан стал уделять особое внимание изменениям, происходившим в советском обществе, отказавшись от тезиса о неизменности национального характера русских³.

В США в первой половине 1950-х гг. развернулась антикоммунистическая кампания, ставшая второй волной «Красной паники» и вошедшая в историю под названием маккартизма по имени инициировавшего ее сенатора-республиканца Дж. Маккарти. Объектом преследования оказались все, кто подозревался в коммунистических пристрастиях, а также любые другие левые и гомосексуалы. В Комитет Палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, созданный еще в 1938 г. в ответ на возникновение тоталитарных режимов в Европе, приглашались ученые, голливудские артисты и режиссеры, чиновники Государственного департамента и военные. «Злу мирового коммунизма» был противопоставлен американский либеральный консенсус, хотя послевоенные либеральные интеллектуалы (от политиков и историков-американистов до журналистов и карикатуристов) и не одобряли самих методов Дж. Маккарти⁴, деятельность которого в 1954 г. была признана Сенатом антиамериканской.

На начальном этапе холодной войны в США было опубликовано немало работ по психологии коммунизма и политике СССР, авторы которых объясняли советскую агрессивность психологической реакцией на «тесное капиталистическое окружение» и даже связывали ее с тем, что в младенчестве боль-

1 Mr. X. (George Kennan), "The Sources of Soviet Conduct," *Foreign Affairs*, July 1947, accessed February 10, 2024, https://www.cvce.eu/en/obj/the_sources_of_soviet_conduct_from_foreign_affairs_july_1947-en-a0f03730-dde8-4f06-a6ed-d740770dc423.html.

2 Дэвис, Трани 2009, 270–288.

3 Об эволюции взглядов Дж. Кеннана см.: Gaddis 2011; Costigliola 2023.

4 Appleford 2023, 47–82.

шевистских лидеров, как и других маленьких детей, пеленали в соответствии с русской народной традицией¹. В подобных рассуждениях проявилось стремление ориентализировать Советский Союз, связать его политическую традицию с византийской и подчеркнуть неизменность национального характера русских, обуславливавшего существование тоталитарного режима, что свойственно американскому консервативно-пессимистическому дискурсу. Дипломаты, такие как У. Смит, занимавший пост посла Соединенных Штатов в СССР в 1946–1948 гг., и политические деятели, такие как З. Бжезинский, Советник по национальной безопасности при президенте Дж. Картере, апеллировали к книге А. де Кюстина о николаевской России как к проницательной и нестареющей работе о русском характере и византийской природе советской политической системы². В США, как и в СССР, мощным пропагандистским оружием становились кинематограф и карикатуристика, неизменно противопоставлявшие либерализм и коммунизм, американскую демократию и советский тоталитаризм, американскую свободу и советское «политическое рабство», американскую религиозность и советский атеизм³.

В то же время, в 1960-е гг. на фоне движения за гражданские права, антивоенных протестов, вызова контркультур и «левого» поворота в академической жизни ревизионизм с характерным для него стремлением критиковать американское Свое с использованием советского Другого прочно интегрировался в американский общественно-политический дискурс. Эта критическая рефлексия была связана с масштабной переоценкой ценностей и нашла свое яркое выражение в популярной культуре, литературе и публицистике.

В рамках американского либерально-универсалистского дискурса СССР продолжал оставаться страной, поглощенной «тьмой политического и гражданского рабства», и объектом мессианских порывов американцев⁴. В 1951 г., когда напряженность в советско-американских отношениях достигла высшей с момента начала холодной войны точки на фоне войны в Корее, журнал *Collier's* обратился к известным интеллектуалам с просьбой принять участие в проекте по конструированию воображаемого будущего на тему «Разгром и оккупация России, 1952–1960»⁵.

Художник Р. Тейлор подготовил иллюстрацию для обложки, поместив на переднем плане фигуру американского военного полицейского, представлявшего «Оккупационные силы» ООН со штаб-квартирой в Москве. Причем Балтийские государства и Украина были изображены на карте как оккупированные территории, управляемые отдельно от СССР. В журнале содержались статьи о перспективах Третьей мировой войны и победы над сталинским режимом, а также о возрождении советского народа, которое придет вместе с введением свободы религии и распространением западных ценностей, включая консюмеризм. Дж. Кеннан выступил с критикой подобных фантазий на тему освобождения СССР и стран социалистического блока от оков коммунизма, хотя и сам он

1 Рукавишников 2005, 164, 208–209.

2 Custine 1987, 7–11.

3 Shaw, Youngblood 2010, 17–36; Журавлева 2023b.

4 Foglesong 2007, 107–173.

5 *Collier's*. October 27, 1951. Cover.

своими публикациями стимулировал размышления на тему того, какую Россию предпочитали бы видеть американцы и что они могут для этого сделать¹.

У президента-демократа Дж. Картера было четкое видение данного процесса, когда он оказался в Белом доме в 1976 г. В США на 1970-е гг. пришелся очередной кризис идентичности, связанный с экономической стагнацией, ростом безработицы и инфляцией, Уотергейтским скандалом (1972–1974), закончившимся отставкой Р. Никсона, а также с бесславным для американцев окончанием войны во Вьетнаме².

На этом фоне демократической администрации Дж. Картера было важно показать, что США по-прежнему выполняют свою либеральную миссию по распространению свободы и демократии в мире, объектом которой остается СССР и страны советского блока. Новый президент вернул правовую повестку в советско-американские отношения. Он направил письмо в поддержку известного советского диссидента А.Д. Сахарова и пригласил в Белый дом советского правозащитника В.К. Буковского, который рассказал Западному миру о советской карательной психиатрии. Хотя Дж. Картер и заявлял о своей вере в разрядку, он обвинял СССР в тоталитаризме и распространении этого «политического зла» на страны советского блока³. Их освобождению от «тирании Кремля» также должна была способствовать активизация американского радиовещания и деятельность правозащитных организаций⁴. Возвращение ценностного подхода в советско-американские отношения способствовало свертыванию прагматической политики разрядки, которая, впрочем, дала трещину еще до вступления Дж. Картера в должность и окончательно прервалась после ввода советских войск в Афганистан.

На последнем витке холодной войны президент-республиканец Р. Рейган, выступая перед членами Национальной ассоциации евангелистов, объединил в единую метафору «Империи Зла» две базовые антитезы мессианского толка – «свобода» против «тоталитаризма» и «вера» против «безбожия». Он призвал молиться за спасение тех в Советском Союзе, кто живет во тьме тоталитаризма, чтобы они могли испытать радость познания Бога⁵.

Взаимоотношения США с постсоветской Россией: интересы, ценности, идентичности

Очередной американский «крестовый поход» за обновление России пришелся на 1990-е гг., когда после распада СССР российское общество и элиты, находившиеся в поиске новой национальной идентичности, впервые были готовы воспринять многие универсальные ценности, столь дорогие американцам, а конфликт

1 См., например: Kennan 1951.

2 Morris 1996, 205–209; Schulman 2001; Frum 2000, 4–5, 308.

3 Jimmy Carter, "President Jimmy Carter Address at the University of Notre Dame," May 22, 1977, Notre Dame Law Review 53, accessed February 22, 2024, <https://scholarship.law.nd.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2614&context=ndlr>; David Broder, "Carter's 'International Morality,'" Washington Post, May 29, 1977.

4 Foglesong 2007, 163–173; Pomar 2022.

5 Ronald Reagan, "Remarks at the Annual Convention of the National Association of Evangelicals at Sheraton Twin Towers Hotel, Orlando, FL," Ronald Reagan Presidential Foundation & Institute, March 8, 1983, accessed January 23, 2024, <https://www.reaganfoundation.org/library-museum/permanent-exhibitions/berlin-wall/from-the-archives/remarks-at-the-annual-convention-of-the-national-association-of-evangelicals-in-orlando-florida/>; Foglesong 2007, 174–185.

ценностей и мессианских проектов ушел на время в прошлое на фоне беспрецедентного сближения США и постсоветской России в президентство Б.Н. Ельцина. В это время российские реформаторы обращались к американской политической и экономической модели как референтной и были готовы «брать уроки демократии и капитализма» у американских советников. Сам Б.Н. Ельцин надеялся, что две страны смогут наладить равноправные партнерские отношения.

В США на правительственном, экспертном и медийном уровнях возник консенсус по поводу того, что постсоветская Россия должна была встать на путь демократии и создания свободного рынка по американскому сценарию. Рассуждения «транзитологов» 1990-х гг. прекрасно вписывались в американский либерально-универсалистский дискурс. Для них было важно поделиться с россиянами своими ценностями и определенными знаниями, в том числе и о неоклассической модели «шоковой терапии», которая должна была облегчить и ускорить неизбежный переход к рыночной экономике. Реальное положение дел в стране, которая погружалась в экономический и социальный кризисы, не стало объектом пристального внимания со стороны тех в США, кто оказывал помощь России в годы администрации демократа Б. Клинтона. Они рассматривали эти процессы как неизменные издержки переходного периода, прощая Б.Н. Ельцину провалы во внутренней политике и особенности поведения¹.

Без внимания остался также внешнеполитический курс постсоветской России, которую в США списали со счетов как активного глобального игрока. Американские политические и военные элиты не сумели воспользоваться шансом интеграции бывшего врага номер один в систему международной безопасности. Вместо этого они предпочли продвижение собственных структур безопасности на Восток и вытеснение ослабленной России из международных отношений как активного игрока. Это не значит, что в США не существовало альтернативных подходов к созданию новой архитектуры международной безопасности с ее участием: просто не они в итоге возобладали².

Последствия российско-американского взаимодействия 1990-х гг. оказались трагическими и обескураживающими: миллиарды потраченных американских долларов на фоне экономического и социального хаоса в России, падение уровня жизни населения, разгул преступности, колоссальная социальная дифференциация, рождение политической олигархии, консолидация российских элит и значительной части общества на основе антиамериканских настроений, не простившей либеральным российским реформаторам «шоковой терапии» и крушения надежд. В России основная вина возлагалась на США, которые, согласно самой распространенной в современном антиамериканском дискурсе версии, стремились максимально ослабить Россию как потенциального геополитического соперника. В действительности российская стратегия вашингтонской администрации была нацелена не на разрушение страны с огромным ядерным потенциалом, а на ее контролируемую и управляемую интеграцию в мировую политическую и экономическую систему.

1 Коэн 2001; Foglesong 2007, 196–218; Шенин 2008.

2 Стент 2015, 35–76; Sarotte 2021; Hill 2018.

Наследие российско-американских отношений последнего десятилетия XX в. по-разному оценивается русскими и американцами¹. Оно продолжает оказывать негативное влияние на восприятие россиянами США, поскольку либеральный проект, связанный в их сознании с травматической памятью о социально-экономических условиях жизни в «лихие 1990-е», позиционируется государственной пропагандой как американский, а сами либералы маркируются как национал-предатели и «пятая колонна». И в данном случае в жертву приносится история о небывалой свободе, возникшей на время в России, и о начавшемся тогда процессе формирования правового государства и гражданского общества. В США, в свою очередь, основной акцент делается как раз на либерализацию политической жизни в России в 1990-е годы. И это является основой нивелированных представлений о существовании демократии в президентство Б.Н. Ельцина, которая была разрушена с приходом к власти В.В. Путина, предложившего обществу социально-экономическую стабильность в обмен на свободу. Таким образом, в 1990-е гг. процесс позиционирования образа конституирующего Другого развивался от взаимного романтического вдохновения к пессимизму и разочарованию, что в перспективе возвращало Россию и США к привычному ценностному конфликту и использованию противоположной стороны как «темного двойника» в национальных дискурсах идентичности.

Сформировавшиеся за долгую историю российско-американских отношений взаимные образы и стандартные реакции на них сохранили свое влияние и в XXI веке. Повестка двусторонних отношений, как и в 1990-е гг., выстраивалась вокруг проблем нераспространения оружия массового уничтожения, политики России и США на постсоветском пространстве, вопросов европейской безопасности, действий Соединенных Штатов по продвижению демократии в российском обществе. И если первый вопрос формировал зону сотрудничества, последние три – зону конфликта интересов и ценностей².

Ценностный конфликт был на время ослаблен прагматическими «перезагрузками» российско-американских отношений в 2001 г. на фоне борьбы с глобальным терроризмом и в 2008–2012 гг. в условиях развития многостороннего диалога в первое президентство Б. Обамы и президентство Д.А. Медведева. Однако ни В.В. Путин, ни Д.А. Медведев так и не добились прагматического партнерства от США³. Между тем доказательства символического равенства с Соединенными Штатам сохраняют свою конституирующую значимость в российском дискурсе идентичности и с готовностью воспринимаются массовым сознанием как подтверждение статуса самой России⁴. Именно поэтому столь расхожей стала фраза: «Почему американцам можно, а нам нельзя?».

Первые значительные всплески антиамериканских настроений в России пришлось на 1998 и 2003 гг. и были связаны с разногласиями между Москвой и Вашингтоном по вопросам независимости Косова и вторжения в Ирак⁵. Это был преимущественно эмоциональный антиамериканизм, ставший реакцией

1 Баталов et al. 2009; Tsygankov 2019, 33–80.

2 Стент 2015, 77–368; Peterson 2017, 64–159; Шаклеина 2022, 229–395.

3 Стент 2020, 273–288; Kurilla, Zhuravleva 2018, 113–140.

4 Печатнов 2006, 30–40; Левинсон 2007, 65–69.

5 Sokolov et al. 2018, 1–14.

на конкретные внешнеполитические действия США, пусть и использованный на инструментальном уровне властью и государственными СМИ.

Однако уже в феврале 2007 г. В.В. Путин на Мюнхенской конференции по безопасности озвучил обновленный мессианский проект постсоветской России, напрямую коррелирующий с консолидацией ее национальной идеи. Он сделал акцент на защиту многополярности в ответ на гегемонизм и унилатерализм США, которые «учат Россию демократии», но сами не следуют ей в международных делах¹. Мюнхенская речь стала заявлением лидера державы, глубоко разочарованного в действиях США по расширению НАТО на Восток, их вторжением в Ирак в 2003 г., поддержкой «цветных» революций на постсоветском пространстве и критикой России за дефицит демократии². В.В. Путин ответил на глобальные экспансионистские практики США призывом к национальной самобытности и антигегемонизму, противопоставив американскому универсальному либерализму национальный консерватизм.

Этот новый подход постсоветской России к взаимоотношениям с США в полной мере проявился после возвращения В.В. Путина к власти в 2012 году. В провоцировании протестов на Болотной площади тогда были обвинены Соединенные Штаты и лично Х. Клинтон, в то время госсекретарь в администрации Б. Обамы³.

Мюнхенская речь В.В. Путина, а затем российско-грузинская война 2008 г. способствовали интеграции концепта «новой холодной войны» в американский общественно-политический дискурс, что приобрело полномасштабный характер после присоединения Крыма в 2014 году.⁴ Именно российско-украинский конфликт, который диаметрально оценивался Москвой и Вашингтоном, стал отправной точкой падения двусторонних отношений в пропасть конфронтации.

В американских СМИ на фоне событий в России, как и в прошлом, ее образ персонифицировался и выстраивался на основе обвинений В. Путина в авторитаризме, ужесточении репрессий по отношению к политическим оппонентам, в разрушении правового государства и подавлении гражданских прав и свобод. «Путинская Россия» изображалась как реинкарнация Советского Союза при Сталине, а ее президент – как преемник не только генеральных секретарей, но и русских царей⁵. Однако антироссийского общественно-политического консенсуса в США не существовало. И хотя русский Другой оставался значимым в американском дискурсе идентичности, либералам-универсалистам и консерваторам-пессимистам противостояли реалисты, рассуждавшие о необходимости сотрудничать с Россией и не стремиться к ее переделыванию по образу и подобию США⁶.

1 В.В. Путин. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, 10 февраля 2007 г. // Kremlin.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 12.01.2024).

2 Саква 2020, 47–120; Forsberg 2014, 323–331.

3 Tsygankov 2019, 64–80; Zhuravleva 2018, 145–183.

4 Legvold 2016; Саква 2020, 183–210.

5 Tsygankov 2019, 38–52.

6 Stephen Kotkin, "Myth of the New Cold War," Prospect Magazine, April 26, 2008, accessed February 10, 2024, <https://www.prospectmagazine.co.uk/essays/52293/myth-of-the-new-cold-war>; Romesh Ratnesar, "Kissinger on Putin: 'He Thinks He is a Reformer,'" Time, December 5, 2007, accessed February 8, 2024, https://content.time.com/time/specials/2007/personoftheyear/article/2880,1690753_1690757_1691285,00.html.

Крым нанес серьезный удар по их позициям, выдвинув на первый план тех, кто подчеркивал имперские амбиции постсоветской России как преемницы СССР, требовал ужесточения санкций и сворачивания программ сотрудничества по всем направлениям. В Соединенных Штатах возобладали разочарование в России, представление о том, что ее политическая система эволюционировала от хаоса через олигархию к авторитаризму, экономика поднялась не за счет реальных рыночных механизмов, а за счет цен на нефть, а общество так и не выработало стойкого вкуса к демократии. Либеральный универсалист, профессор Стэнфордского университета и бывший посол США в России М. Макфол выводил конфликт на Украине в плоскость противостояния автократии и демократии, призывая начать борьбу с путинским режимом в нормативной и интеллектуальной сферах, сохранять международную изоляцию России и способствовать укреплению демократических институтов на Украине, в Грузии и Молдове¹.

Президентские выборы в США в 2016 г. стали своеобразным замером уровня русофобии в среде американского политического истеблишмента и медиапространстве, суммировав все устойчивые антитезы общественно-политического дискурса о России. Причем впервые с момента окончания холодной войны русский конституирующий Другой масштабно интегрировался во внутриполитические дебаты в Соединенных Штатах в период президентской гонки, окончательно вернув себе статус «темного двойника». Это свидетельствовало о глубоком социально-политическом кризисе в самих Соединенных Штатах, что и выдвинуло на первый план таких протестных кандидатов, как Б. Сандерс и Д. Трамп, и обеспечило победу последнего².

«Русскую карту» со вкусом разыграли и республиканцы, обвинявшие демократов в потакании России во время «перезагрузки», и их кандидат Д. Трамп, использовавший образ В.В. Путина как сильного политического лидера в противовес Б. Обаме, и сама Х. Клинтон, превратившая демократическую партию в антирусскую и использовавшая критику тандема Трамп – Путин для исключения республиканского кандидата из американской политической традиции. В России в государственных СМИ основная ставка делалась на республиканца Д. Трампа, апеллировавшего к неоизоляционизму, прагматизму и консервативным ценностям в противовес Х. Клинтон, которой вменялось желание вмешиваться во внутренние дела других государств (будь то Россия или Украина) с целью продвижения демократии и навязывания американских либерально-универсалистских ценностей. В итоге антитрамповский консенсус в США превратился в антироссийский. Россия оказалась в фокусе внимания американских политиков, экспертов и СМИ вследствие начавшегося расследования по поводу ее возможного вмешательства в выборы на стороне Д. Трампа. В России это привело к национальной консолидации на основе антиамериканизма, тем более что личная дипломатия В. Путина как ключевой ресурс российской внешней политики не сработала в случае с администрацией Д. Трампа, которая усилила режим санкций³.

1 Michel McFaul, "Confronting Putin's Russia," New York Times, March 14, 2014, accessed February 20, 2024, <https://www.nytimes.com/2014/03/24/opinion/confronting-putins-russia.html>.

2 Печатнов 2017, 13–33; Печатнов 2020, 5–16.

3 Журавлева 2018b; Стент 2020, 289–318; Tsygankov 2019, 81–96; Sakwa 2022.

Вместо заключения

После объявления Россией начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., однозначно воспринятой в США как неприкрытая агрессия против суверенного соседнего государства, российско-американские отношения оказались в состоянии конфронтации, которую можно сравнить с начальным периодом холодной войны, в том числе и с учетом консолидированной антироссийской позиции Запада. В настоящий момент в обеих странах задействована одна из главных функций конституирующего Другого – сплочение собственного общества через бинарное черно-белое описание мира.

В России господствует антиамериканизм, который нацелен на поддержание образа США как угрозы национальной стабильности. В контролируемом государством общественно-политическом дискурсе военные действия на Украине представлены как борьба не только против националистов, но и против коллективного Запада вообще и США в частности. В этом смысле отношение к Соединенным Штатам определяется через призму патриотизма, что характерно для военного времени и позиционирования образа врага.

В США действия России вписываются в привычные дихотомии «демократия» / «тоталитаризм», «свобода» / «несвобода», «добро» / «зло». Причем, в отличие от предыдущего периода, русофобскому остракизму подвергается не только политический режим во главе с В. Путиным, но и все русские, не покинувшие Россию после начала военных действий на Украине, русская культура и российское академическое сообщество. Россия в общественно-политическом дискурсе США стала токсичной страной-агрессором, которую нельзя изменить, а можно лишь максимально ослабить, лишив ресурсов для нападения на соседние суверенные страны. Такого антироссийского консервативно-пессимистического консенсуса в Соединенных Штатах не существовало даже в период холодной войны.

Это не значит, что в среде американских политиков и экспертов отсутствуют реалисты, которые, безусловно осуждая Россию, одновременно задаются вопросами о том, можно ли было предотвратить эскалацию украинского конфликта, как закончить военные действия и какую роль в этом должны сыграть США. Достаточно обратиться к публикациям в журнале *Foreign Affairs*¹ или к обсуждению вопроса о том, насколько правомерно сравнивать Россию с нацистской Германией². В свою очередь, американские русофилы предпринимают попытки защитить русскую культуру, академические и культурные обмены.

Однако пока не эти тенденции являются преобладающими на фоне антироссийского консенсуса в медийной и партийно-политической среде, хотя в последнем случае и наметился раскол при обсуждении в Конгрессе вопроса о дальнейшей военной и финансовой помощи Украине. Впрочем, речь идет не об изменении отношения к России, а о нежелании консерваторов-республиканцев

1 См., например: Charap 2023, 22–35; Malkasian 2023, 36–51. Также см.: George Beebe, and Anatole Lieven, "The Diplomatic Path to a Secure Ukraine," Quincy Institute Paper 13, February 2024, accessed February 24, 2024, <https://quincyinst.org/research/the-diplomatic-path-to-a-secure-ukraine/>.

2 Timothy Snyder, "We Should Say It. Russia Is Fascist," New York Times, May 19, 2022, accessed February 24, 2024, <https://www.nytimes.com/2022/05/19/opinion/russia-fascism-ukraine-putin.html>; Laruelle Marlen, "Is Russia Fascist?," Postsocialism, May 24, 2022, accessed February 24, 2024, <https://postsocialism.org/2022/05/24/is-russia-fascist/>.

тратить деньги налогоплательщиков без долгосрочного плана победы на фронте. Это вполне вписывается в концепцию неоизоляционизма Республиканской партии и Д. Трампа как ее фаворита в президентской гонке, а также импонирует настроениям американцев, большая часть которых не одобряет активизации роли США в военных конфликтах на Украине и Ближнем Востоке¹.

В условиях современной конфронтации в России и США происходит масштабное переосмысление прошлого российско-американских отношений, что также является устойчивой традицией во взаимных репрезентациях. Поэтому не удивительны заявления о том, будто США (как и коллективный Запад в целом) всегда стремились Россию сдерживать и разрушать, или и о том, будто между двумя странами никогда не существовало по-настоящему конструктивных отношений, а периоды сотрудничества были исключением из правил².

История взаимоотношений двух стран как раз наглядно демонстрирует, что у русских и американцев есть очень богатое общее прошлое, которым они могут по праву гордиться, что периоды конфронтации неизменно сменялись периодами сотрудничества и что даже в «годы непризнания» и холодной войны таких примеров существовало достаточно³. Одновременно эта история учит нас тому, что в условиях внутривнутриполитических кризисов Россия и США склонны не слышать друг друга, превращать противоположную сторону в «козла отпущения», приписывая ей действия и намерения, которые объясняют собственные внутри- и внешнеполитические провалы и в которых можно обвинить общество, их проецирующее. И в этом смысле Россия и США являются «закадычными врагами», необходимыми друг другу в роли значимых Других в национальных дискурсах идентичности.

1 Farnoush Amiri, and Linley Sanders, "Few Americans Want US More Involved in Current Wars in Ukraine and Gaza, AP-NORC Poll," APNews, March 6, 2024, accessed March 6, 2024, <https://apnews.com/article/israel-russia-ukraine-american-war-94404-b3269a1effc8d94482a36387657>.

2 Kotkin 2016, 8; Стент 2020, 331.

3 Журавлева 2021, 9–78, 150–248.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баталов, Э.Я., Журавлева, В.Ю., Хозинская, К.В. «Рычащий медведь» на «диком Востоке» (образы современной России в работах американских авторов: 1992–2007). М.: РОССПЭН, 2009.
- Batalov, Edward Ya., Zhuravleva Victoria Y., and Ksenia V. Khozinskaya. "Roaring Bear" in the "Wild East" (*Images of Contemporary Russia in American Publications: 1992–2007*). Moscow: ROSSPEN, 2009 [In Russian].
- Бородин, Н.А. Северо-Американские Соединенные Штаты и Россия. Петербург: книгоиздательство «Огни», 1915.
- Borodin, N.A. *North-American United States and Russia*. Petrograd: Ogni, 1915 [In Russian].
- «Враг номер один» в символической политике кинематографии СССР и США периода Холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект-Пресс, 2023.
- "Enemy Number One" in the Symbolic Cinematic Politics of the USSR and the US during the Cold War, edited by Oleg V. Riabov. Moscow: Aspekt-Press, 2023 [In Russian].
- Дуглас, С. Российская миссия. Забытая история о том, как Америка спасла Советский Союз от гибели. М.: Издательство АСТ, 2021.
- Smith, Douglas. *The Russian Job. The Forgotten Story of How America Saved the Soviet Union from Ruin*. Moscow: AST, 2019 [In Russian].
- Дэвид-Фокс, М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы. М., 2015.
- David-Fox, Michael. *Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Moscow, 2015 [In Russian].
- Дэвис, Д., Трани, Ю. Кривые зеркала. США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М.: Вагирус, 2009.
- Davis, Donald E., and Eugene P. Trani. *Distorted Mirrors. Americans and Their Relations with Russia and China in the 20th Century*. Moscow: Vagrius, 2009 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Американская кукуруза в России: уроки народной дипломатии и капитализма // Вестник РГГУ. Серия: Международные отношения. История. Зарубежное регионоведение. 2013. № 21 (122). С. 121–143.
- Zhuravleva, Victoria I. "American Corn in Russia: Lessons of the People-to-People Diplomacy and Capitalism." *RSUH/RGGU Bulletin. Series: International Relations. History. Area Studies* 122, no. 21 (2013): 121–143 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Американское путешествие в Русскую революцию: образы и мифы (1905–1917) // Исторический вестник. 2018а. Том 23. С. 138–173.
- Zhuravleva, Victoria I. "American Journey into the Russian Revolution: Images and Myths (1905–1917)." *Istoricheskii Vestnik* 23 (2018): 138–173 [In Russian].
- Журавлева, В.И. «Крокодил» против Дяди Сэма: американский Другой в советской карикатуристике в начале Холодной войны (1947–1960) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Выпуск 9 (119). <https://doi.org/10.18254/S207987840022753-7>.
- Zhuravleva, Victoria I. "Krokodil against Uncle Sam: The American Other in Soviet Cartoons at the Beginning of the Cold War (1947–1960)." *ISTORIYA* 13, no. 9 (119) (2022) [In Russian].
- Журавлева, В.И. Образы России в американском ориенталистском дискурсе // Колониальный и постколониальный дискурс в американской литературе, культуре и политике: pro et contra. М.: РГГУ, 2023а. С. 171–196.
- Zhuravleva, Victoria I. "Images of Russia in the US Orientalist Discourse." In *Colonial and Postcolonial Discourses in American Literature, Culture, and Politics: Pro et Contra*, 171–196. Moscow: RSUH Press, 2023 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Образ Русской революции в американском радикальном дискурсе: социальная миссия России vs либеральная миссия США // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 12 (98). Часть I. <https://doi.org/10.18254/S207987840012984-1>.
- Zhuravleva, Victoria I. "Image of Russian Revolution in American Radical Discourse: The Russia's Social Mission vs the US Liberal Mission." *ISTORIYA* 11, no. 2-1 (98) (2020) [In Russian].
- Журавлева, В.И. Общее прошлое русских и американцев. М.: РГГУ, 2021.
- Zhuravleva, Victoria I. *The Common Past of Russians and Americans*. Moscow: RSUH Press, 2021 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914. М.: РГГУ, 2012.
- Zhuravleva, Victoria I. *Understanding of Russia in the United States: Images and Myths. 1881–1914*. Moscow: RSUH Press, 2012 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Россия как «Другой» в президентских выборах в США 2016 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018b. Т. 9. Выпуск 8 (72) <https://doi.org/10.18254/S0002446-9-1>.
- Zhuravleva, Victoria I. "Russia as the Other in the 2016 Presidential Election in the United States." *ISTORIYA* 9, no. 8 (72) (2018) [In Russian].
- Журавлева, В.И. «Холодная война образов» в политической карикатуристике: американское мессианское послание vs советское // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023b. Т. 14. Выпуск 10 (132). <https://doi.org/10.18254/S207987840028758-2>.
- Zhuravleva, Victoria I. "The Cold War of Images in Political Cartoons: American Messianic Concept vs Soviet Messianic Concept." *ISTORIYA* 14, no. 10 (132) (2023) [In Russian].
- Ильф, И., Петров, Е. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. М., 2010.
- Ilf, Ilya, and Yevgeny Petrov. *One-storied America. Letters from America*. Moscow, 2010 [In Russian].
- Коэн, С. Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М.: АИРО-XX, 2001.
- Cohen, Stephen F. *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. Moscow: AIRO-XX, 2001 [In Russian].
- Курилла, И.И. Заокеанские партнеры: Америка и Россия в 1830–1850-е годы. Волгоград: Изд-во Волгу, 2005.
- Kurilla, Ivan I. *Partners Across the Ocean: The United States and Russia, 1830s–1850s*. Volgograd: Volgograd State University Press, 2005 [In Russian].
- Курилла, И.И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимопонимания России и США. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Kurilla, Ivan I. *Frenemies. A History of Opinions, Fantasies, Contacts, Mutual Understanding and Misunderstanding of Russia and the United States*. Moscow: NLO Books, 2018 [In Russian].
- Левинсон, А.Г. Америка как значимый Другой // Pro et contra. 2007. № 2 (36). Март-апрель. С. 65–69.
- Levinson, Alexei G. "America as the Constitutive Other." *Pro et contra* 2 (36) (March/April 2007): 65–69 [In Russian].

Листиков, С.В. США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М.: Наука, 2006.

Listikov, Sergei V. *USA and Revolutionary Russia in 1917. Alternatives in American Policy from February to October*. Moscow: Nauka, 2006 [In Russian].

Мальков, В.Л. Россия и США в XX в. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М.: Наука, 2009.

Malkov, Victor L. *Russia and the United States in the 20th Century. An Outline History of Their Interstate Relationship and Diplomacy in Sociocultural Context*. Moscow: Nauka, 2009 [In Russian].

Морозов, В.Е. Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Morozov, Viacheslav Y. *Russia and the Others: Identity and Boundaries of a Political Community*. Moscow: NLO Books, 2009 [In Russian].

Нойманн, И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей М.: Новое издательство, 2004

Neumann, Iver B. *Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation*. Moscow: Novoye Izdatel'stvo, 1998 [In Russian].

Печатнов, В.О. Любовь-горечь к Америке // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 1. С. 30–40.

Pechatnov, Vladimir O. "A Love-Bitterness for America." *Mezhdunarodnye Protsessy* 4, no. 1 (2006): 30–40 [In Russian].

Печатнов, В.О. Феномен Трампа и американская демократия // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 1 (48). С. 13–33.

Pechatnov, Vladimir O. "The Tramp Phenomenon and American Democracy." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* 15, no. 1 (2017): 13–33 [In Russian].

Печатнов, В.О. США в тисках кризисов // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Том 64. № 10. С. 5–16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-10-5-16>.

Pechatnov, Vladimir O. "America Gripped by Crises." *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* 64, no. 10 (2020): 5–16 [In Russian].

Рукавишников, В.О. Холодная война, холодный мир. Общественное мнение в США и Европе о СССР/России, внешней политике и безопасности Запада. М.: Академический проект, 2005.

Rukavishnikov, Vladimir O. *The Cold War, the Cold Peace. Public Opinion of the US and Europe about the USSR/Russia, the Foreign Policy, and Security of the West*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2005 [In Russian].

Саква, Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны. М.: Издательство «Весь мир», 2020.

Sakwa, Richard. *Russia against the Rest. The Post-Cold War Crisis of World Order*. Moscow: Izdatel'stvo Ves' Mir, 2020 [In Russian].

Стент, А. Мир Путина. Россия и ее лидер глазами Запада. М.: Интеллектуальная литература, 2020.

Stent, Angela. *Putin's World. Russia Against the West and With the Rest*. Moscow: Intellektual'naya Literatura, 2020 [In Russian].

Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений. М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2015.

Stent, Angela. *The Limits of Partnership. US-Russian Relations in the Twenty-First Century*. Moscow: Mann, Ivanov & Ferber, 2015 [In Russian].

Шаклеина, Т.А. Россия и США в современных международных отношениях. М.: Аспект-Пресс, 2022.

Shakleina, Tatiana A. *Russia and the United States in Contemporary International Relations*. Moscow: Aspekt-Press, 2022 [In Russian].

Шенин, С.Ю. Возвращение в Россию. Стратегия и политика американской помощи (1990-е гг.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.

Shenin, Sergei Y. *Returning to Russia: Strategy and Politics of American Aid (in the 1990s)*. St. Petersburg: St. Petersburg State University Faculty of Philology, 2008 [In Russian].

Шпотов, Б.М. Американский бизнес и Советский Союз: 1920–1930-е годы: Лабиринты экономического сотрудничества. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. Shpotov, Boris M. *The US Business and the Soviet Union in the 1920s–1930s: The Intricacies of Economic Cooperation*. Moscow: Book House "Libricom," 2013 [In Russian].

Эткинд, А.М. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Etkind, Alexander M. *The Interpretation of Travels: Russia and America in Travelogues and Intertexts*. Moscow: NLO Books, 2001 [In Russian].

Appleford, Simon. *Drawing Liberalism. Herblock's Political Cartoons in Postwar America*. Charlottesville and London: University of Virginia Press, 2023.

Ball, Alan. *Liberty's Tears. Soviet Portraits of the "American Way of Life" during the Cold War*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Behringer, Paul J. Welch "Images of Empire: Depictions of America in Late Imperial Russian Editorial Cartoons." *Russian History* 45 (2018): 286–296.

Borozna, Angela. *The Sources of Russian Foreign Policy Assertiveness*. Cham: Springer International Publishing, 2022.

Campbell, David. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity. Revised Edition*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.

Charap, Samuel "An Unwinnable War: Washington Needs an Endgame in Ukraine." *Foreign Affairs* 102, no. 4 (2023): 22–35.

Costigliola, Frank. *Kennan. Life between Worlds*. Princeton: Princeton University Press, 2023.

Custine, Astolphe, Marquise de. *Journey of Our Time: The Russian Journals of the Marquise de Custine*. Washington, D.C.: Gateway Editions, 1987.

Egert, B.P. *The Conflict Between the United States and Russia*. St. Petersburg, 1912.

Engerman, David C. *Modernization from the Other Shore. American Intellectuals and the Romance of Russian Development*. Cambridge, Massachusetts and London, England: Harvard University Press, 2003.

Fainberg, Dina. *Cold War Correspondents: Soviet and American Reporters on the Ideological Frontlines*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2020.

Fedorova, Mila. *Yankees in Petrograd, Bolsheviks in New York: America and Americans in Russian Literary Perception*. Northern Illinois University Press, 2013.

Foglesong, David S. *The American Mission and the "Evil Empire". The Crusade for a "Free Russia" since 1881*. Cambridge University Press, 2007.

Foglesong, David S. *America's Secret War Against Bolshevism. US Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920*. Chapel Hill & London: The University of North Carolina Press, 1995.

Forsberg, T. "Status Conflicts between Russia and the West: Perceptions and Emotional Biases." *Communist*

and *Post-Communist Studies* 47, no. 3–4 (2014): 323–331. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2014.09.006>.

Frum, David. *How We Got Here. The 70s: The Decade that Brought You Modern Life (For Better or Worse)*. New York: Basic Books, 2000.

Gaddis, John L. *George F. Kennan. An American Life*. New York: The Penguin Press, 2011.

Hill, William H. *No Place for Russia: European Security Institutions Since 1989*. New York: Columbia University Press, 2018.

Hixson, Walter L. *The Myth of American Diplomacy: National Identity and US Foreign Policy*. New Haven: Yale University Press, 2008.

Hunt, Michael. *Ideology and the US Foreign Policy*. New Haven and London: Yale University Press, 2009.

Kennan, George F. "America and the Russian Future." *Foreign Affairs* 29, no. 3 (April 1951): 351–370.

Kenneth, Morris E. *Jimmy Carter: American Moralist*. Georgia: Anthem, 1996.

Kotkin, Stephen "Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern." *Foreign Affairs* 95, no. 3 (May/June 2016): 2–9.

Kurilla, Ivan I., "Russian Celebrations" and American Debates about Russia in 1813 // *Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity* 44, no. 1 (2016): 114–123.

Kurilla, Ivan, and Zhuravleva Victoria I. "Russia's View on Obama's Presidency: From Hope to Disappointment." In *The World Views of the Obama Era. From Hope to Disillusionment*, edited by Matthias Maass, 113–140. Palgrave Macmillan, 2018.

Legvold, Robert. *Return to Cold War*. Malden: Polity Press, 2016.

Letters of Theodore Roosevelt, edited by E.E. Morison. Vol. 4. Cambridge, 1951.

Magnusdottir, Rosa. *Enemy Number One. The United States of America in Soviet Ideology and Propaganda. 1945–1959*. New York: Oxford University Press, 2019.

Malkasian, Carter. "The Korea Model: Why an Armistice Offers the Best Hope for Peace in Ukraine." *Foreign Affairs* 102, no. 4 (2023): 36–51.

Mickenberg, Julia L. *American Girls in Red Russia. Chasing the Soviet Dream*. Chicago: University of Chicago Press, 2017.

Patenaude, Bertrand M. *The Big Show in Bololand. The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford: Stanford University Press, 2002.

Peterson, James W. *Russian-American Relations in the Post-Cold War World*. Manchester: Manchester University Press, 2017.

Pomar, Mark G. *Cold War Radio: The Russian Broadcasts of the Voice of America and Radio Free Europe/Radio Liberty*. University of Nebraska Press, 2022.

Roman, Meredith L. *Opposing Jim Crow. African Americanism and the Soviet Indictment of U.S. Racism: 1928–1937*. University of Nebraska Press, 2012.

Sakwa, Richard. *Deception. Russiagate and the New Cold War*. Lanham: Lexington Books, 2022.

Sarotte, Mary E. *Not One Inch: America, Russia, and the Making of Post-Cold War Stalemate*. New Haven: Yale University Press, 2021.

Saul, Norman E. *Distant Friends. The United States and Russia, 1763–1867*. Lawrence: University Press of Kansas, 1991.

Saul, Norman E. *Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914*. Lawrence: University Press of Kansas, 1996.

Saul, Norman E. *War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921*. Lawrence: University Press of Kansas, 2001.

Schulman, Bruce J. *The Seventies: The Great Shift in American Culture, Society, and Politics*. New York: Free Press, 2001.

Shaw, Tony, and Denise Youngblood. *Cinematic Cold War. The American and Soviet Struggle for Hearts and Minds*. Lawrence: University Press of Kansas, 2010.

Sokolov, Boris, Ronald F. Inglehart, Eduard Ponarin, Irina Vartanova, and William Zimmerman. "Disillusionment and Anti-Americanism in Russia: From Pro-American to Anti-American Attitudes, 1993–2009." *International Studies Quarterly* 1, 14 (2018): 1–14 <http://dx.doi.org/10.1093/isq/sqy013>.

Sorokin, Pitirim A. *Russia and the United States*. New York: E.P. Dutton and Company, Inc., 1944.

Tsygankov, Andrei P. *The Dark Double. US Media, Russia, and the Politics of Value*. New York: Oxford University Press, 2019.

Wendt, Alexander. *Social Theory of International Politics*. New York: Cambridge University Press, 2004.

Zhuravleva, Victoria I. "'Honeymoon' of the Russian Empire and the United States during WWI." *Vestnik SPbSU* 14, no. 3 (2021): 273–292 <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.302>.

Zhuravleva, Victoria I. "Images of the United States in Putin's Russia, from Obama to Trump." *Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society* 4, no. 1 (2018): 145–183.

Zhuravleva, Victoria I. "The Study of the History of US–Russia Relations in the 21st Century on Both Sides of the Atlantic: Research Approaches and Methods." *Novaia i noveishaia istoriia* 66, no. 4 (2022): 29–54. <https://doi.org/10.31857/S013038640021033-4>.

Сведения об авторе

Виктория Ивановна Журавлева,

д.ист.н., профессор, заведующая кафедрой американских исследований
факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения

Российского государственного гуманитарного университета

125047, Россия, Москва, Миусская площадь, 6

старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т., 32а

e-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 февраля 2024.

Переработана: 24 февраля 2024.

Принята к публикации: 27 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-18-00482.

Трансформации идей превосходства на Западе и в России в конце XIX – начале XXI в.

Цитирование

Журавлева, В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах
идентичности // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (1). С. 20–45.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-20-45>

Russia and the United States as Constitutive Others in the National Identity Discourses

ABSTRACT

This article explores the imagological foundations of the ongoing confrontation between the United States and Russia. Utilizing a historiographical review of US–Russia relations and the author’s extensive research, it employs a constructivist approach to examine the enduring patterns in their mutual representations. The analysis uncovers the cyclical nature of these perceptions, swinging between value-driven and pragmatic narratives. It suggests that throughout history, the US and Russia have consistently served as each other’s “constitutive Other” within their identity discourses. This involves the creation of meaning repertoires that align with their domestic and foreign policy goals. Moreover, the article argues that the current confrontation mirrors a clash between their respective value systems and messianic ambitions. This dynamic contributes to the development of a new kind of imagined reality, reinforcing the enduring dichotomous worldview that defines the relationship between the two nations.

KEYWORDS

Russian-American relations, identity, constructivism, imagology, the constitutive Other, national exclusiveness

Author

Victoria I. Zhuravleva,

PhD (Hist.), Professor, Head of the American Studies Department at the Faculty
of International Relations, Political Sciences, and Area Studies,
Russian State University for the Humanities
6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences
32a, Leninsky Prospekt, Moscow, Russia, 119334

e-mail: zhuravlevavic@mail.ru

Additional information

Received: February 1, 2024. Revised: February 24, 2024. Accepted: February 27, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Funding

This article has been prepared with the financial support of The Russian Science Foundation (RNF), project no. 20-18-00482 “Transformations of the Supremacy Ideas in the West and in Russia in the Late 19th – Early 21st Centuries”.

For citation

Zhuravleva, Victoria I. “Russia and the United States as Constitutive Others in the National Identity Discourses.” *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 20–45.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-20-45>

The Political West as the End of History

Richard Sakwa, University of Kent, Canterbury, United Kingdom

For correspondence: R.Sakwa@kent.ac.uk

ABSTRACT

This paper examines the enduring influence of the Political West, a power structure that emerged during the Cold War era and continues to shape international relations nowadays. Contrary to expectations of its dissolution following the collapse of the Soviet Union, the Political West expanded its influence, propelled by a belief in the ideological superiority of liberal democracy. This expansion, fuelled by notions of the “end of history,” has led to the perpetuation of Cold War dynamics, characterised by adversarial relations and ideological conflicts. The study contrasts the expectations of a post-Cold War era of positive peace with the reality of continued antagonism, exemplified by conflicts such as the Balkan wars and NATO’s interventions in Iraq and Libya. The exacerbation of tensions culminated in the onset of Cold War II in 2014, marked by proxy conflicts and, notably, the Ukrainian crisis of 2022. In response to the assertiveness of the Western political bloc, an alternative alignment led by Russia and China has emerged, challenging the unilateral dominance of Western powers. This Political East, while embodying anti-hegemonic sentiments, maintains a conservative stance within the framework of the international Charter system. The paper concludes by highlighting the fundamental transformation of international politics into a multipolar landscape. Although both the Political West and East continue to espouse the principles of the Charter, the intensification of hostilities risks destabilising the international order. In the context of the enduring Cold War dynamics and the challenges posed by global environmental change, the future of humanity is increasingly uncertain.

KEY WORDS

Political West, cold war, Russia, China, Political East, Charter International System

Introduction

A Political West emerged during and was shaped by the Cold War in the decades following World War II. A number of terms are now used to describe the phenomenon, including the “Historical West,” the “Collective West” and others, and while they all attribute agency to some sort of collective body, this paper argues that the notion of a “Political West” is a more specific and substantive way of describing the power system that emerged in particular circumstances at a particular time. It became one of the most important and enduring sub-orders within the broader United Nations-based Charter International System, established in 1945. Shaped by the Cold War struggle between the Atlantic powers and the USSR, the political-military alliance system of the Political West radicalised after the end of the Cold War in 1989 and the collapse of the Soviet Union in 1991. In the absence of a peer competitor, in the era of unipolarity the Political West broadened its claims and ambitions. It purported to become the physical embodiment of the “end of history,” the notion that the political evolution of human community had reached some sort of culmination.¹ The abstract philosophical position had enormous real-world consequences, and although disputed at the time and later, the general position that the complex phenomenon represented by the Political West was of universal applicability provided the ideological cover for the maintenance of the cold war structure of power into the post-communist era. This thesis continues to shape international politics to this day, regenerating Cold War-style adversarial relations accompanied by the ideological delegitimisation of rivals.

This dialectical view of international politics inverted Marxian causality. Instead of material factors and class conflict driving development, end of history liberal historicism prioritised cultural factors, above all democracy and liberal freedoms. If the problem of human development had been solved, then there was little scope for alternative representations of human community and development. Dialogical approaches to international affairs, in which both sides change as a result of interaction, were impeded.² Instead of disbanding, as predicted by neorealist international relations theory, the Political West embarked on the path of expansion. The theorists of the New Political Thinking and the architects of perestroika in the Soviet Union envisioned a new era in international politics in the late 1980s. They appealed to the potential of the Charter International System to finally be realised, which helped put an end to the Cold War. Instead, the Political West was imbued with a sense of victory and made claims to a universality that properly belonged to the international system of which they were a part. Far from being transformed, international politics continued to be characterised by the cold-war logic, albeit now fought with new ideas and new methods. The post-Cold War peace was ultimately lost, leading to a quarter century of Cold Peace (1989–2014), followed by a Second Cold War and ultimately the return of interstate war to Europe.³

Since 1945, there has been a fundamental distinction between the overarching system, which since 1945 has been the one focused on the UN, including its subsequent

1 Fukuyama 1989; Fukuyama 1992.

2 Sakwa 2017; Sakwa 2018.

3 Sakwa 2023.

conventions, declarations, protocols, and resolutions, as well as the associated body of international law, and *political orders*, which denote enduring constellations of power governed by the fluxes and strains of international politics. The United States became the centre of the Political West after 1945, while the Soviet Union headed its own bloc. Following the end of the Cold War in 1989, it was expected that the structures, practices and institutions associated with the Political West, particularly the North Atlantic Treaty Organisation (NATO) established in 1949, would also disintegrate.¹ Neo-realists did not anticipate that this would usher in an era of positive peace, but rather believed that a more “normal” pattern of great power politics would be restored. The US would adopt classic patterns of “off-shore balancing,” intervening only when the global balance of power was at risk of being upset by the emergence of a peer competitor, while for the rest of the time pursuing its national interests.

However, the institutions and ideological practices of the Cold War were perpetuated. The Political West assumed the position of victor. Its practices and ideology have become more radicalised and expanded, claiming a universality that was absent when challenged by the Soviet adversary and its allies. The negative peace that characterises a cold war has been reproduced. The negative peace of the cold war type is not only the absence of war, in which conflict can be managed and constrained, but is imbued with a messianic and Manichean globalism that seeks not only to defeat but also to delegitimise the adversary. The ideology of the end of history fostered militancy, allowing the neoconservative ideology of American exceptionalism to merge with liberal humanitarian interventionism, creating a crusading spirit of democratism. Democratism involves subordinating pluralistic democratic norms to geopolitical considerations.² Positive peace practices are incompatible with hegemonism, which asserts not only the dominance but also the normative superiority of a particular power system.

For a short period, former adversaries collaborated within the framework of the norms established by the international system to reverse the Iraqi invasion of Kuwait in August 1990. However, this unity was short-lived, and in the 1990s, Russia and the Political West found themselves in disagreement over various Balkan conflicts. Despite some cooperation, this was ultimately ruptured by NATO’s 78-day bombing campaign against Serbia in 1999. Controversies surrounding NATO’s enlargement to include former Soviet bloc countries, the invasions of Afghanistan in 2001 and Iraq in 2003, the placement of elements of Ballistic Missile Defence in Eastern Europe, the overthrow of Muammar Gaddafi in Libya in 2011, and other events have highlighted the growing divide between the Russia and the Political West. The onset of Cold War II in 2014 was caused by the perpetuation, and indeed radicalisation, of the Political West in conditions where Russia was unable or unwilling to become part of the negative peace order dominated by the Political West. This was followed soon after by hot war in Ukraine, which turned into a proxy war with the Political West in 2022.

However, this is balanced by the emergence of an alternative alignment and contrasting model of international politics. The emerging Eurasian political order, led

1 For example, Mearsheimer 1994/5; Waltz 2000.

2 Sakwa 2023.

by Russia and China, is a manifestation of the growing power of the “world majority.” Similar to the Cold War era, there is a group of nations that refuse to align themselves with any particular bloc. The Non-Aligned Movement, which was prominent during the first of Cold War, has resurfaced in a more assertive and active Global South. The Political West as the sole protagonist of history is being challenged as never before.

The Political West and the International System

Humanity vowed to prevent the recurrence of a catastrophe like World War II, leading to the establishment of the UN. The Charter International System has since become increasingly complex. The UN Charter of 1945 was strengthened by the adoption of the Universal Declaration of Human Rights and the Genocide Convention in 1948. The Security Council was created with a permanent membership of five leading powers was designed to compensate for the failure of the League of Nations in the interwar years. The UN is also home to about two dozen specialized agencies that deal with food, health, culture, and more. Together, all this has created an international system in whose framework international politics is practised. It provides the normative foundations for the conduct of international politics. The Charter system provides a baseline against which actions are judged, although states do not always strictly adhere to its precepts. The normative dimension of international politics is shaped by resolutions of the UN Security Council and the General Assembly, as there is no world government to ensure compliance. It is hard to quantify the weight of international public opinion, but its reference point is the values represented by the Charter system.

Idealists at the end of first Cold War dared to hope that the norms of the Charter International System and the practices of international politics would come into closer alignment. This would have allowed elements of a positive peace to emerge. Instead, as the years went by, the gulf widened. It is at the level of international politics that states contend and various political orders are created. In his work on world order Henry Kissinger notoriously failed to distinguish between system and order, a category mistake characteristic of much contemporary realist analysis.¹ For neorealists, it is precisely relations between states that creates an international order, neglecting the normative and institutional framework in which international affairs are conducted. This is something that classical realists understood. Thinkers such as Hans Morgenthau, Reinhold Niebuhr and George Kennan considered ideational and normative factors a core part of their analysis.² Many of the first generation of realists had escaped from Nazi Germany, and were thoroughly imbued with an understanding of the tragic dimension of international politics, where even states motivated by good intentions can pursue policies with evil consequences.³ Beyond the international system and international politics there is the whole world of international political economy as well as the cosmos of international organisations and transnational civil society. The dynamic relations between these four levels constitute the entirety of contemporary international affairs.⁴

1 Kissinger 2014.

2 See Ross and Dawson 2022.

3 An issue explored by Lieven and Hulsman 2006; Lieven and Hulsman 2006. For a recent study, see Kaplan 2023.

4 For notable attempts to move towards such a synthesis, see Bull 1977/1995.

As the wartime alliance disintegrated after 1945, the Soviet Union created its bloc of communist states in Eastern Europe. After Mao Zedong came to power in 1949, Moscow allied itself with the People's Republic of China. On the other side, the Truman Doctrine, announced in March 1947, promised US support for democracies against authoritarian threats, and on that basis the Marshall Plan (the European Recovery Programme), approved in April 1948, provided American support for Western Europe to rebuild its economies. The creation of NATO in 1949 was only the most vivid manifestation of the emergence of a US-led Political West to counter the Soviet threat. The Political West was created to fight a cold war against an ideological and geopolitical adversary, and developed a set of norms and institutions to do so. In the US the Political West gave rise to a "dual state," in which a "Trumanite" state was forged to fight the Cold War, based on a ramified military-industrial complex with 'deep state' connections with political, media and think tank elites. This enduring bipartisan constellation of cold war power endures, despite repeated changes of political leadership in the "Madisonian" state, the world of parties, elections and White House administrations.¹ This duality is then reflected in international politics, with the Political West analogous to the Trumanite state, embedded in the larger liberal international order – the world of free trade, the rule of law and liberal democracy.² The double bottom in US domestic politics is reproduced in the form of an endemic tendency towards double standards in international affairs. When proclaimed norms collide with the realities of power, the latter usually wins.

The Political West saw the end of the Cold War as its singular victory. However, when Mikhail Gorbachev, the last Soviet leader, brought the Cold War to an end he appealed not to the values of the Political West but to the principles and norms of the Charter system. This was the core idea of the New Political Thinking that had matured in the late Soviet years. It represented not a capitulation to the West but an appeal to the universality of the Charter system. This is why his landmark speech to the UN in December 1988, effectively ending the Cold War, is so important. Rejecting the old Marxist-Leninist framework for the conduct of Soviet foreign policy, Gorbachev insisted that the formula of development "at the expense of others" was "becoming obsolete," stressing the importance of "freedom of choice" and the "de-ideologisation of inter-state relations" and their demilitarisation. He stressed the importance of "freedom of choice" and the "de-ideologisation of interstate relations" and their demilitarisation. He outlined a comprehensive agenda on which the new positive peace order should be based, defined as one going beyond the definition of peace as the absence of war. The positive peace proposal included strengthening the centrality of the UN, the renunciation of the use of force in international relations and a concern for environmental issues. The fundamental principles were pluralism, tolerance and cooperation.³

Returning to the mainstream of civilisation, as it was referred to at the time, did not entail joining the Political West, but rather the dominance of Charter principles,

1 Glennon 2015.

2 Ikenberry 2020.

3 "Gorbachev's Speech to the UN," Temple University, December 7, 1988, accessed December 12, 2023, https://astro.temple.edu/~rimmerma/gorbachev_speech_to_UN.htm.

which were deemed the heritage of all of humanity. It also entailed adaptation to the Civilisational West, ostensibly ending 300 years of ambivalence.¹ Russia would join as a nation progressing towards democracy and market economy, while upholding human rights and the rule of law. The Soviet Union, and later Russia, would no longer aimed to create an alternative modernity, but instead sought to benefit from Western civilization. Therefore, it was a fundamental category error to expect Moscow to accept anything that resembled defeat. This mistake had profound and catastrophic long-term consequences. Moscow viewed the end of the Cold War as a shared victory and a return to the founding ideals of the Charter system. It was also seen as an opportunity for international politics to move towards a more cooperative model to tackle common challenges such as environmental degradation and climate change. This was a powerful vision of a positive peace.

The Political West, instead, took advantage of the moment for its own purposes, perpetuating the negative peace characteristic of the Cold War. This is understandable, given that the ideals and institutions of the Political West had indeed triumphed. The Warsaw Pact was dissolved in February 1991 and the Soviet Union itself disintegrated in December of that year. Russia was recognised as the “continuer” state, assuming the prerogatives, treaty responsibilities and debts of the Soviet Union, but entered a period of intense political and economic trauma. Despite its evident weakness, Moscow insisted that it would remain a “co-creator” of post-Cold War international order. The only universalism that Moscow recognised was that of the Charter International System. Moscow insisted on the primacy of sovereign internationalism, the fundamental principle at the heart of the Charter system, whereas the US advanced its own model of hegemonic internationalism, in which all potential rivals would be deterred and contained.² The Political West’s claim of an exclusive victory effectively prolonged the Cold War and hindered the transformative potential of the moment.

Russia’s status concerns were reinforced by a growing perception of threat. Despite the disintegration of the Soviet bloc, NATO not only survived but set on the path to enlargement. The expansion had been repeatedly and explicitly rejected by numerous leaders of the Political West at the time of German unification in 1990.³ When Boris Yeltsin realised that NATO’s Partnership for Peace programme of 1994 was not an alternative but an addition to enlargement, he warned that “the new Europe would be thrown back, if not to the Cold War, to a cold peace.”⁴ There appeared to be “no place for Russia” in the new security system.⁵ From Moscow’s perspective, the expansion of the institutions of the Political West (above all, NATO and the European Union), represented the continuation of the Cold War through different means.

Furthermore, Moscow perceived that the Political West had taken over the rights and privileges that were supposed to belong to the Charter system as a whole.⁶ These concerns were compounded by the emergence of the concept of a “rules-based order,”

1 Neumann 2016.

2 For analysis of the principles underlying hegemonic internationalism, see Wertheim 2023.

3 Svetlana Savranskaya and Tom Blanton, “NATO Expansion: What Gorbachev Heard,” National Security Archive, George Washington University, December 12, 2017, accessed December 12, 2023, <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/russia-programs/2017-12-12/nato-expansion-what-gorbachev-heard-western-leaders-early>. For an evaluation, see Sarotte 2022.

4 The speech is summarised by Andrei Kozyrev in Kozyrev 2019, 283. For his view, see Kozyrev 1995.

5 Hill 2018.

6 For analysis, see Dugard 2023.

which indicated the effective merger of the Political West with the liberal international order. The liberal international order that the US had sponsored after the war, with its economic institutions based on the Bretton Woods agreement of 1944 and the security structures associated with the “Trumanite state”. This reinforced liberal hegemony – the view that there are no legitimate alternatives, and that the whole world would sooner or later become part of this system. The free trade regime, liberalisation of the international financial system from the 1970s, removal of restrictions on capital flows and much more was termed “globalisation,” and provided the framework for an unparalleled era of prosperity and global peace (although there were numerous regional wars). Alongside this, there was the idea of universalism, the view that democracy, human rights and liberal freedoms were universal public goods, and should be applied universally. Human rights in this period, indeed became “the last utopia.”¹ Hegemonic internationalism gave rise to the practice of democratic internationalism, in which proclaimed ethical norms were prioritised over national autonomy and sovereignty.

The Political West acted appropriately in vesting these norms in the Charter International System. In a normative perspective, the practices of democratic internationalism can be considered entirely justified. However, norm advancement was influenced by power considerations. Democratic internationalism undermined the fundamental international politics norm of the Charter system, sovereign internationalism. This idea combines the Westphalian concept of state sovereignty, including the principle of non-interference in the internal affairs of other states, with internationalism, a commitment to international law, human dignity and multilateral approaches to common challenges. Instead, the Political West advocated for democratic internationalism in which national sovereignty was subject to the projection of democratic and human rights norms, as determined by Political West’s leaders. As Cold War II intensified, the international settlement established after World War II began to unravel. The idea of “rules-based order” represented a direct challenge to the universalism and impartiality of the international law derived from the Charter system and the associated practices of sovereign internationalism.

Characteristics of the Political West

After 1945 US policymakers realised that the overwhelming American power could be more effectively exercised if it was exercised through multilateral agencies.² As a result, the Political West is now home to a range of institutions, including what is now the European Union, as well as NATO, the World Bank, the IMF, the WTO and much more, which are seen as expressions of American hegemony couched in universalistic terms. The US played a leading role in creating the United Nations, working alongside other wartime Allies, including the Soviet Union, China, Britain and France, as core founding members to shape the institution. Despite its ambivalence toward subordinating its sovereignty to an international institution, but liberal internationalism during Cold War helped to legitimise US hegemony and reinforce the norms of the liberal

¹ Moyn 2012.

² Wertheim 2020.

order at the heart of the Political West. After 1989, the tensions became more evident. Ultimately, the ambitions of liberal hegemony outpaced the resources and commitment available for their implementation. This resulted in a series of military engagements, most of which were damaging and ended in failure of one sort or another.

The West in general is not limited to the Political West, which is a specific and temporary version of it. Although the Political West is closely related to the recent manifestation of the 'rules-based order', it is not the same as the liberal international order (LIO).¹ The LIO is a combination of international law, liberal democracy and open trading, with roots dating back to the nineteenth century. However, it gained prominence after 1945 under the protection of US hegemony.² The rules-based order is a manifestation of the post-communist era, which was further radicalised geopolitically by the collapse of the Soviet alternative in 1989–1991. The Political West, on the other hand, is a geopolitical project by its very nature. It was created during the Cold War and after 1989, it aimed to maintain unipolarity to prevent any geopolitical, developmental or ideological alternative from challenging its dominance. The Political West is a distinctive feature in international politics. Critics denounce this power system as a new type of empire where power (dominium) is combined with hegemony, the voluntary submission of states to a subordinate position – referred to as bandwagoning in neorealist terminology. The Political West today consists of several components.

Firstly, this is an order with global ambitions. With the US at its core, the security system includes NATO as well as a US hub-and-spoke alliance network, including security treaties with Japan and South Korea, and defence commitments to Israel and numerous other states. This is supported by a network of approximately 800 military bases and installations worldwide, as well as battle fleets that patrol the high seas. American exceptionalism is often portrayed as America being an example to the rest of the world, the shining "city on the hill." However, when it is embedded in the Political West, it is expressed more as a missionary power, reproducing the earlier civilising mission of the Civilisational West. Woodrow Wilson, who originated this tradition, described it as "making the world safe for democracy." Liberalism gained a Cold War inflection, which caused it to lose some of its inherent characteristics of tolerance and pluralism. This return to a more nineteenth-century perspective tied liberalism to an imperial mission.

This results in a second characteristic, an inherent militarism. This is hardly surprising as NATO (a collective defence organisation established to protect against the Soviet threat) lies at its core. In the post-Cold War era, NATO conducted a bombing campaign in Serbia without UN authorisation. It was subsequently involved in prolonged campaigns in Afghanistan, Iraq and Libya, none of which achieved the intended objectives. After ensuring its survival by going "out of area," NATO returned its focus to Europe in 2014. Following the end of the Cold War, many European states reduced their defence spending to cash in on the "peace dividend," but this trend reversed after 2014. At NATO's Newport Summit in South Wales, the commitment to spend no

1 Dugard 2023.

2 Ikenberry 2020.

less than two per cent of GDP on defence was reaffirmed. In the US, defence spending had been increasing for some time, including Barack Obama's plans to modernise the country's nuclear forces. Militarism encompasses more than simply the proportion of budgets allocated to defence. The "Trumanite" state established in Cold War I represents a bipartisan security-centred "deep state" that persists despite shifts in international affairs. Despite changes in presidential and Congressional leadership, liberal hegemony remains. The foreign policy establishment's persistent militaristic character is attributed to "the Blob" reproducing itself over generations.¹ The aim of the US is to maintain global hegemony and primacy, whether it is referred to as 'leadership' in the more Democratic-oriented part of the establishment or "primacy" for the neoconservatives. President Donald J. Trump cast such delicacies to one side, and simply declared that American "greatness" would ensure that the US remained the number one state, achieved through trade wars and mercantile pre-eminence.

The third characteristic pertains to the ideology of Atlanticism. The Atlantic basin continues to be the core of the Political West, connecting the European Union and the US in a relationship that is not always harmonious but is long-lasting. Transatlanticism ultimately hinders the EU from achieving the "strategic autonomy" sought by its more Gaullist-minded member states. Efforts to establish an independent defence identity in Europe have been hindered, resulting in the outsourcing of security to NATO and the US. This has diminished the influence of traditional powers such as France, Germany, and Italy. While these countries engage in active diplomacy, their efforts lack significant impact on major issues, unless reinforced by Washington. This was the situation prior to the Ukrainian conflict. Both Berlin and Paris laudably tried to find a diplomatic path to avert the conflict, but their efforts were unsuccessful since the US, smarting from defeat in Afghanistan and the chaotic withdrawal from Kabul in August 2021, was not willing to review Europe's post-Cold War security order. This decision was economically motivated, and as long as the US was willing to contribute the majority of defence expenditure, the European states could allocate their budgets to domestic needs. The price paid was the relative marginalisation of the European legacy powers.² Despite much talk in the 2010s of "strategic autonomy", the European Union as a whole was relegated to a subaltern role in international affairs.

This leads on to a fourth characteristic, the focus on maintaining bloc unity. Within the US and the alliance system a dense network of think tanks and allied mainstream media, often working in collusion with security agencies, ensures a remarkable homogeneity in thinking on national security issues. This internal hegemony has marginalised formerly critical groups, including peace movements, church-led pacifism and anti-militarism, and various left-wing movements calling for spending to be diverted from arms to development, including infrastructure modernisation. The communicative monopoly extends to domestic political life. The Labour Party leader in the UK, Keir Starmer, even went so far as to assert that opposition to NATO was incompatible with party membership, despite the fact that anti-war and peace associations have long been part of the hallowed tradition of the British labour movement. Starmer imposed

¹ Walt 2019.

² The UK is a special case, believing that close alignment with the US allowed it to exercise a degree of "special" influence with the hegemonic power.

Leninist-style discipline, transforming what had traditionally been a broad movement into an authoritarian party. Within the alliance as a whole, the curators of Atlanticism are eternally vigilant against any breaches in alliance discipline, and guard against any attempt by outsiders to drive “wedges” between the two wings of the alliance across the Atlantic. The result has been the disempowerment of the European allies.

Atlanticism is always watchful for external powers attempting to create division between its two wings. This explains why the idea of pan-continental European unity, dubbed the Gaullist “heresy,” is strongly condemned. This ultimately prevented Russia from joining the Political West after the Cold War. Its inclusion would inevitably have diluted Atlantic ties, altered its hierarchy of power, and added a pan-continental European dimension that would have eroded the centrality of Washington. Russia would not have joined as a subaltern, but unity on the basis of sovereign equality was not something that Washington was ready to consider. This pattern is now being repeated globally in relations with China.

The fifth characteristic is the delegitimization of dialogue and the weakening, if not elimination, of diplomacy. According to this perspective, engaging in dialogue with an adversary confers an undeserved legitimacy upon them. By this logic, any diplomacy becomes impossible. If dialogue is equated with appeasement, then in this Manichean world, the only alternative is the defeat of the opponent, in the communicative sphere but ultimately, if necessary, on the battlefield. The communicative blockade arises from the ideology of the end of history. If the only legitimate alternative form of modernity or development is the one advanced by the Political West, then it becomes the responsibility of the West to expand its sphere on interests. This leads to the establishment of a global Monroe Doctrine, a universalism does not tolerate any islands of particularism. The logic is impeccable, and logically leads to the revival of cold war as a political strategy. This is reinforced by democratic peace theory, the view that liberal democracies do not go to war with each other.¹ Therefore, having more democracies can lead to increased security for the Political West. This means that the sovereign internationalism at the heart of the Charter International System is displaced by democratic internationalism, and its associated practices of democratism.² The expansive dynamic tolerates no resistance, generating conflict and war. If politics is governed by an ineluctable dialectic of development, then there is little room for political dialogism, in which both parties change as a result of interaction – in other words, diplomacy.

This opens the door to a sixth feature, the systemic application of double standards, a systemic feature of the order represented by the Political West. It is common for human rights and democratic inadequacies of allies of the Political West to be ignored while the failings of adversaries are targeted for criticism and, in extremis, regime change operations.³ According to a critic of Israel's bombing of Gaza in autumn 2023, “the heaviest bombing campaign since the Second World War,” it is “misguided to view any of this as a failing of the American-led liberal order: it is the American-led liberal order, working as it was always intended to work. Morality is only cited to punish

1 Doyle 2012.

2 Finley 2022.

3 Headley 2015.

America's enemies: when it's America's allies whose actions disgust the world, nuances and diplomatic cover can always be found."¹

The use of this dual approach to the conduct of international affairs undermines the autonomy of the UN Security Council and the Charter system as a whole. These have increasingly become an instrument for the waging struggles against adversaries rather than a forum for their adjudication. The erosion of the supremacy of Charter internationalism, which is based on diplomacy and dialogue within the framework of sovereign internationalism and multipolarity, allows a subset of states (the "rules-based order") to claim certain exclusive privileges in the determination of when and how Charter norms should be applied. The unipolarity that predominated in the 1990s has evidently eroded, yet the practices of hegemonic internationalism remain.

There are numerous other elements, including in recent years the weaponisation of the economic instruments of coercion, in the form of sanctions and other punitive measures falling short of kinetic conflict. This has led to a denial of political space for alternatives in international politics, which in turn has resulted in a growing intolerance of dissent at home. As a consequence, there have been populist and other upsurges, since conventional forms of political representation are blocked. The political stagnation at the elite level is mirrored by the rise of insurgencies from below, a dynamic that is ultimately both debilitating and destabilising for the Political West itself. All this adds up to the Political West becoming increasingly hermetic, closed to the concerns of others and, indeed, condemning intrusions from outside the "golden circle." In Greek mythology, Hermes is not only the god of communicators but also of deception. In contemporary conditions, sovereign internationalism generates dialogue and diplomacy, while hegemonic internationalism creates a hierarchical, exclusive, and tutelary approach.

Multiple Wests and the Political East

Russian politicians and commentators often refer to of the "Collective West," to denote much the same concept as the Political West. However, this term can be misleading as it implies a homogeneity that does not exist. The pluralism of the West is due to the existence of multiple Wests. The Civilisational West took shape around 500 years ago during exploration and the establishment of global trading networks. This is the West of the age of imperialism and colonialism in which the "standard of civilisation" set by the West was imposed on supposedly "lesser" developed peoples. The Political West has replicated this civilisational dimension in its advocacy of a universal Western-centred regime of democracy and human rights. However, the Civilisational West is also the West that saw the flourishing of the Renaissance, the Enlightenment and the Industrial Revolution, which provided the material basis for the standard of civilisation to be asserted globally.² In addition, there is a "deep" West, the Cultural West with its roots in antiquity and which today continues to produce art and science of universal significance. Russia is considered to be a part of the Cultural

1 Aris Roussinos, "The Post-America War Has Begun," *UnHerd*, 10 November 2023, accessed December 12, 2023, <https://unherd.com/2023/11/israel-could-collapse-the-american-empire/>.

2 Anderson 2023.

West has made significant contributions to it over the last millennium. However, its relationship with the Civilisational West has always been ambivalent, and with the Political West it has become outrightly adversarial.

The three Wests have combined to create a dynamic and expansive form of modernity, but one that is also torn by contradictions. Although much of this modernity is attractive to the rest of the world, there is notable ambivalence. The representation of the Political West as the end of history and as the universal model of modernity raised the question of whether there is one modernity or many in as sharp a form as ever before.¹ Russia has always had an ambivalent relationship with Western modernity, despite repeated attempts to emulate the civilisational West. As a European power, Russia draws deeply on its cultural legacy and model of modernity. Therefore, the political contradictions can be considered contingent and thus susceptible to resolution. Some geopolitical strategists in Washington hope for alignment with Moscow against the more intractable foe, China. In cultural terms China, India and many other states stand as equals with Western culture. However, in terms of civilization, countries like India endured centuries of colonialism at the hands of the West. World Majority states increasingly resist the global pretensions of the Political West. For them, the only legitimate political universalism is generated by the UN and the broader international system that it has generated. Everything else smacks of an illegitimate attempt to substitute a part – the Political West – for the whole, the Charter international system. From this perspective, the “end of history” ideology is not only misguided but also damaging.

The encroachment of the Political West on the international system is facing growing opposition and has led to a nascent Political East. At its core is the Sino-Russian alignment, along with the states committed to safeguarding their sovereignty and autonomy. This was evident, for example, at the Bali summit of the G20 (Group of Twenty) states in November 2022. The majority resisted the attempt by the G7 (Group of Seven advanced liberal states), which is increasingly perceived as the steering committee of the Political West, to impose its concerns. The final communiqué condemned the war in Ukraine, but acknowledged that “There were other views and different assessments of the situation and sanctions” and called for “diplomacy and dialogue.”²

Cold War II is a global conflict by nature. If Cold War I was primarily focused on Europe with global implications, Cold War II is the opposite. In Cold War I conflict was static in Europe but dynamic in the rest of the world, but today the conflict is dynamic in Europe and relatively static elsewhere. Cold War Europe was divided by an Iron Curtain in which spheres of influence were respected. Today, the very idea of a sphere of influence outside of the Political West is considered illegitimate, a logical consequence of the universalist pretensions of liberal hegemony. However, the Global South resists this logic, and above all refuses to be drawn once again into the endemic civil wars fought in the Global North. This stance is shared by many countries in the Global South, leading to the formation of various anti-hegemonic alliances such as the Shanghai

1 For analysis of the concept, see Eisenstadt 2000; Eisenstadt 2002.

2 “G20 Bali Leaders’ Declaration,” G20, Indonesia, November 15–16, 2022, accessed December 12, 2023, <https://web.kominfo.go.id/sites/default/files/G20%20Bali%20Leaders%27%20Declaration%2C%2015-16%20November%202022%2C%20incl%20Annex.pdf>.

Cooperation Organisation (SCO) and the BRICS alignment of Brazil, Russia, India, China, and South Africa. These alliances will be joined by five new members (Egypt, Ethiopia, Abu Dhabi, Iran, and Saudi Arabia) from 1 January 2024. Additionally, there is a growing network of post-Western economic associations and processes.

The Political East is not merely the antithesis of the Political West, but rather represents an entirely different logic. It is not so much anti-Western as a manifestation of counter-hegemonic resistance to the ambitions of the Political West. Most importantly, it rejects the connotations of civilisational superiority represented by the Civilisational West. The Political East is part of an asymmetrical set of post-Western institutions and processes. Its fundamental principles operate according to a very different logic, drawing on the view that some sort of positive peace order based on the norms and practices of the Charter system is attainable. Instead of militarism, for example, the emphasis is on peace and development. While the Political West, in keeping with its Cold War origins, is defined by the rationality of bloc dynamics, the Political East is based more on a network logic. Above all, the Political East rejects the hegemonic ambitions of the core powers of the Political West. The rejection of the logic of the Cold War provides a framework for more flexible and contingent relationships between the countries of the Global South. The goal is to achieve modernity free from the hegemony of the Political West. This helps explain why the language of anti-colonialism has been resurrected and has a deep resonance in Africa and Asia. Russia seeks to exploit this sentiment by presenting itself as an anti-colonial power, drawing on the legacy of the Soviet Union in supporting Third World liberation movements. Russia's stance as an anti-colonial power is ambiguous and contradictory, given its own imperial past. For China, overcoming the "century of humiliation" remains a potent political resource, buttressing the Communist Party of China's developmental and political agenda. For all, recognition of distinctive cultures and traditions, tempered by the normative demands of the Charter international system, provides the framework for shaping a positive peace agenda.

This nascent alignment of states challenges the Political West's hegemonic claims but above all defends the autonomy of the Charter system. This is the central theme of the final statements and communiqués of the SCO, BRICS, ASEAN and many more. It was firmly asserted in the Joint Statement of Russia and China on 4 February 2022, on the eve of the Ukrainian military conflict. The Statement condemned the attempt by "certain states" to impose their "democratic standards," opposed "further NATO enlargement" and called on the alliance to "abandon its ideologised Cold War approaches." The statement reaffirmed the centrality of the UN Charter and the Universal Declaration of Human Rights as "fundamental principles, which all states must comply with and observe in deeds."¹

The alternative political association is not simply a response to the Political West's expansive ambitions but rather a reflection of the maturation of the global state system and the shifting balance of economic power to the East. The world today the world is populated by approximately 200 states, with 193 of them being members

1 "Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Relations Entering a New Era and the Global Sustainable Development," President of Russia official website, February 4, 2022, accessed December 12, 2023, <http://en.kremlin.ru/supplement/5770>.

of the UN. The era when the Civilisational West could teach the rest of the world how to live has long passed, and respectful mutual interactions are now demanded. The age of empire is over, and the West is now facing the legacies of the earlier era, accompanied by deepening internal contradictions. The fundamental assumption is that modernity is multiple, and that international politics should be multipolar and plural. Liberal pluralism is defended against the claims of liberal anti-pluralism.¹ In political economy, the benefits of globalisation were appropriated by a narrow beneficiary class, leading to widening inequality and growing demands for social justice. The absence of a coherent ideology to express these aspirations encouraged national populist movements. The Trumpian irruption and Brexit identified the problem, but provided inchoate and incoherent responses. The Political West is currently plagued by self-doubt, inadequate leadership, and a lack of a positive vision for the future. This highlights the stark contrast of its expansive aspirations. Despite deepening domestic contradictions and polarised political orders, ambitious foreign policy agendas have not been tempered and may have even been intensified – if the “diversionary” theory of international politics holds true.

It is in this context, an increasingly formalised Political East is emerging, not only to counter the expansive claims of the Political West but also to offer alternative models of social and political development. Similar to the Political West, the Political East can be disaggregated into its cultural, civilisational, and political components. However, the Political East is a more nebulous formation, drawing on widely disparate cultures. There are numerous civilisations, notably the Sino-centric ones and those based in the Indus Valley. There was considerable cross-fertilisation between the two, but they pursued divergent political trajectories. The result is a “multiplex” world rather than one dominated by the hegemonic West.² Chinese views on world order modify traditional interpretations of hegemony and international legitimacy.³

Conclusion

The post-Cold War era has come to an end, and international politics is once again assuming multipolar features. The Ukrainian conflict acted as a catalyst, exposing some of the long-term trends that are now maturing. The expansive ambitions of the Political West are being countered by the emergence of a Political East, although the latter has very different characteristics. Countries in the Global South resist being pulled into cold-war style proxy conflicts and opt against choosing sides, instead advocating for to universal principles outlined in the Charter.

The emergence of an alternative to the Political West represents a fundamental transformation of international politics, and reflects the emergence of genuine multipolarity. On the formal level, the Political East embodies a nascent post-Western, anti-hegemonic alignment; however, its “revisionism” is largely confined to great power contestation within the international political arena. On the plane of the Charter system, the Political East adopts a profoundly conservative stance, upholding the postwar

1 Simpson 2001.

2 Acharya 2017; Acharya 2018.

3 Caro 2023.

status quo anchored in the sovereign internationalism enshrined in the Charter system. The democratic internationalism of the Political West, by contrast, is revolutionary to the degree that it seeks to mould the world in its image. When it encounters resistance, the practices of the Cold War are regenerated. Nevertheless, the West is not a monolithic entity; the three dimensions identified in this paper interact to foster new forms of reflexivity, renewal, and change. Both the Political West and the Political East remain formally committed to the postwar Charter principles. However, escalating hostilities at the international level are posing unprecedented challenges to the Charter system. Without its restraining norms and institutional constraints, international politics will make Cold War II far more dangerous than the first. In the nuclear age and in the face of a climate catastrophe, the fate of humanity hangs in the balance.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Acharya, Amitav. "After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order." *Ethics & International Affairs* 31, no. 3 (2017): 271–285.
- Acharya, Amitav. *The End of American World Order*. Second edition. Cambridge: Polity, 2018.
- Anderson, Perry. "The Standard of Civilization." *New Left Review* 143 (September–October 2023).
- Bull, Hedley. *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Oxford: Oxford University Press, 1977/1995.
- Caro, Carlo J. V. "Is 'The Chinese World' the Future? Confucianism and Xi Jinping." *The National Interest*. 19 March 2023. <https://nationalinterest.org/feature/%E2%80%9Cchinese-world%E2%80%9D-future-confucianism-and-xi-jinping-206327>.
- Doyle, Michael W. *Ways of War and Peace: Realism, Liberalism and Socialism*. New York: W.W. Norton, 1997.
- Doyle, Michael W. *Liberal Peace: Selected Essays*. London: Routledge, 2012.
- Dugard, John. "The Choice Before Us: International Law or a 'Rules-Based International Order'?" *Leiden Journal of International Law* 36, issue 2 (June 2023): 223–232.
- Eisenstadt, Shmuel N. "Multiple Modernities." *Daedalus* 129, no. 1 (Winter 2000): 1–29.
- Eisenstadt, Shmuel N. *Multiple Modernities*. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2002.
- Finley, Emily B. *The Ideology of Democratism*. New York: Oxford University Press, 2022.
- Fukuyama, Francis. "The End of History." *The National Interest*, no. 16 (Summer 1989): 3–17.
- Fukuyama, Francis. *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press, 1992.
- Glennon, Michael J. *National Security and Double Government*. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Headley, James. "Challenging the EU's Claim to Moral Authority: Russian Talk of 'Double Standards'." *Asia Europe Journal* 13, no. 3 (2015): 297–307.
- Hill, William H. *No Place for Russia: European Security Institutions since 1989*. New York: Columbia University Press, 2018.
- Ikenberry, G. John. *A World Safe for Democracy: Liberal Internationalism and the Crisis of Global Order*. New Haven & London: Yale University Press, 2020.
- Kaplan, Robert D. *The Tragic Mind: Fear, Fate, and the Burden of Power*. New Haven & London: Yale University Press, 2023.
- Kissinger, Henry. *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. London: Allen Lane, 2014.
- Lieven, Anatol, and John Hulsman. *Ethical Realism: A Vision for America's Role in the World*. New York: Pantheon, 2006.
- Lieven, Anatol, and John Hulsman. "Ethical Realism and Contemporary Challenges." *American Foreign Policy Interests* 28, no. 6 (2006): 413–420.
- Mearsheimer, John J. "The False Promise of International Institutions." *International Security* 19, no. 3 (1994/1995): 5–49.
- Mearsheimer, John J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. London and New Haven: CT, Yale University Press, 2018.
- Mearsheimer, John J. "Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order." *International Security* 43, no. 4 (Spring 2019): 7–50.
- Moyn, Samuel. *The Last Utopia: Human Rights in History*. Cambridge, MA: Belknap Press, 2012.
- Neumann, Iver B. *Russia and the Idea of Europe: A Study in Identity and International Relations*. London: Routledge, 2016.
- Porter, Patrick. *The False Promise of Liberal Order: Nostalgia, Delusion and the Rise of Trump*. Cambridge: Polity Press, 2020.
- Ross, Nicholas, and Grant Dawson. "Mearsheimer, Realism, and the Ukraine War." *Analyse & Kritik* 44, 2 (2022): 175–200.
- Sakwa, Richard. "Europe and the Political: From Axiological Monism to Pluralistic Dialogism." *East European Politics* 33, no. 3 (2017): 406–425.
- Sakwa, Richard. "The End of the Revolution: Mimetic Theory, Axiological Violence, and the Possibility of Dialogical Transcendence." *Telos*, no. 185 (December 2018): 35–66.

Sakwa, Richard. "The Perils of Democratism." *Polis: Political Studies*, no. 2 (2023): 88–102.

Sakwa, Richard. *The Lost Peace: How the West Failed to Prevent a Second Cold War*. London & New Haven: Yale University Press, 2023.

Sarotte, Mary Elise. *Not One Inch: America, Russia and the Making of Post-Cold War Stalemate*. New Haven, CT: Yale University Press, 2022.

Simpson, Gerry. "Two Liberalisms." *European Journal of International Law* 12, no. 3 (2001): 537–571.

Walt, Stephen M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of US Primacy*. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2019.

Waltz, Kenneth N. "Structural Realism after the Cold War." *International Security* 25, no. 1, (Summer 2000): 5–41.

Wertheim, Stephen. *Tomorrow the World: The Birth of US Global Supremacy*. Harvard: Belknap Press, 2020.

Wertheim, Stephen. "Iraq and the Pathologies of Primacy." *Foreign Affairs* 102, no. 3 (May/June 2023): 136–152.

Author

Richard Sakwa,

Professor Emeritus of Russian and European politics, University of Kent
University of Kent, Canterbury, Kent, United Kingdom, CT2 7NP

e-mail: R.Sakwa@kent.ac.uk

Additional information

Received: January 10, 2024; Revised: February 2, 2024; Accepted: February 7, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Sakwa, Richard. "The Political West as the End of History."
Journal of International Analytics 15, no. 1 (2024): 46–62.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-46-62>

Политический Запад как конец истории

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается устойчивое влияние политического Запада – структуры власти, возникшей в эпоху холодной войны и продолжающей формировать международные отношения сегодня. Вопреки ожиданиям его самороспуска после распада Советского Союза, политический Запад расширил свое влияние, движимый верой в идеологическое превосходство либеральной демократии. Эта экспансия, подпитываемая представлениями о «конце истории», привела к сохранению динамики холодной войны, характеризующейся враждебными отношениями и идеологическими конфликтами. В исследовании противопоставляются ожидания позитивного мира в эпоху после окончания холодной войны и реальность продолжающегося антагонизма, примером которого являются такие конфликты, как Балканские войны и интервенции НАТО в Ираке и Ливии. Кульминацией обострения напряженности стало начало второй холодной войны в 2014 г., ознаменовавшееся прокси-конфликтами и, в частности, украинским кризисом 2022 г. В ответ на напористость западного политического блока возникло альтернативное объединение во главе с Россией и Китаем, бросившее вызов одностороннему доминированию западных держав. Этот политический Восток, хотя и воплощает антигегемонистские настроения, сохраняет консервативную позицию в рамках международной системы Устава ООН. В заключение в статье подчеркивается фундаментальная трансформация международной политики в многополярный ландшафт. Хотя и политический Запад, и Восток продолжают поддерживать принципы Устава ООН, интенсификация военных действий чревата дестабилизацией международного порядка. В условиях непрекращающейся динамики холодной войны и вызовов, связанных с глобальными изменениями окружающей среды, будущее человечества становится все более неопределенным.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политический Запад, холодная война, Россия, Китай, политический Восток, международная система, Устав ООН

Сведения об авторе

Ричард Саква,

Почетный профессор политических наук, Кентский университет в Кентербери
CT2 7NZ Кентский университет, Кентербери, Кент, Великобритания

e-mail: R.Sakwa@kent.ac.uk

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10 января 2024.

Переработана: 2 февраля 2024.

Принята к публикации: 7 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Саква, Р. Политический Запад как конец истории // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (1). С. 46–62.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-46-62>

О двойной международной идентичности современного Китая

Лексютина Яна Валерьевна, Институт Китая и современной Азии РАН,
Москва, Россия

Контактный адрес: lexyana@ya.ru

АННОТАЦИЯ

Примерно с начала XXI в. одним из центральных исследовательских вопросов для китайских ученых-международников становится определение, обоснование и концептуализация международной идентичности Китая. Связано это было как с вызванными стремительным ростом материальной мощи дискуссиями в китайском академическом сообществе о мирном возвышении Китая, так и с «конструктивистским поворотом» в развитии международных отношений как дисциплины в Китае. Понимание международной идентичности Китая важно не только для самого Китая как способ познания «себя» и «других», определения своего места и роли в международной системе, но и для мирового сообщества, поскольку самопозиционирование государства раскрывает его национальные интересы, устремления, внешнеполитическую стратегию и поведение. С момента основания Китайской Народной Республики в 1949 г. и до конца 1990-х гг. при анализе ее внешнеполитического самопозиционирования всегда можно было выделить доминирующую международную идентичность. В 1950-е гг. это была ярко выраженная международная идентичность КНР как социалистической страны, в 1960–1980-е гг. – как страны третьего мира, с 1990-х гг. – как крупнейшей развивающейся страны. Однако со второй половины 1990-х гг. начала складываться идентичность Китая как ответственной великой державы при сохранении идентичности развивающейся страны. Наличие у Китая двух международных идентичностей на протяжении уже почти трех десятилетий и неоднократно акцентированное китайским руководством намерение еще длительное время сохранять самопозиционирование в качестве развивающейся страны позволяют сделать вывод о том, что двойная международная идентичность Китая не является отражением переходного периода развития, а представляет собой комплексный феномен, требующий осмысления. Цель данной статьи состоит в раскрытии феномена наличия у современного Китая двойной международной идентичности или, иными словами, одновременно двух доминирующих международных идентичностей, определяющих действия Китая на мировой арене. Замысел автора статьи состоял в том, чтобы на основе анализа китайских академических публикаций показать китайское видение феномена двойной международной идентичности современной КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Китай, международная идентичность, развивающаяся страна, ответственная великая держава, статус, глобальная держава, внешнеполитическая идентичность

Введение

С середины 1990-х гг., когда проводимая в Китае политика «реформ и открытости» стала приносить плоды и Китай вступил в период стремительного приумножения комплексной национальной мощи, как у китайских, так и у зарубежных ученых-международников все больший интерес стало вызывать изучение вопросов, связанных с международной идентичностью Китая. Каким «себя» видит или хотел бы видеть в будущем стремительно нарастающий национальную мощь Китай? Какими Китай видит «других» (другие государства)? Какое место в международной системе Китай рассчитывает занять и какую роль играть? Эти и многие другие вопросы, затрагивающие вопрос международной идентичности Китая, стали предметом глубокого изучения и обсуждений среди ученых-международников.

Для Китая, претерпевающего существенные трансформации, было важно найти ответ на вопрос, «кто я есть», и осмыслить свое место и роль в мире. Уже в начале XXI в. китайские эксперты писали о том, что Китай заново определяет свою идентичность, переживает реконструкцию стратегической культуры и переосмысление своих интересов в области безопасности¹. Сильный импульс процессу переосмысления Китаем своей международной идентичности и роли на мировой арене придал мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., внезапно превративший Китай из периферийного члена в ключевого субъекта глобального управления, а также повысивший идеологическую уверенность Китая в своей политико-экономической модели².

Китайские эксперты придают большое значение определению международной идентичности, самопозиционированию Китая на мировой арене. Они исходят из того, что идентичность государства в значительной степени определяет его национальные интересы и потребности, которые, в свою очередь, оказывают глубокое влияние на его дипломатический выбор и отношения с внешним миром³. Международная идентичность влияет на внешнюю политику государства⁴. Для государства разный выбор идентичности, как отмечает китайский эксперт Не Вэньцзюань, ведет к разным историческим судьбам⁵.

Для других государств и прежде всего ведущих мировых держав вопрос международной идентичности Китая не менее значим. Важно понять, чего следует ожидать от стремительно набирающего мощь и влияние Китая. Властные и экспертные круги задаются вопросами: какие изменения в международной идентичности Китая вызовет его возвышение; приведут ли они к существенным сдвигам в национальных интересах и к серьезным корректировкам внешнеполитической стратегии и поведения на мировой арене?

Под международной или внешнеполитической идентичностью государства, как правило, понимают субъективное отождествление государством себя на мировой арене, представления государства о «себе» и «других», о международной

1 Qin Yaqing 2003, 10.

2 Pu Xiaoyu 2017, 147.

3 Luo Jianbo 2014, 28.

4 Qin Yaqing 2003, 10; Zhong Feiteng 2019, 23.

5 Nie Wenjuan 2017, 147.

системе и своем месте в ней, приписывание себе определенных внешнеполитических характеристик, ролей и функций на мировой арене, равно как и ожидания относительно ролей и функций других государств. Дж. Джонсон определяет международную идентичность как «взгляд национального государства на себя, включающий черты его национального характера, его предполагаемую региональную и глобальную роль, а также его восприятие своей возможной судьбы»¹. Как следует из размышлений В.В. Кочеткова о роли идентичности в международных отношениях, международная идентичность государства проявляется в его стратегическом видении и целях, в артикулированной миссии². И.Л. Прохоренко указывает, что внешнеполитическую идентичность формируют «идеи и представления... о сложившемся и / или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о его ресурсах внешней политики»³. Китайский ученый Ся Цзяньпин определяет идентичность как самоопределение образа и характеристик страны, основанное на признании мировым сообществом роли страны по отношению к мировому сообществу⁴.

Как отмечает И.Л. Прохоренко, самоидентификация государства в системе миропорядка и представления о себе конструируются в процессе анализа конкретно-исторической международной среды и сравнения себя с другими государствами⁵. Ся Цзяньпин обращает внимание на то, что она меняется с изменением моделей взаимодействия между странами⁶. Другой китайский ученый, Ли Бои, указывает, что международная идентичность имеет как «меняющуюся» сторону, так и «постоянную», и что международная идентичность страны в основном формируется посредством взаимодействия с другими странами⁷. У Бин также считает, что национальная идентичность складывается во взаимодействии с другими национальными субъектами мирового сообщества⁸. Как отмечает Чэнь Сян, изменения в идентичности Китая связаны не только с собственным концептуальным познанием Китая, но и с международной средой и взаимодействием Китая с международной системой⁹.

В китайской экспертной литературе сам термин «международная идентичность» (国际身份) практически не используется, но феномен международной идентичности Китая – самопозиционирования Китая и его роли в международной системе в контексте его взаимодействия с миром в XXI в. – изучается очень интенсивно. На рубеже XX–XXI столетий в Китае в развитии международных отношений как дисциплины произошел так называемый «конструктивистский поворот», или увлечение – вслед за А. Вендом – конструктивизмом, частично связанное с неудовлетворенностью такими классическими школами теории

1 Jeannie L. Johnson, "Strategic Culture: Refining the Theoretical Construct," Defense Threat Reduction Agency's Advance Systems and Concepts Office, October 31, 2006, accessed January 10, 2024, <https://irp.fas.org/agency/dod/dtra/strat-culture.pdf>.

2 Кочетков 2010, 107.

3 Прохоренко 2017, 465–466.

4 Xia Jianping 2005, 119.

5 Прохоренко 2017, 466.

6 Xia Jianping 2005, 119.

7 Li Boyi 2021, 38.

8 Wu Bing 2011, 139.

9 Chen Xiang 2016, 48.

международных отношений, как реализм и либерализм¹. Стремительное восприятие китайскими учеными-международниками идей конструктивизма в купе с получившей широкое распространение в китайском экспертном сообществе с начала XXI в. дискуссией о мирном возвышении Китая привели к тому, что вопрос международной идентичности Китая стал одним из центральных исследовательских вопросов среди китайских ученых².

От доминирующей идентичности социалистической страны, страны третьего мира к крупнейшей развивающейся стране

В мировой экспертной литературе при характеристике международной идентичности современного Китая зачастую используются такие описания, как смешанная, противоречивая, конфликтующая, двойственная, избирательная и пр. Китайские ученые-международники в целом единодушны в том, что у Китая нет фиксированной идентичности, для него характерна множественность идентичностей. Китай является государством, внешнеполитический дискурс которого основан на нескольких конкурирующих представлениях о себе. Китай одновременно и развивающееся, и развитое государство, слабая и сильная, бедная и богатая страна, государство, представляющее интересы развивающегося мира, и великая держава, заинтересованная на равных взаимодействовать с ведущими мировыми державами и т.п. Так, Юань Пэн характеризует Китай как развивающееся государство, которое еще долгое время останется таковым, как возникающую державу (新兴大国³), символизирующую подъем возникающих держав и смещение мировой силы на Восток, как державу мирового уровня – вопреки тому, что ее активность и интересы ограничены главным образом Восточной Азией, – как квази-сверхдержаву, уступающую только США⁴. Цзинь Цаньжун и Лю Шицян также считают, что Китай обладает несколькими личинами: Китай – развивающееся государство; Китай – государство, имеющее обширные общие интересы с развитыми странами; Китай – стремительно развивающееся, непрерывно наращивающее реальную мощь государство; Китай – государство, сталкивающееся с многочисленными внутренними вызовами и имеющее беспокойное внешнее стратегическое окружение⁵. Пу Сяоюй выделяет пять международных идентичностей Китая, которые, как ему представляется, широко признаны в китайском дискурсе международных отношений. Китай – социалистическая страна с китайской спецификой; развивающаяся страна; возникающая великая держава (新兴大家) и возвышающаяся страна (崛起国); признанная великая держава; региональная держава в Восточной Азии⁶. В целом, большинство китайских экспертов согласны с тем, что Китай имеет несколько идентичностей, но среди них есть разногласия относительно того, какая идентичность должна быть доминирующей, что должно быть конечной

1 Но 2019.

2 Ibid.

3 大国 может переводиться на русский язык и как «великая держава», и как «крупная держава», и как «крупная страна / государство». В данной статье используется перевод «великая держава».

4 Yuan Peng 2010, 27.

5 Jin Canrong, Liu Shiqiang 2009, 43.

6 Pu Xiaoyu 2017, 139–140.

целью подъема Китая на мировой арене, какими должны быть стратегия и линия поведения Китая на мировой арене.

Особого внимания заслуживают размышления о международной идентичности Китая Чэнь Сяна, который пишет о том, что страна может одновременно иметь несколько идентичностей, отражающих разные источники идентичности, при этом множественность идентичностей можно упорядочить, ранжировать по степени значимости и выделить доминирующую или первичную идентичность на отдельных исторических этапах¹. Следуя в русле предложенной им концепции о доминирующей международной идентичности, историю КНР в XX в. можно схематично разделить на три основных периода в зависимости от доминировавшей тогда идентичности². В 1950-е гг. доминирующей была международная идентичность Китая как «социалистической страны»: Китай стал частью социалистического лагеря, активно развивал отношения с социалистическими странами, участвовал в различных мероприятиях внутри социалистического лагеря, взял на себя соответствующие обязательства, включая политическую поддержку Советского Союза, экономическую помощь Венгрии, Монголии и другим странам, а также военную поддержку Северной Кореи и Вьетнама³.

В 1960–1970-е гг., после разрыва отношений с СССР и свертывания взаимодействия со многими другими социалистическими странами, на первый план выходит идентичность Китая как «*страны третьего мира*»: Китай постулирует цели защищать общие интересы третьего мира и продвигать революционное дело третьего мира, расширяется оказываемая Пекином помощь странам третьего мира, Пекин осуществляет «экспорт» культурной революции в эти страны, призывает их совместно со странами второго мира развернуть борьбу против «гегемонизма сверхдержав». Китай выдвигает такие внешнеполитические концепции, как концепция «промежуточных зон» и «трех миров». В выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в апреле 1974 г. Дэн Сяопин отмечал: «Китай – социалистическая страна, также развивающаяся страна. Китай принадлежит к третьему миру». В мае 1984 г. на встрече с руководством Бразилии Дэн Сяопин резюмировал основное содержание внешней политики Китая в двух предложениях: «противостоять гегемонизму и защищать мир во всем мире», «Китай всегда будет принадлежать третьему миру»⁴.

Однако уже в конце 1970-х гг. Пекин запускает политику «реформ и открытости», идеология как ориентир при выстраивании отношений с миром и дистанцирование от международной (западной) системы утрачивают для Пекина свое значение. Китай отказывается от своего имиджа радикальной революционной державы и фокусируется на интеграции в международную систему. С тех пор и до середины 1990-х гг. Китай сохранял доминирующую идентичность «*развивающейся страны*» с довольно нейтральными характеристиками⁵. При этом, как замечает Чжун Фэйтэн, уже с середины 1980-х гг. правительство Китая стало позиционировать себя как «крупнейшую развивающуюся страну» (最大的发展中国家), а США –

1 Chen Xiang 2016, 34.

2 Ibid., 34.

3 Ibid., 34–35.

4 Цит. по: Zhong Feiteng 2019, 26.

5 Chen Xiang 2016, 37.

как «крупнейшую развитую страну». Так, в октябре 1988 г. министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь в выступлении в американском Совете по международным отношениям отметил: «Китай – крупнейшая развивающаяся страна, а США – крупнейшая развитая страна»¹. Важно также заметить, что широко используемое в 1960–1980-е гг. понятие страны третьего мира в XXI в. полностью исчезает из политического лексикона китайского руководства. В документах съездов КПК оно в последний раз было использовано в сентябре 1997 г. на XV съезде.

После мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и образования БРИК как межгосударственного объединения в дополнение к позиционированию себя в качестве развивающейся страны Китай все чаще начинает самоопределять себя и как страну с формирующимся рынком (新兴市场国家), или сокращенно – возникающую страну / державу (新兴国家), общий уровень развития которой ниже, чем у развитых стран, но значительно выше, чем у других развивающихся стран. Как свидетельствует проведенный Чжун Фэйтэном контент-анализ публикаций «Жэньминь жибао», среднегодовое количество статей с упоминанием понятия «страна с формирующимся рынком» в 1997–2007 гг. составляло 43, а в 2008–2018 гг. оно возросло до 321². В китайском экспертном дискурсе международных отношений все чаще стали вестись дискуссии о Китае как о возникающей стране. Китайское же правительство начало более явно признавать статус Китая как возникающей державы в 2013 и 2014 годах. Во многих выступлениях Си Цзиньпина Китай стал позиционироваться как страна с формирующимся рынком. Точнее, акцент делался на принадлежности Китая к общности стран с формирующимися рынками, придерживающихся одинаковых или схожих взглядов на мировой порядок и актуальную повестку мировой политики, заинтересованных в реформировании системы глобального управления, повышении в ней голоса стран с формирующимися рынками и развивающихся стран. Однако, несмотря на то что концепция Китая как страны с формирующимся рынком обретает популярность, доминирующей идентичностью она не стала, китайское правительство по-прежнему позиционирует Китай в первую очередь как крупнейшую развивающуюся страну.

Развивающаяся страна vs ответственная великая держава

Во второй половине 1990-х гг. восприятие международной идентичности Китая претерпело новые изменения – начала складываться идентичность Китая как «ответственной великой державы» (负责任大国). Среди китайских ученых-международников широко распространено мнение, согласно которому формальным дебютом Китая в качестве таковой стали его действия во время азиатского финансово-экономического кризиса 1997–1998 годов. С тем чтобы смягчить кризис и его воздействие на страны региона, Китай, как указывают китайские эксперты, неся определенные финансовые и экономические издержки, предпринял меры по сдерживанию девальвации китайской национальной валюты. Именно тогда Китай осознал, что достиг уровня экономического развития, позволяющего ему играть более активную роль на мировой арене, брать на себя большую

1 Цит. по: Zhong Feiteng 2019, 26.

2 Zhong Feiteng 2019, 25.

международную ответственность и получать от этого отдачу в форме усиления своего влияния и авторитета в регионе и мире¹.

Намерение Китая расширить свое взаимодействие с миром во имя решения общих проблем было впервые зафиксировано в докладе прошедшего в 1997 г. XV съезда КПК. В нем провозглашалось, что Китай будет активно участвовать в многосторонней дипломатии и в полной мере раскрывать роль страны в ООН и других международных организациях. С тех пор постепенно Китай стал расширять свою деятельность в международных организациях, включая увеличение финансовых взносов в ООН и участие в миротворческой деятельности ООН, в оказании помощи другим странам при стихийных бедствиях и т.д. Китайские ученые активизировали усилия по концептуализации международной ответственности, определению международных обязанностей, которые Китай мог бы на себя брать по мере растущих возможностей. Как отмечает В.Я. Портяков, официальное признание Китаем своего статуса как ответственной державы состоялось в 2009 г., когда в статье о 60-лети дипломатии нового Китая в «Жэньминь жибао» министр иностранных дел КНР Ян Цзечи в число основополагающих принципов внешнеполитической деятельности Китая включил «неукоснительное исполнение международного долга и несение международной ответственности»².

Материальной основой и фундаментальной предпосылкой построения идентичности ответственной великой державы стал быстрый рост мощи Китая. Он делал, с одной стороны, возможным, а с другой – необходимым наращивание международной ответственности. Принимая на себя таковую, Китай мог реализовывать национальные интересы, разделять международную власть, повышать свои международное влияние и статус, а также создавать благоприятный международный имидж³. Как отмечает У Бин, здесь действует принцип баланса власти и ответственности: чем больше власть, тем больше ответственность, и чем больше ответственность, тем больше власть. Китайские ученые констатируют, что, принимая на себя международную ответственность, Китай вносит вклад в глобальное управление и укрепляет свое моральное лидерство на мировой арене⁴.

На современном этапе Китай придерживается одновременно двух – нередко характеризующихся экспертами как противоречащих друг другу – международных идентичностей: развивающейся страны и ответственной великой державы. В 2011 г. С.Г. Лузянин и М.В. Мамонов предложили термин «стратегия контролируемой, или избирательной, глобальной вовлеченности»⁵ для характеристики поведения Китая, варьирующего от позиционирования в качестве развивающегося государства, способного брать на себя ограниченную международную ответственность, до позиционирования в качестве глобальной державы, без участия которой немыслима перестройка международной системы. Сегодня, спустя более чем десятилетие, курс Китая на международной арене по-прежнему характеризуется избирательной самоидентификацией.

1 Лексютин 2018, 63.

2 Портяков 2013, 7.

3 Wu Bing 2011, 139.

4 Cai Tuo 2010, 121–136.

5 Лузянин, Мамонов 2011, 11–12.

Чжан Шаодун отмечает, что в настоящее время существует очевидный конфликт между Китаем и западными странами относительно идентичности Китая. Западные страны давят на Китай для того, чтобы он отказался от позиционирования себя развивающейся страной и взял на себя груз международной ответственности, далеко выходящий за пределы возможностей Китая¹. Оказываемое Западом на Китай давление китайские эксперты нередко рассматривают как желание западных стран переложить часть своего бремени ответственности, как способ затормозить, сдержать развитие Китая, демонизировать его и нанести вред его международному имиджу. Требуя от Китая отказаться от идентичности развивающейся страны, западные страны, полагает Чжан Шаодун, пытаются вбить клин между Китаем и развивающимися странами².

Как подчеркивают китайские эксперты, Китай всегда предоставлял достаточное количество глобальных общественных благ и необходимых «коллективных услуг» мировому сообществу, вносил должный вклад в глобальное управление, но важно понимать, что, несмотря на всемирно известные достижения в области развития, Китай по-прежнему остается крупнейшей развивающейся страной в мире и его основные национальные условия, связанные с тем, что он все еще находится на начальной стадии социализма, не изменились³.

По вопросу международных обязательств китайское руководство отстаивает позицию, состоящую в том, что содержание международной ответственности должно отражать реальные возможности государства, уровень его развития и национальную мощь. В Китае обращают внимание на то, что, хотя экономическая мощь продолжает расти, уровень дохода на душу населения все еще ближе к среднемировым показателям и не достигает уровня развитых стран, поэтому по своим характеристикам Китай ближе к развивающимся странам⁴. Эксперты отмечают и то, что ВВП Китая на душу населения по-прежнему относительно низкий, социально-экономическое развитие очень несбалансированно между регионами, между городскими и сельскими районами (подобная несбалансированность, как правило, характерна для развивающихся стран), уровень научно-технологических инноваций недостаточно высокий (он ниже, чем у США и Европы), Китай по-прежнему находится на среднем и нижнем звене глобальных цепочек добавленной стоимости. Хотя Китай одержал победу в борьбе с бедностью в 2020 г., он сталкивается с проблемой закрепления ее результатов и недопущения возвращения в бедность тех, кто был из нее выведен. В публикациях китайских экспертов до сих пор часто присутствует мысль, согласно которой главным приоритетом Китая остаются внутренние обязанности, а основным проявлением ответственности Китая как крупной страны с большой численностью населения является быстрое развитие и значительный прогресс его внутренней экономики. Чэнь Сян отмечает, что, хотя Китай предложил построить ответственную великую державу еще в середине 1990-х гг., концепция ответственной великой державы все еще остается для Китая совершенно новой⁵.

1 Zhang Shaodong 2021, 1.

2 Ibid., 2.

3 Chen Xiang 2016, 45.

4 Zhong Feiteng 2019, 27.

5 Chen Xiang 2016, 37.

Практически во всех китайских экспертных публикациях содержится тезис о том, что, хотя ответственность Китая как великой державы неизбежно будет возрастать по мере роста его национальной мощи, Китай еще очень длительное время будет оставаться крупнейшей развивающейся страной. В докладе прошедшего в 2017 г. XIX съезда КПК был в очередной раз подтвержден статус Китая как развивающейся страны: «мы по-прежнему находимся и еще длительное время будем находиться на начальной стадии социализма, остается неизменным и международный статус Китая как самой большой в мире развивающейся страны»¹. На состоявшемся в 2022 г. XX съезде КПК Си Цзиньпин снова указал, что «Китай является крупной развивающейся страной, он по-прежнему находится на начальной стадии социализма и переживает широкие и глубинные социальные преобразования»².

Между тем, как представляется, приверженность Китая идентичности развивающейся страны связана не только и не столько с оценкой собственной экономической мощи и вызовов своему социально-экономическому развитию, сколько со стремлением сохранить солидарность с развивающимся миром. В течение долгого времени Китай придерживался своей идентичности как развивающейся страны и считал укрепление сотрудничества с развивающимися странами важным направлением своей внешней политики. Огромная роль развивающихся стран в генерировании широкой международной поддержки на мировой арене и в международных организациях была осознана КНР еще в начале 1970-х гг., когда во многом благодаря поддержке со стороны развивающегося мира КНР удалось восстановить свое членство в ООН. На современном этапе поддержка развивающихся стран не менее важна для реализации китайских национальных интересов: развивающиеся страны поддерживают выдвигаемые Пекином глобальные инициативы и предложения, способствуют продвижению в мире китайских стандартов, норм и правил, содействуют Китаю в занятии его представителями ключевых позиций в международных организациях.

В отстаивании идентичности Китая как развивающейся страны китайские эксперты обращают внимание и на то, что понятие «развивающаяся страна» отражает не только уровень социально-экономического развития государства, но и множество иных характеристик, таких как историческое и культурное наследие, особенности политики и пр.³ Оно несет в себе историческую память, чувство принадлежности, близости и идентичности⁴. Китай имеет с развивающимися странами много общих характеристик. Исторически Китай и подавляющее большинство развивающихся стран были колонизированы западными странами⁵ и разделяют общую судьбу. До Второй мировой войны развивающиеся страны, как правило, были колониями, полуколониями или зависимыми от западных

1 Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК // Синьхуа. 3 ноября 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 10.01.2024).

2 Полный текст доклада XX Всекитайскому съезду КПК // МИД КНР. 25 октября 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t20221026_10792071.html (дата обращения: 10.01.2024).

3 Zhang Shaodong 2021, 2.

4 Ibid.

5 В случае Китая речь, безусловно, идет не о колонизации, а о частичной утрате Китаем своего суверенитета вследствие череды «агрессий» иностранных держав и навязанных Китаю неправомерных договоров в XIX–начале XX века.

держав странами, и только после Второй мировой войны они постепенно обрели независимость¹.

На современном этапе Китай сталкивается со сложной дилеммой. Он все больше приобретает характеристики великой державы, и это изменение идентичности потенциально может привести к серьезным сдвигам в отношениях Китая с развивающимися странами². Идентичность развивающейся страны чрезвычайно важна Пекину в целях консолидации политической поддержки со стороны развивающихся стран. Стремительно наращивая комплексную национальную мощь, Китай «продвигается к центру мировой сцены», но не становится «своим» среди ведущих западных держав и рискует перестать быть «своим» среди развивающихся стран. В контексте распространения среди развитых стран мира концепции «китайской угрозы» Китаю необходимо скорректировать идентичность и использовать свою новую идентичность «ответственной великой державы» для смягчения чрезмерной международной реакции на его динамичное развитие (обеспокоенности, опасений или во все восприятия его как угрозы)³. Как утверждают китайские конструктивисты, мирное возвышение Китая в конечном итоге будет зависеть от его идентичности как ответственного члена мирового сообщества⁴. Одновременно Китаю важно сохранять свою солидарность с развивающимися странами. И выход здесь китайские эксперты видят в том, чтобы Китай рассматривал развивающиеся страны как ключевую область для выполнения своей ответственности великой державы⁵ и выступал в роли проводника интересов развивающихся стран на мировой арене.

Четко придерживаясь идентичности развивающейся страны, в Китае осознают, что Китай не типичная развивающаяся страна. По скорости и масштабам развития он настолько превосходит развивающиеся страны, что некоторые ученые классифицировали его как уникальный тип – «богатые страны, бедные страны и Китай» (富国, 穷国和中国)⁶. В строго экономическом смысле Китай имеет характеристики как развивающейся, так и развитой страны. У Бин отмечает, что хотя Китай является развивающейся страной, он не является обычной развивающейся страной: он постоянный член Совета Безопасности ООН, член «ядерного клуба», имеет население 1,4 млрд человек, а по объему ВВП занимает второе место в мире⁷. Мэнь Хунхуа и Ван Цзисы утверждают, что Китай больше не является типичной развивающейся страной и может идентифицировать себя как страна, способная соединить развитый мир (Глобальный Север) и развивающийся мир (Глобальный Юг)⁸.

1 Zhang Shaodong 2021, 4.

2 Zhong Feiteng 2019, 23.

3 Chen Xiang 2016, 38.

4 Qin Yaqing 2011, 248.

5 Luo Jianbo 2014, 44; Qin Yaqing 2011, 248.

6 Li Daokui 2012, 44–53.

7 Wu Bing 2011, 140.

8 Men Honghua 2014, 204–205; Wang Jisi 2015, 1–7.

Заключение

Среди множества международных идентичностей, которые используются в Китае для обозначения его отличительных особенностей, места и роли в мире, на современном этапе отчетливо выделяются две доминирующие идентичности, определяющие действия Китая на мировой арене, – крупнейшей развивающейся страны и ответственной великой державы. Наличие нескольких международных идентичностей Китая зачастую интерпретируется западными политическими элитами как его непоследовательность в определении своей идентичности и своих интересов, как стратегия «безбилетника», желающего воспользоваться одновременно привилегиями – но не обязанностями – статуса как развивающейся страны, так и великой державы.

В Китае осознают некоторую противоречивость между идентичностью развивающейся страны и идентичностью ответственной великой державы. Сюй Цзинь и Ду Чжэюань полагают, что стремительный рост мощи и возможностей Китая вкупе с резким изменением международной обстановки привели к растущему несоответствию между традиционным дипломатическим нарративом Китая и его недавно приобретенным международным статусом¹. Пу Сяоюй отмечает, что внезапно проявившийся после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. стремительный рост экономической мощи Китая превзошел ожидания политической и интеллектуальной элиты Китая, которая оказалась плохо подготовлена к внезапному повышению статуса страны в мировом сообществе². По мнению Пу Сяоюя, противоречивая идентичность Китая связана с общим для всех возвышающихся держав вызовом – объективной оценкой своей меняющейся мощи и соответствующей адаптацией к новой реальности³. Эксперт по Китаю Л. Диттмер отмечает: «Правда может заключаться в том, что Китай, подобно молодому человеку, сейчас больше запутался в своей национальной идентичности, чем когда он был более радикальным и менее развитым. В некоторой степени эта путаница повлияла на образы Китая среди других стран тоже»⁴.

С тех пор как со второй половины 1990-х гг. Китай начал формировать свою идентичность ответственной великой державы, Пекин значительно нарастил свою международную ответственность, расширил участие и роль в глобальном управлении. Период председательства Си Цзиньпина особенно знаменателен в этом отношении: Китай увеличивает взносы в бюджеты ведущих международных организаций, усиливает свою роль в регулировании мировой экономики и обеспечении глобальной и региональной безопасности, неустанно предлагает миру новые идеи, концепции и инициативы, создает глобальные общественные блага. При Си Цзиньпине усиливается великодержавный аспект идентичности Китая. Свидетельством этого также является выдвижение, например, таких базовых внешнеполитических концепций, как «новый тип отношений между великими державами» (新型大国关系) или «дипломатия великой державы с китайской спецификой» (中国特色大国外交).

1 Xu Jin, Du Zheyuan 2015, 251–279.

2 Pu Xiaoyu 2017, 137.

3 Ibid., 148.

4 Цит. по: Pu Xiaoyu 2017, 148.

Заявляя о своем статусе великой державы, Китай вместе с тем не желает терять свою тесную связь и чувство солидарности с развивающимся миром. В течение долгого времени Китай придерживался своей идентичности как развивающейся страны и рассматривал укрепление солидарности с развивающимися странами в качестве важной части своей внешнеполитической деятельности. Вполне закономерно, что по мере своего дальнейшего социально-экономического развития Китай будет все меньше походить на развивающиеся страны, и вовсе формально, опираясь на отражающие уровень социально-экономического развития показатели, перестанет ею быть довольно скоро. Однако международную идентичность Китая как развивающейся страны на современном этапе следует рассматривать не через призму уровня социально-экономического развития, а с иных позиций. Самоопределение Китая как развивающейся страны означает, что свое будущее, реализацию своих ширящихся национальных интересов он видит через тесное взаимодействие и сохранение солидарности с развивающимися странами. Именно в развивающихся странах Китай видит для себя основу политической поддержки и опору в восстановлении «законного» места на мировой арене как в материальном, моральном и культурном смысле могущественного государства. Намеченная Си Цзиньпином к столетию образования КНР в 1949 г. реализация «китайской мечты о великом возрождении китайской нации» и достижение исторически обоснованного статуса на мировой арене – повышение статуса до уровня, соизмеримого с положением Китая во времена, предшествовавшие Опиумным войнам XIX в. и «столетию унижений», – видятся в Пекине возможными через тесное взаимодействие с развивающимся миром.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Кочетков, В.В. Идентичность в международных отношениях: характеристики, роль и пути формирования // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 2. С. 100–114.

Kochetkov, Vladimir V. "Identity in International Relations: Characteristics, Role and Ways of Formation." *Bulletin of Moscow University. Seriya. 18. Sociology and political science*, no. 2 (2010): 100–114 [In Russian].

Лексюткина, Я.В. Китай как ответственная великая держава // Международные процессы. 2018. Т. 16. №2 (53). С. 60–72. DOI 10.17994/IT.2018.16.2.53.4.

Leksyutina, Yana. "China, Great Power Responsibility, and Global Leadership." *International Processes* 16, no. 2 (2018): 60–72 [In Russian].

Лузянин, С.Г., Мамонов, М.В. Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XVI: ежегодное издание / под ред. Е.И. Сафроновой. М.: ИДВ РАН, 2011.

Luzyanin, Sergey G., and Mikhail V. Mamonov. "China in Global and Regional Dimensions. Resources and Routes of 'Rising'." In *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. Vol. XVI: annual publication, edited by E.I. Safronova. M.: IFES RAS, 2011 [In Russian].

Портяков, В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы. Москва: ИДВ РАН, 2013. 240 с.

Portyakov, Vladimir Ya. *The Formation of China as a Responsible Global Power*. Moscow: IFES RAS, 2013 [In Russian].

Прохоренко, И.Л. Внешнеполитическая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Издательство «Весь мир», 2017. С. 465–469.

Prokhorenko, Irina. "Foreign Policy Identity." In *Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition*, edited by I.S. Semenenko, 465–469. Moscow: Publishing House "The Whole World", 2017 [In Russian].

Ho, Benjamin Tze Ern. "Chinese Thinking about International Relations. From Theory to Practice." *Asia Policy* 14, no. 3 (2019).

Men, Honghua. "China's National Identity in Transition: Domestic and International Perspectives (1982–2012)." *Social Sciences in China* 35, no. 2 (2014): 189–207. <http://dx.doi.org/10.1080/02529203.2014.900895>.

Pu, Xiaoyu. "Controversial Identity of a Rising China." *The Chinese Journal of International Politics* 10, no. 2 (2017): 131–149. DOI: 10.1093/cjip/pox004.

Qin, Yaqing. "Development of International Relations Theory in China: Progress through Debates." *International Relations of the Asia-Pacific*, no. 11 (2011): 231–257. DOI: 10.1093/irap/lcr003.

Wang, Jisi. "China in the Middle." *American Interest* 10, no. 4 (2015): 1–7.

Xu, Jin, and Zheyuan Du. "The Dominant Thinking Sets in Chinese Foreign Policy Research: A Criticism." *Chinese Journal of International Politics* 8, no. 3 (2015): 251–729.

Yuan, Peng. "China's strategic choices." *Contemporary International Relations* 20, no. 1 (2010): 17–32.

蔡拓. 当代中国国际定位的若干思考 // 中国社会科学, 2010年第5期, 第121–136页。

Cai, Tuo. "Some Thoughts on Contemporary China's International Positioning." *Chinese Social Sciences*, no. 5 (2010): 121–136 [In Chinese].

陈翔. 负责任大国: 中国的新身份定位 // 世界经济与政治论坛, 2016年第6期, 第33–50页。

Chen, Xiang. "Responsible Great Power: China's New Identity." *World Economic and Political Forum*, no. 6 (2016): 33–50 [In Chinese].

金灿荣, 刘世强. 奥巴马执政以来的中美关系 // 美国研究, 2009年第4期, 第43页。

Jin, Canrong, and Shiqiang Liu. "Sino-US Relations since the Obama Administration." *American Studies*, no. 4 (2009) [In Chinese].

李博一. 百年大变局下的中国国际身份: 变与不变 // 印度洋经济体研究, 2021年第2期, 第35–37页。DOI:10.16717/j.cnki.53–1227/f.2021.02.003.

Li, Boyi. "China's International Identity under a Century of Major Changes: Change and Stability." *Indian Ocean Economics Research*, no. 2 (2021): 35–37 [In Chinese].

李稻葵. 乱世中的大国崛起: 中国如何应对金融危机的世界。北京: 中信出版社, 2012 年版。

Li, Daokui. *The Rise of a Great Power in Troubled Times: How China Responds to a World in Financial Crisis*. Beijing: CITIC Press, 2012 [In Chinese].

罗建波. 负责任的发展中大国: 中国的身份定位与大国责任 // 西亚非洲, 2014年第5期, 第28–45页。

Luo, Jianbo. "Responsible Developing Power: China's Identity and Major Power Responsibilities." *West Asia and Africa*, no. 5 (2014): 28–45 [In Chinese].

聂文娟. 中国的身份认同与南海国家利益的认知 // 当代亚太, 2017年第1期, 第139–155页。

Nie, Wenjuan. "China's Identity and Perception of National Interests In the South China Sea." *Contemporary Asia-Pacific*, no. 1 (2017): 139–155 [In Chinese].

秦亚青. 国家身份、战略文化和安全利益—关于中国与国际社会关系的三个假设 // 世界经济与政治, 2003 年第1期, 第10–15 页。

Qin, Yaqing. "National Identity, Strategic Culture and Security Interests – Three Assumptions about the Relationship between China and the International Community." *World Economy and Politics*, no. 1 (2003): 10–15 [In Chinese].

吴兵. 身份与责任: 中国国际责任观研究 // 社会主义研究, 2011年第2期, 第138–141页。

Wu, Bing. "Identity and Responsibility: Research on China's View of International Responsibility." *Socialist Studies*, no. 2 (2011): 138–141 [In Chinese].

夏建平. 中国国家身份的建构及其和平内涵—关于中国和平发展的建构主义分析 // 社会主义研究, 2005年第1期, 第119–121页。

Xia, Jianping. "The Construction of China's National Identity and Its Peaceful Connotation – a Constructivist Analysis of China's Peaceful Development." *Socialist Studies*, no. 1 (2005): 119–121 [In Chinese].

张少冬. 论习近平对中国在国际秩序中国家身份的三重定位 // 思想政治教育研究, 2021年. 第37卷第5期. 第1–6页。DOI:10.15938/j.cnki.ipcr.2021.05.001.

Zhang, Shaodong. "On Xi Jinping's Triple Positioning of China's National Identity in the International Order." *Research on Ideological and Political Education* 37, no. 5 (2021): 1–6 [In Chinese].

钟飞腾. 中国的身份定位与构建发展中国家新型关系 // 当代世界, 2019年第2期, 第23–28页。DOI: 10.19422/j.cnki.dds.2019.02.004.

Zhong, Feiteng. "China's Identity Positioning and the Construction of New Relationships Among Developing Countries." *Contemporary World*, no. 2 (2019): 23–28 [In Chinese].

Сведения об авторе

Яна Валерьевна Лексютина,

д.полит.н., профессор РАН, Институт Китая и современной Азии РАН,
117997, Россия, Москва, Нахимовский пр-т, 32

ORCID: 0000-0001-6766-1792

e-mail: lex yana@ya.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 12 января 2024.

Переработана: 8 февраля 2024.

Принята к публикации: 15 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Лексютина, Я.В. О двойной международной идентичности современного Китая // Международная аналитика. 2024. Том 15 (1). С. 63–76.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-63-76>

On the Dual International Identity of Contemporary China

ABSTRACT

Since the beginning of the 21st century, one of the central research questions for Chinese IR scholars has been the definition, justification and conceptualization of China's international identity. This was due both to the discussions in the Chinese academic community about China's peaceful rise, caused by the rapid growth of China's material power, and to the "constructivist turn" in the development of IR as a discipline in China. Understanding China's international identity is important not only for China itself as a way of understanding "itself" and "others", but also for the world community, since the self-positioning of a state reveals its national interests, aspirations, foreign policy strategy and behavior. From the founding of the People's Republic of China in 1949 to the end of the 1990s, when analyzing its foreign policy self-positioning, it was always possible to identify a dominant international identity. In the 1950s it was a pronounced international identity of the PRC as a socialist country, in the 1960s–1980s as a third world country, since the 1990s as the largest developing country. However, since the second half of the 1990s, China has started to reveal its identity as a responsible great power while simultaneously maintaining its identity as a developing country. The use of two international identities by China for almost three decades and the intention repeatedly emphasized by the Chinese leadership to maintain self-positioning as a developing country for a long time allow us to conclude that China's dual international identity is not a reflection of the transition period of China's development, but represents a complex phenomenon that requires conceptualization. The purpose of this article is to reveal the phenomenon of contemporary China having a dual international identity or, in other words, simultaneously two dominant international identities that determine China's actions on the global stage. The author intended to reveal, based on an analysis of Chinese academic publications, the Chinese vision of the phenomenon of dual international identity.

KEYWORDS

China, international identity, developing country, responsible great power, status, global power, foreign policy

Author

Yana V. Leksyutina,

PhD (Polit. Sci.), Professor of the Russian Academy of Sciences;
Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences,
32, Nakhimovskii Prospekt, Moscow, Russia, 117997

e-mail: lexyana@ya.ru

Additional information

Received: January 12, 2024. Revised: February 8, 2024. Accepted: February 15, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Leksyutina, Yana V. "On the Dual International Identity of Contemporary China." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 63–76.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-63-76>

Тюркский мир и арабская родина: туркоманы Сирии и Ирака в поисках идентичности

Кудряшова Ирина Владимировна, МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Сейидли Салех Агил оглы, МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Контактный адрес: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

После распада Османской империи тюркские общины Сирии и Ирака (туркоманы) оказались культурной периферией и для Турции, и для новых арабских государств; долгое время они были лишены коллективного голоса. Власти мандата придерживались курса на этнически однородный государственный национализм с формально равными правами граждан; арабские националисты в период независимости осуществляли проект «арабского отечества». Политическую идентичность туркоманы стали обретать только с ослаблением / распадом баасистских режимов в 1990-х–2000-х годах. Как она развивалась и каковы ее векторы сегодня? Какую роль играет Турция в поддержке исторических соотечественников и что предлагают им власти Сирии и Ирака? Туркоманский вопрос рассмотрен авторами в двух контекстах – структурном и идентичностном, т. е. вписан в рамку государственного и национального строительства. В качестве аналитического инструмента использован «треугольник Брубейкера». Результаты исследования показывают, что идентичность туркоман в дополнение к этническому и религиозному приобрела национально-государственное измерение. В частности, туркоманы в Сирии, и Ирака выступают за гражданскую полиэтническую нацию и широкие культурные права. Крупнейшие и наиболее влиятельные политические организации туркоман созданы при активной поддержке Турции, однако политически «тюркский мир» вариативен. В Ираке стремление туркоман к турецкой опеке уступает место желанию сотрудничества двух государств; в Сирии де-факто туркоманская автономия вдоль турецко-сирийской границы приобрела устойчивую значимость и для туркоман, и для «внешней родины». Есть и группы туркоман, для которых приоритетное значение имеет конфессиональная идентичность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

туркоманы, Сирия, Ирак, Турция, национальная идентичность, имперская идентичность, этническая идентичность, разделенные общества, туркизм

Введение

Не только для исследователей, но и для заинтересованных наблюдателей очевидно, что создание национальных государств на месте бывших империй – длительный процесс. В первую очередь это верно в отношении континентальных, или протяженных, империй (Османской, Австро-Венгерской, Российской), где зависимые территории включались в общую государственную структуру.

Хотя исчезновение слова «империя» из политических документов и страновых наименований и дало некоторые основания считать переход «из империи в нацию» состоявшимся, имперские нарративы и символы сохраняют свою роль. В ответ на вызовы усложняющегося политического развития и в ядре, и на периферии бывших империй происходит переосмысление имперского наследия, открывающее путь неоимперской идентичности¹.

В публичном дискурсе современной Турции неомперские и пантюркские мотивы хорошо различимы: то президент Р.Т. Эрдоган упоминает о необходимости защиты Национального обета², то его союзник по правящей коалиции лидер Партии националистического движения Д. Бахчели демонстрирует карту «тюркского мира». По мнению В.А. Аваткова и А.И. Сбитневой, неоосманизм как понятие включает в себя «набор идеологем, одна из которых затрагивает проблематику пантюркизма и общетюркского объединения»³. П.В. Шлыков полагает более точным термин «тюркизм» – как лишенный заряда экспансионизма и предполагающий экономическое, политическое и культурное сотрудничество и взаимодействие⁴.

Помимо эмоциональных речей политиков, проблемы постосманских политических и населяющих их народов проявляются в виде вооруженных конфликтов, терроризма, государственной несостоятельности и этнической дискриминации вплоть до геноцида. Пожалуй, самым известным в этом отношении стал курдский вопрос, который в его различных ипостасях – турецкой, сирийской и иракской – постоянно присутствует в последние годы в международной и региональной повестке дня.

Мы, однако, хотели бы обратить внимание на другой «вопрос» – туркоманский, который далеко не так подробно освещен в научной литературе и политической публицистике. Между тем туркоманы, тюркские меньшинства Сирии и Ирака⁵, связи которых с анатолийскими турками оказались разорванными после образования Турецкой Республики и масштабных реформ Ататюрка, не утратили своей этнической идентичности, несмотря на прессинг арабского национализма. Быстрое становление их политической субъектности началось после падения режима Саддама Хусейна в Ираке (2003) и начала «арабской весны» в Сирии⁶.

1 Подвинцев 2017, 360.

2 Национальный обет – документ, принятый депутатами последнего османского парламента в 1920 г. Предусматривал, в частности, включение в состав будущего турецкого государства тех османских территорий, где этнические турки составляли большинство.

3 Аватков, Сбитнева 2022, 294.

4 Шлыков 2017, 61.

5 Туркоманы – третья по численности этническая группа в обеих странах (после арабов и курдов); этноним исторически использовался на Ближнем Востоке для обозначения огузских тюркских племен, прибывавших в регион в ходе массовых миграций с VII в. до позднего Средневековья.

6 Сейидли 2022.

Поскольку туркоманские сообщества принадлежат к тем «мусульманско-оттоманским» народам, которые входят в круг современной политики туркизма, представляется теоретически и практически любопытным рассмотреть вопрос об основных ориентирах их политической идентичности. Связывают ли они свое будущее с арабскими родинами или мечтают о воссоединении с родиной исторической? Как складываются отношения между ними и Турцией? Признают ли власти Сирии и Ирака их коллективные политические права?

Учитывая сложность сопряжения векторов государственного и национального строительства в условиях Ближнего Востока и появление трансграничных политических пространств, мы видим задачи статьи следующими: (1) определить структурный контекст строительства новых государств на постосманском пространстве; (2) осветить исторические траектории национальной политики в Сирии и Ираке как фактор формирования туркоманской идентичности; (3) провести анализ политизации идентичности сирийских и иракских туркоман и формирования их политической субъектности; (4) оценить позицию Турции как «внешней родины» туркоман. Внимание к историческому контексту объясняется тем, что в восточных обществах история и религиозная традиция остаются органичной частью современности¹.

Империя и национальное государство: краткий экскурс в политическую теорию и отчасти в историю

В идеал-типическом плане политические рамки империи и национального государства обладают разными структурными характеристиками. Прежде всего их разделяет принцип территориальности. Если национальное государство делает акцент на обладании территорией, то в логике империи она воспринимается главным образом как «пространство, доступное для управления»². «Принципиальная разомкнутость» имперской формы предполагает терпимое отношение к существующим внутренним различиям политического, экономического и культурного порядка³.

Другое различие связано с системой управления: в национальном государстве оно прямое, в империи – косвенное или смешанное. Последняя часто допускает существование в своем составе небольших политических единиц с различными институциональными формулами и отправляет власть через автономных посредников в обмен на соблюдение общих требований⁴. Соответственно, национальное государство ориентировано на стандартизацию и унификацию отношений внутри политики и стремится к универсализации гражданско-правового порядка, а империя допускает значительную степень неформальности и внутренней «антидемократичности».

Особенность империй – обращение к трансцендентным ценностям, идее цивилизаторской миссии. Легитимация политического порядка «сверху» обеспечивается путем «распространения символов лояльности, „хорошего правления“,

1 Звягельская 2020, 11

2 Osterhammel 2015, 424.

3 Каспэ 2007, 125.

4 Tilly 1997, 3.

поддержания внутреннего мира или установления льгот и привилегий для своих клиентов»¹ и поддерживает имперскую идентичность.

Наконец, к числу наиболее важных различий между этими политическими формами относится специфика участия в международных системах: империи «антитетичны внешнему равенству государств, которое предполагается суверенной территориальностью», и ограничивают свое господство «совместно согласованными пространственными параметрами»².

Система непрямого управления в Османской империи отличалась высокой функциональностью (что и обусловило ее долговечность). В арабских провинциях Порты опиралась главным образом на городские суннитские элиты и старалась передать им управление более мелкими сообществами (племенными, этническими или религиозными)³. В середине второй половины XV в. вслед за расширением империи возникла система миллетов, обладавших своими правовыми системами и институциональной сетью для ведения общинных дел; по существу, это была нетерриториальная форма автономии, позволявшая духовным лидерам в том числе выступать посредниками в разрешении межобщинных конфликтов⁴. Важным элементом управления был правовой плюрализм: члены общин могли выбирать правовую систему, в которой они хотели бы разрешить свои споры⁵. Как де-факто территориальную автономию можно рассматривать отношения имперского ядра с глубокой периферией (труднодоступными областями или зонами приграничья), которые строились на основе неформальных договоренностей и зачастую на признании особых прав, вплоть до наличия вооруженных формирований⁶.

В символической сфере ядро формировало общее пространство с центрами провинций, апеллируя к традиционным исламским ценностям, включая принцип мирного сосуществования людей Писания. В период модернизационных реформ XIX в. была предпринята попытка создать обновленную имперскую идентичность на основе принципа «османского гражданства», не отменявшего привилегий и льгот для немусульман. В XX в. в условиях практической потери Балкан пришедшие к власти младотурки выдвинули идею полиэтнической османской нации и ее тюркизации.

Несмотря на проникновение в имперское пространство идеи национализма и заимствование ряда европейских институтов (парламент, конституция, партии, выборы), национальное государство как форма политической жизни оставалось и для турок, и для арабов чужеродным. Более того, сама его идея вступала в противоречие с принципами уммы и халифата. И сторонниками имперских реформ («новые османы», затем младотурки), и арабскими мыслителями государство воспринималось «как единый организм, функционирующий на этнокультурной или религиозной основе; вопросы территориальных границ, общественной этики, прав и свобод народа, националь-

1 Мелешкина, Кудряшова 2022, 22.

2 Spruyt 1994, 17.

3 Karpát 1988, 39.

4 Кудряшова, Козинцев 2021, 146–148.

5 Barkey, Gavriliis 2016.

6 Кудряшова, Козинцев 2021, 149–150.

ного рынка не разрабатывались, поскольку считались искусственными или второстепенными»¹.

В Первую мировую войну Великобритания обещала шерифу Мекки Хусейну аль-Хашими создание арабского государства в обмен на поддержку в войне против султана². В ходе развернувшегося освободительного движения («великой арабской революции») 1916–1918 гг. арабо-сирийские националисты попытались учредить это государство в пределах «исторической Сирии», включая часть Ирака и Хиджаз, с представителем хашимитской династии Фейсалом ибн Хусейном на троне³. Однако Великобритания и Франция, ранее договорившиеся о разделе азиатских владений империи в соответствии со своими стратегическими интересами (соглашение Сайкса – Пико 1916 г.), сорвали эту попытку. Установление Лигой наций мандатного управления арабскими провинциями бывшей империи привело к появлению страновых «национальных государств», произвольно и не сразу обозначенные границы которых разрывали не только сложившуюся в имперский период управленческую, экономическую и коммуникативную инфраструктуру, но и общее культурное пространство. Между тем для тюркских народов Сирии и Ирака османская идентичность, в той или иной степени соотносимая с этнической, продолжала оставаться ориентиром самоидентификации⁴.

Государственное строительство и этническая политика в Сирии и Ираке в период мандата

Территориально современные Сирия и Ирак были сконструированы из нескольких вилайетов Османской империи и представляли собой политические образования с неконсолидированными границами и оспариваемыми политическими центрами. Новая Сирия по сравнению с «исторической» утратила Ливан, Палестину и Трансиорданию. Первоначально страна была разделена на пять частей-квазигосударств: Государство Дамаск, Государство Алеппо, Государство Алавитов, Государство Джебель Друз и Александреттский санджак (Искендерун) со значительным тюркским населением (Анкарский договор 1921 г. между Францией и Турцией предусматривал для последнего особый административный режим, включавший создание возможностей для культурного развития жителей-турок и официальное признание турецкого языка⁵). Само выделение этих политических единиц вызвало рост этноконфессионального антагонизма. Из-за их слабой сопряженности в качестве временного решения была учреждена Сирийская Федерация (1922–1924), куда вошли первые три территории и санджак как автономия Государства Алавитов со своим административным советом и бюджетом; в планах французских властей было и дальнейшее политическое переустройство Сирии⁶.

Вопрос о принадлежности Александретты на долгие десятилетия стал источником напряженности в турецко-сирийских отношениях, что заставляет

1 Кудряшова, Козинцев 2023, 57, 60.

2 Шевелев 2021, 142.

3 Косач 2007, 262.

4 Fontana 2010, 4–5.

5 Khadduri 1945, 406–408; Sanjian 1956, 379.

6 Balanche 2017, 20–21.

обратиться к его истории. Парафирование в 1936 г. франко-сирийского договора, предусматривавшего трехлетний переходный срок для отмены мандата и вступления Сирии в Лигу наций, спровоцировало в Турции антифранцузскую кампанию: турецкое правительство выразило озабоченность безопасностью тюркоязычного населения санджака и потребовало его независимости¹. Ввиду обострения ситуации в Европе и Восточном Средиземноморье накануне Второй мировой войны² Франция уступила и согласилась передать вопрос о статусе санджака на рассмотрение Совета Лиги наций. В конце января 1937 г. Совет принял компромиссное решение, согласно которому санджак после прекращения сирийского мандата должен оставаться под наблюдением Лиги, имея полную самостоятельность во внутренних делах. Франция и Турция назначались гарантами его территориальной целостности, а Сирия несла ответственность за внешнюю политику и общую денежную и таможенную систему³. Сирийский парламент отверг это решение, страну охватили протесты.

В мае 1937 г. Совет Лиги утвердил основной закон и статут Александреттского санджака, в соответствии с которым тот приобретал автономию в рамках мандатной системы. Основным органом власти становилась Законодательная ассамблея из 40 депутатов, избираемых по общинному признаку; назначаемый Лигой комиссар имел право вето законов. Поскольку в санджаке жили представители многих этнических, религиозных и языковых общин⁴, среди которых турки (тюрки) составляли около 40%⁵, регистрация населения для составления списков избирателей и установления пропорциональных квот сопровождалась многочисленными конфликтами⁶.

По итогам регистрации избирателей квота турок оказалась самой большой (22 места), то есть в процентном отношении их численность должна была вырасти до 60%⁷. На своем первом заседании Ассамблея избрала этнически тюркское правительство, изменила название санджака на турецкое Хатай, приняла закон о введении турецкого гражданского и уголовного кодекса и использовании турецкого гимна. Главами автономного государства и кабинета стали политики, избранные в парламент Турции соответственно от округов Анталя и Газиантеп⁸. Франко-турецкие соглашения 1939 г. закрепили переход Хатая к Турции, что было одобрено Ассамблеей санджака, но не признано сирийским правительством⁹.

Подмандатный Ирак включил в своей состав три османских вилайета – Басру, Багдад и Мосул¹⁰. В 1920 г. он был охвачен антибританским восстанием, после

1 Киреев 2007, 228.

2 Болдырев 2020, 177–178.

3 Khadduri 1945, 417.

4 "Carte d'Ensemble du Sandjak d'Alexandrette (Overview Map of the Sanjak of Alexandrette)," United Nations Geneva, August 8, 2022, accessed March 20, 2024, <https://archives.ungeneva.org/carte-densemble-du-sandjak-dalexandrette-4>

5 Sanjian 1956, 380.

6 В частности, право голосовать получили все, кто проживал на территории санджака до 1 января 1918 г.; арабы, имевшие множественную общинную принадлежность, были на этом основании разделены на несколько групп (алавиты, сунниты, христиане); члены малых общин подвергались давлению с целью заставить их зарегистрироваться в качестве представителей тюркской общины. См.: "Аль-Искендерун. Лива' (Iskenderun. Province)," Аль-Мавсу' аль-арабийа (Arab Encyclopedia), accessed December 7, 2023, <https://arab-ency.com.sy/ency/details/687/2>.

7 Khadduri 1945, 423.

8 Jörum 2014, 91–92.

9 Киреев 2007, 229.

10 Этнический состав вилайета Мосул был главным аргументом в спорах о его принадлежности на Лозаннской конференции 1922–1923 гг.: по данным турецкой делегации, тюрки были второй по численности этнической группой в регионе после курдов, с чем не соглашались англичане, ставя их на третье место после курдов и арабов. См.: Oğuzlu 2004, 311.

подавления которого было принято решение о переходе к непрямому правлению – учреждению конституционной монархии во главе с представителем Хашимитской династии Фейсалом ибн Хусейном. Принадлежность Мосула Ираку была подтверждена Советом Лиги наций только в 1925 г.; отказ Анкары от Мосула зафиксирован в англо-иракско-турецком договоре 1926 года.¹

И Сирия, и Ирак стали государствами с абсолютным арабским большинством и значительным присутствием других этноконфессиональных групп (курды, туркоманы, ассирийцы, черкесы, езиды, шабаки, армяне и др.). Власти мандата, столкнувшись с подъемом освободительной борьбы, взяли курс на создание формально этнически однородных государств с центральными органами власти². Так, если в проекте иракской конституции 1920 г. еще было упоминание о трех народах (арабы, курды и турки), которые составляют «иракскую нацию»³, то конституция 1925 г., как и конституция Сирии 1930 г., содержали статьи о равенстве всех граждан перед законом, независимо от языка, расы или религии, и не упоминали о наличии каких-либо этнических групп. Косвенно присутствие туркоман в Ираке подтверждалось тем, что конституция была опубликована и на турецком языке. Согласно Акту о местных языках 1931 г., курдам и туркоманам разрешалось использовать родной язык в государственных учреждениях, включая школы и суды, в тех районах, где они составляли большинство; на деле закон применялся избирательно. Для туркоманских интеллектуалов того периода сама идентичность меньшинства в арабской монархии ассоциировалась с бесправием, страданием и унижением и вызывала желание вновь «стать большинством» через воссоединение с родиной. Так, в стихотворении «Беда моей страны» литератор и активист Назим Рефик Коджак в 1933 г. обращался к президенту Турции со следующими словами:

О Гази [Мустафа Кемаль-паша] неукротимый, чужой флаг
развевается над нами, спаси нас.
Киркук – турецкий; не разлучай мать с дочерью.
Сокрушенный и скорбящий сирота здесь
Плачет день и ночь о своей Родине⁴.

В той же стилистике скорби и отчаяния туркоманский поэт Хизир Лютфи писал об отделении Мосула:

Я неизлечимо болен; мою возлюбленную оторвали от меня.
Разлука подкосила меня. Я охвачен тоской.
Разрыв становился глубже с каждым моим шагом.
Моя половина ушла, когда я еще жив⁵.

Сирийские туркоманы с 1936 г. не могли свободно общаться и публиковаться на турецком (османском) языке и были лишены возможности публично использовать свое культурное наследие⁶.

Следы туркоманской идентичности в период мандата мы попытались обнаружить на этнографических картах, изучая используемые этнонимы. Французская

1 Болдырев 2020, 176–177.

2 Fontana 2010, 13.

3 Oğuzlu 2004, 315.

4 Büyüksaraç 2017, 27.

5 Ibid., 26.

6 Hürmüzlü 2015, 89.

этнографическая карта 1935 г. фиксирует присутствие турок (*Turcs*), туркоман (*Turcomans*) и туркмен (*Turkmènes*)¹, а этнографическая карта Северного Ирака 1927 г. – турок или туркоман (*Turks or Turcomans*)². Карты подтверждают, что четкой (само)идентификации туркоман в новых государствах не было. По мнению исследователей, турки Ирака и Сирии рассматривали себя как единое целое с анатолийскими турками и использовали термины «турок» и «туркоман» взаимозаменяемо³. Как пишет Г. Бюйюксараç, «этничность туркоман появилась как травмированная и меланхоличная идентичность, обращенная к политике прошлого, как ностальгия по османским временам, когда все и вся, казалось, находилось на своих местах»⁴. В использовании этнонима «туркоман» первоначально были заинтересованы сирийская и иракская администрации, которые стремились избежать территориальных претензий Турции⁵.

Государственное строительство и этническая политика в Сирии и Ираке после получения независимости

Формально Ирак получил независимость в 1932 г., Сирия – в 1943 году. В ранний период независимости у власти оставались старые элиты (нотабли, торговая буржуазия), которые успешно управляли парламентскими выборами. В Сирии стихийное развитие капитализма и аграрный кризис, вызванный сверхвысокой концентрацией земельной собственности, привели к резкому усилению социального неравенства и распространению левых настроений. Легитимность власти была также подорвана потерей Палестины в результате арабо-израильской войны 1948 года.⁶ Ирак сотрясали народные волнения и забастовки социально-экономического и политического характера. В 1948 г. началось народное восстание против продления военного договора с Великобританией, в 1955 г. – против вступления в Багдадский пакт⁷.

Рост политической нестабильности привел к укреплению позиций арабских националистов и учреждению в Дамаске Партии арабского возрождения (Баас), которая мыслилась как общеарабская; ее идеология сочетала в себе национализм, антиимпериализм и призыв к борьбе с социальной несправедливостью, со старой системой. Исходная посылка была простой: если империализм искусственно разделит арабскую нацию на разные государства, чтобы ее ослабить, то партия должна пробудить и объединить нацию, чтобы сделать ее сильной⁸. В конституции партии, принятой Учредительным конгрессом 1947 г., утверждалось, что арабы – «одна нация, обладающая естественным правом жить в одном государстве и свободно распоряжаться своими способностями», и что «арабское

1 "Syrie et Liban. Carte de 1935. Communautés religieuses et ethnies. Carte établie par le Bureau topographique des troupes françaises du Levant (Syria and Lebanon. Map from 1935. Religious communities and ethnic groups. Map established by the Topographical Office of the Troops French from the Levant)," *Hypotheses*, October 24, 2012, accessed December 7, 2023, <https://ifpo.hypotheses.org/2753>.

2 "Ethnographical Map to Show Distribution of Races in Northern Iraq. 1927," United Nations Geneva, August 9, 2022, accessed December 7, 2023, <https://archives.ungeneva.org/ethnographical-map-to-show-distribution-of-races-in-northern-iraq>.

3 Saatçi 2018, 331.

4 Büyüksaraç 2017, 43.

5 Yıldız, Çitak 2021, 342.

6 Hinnebusch 1982, 178–179.

7 Восток в новейший период... 2008, 313–316.

8 Dawisha 2003, 154.

отечество – для арабов»¹. В 1952 г. региональная (страновая) ветвь Баас была учреждена в Ираке; в 1953 г. произошло слияние Баас с Арабской социалистической партией, что усилило радикализм ее позиций.

В конституции Сирии 1950 г. и во временной конституции Ирака 1958 г., принятой после антимонархического переворота, декларировалась принадлежность этих стран единой арабской нации. В случае Ирака, однако, арабы и курды² провозглашались партнерами, национальные права которых защищаются конституцией «в рамках иракского единства» (другие этнические группы не упоминались). Это объяснялось тем, что коалиция национальных сил, пришедших к власти в Ираке, объединяла представителей разных политических взглядов; ключевое размежевание проходило по оси иракский национализм – панарабизм.

Сила иракского национализма первоначально была в его этнической инклюзивности. Возглавивший страну генерал Абдель Керим Касем не поддерживал панарабские проекты и выстраивал иракскую идентичность вокруг древней истории Месопотамии. Несмотря на то что туркоманы в политике Касема занимали менее важное место, чем курды, именно при нем в 1959 г. был официально введен этноним «туркоман» (араб. *ناملكرت*) взамен ранее используемого «турок» или «тюрок» (араб. *كرت*)³.

Официальная символика Ирака была изменена: новый флаг, помимо трех полос цветов панарабизма (черный, белый, зеленый), имел в центре так называемое солнце Месопотамии, которое предположительно символизировало курдское (желтый диск) и христианско-ассирийское (красные лучи) меньшинства⁴. Одновременно генерал открыто заявлял о территориальных претензиях на Кувейт (часть бывшего вилайета Басра), Хузестан (регион Ирана, где проживает арабское меньшинство) и преимущественно курдские районы Сирии, Турции и Ирана⁵.

Однако иракскому лидеру не удалось стабилизировать этнополитическую ситуацию. Так, в 1959 г. митинг по случаю годовщины антимонархической революции в Киркуке привел к столкновениям между курдами и туркоманами, унесшим жизни более ста человек⁶. Как отмечают Л. Андерсон и Г. Стэнсфилд, «резня 1959 г. остается в коллективной психике туркоман не только как предупреждение о неизбежных опасностях политики в Ираке, но и как напоминание о глубине ненависти и недоверия, которые всегда существовали между туркоманами и курдским сообществом»⁷.

Усилия Касема по централизации власти привели к масштабному вооруженному конфликту с курдами в северных районах страны в 1961 г.⁸, следствием которого стала арабизация Северного Ирака. Она затронула и туркоман: последние

1 "Дустур хизб аль-баас аль-арабий аль-иштиракий (Constitution of the Arab Socialist Renaissance Party)," Syria-news.com, April 27, 2012, accessed December 15, 2023, <http://syria-news.org/dayin/mosah/readnews.php?id=7917>.

2 В 1958 г. курды составляли около 20% населения Ирака. См.: Rubin 2007, 355.

3 Saatçi 2018, 39.

4 "Republic of Iraq: 1959-1963," FOTW "Flags Of The World" website, July 31, 2020, accessed January 12, 2024, https://www.fotw.info/flags/iq_1959.html.

5 Simons 1996, 257–258.

6 Anderson, Stansfield 2009, 34.

7 Ibid., 64.

8 Rubin 2007.

считали, что подвергаются арабизации в большей степени, чем какая-либо другая этническая группа, потому что Киркук не только исторически был туркоманским, но и остался таковым по своим культурным ориентирам¹.

Самый трудный этап для этнических меньшинств Ирака начался с приходом к власти в 1979 г. Саддама Хусейна, который был сторонником политики насильственной ассимиляции. Туркоманские поселения переименовывались, туркоманы депортировались, а в районы их компактного проживания переселялись арабы; были запрещены любые политические объединения на этнической основе, а также публичное использование туркоманских диалектов².

Репрессиям подверглись и лидеры туркоманских националистов; в 1980 г. четверо из них были повешены³. В 1991 г. армия Ирака в ходе подавления массовых протестов учинила резню в городе Алтун Кюпрю, населенном преимущественно туркоманами-шиитами⁴.

В Сирии политика ассимиляции этнических меньшинств проводилась изначально, однако она по-разному затронула туркоман. Те, кто проживает в сельских районах (их около 30%⁵), хуже владеют арабским языком и значительно менее грамотны, чем те, кто был урбанизирован. Они сохранили кланово-племенную структуру и патриархальные ценности (а некоторые племена – кочевой образ жизни) и в целом всегда были менее лояльны сирийскому государству⁶. Правительство Хафеза Асада, несмотря на официальные лозунги «нет конфессионализму» и «нет трайбализму», по внутривнутриполитическим причинам патронировало крупные арабские племена и племенные конфедерации⁷, но туркоманы оставались вне системы патронажа и сталкивались с дискриминацией при трудоустройстве и потере своих наделов в ходе земельной реформы⁸.

В крупных городах (Дамаск, Алеппо, Хама, Хомс) маргинализировать туркоман, в большинстве своем мусульман-суннитов, владеющих как сирийским диалектом, так и классическим арабским, было практически невозможно. Более того, многие сирийцы туркоманского происхождения внесли ощутимый вклад в развитие национальной культуры и науки, стали известными государственными деятелями: Халил Мардам-бей не только возглавлял министерства образования и иностранных дел, но и написал слова государственного гимна Сирии, Абу Халил Каббани основал арабскую оперетту, выходец из смешанной арабо-туркоманской семьи Низар Каббани стал известнейшим поэтом, его брат Сабах Каббани стоял у истоков сирийского телевизионного проекта, Мухаммад Эмади на посту министра экономики заслужил почетное прозвище

1 Anderson, Stansfield 2009, 64.

2 Mullen et al. 1997, 88; Anderson, Stansfield 2009, 87.

3 "Türkmen Şehitlerimiz (Our Turkmen Martyrs)," Türk Tarihi Araştırmaları, February 21, 2012, accessed February 15, 2024, <https://www.altayli.net/16-ocak-1980-turkmen-sehitlerimiz.html>.

4 "On the Anniversary of the Massacre of Altun Kupri, President Underlines the Need to Respond to the Citizens' Legitimate Demands in Building Democratic State," Official Website of President of Iraq, March 30, 2020, accessed February 15, 2024, <https://presidency.iq/EN/Details.aspx?id=1856>.

5 Mustafa Khalifa, "The Impossible Partition of Syria," Arab Reform Initiative, October 24, 2013, accessed December 23, 2023, <https://www.arab-reform.net/publication/the-impossible-partition-of-syria/>.

6 Ibid.

7 Dukhan 2014, 5–6.

8 Meşküre Yılmaz, "Suriye Türkleri (Syrian Turks)," 21 yüzyıl Türkiye enstitüsü, December 4, 2015, accessed December 11, 2023, <https://21yyte.org/tr/suriye/suriye-turkleri-2>.

«отец сирийской экономики», Хасан Туркмани был начальником генерального штаба и министром обороны и др.¹

Толерантность, проявляемая различными общинами по отношению друг к другу, в этот период была источником гордости для многих сирийцев, однако этноконфессиональные идентичности никуда не исчезали: они «традиционно были предметом частных разговоров и часто представляли важную информацию в тех случаях, когда нужно было оценить ситуацию, понять человека или группу или оценить профессиональные и личные возможности и ограничения»². Хотя в целом туркоманы вели такую же жизнь, как их соседи-арабы, и испытывали те же социально-экономические трудности³, употребление родного языка туркоман⁴ – главного маркера идентичности – в городской среде было ограничено их повседневной жизнью; многие утрачивали его. Как отмечает Н.Ю. Сурков, на практике «светский неэтнический национализм» регулярно подвергался испытаниям⁵.

У иракских туркоман также наблюдались различия в положении сельских и городских общин. Общины в крупных городах Ирака (Багдад, Мосул, Барса, Киркук) были лучше интегрированы в иракское общество, имели менее консервативные ценности и придавали меньшую важность племенной идентичности по сравнению с сельскими⁶.

Недолгое существование объединенного государства Египта и Сирии (ОАР) и череда военных переворотов и контрпереворотов в Сирии и Ираке в 1950–1960-х гг. завершились консолидацией двух баасистских режимов под руководством Хафеза Асада и Саддама Хусейна. По мнению Р. Хиннебуша, сирийский режим был институционализирован «в качестве популистской версии неопатримониализма»⁷, то есть предоставления социальных благ (субсидирование цен и кредитов, различные виды льгот для государственных служащих и т.д.) в обмен на политическую лояльность. Эту оценку можно распространить и на Ирак с одной поправкой: в иракской политике присутствие насилия было более выраженным из-за постоянно возобновлявшихся боевых действий в курдском регионе. После смерти Асада в 2000 г. сокращение ресурсной базы режима вынудило правящую элиту во главе с Асадом-мл. приступить к ограниченной либерализации политической и экономической сферы, однако это не привело к решению накопившихся противоречий⁸.

Таким образом, до американской «демократизации» Ирака и «арабской весны» в Сирии баасистские элиты подавляли публичное проявление коллективной туркоманской идентичности (за исключением периода короткой «культурной оттепели» в Ираке в начале 1970-х годов). В значительной степени это было вызвано исторической памятью о борьбе за Александреттский санджак и Мосул: и

1 "Turkmen: A Minority Influential in Syrian Culture," Enab Baladi, May 11, 2019, accessed February 12, 2024, <https://english.enab-baladi.net/archives/2019/05/turkmen-a-minority-influential-in-syrian-culture/>.

2 Stolleis 2015, 7.

3 Пир-Будагова 2015, 302–304.

4 Большинство лингвистов считают говор туркоман диалектом турецкого языка.

5 Сурков 2020, 173.

6 "Iraqi Turkmen: The Human Rights Situation and Crisis in Kerkuk," Unrepresented Nations and Peoples Organization website, March 29, 2007, accessed January 12, 2024, <https://unpo.org/article/6512>.

7 Hinnebusch 2020, 149.

8 Козинцев 2018, 228–229.

сирийская, и иракская туркоманские общины рассматривались властями как потенциальные предатели или ирредентисты на основании их исторической связи с бывшей империей или этнического родства с большинством населения Турции¹. В частности, до потепления турецко-сирийских отношений после заключения Аданского соглашения в 1998 г. санджак присутствовал на всех официальных географических картах Сирии².

Отметим, однако, что строительство «арабского отечества» было закономерным шагом на пути постимперского политического развития Сирии и Ирака. Как подчеркивал Г.Г. Косач, в страновом масштабе это «отечество» стало «орудием искоренения внутренних центробежных тенденций – регионалистского, религиозного или этнокультурного партикуляризма и, в этой связи, достижения „общегосударственного единства“»³.

Формирование политической идентичности туркоман Сирии и Ирака в период кризисного развития

Политические кризисы и эскалация насилия в Ираке (с 2003 г.) и Сирии (с 2011 г.) вновь превратили эти общества в глубоко разделенные⁴ и разрушили созданные за несколько десятилетий государственного и национального строительства каналы коммуникаций между центром и культурной периферией.

Точных данных о численности туркоман в Сирии и Ираке до настоящего времени не имеется, что предопределяет приблизительный и политизированный характер любых подсчетов. Сирийские переписи только дважды, в 1943 и 1953 гг., имели разбивку по этническому составу (причем пункт «тюрки / туркоманы» отсутствовал)⁵. С 1963 г. сирийская ветвь Баас, следуя светской традиции, делила население на три категории: сирийские граждане, палестинские беженцы и иностранцы. Большинство современных исследователей соглашается с численностью от 1 до 1,5 млн чел.; среди них сельские туркоманы, сохранившие родной язык, составляют до 30%⁶. Туркоманские общины проживают в основном в районах, непосредственно граничащих с Турцией, а также в крупнейших городах страны (Алеппо, Дамаск, Хомс).

В Ираке последняя перепись населения, включавшая пункт об этнической принадлежности, проводилась в 1957 году. Согласно этим данным, доля туркоман в населении страны достигала 9% (567 тыс. чел.). По консервативному демографическому прогнозу, в настоящий период в стране должно быть около 2,5 млн туркоман⁷. Ареал их проживания, так называемый Туркменэли (турецк., земля туркоман), тянется от границы Ирака с Сирией и Турцией по диагонали вниз до границы с Ираном и соответствует конкретным районам провинций

1 Meşküre Yılmaz, "Suriye Türkleri (Syrian Turks)," 21. Yüzyıl Türkiye Enstitüsü, December 4, 2015, accessed December 18, 2023, <https://21yyte.org/tr/suriye/suriye-turkleri-2>; Büyüksaraç 2017, 29–30.

2 Гурьев, А.А. «Американский фактор в турецко-сирийских отношениях» // Институт Ближнего Востока. 31 марта 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=3544> (дата обращения: 28.02.24).

3 Косач 2007, 264.

4 Наумкин 2015.

5 Rath 2017, 183.

6 Mustafa Khalifa, "The Impossible Partition of Syria," Arab Reform Initiative, October 24, 2013, accessed December 23, 2023, <https://www.arab-reform.net/publication/the-impossible-partition-of-syria/>.

7 Hürmüzlü 2015, 87.

Ниневия, Эрбиль, Киркук, Салах-эд-Дин и Дияла¹. Туркоманские общины есть и в крупных городах.

С учетом резкого ослабления центра и новой геополитической ситуации политическим элитам и Сирии, и Ирака надо было переопределить внутривнутриполитические стратегии². В этом контексте туркоманский вопрос целесообразно рассмотреть при опоре на концепцию Р. Брубейкера, который предложил оценивать проблему этнических меньшинств в ходе постимперского государственного строительства в ракурсе динамического взаимодействия трех сторон:

- политически отчужденного меньшинства как формы коллективной идентичности и саморепрезентации;
- этнически гетерогенного «национализирующего государства» как поставщика дискурсивных практик, направленных на формирование национального сообщества вокруг культуры этнического большинства;
- «внешней родины» как позиции защитника и спонсора «этнических соотечественников»³.

В начале «арабской весны» сирийская правящая элита предприняла попытку признать фактор полиэтничности (путем легализации празднования Навруза и других акций), чтобы обеспечить внешнюю поддержку режиму и фрагментировать демократическую оппозицию⁴. Однако из-за стремительного развития конфликта эта попытка не удалась – возникший вакуум власти привел к быстрой политизации ранее маргинализированных этнических групп. С одной стороны, их идентичность больше не купировалась официальными дискурсивными практиками, с другой – острая ситуация в области безопасности и жизнеобеспечения требовала активизации общинных механизмов солидарности в самых разных областях. В целом сирийская периферия вернулась к состоянию «государства в государстве» периода мандата.

Сначала в Латакии и Алеппо, а затем и в других регионах стали возникать разнообразные туркоманские организации, действовавшие независимо друг от друга. Первым заметным событием стало появление Сирийского туркоманского движения, которое призывало своих сторонников через социальные сети выйти на улицы «как туркоманы»⁵.

Однако инициаторами создания организованной туркоманской оппозиции стали сирийские туркоманы, проживавшие в Турции. В 2011 г. на ее территории и при ее поддержке были основаны Сирийский туркоманский блок и Сирийское туркоманское демократическое движение, в 2012 г. – Сирийская туркоманская платформа, поставившая своей целью формирование органа, который мог бы выступать от лица всех сирийских туркоман. В рамках этой задачи уже в 2013 г. голосами 400 делегатов от разных туркоманских партий, движений, населенных пунктов и территорий в Анкаре в присутствии в тот период премьер-министра Турции Р.Т. Эрдогана и многочисленных гостей была учреждена Сирийская

1 Yildiz, Çitak 2021, 343.

2 Кудряшова 2016, 18–19.

3 Brubaker 1995, 110.

4 Козинцев 2018, 230.

5 Oytun Orhan, "Syrian Turkmens: Political Movements and Military Structure," Center for Middle Eastern Studies (ORSAM), March 18, 2013, accessed December 12, 2023, https://www.orsam.org.tr//d_hbanaliz/Analiz_150_eng.pdf.

туркоманская ассамблея (СТА)¹. Ассамблея представляет собой зонтичную организацию, состав коллективных членов которой может меняться; ее участники формируют генеральный совет и другие рабочие органы. Вооруженные подразделения туркоман (по оценкам, до 15 тыс. бойцов²) признают СТА в качестве своего законного представителя и считают себя его военным крылом, хотя могут действовать самостоятельно³.

Хотя большинство туркоман Сирии поддерживают СТА, есть и те, кто выбрал в сирийском конфликте сторону Башара Асада. Ему симпатизируют (очевидно, на основе общей конфессиональной идентичности) туркоманы-алавиты, проживающие в Латакии⁴. Вместе с тем и в алавитской общине, считающейся наиболее сплоченным и лояльным правительству сегментом, проявились размежевания: в 2023 г. гражданский активист Амин Сакр Хасан впервые открыто обвинил президента в предательстве, связях с «иностранными силами» и «торговле общиной ради защиты своего трона»⁵.

В 2014 г. СТА, объявившая себя единственным законным представителем туркоманского народа, изложила свою позицию в манифесте «Видение сирийского туркоманского движения», обозначив тем самым контуры его коллективной политической идентичности. Среди прочих в нем обозначены следующие ориентиры:

- строительство в Сирии демократического светского государства с реальным разделением властей и прозрачной системой правосудия;
- сохранение территориальной целостности Сирии;
- включение в сирийскую конституцию принципа «мирного сосуществования» этнических групп Сирии и гарантий их культурных прав; – недопущение гегемонии какой-либо конфессиональной группы⁶.

В целом программа и публичные заявления сирийских туркоман выстроены как оппозиция официальному баасистскому дискурсу. С точки зрения СТА, сирийцы – не арабская (как определено действующей конституцией Сирии 2012 г.), а полиэтническая гражданская нация. Эту позицию подтверждает участие туркоманских активистов в работе общесирийских оппозиционных структур, в международных переговорах различных форматов и Конституционном комитете⁷. Туркоманские боевые отряды есть и в составе Сирийских демократических сил⁸.

Вместе с формированием туркоманского политического движения разра-

1 Ana Saifa, "Suriye Türkmen Meclisi (Syrian Turkmen Assembly)," April 26, 2018, accessed January 22, 2024, <https://www.suriyegundemi.com/suriye-turkmen-meclisi>.

2 Acun Can, Kutluhan Görücü, "Suriye Krizinde Göz Ardı Edilen Aktör: Türkmenler (Ignored Actor in the Syrian Crisis: Turkmen)," SETA – Siyaset, Ekonomi ve Toplum Araştırmaları Vakfı, December 31, 2018, accessed December 14, 2023, <https://www.setav.org/perspektif-suriye-krizinde-goz-ardi-edilen-aktor-turkmenler/>.

3 Oytun Orhan, "Syrian Turkmen: Political Movements and Military Structure," Center for Middle Eastern Studies (ORSAM), March 18, 2013, accessed December 12, 2023, https://www.orsam.org.tr//d_hbanaliz/Analiz_150_eng.pdf.

4 Сейидли 2022, 271.

5 Ясин Абу Фадиль, "Ли авваль марра... нашит алавий мин дахиль аль-Лазикийа йанфаджиру би важи Башар Аль-Асад ва йасифуху биль-муджрим валь-амиль аль-лязи афна' ат-таифа (An Alawite Activist from inside Latakia Explodes in the Face of Bashar al-Assad and Describes him as a Criminal and an Agent who Destroyed the Sect)," Orient Net, January 26, 2023, accessed January 27, 2024, https://orient-news.net/ar/news_show/201636?from=social&utm_source=facebook&utm_medium=share&utm_campaign=fromWebsite&utm_id=1.

6 Mustafa Abdurrahman, "The Turkmen Reality in Syria", ORSAM Review of Regional Affairs, no. 27, June, 2015, accessed December 12, 2023, https://www.orsam.org.tr//d_hbanaliz/27ing.pdf.

7 Конституционный комитет Сирии – уполномоченное ООН учредительное собрание, основанное в рамках мирного процесса с целью примирения сирийского правительства и оппозиции путем разработки новой конституции страны.

8 Сирийские демократические силы – военный альянс, ядро которого составляют курдские отряды самообороны.

бывалась и его официальная символика, весьма иллюстративная с точки зрения новой туркоманской идентичности. В 2018 г. на представительном форуме в Эр-Раи, городке на сирийско-турецкой границе, был одобрен флаг сирийских туркоман. Голубой цвет на нем символизирует тюркское происхождение, красный – траур по погибшим героям, белый – общечеловеческие ценности, красный полумесяц со звездой – ислам¹.

В Ираке туркоманская идентичность стала приобретать четкий политический контур в результате образования в Иракском Курдистане де-факто независимой администрации после кувейтского кризиса 1990–1991 гг. и создания в курдских провинциях «зоны безопасности» на основании резолюции 688 СБ ООН. На парламентских выборах 1992 г. в избирательных списках еще не фигурировали какие-либо туркоманские организации², но с ростом интереса Турции к региону политическая активность туркоман стала возрастать. В 1995 г. путем слияния нескольких организаций при прямой поддержке Турции был образован Иракский туркоманский фронт (ИТФ), который декларировал следующие цели:

- сохранение территориальной целостности Ирака;
- введение административного самоуправления в двух городах с туркоманским большинством (Тель Афар и Туз-Хурмату);
- возвращение туркоманских беженцев, депортированных из Киркука;
- получение компенсаций за отнятое имущество и возврат конфискованных земель.

Программой-максимум для туркоман в случае федерализации Ирака (которая, однако, рассматривалась как нежелательная из-за невозможности создать субъект с численным превосходством туркоман) было образование автономии³. Штаб-квартира ИТФ находится в Киркуке.

После падения баасистского режима и введения Временной коалиционной администрации в Ираке была принята демократическая конституция (2005), которая признала множественную этноконфессиональную идентичность иракского общества («Ирак – страна множества национальностей, религий и сект», ст. 3) и закрепила ряд консociативных механизмов – пропорциональную избирательную систему, федерализм (на практике не реализован) и автономию сегментов (реализована для курдов)⁴. Арабский и курдский языки получили статус официальных на государственном уровне, ассирийский и туркоманский – на уровне административных единиц, где «концентрированно проживают их носители» (ст. 4.4).

Таким образом, туркоманам было предоставлено право открывать свои образовательные и культурные организации, учреждать СМИ, создавать политические партии, а в дальнейшем, когда возросла угроза Исламского государства*⁵, – формировать вооруженные отряды для обеспечения безопасности в районах своего проживания. В парламенте курдской автономии туркоманы имеют

1 Tefvik Durul, "Syrian Turkmens to Unite under Single Flag," Anadolu Ajansi, November 22, 2018, accessed January 18, 2024, <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/syrian-turkmens-to-unite-under-single-flag/1318693>.

2 Jawhar 2010.

3 Ibid.

4 Харитонова 2021, 72–75.

5 Знаком* отмечены организации, признанные террористическими и запрещенные в РФ.

гарантированную квоту (5 мест из 111); они также могут участвовать в местном самоуправлении (Киркук, Эрбиль и др.)¹. Вместе с тем исследователи обращают внимание на антагонизм между туркоманами и курдами и проблемы с доступом туркоман к власти в Киркуке²³. В частности, самая крупная туркоманская организация, Иракский туркоманский фронт, считает Киркук «исконно туркоманским городом исторически и антропологически» и обвиняет главные курдские партии в посягательстве на достоинство других этнических групп и узурпации их земель⁴.

Помимо ИТФ, в Ираке есть и небольшие самостоятельные туркоманские партии; многие туркоманы-шииты (составляют, по разным оценкам, 35-50% общины⁵) предпочитают вступать в Туркоманский исламский союз или поддерживать иракские шиитские партии.

Имеющиеся социологические опросы иракских туркоман показывают, что 99% респондентов положительно относятся к Турции и не видят никакой этнической разницы между собой и турками Турции⁶. Однако первое место в структуре идентичности подавляющего большинства занимает не этническая идентичность (которую упоминают второй или третьей), а религиозная («Сначала Аллах, потом Турция»)⁷, что объясняет поддержку исламских партий.

Многие туркоманы, считающие Турцию своей настоящей родиной, имеют и иракскую идентичность (она попадает в число трех приоритетных идентичностей у более чем четверти респондентов); сепаратистские требования в туркоманском политическом движении были и остаются очень редкими, несмотря на исторический туркомано-курдский антагонизм. Лучшим выбором декларируется демократический Ирак⁸.

В связи со сложной обстановкой в регионе мы не смогли провести полевые исследования в Сирии и Ираке, однако нам удалось взять пять полуструктурированных интервью у туркоманских активистов по видеосвязи. Четыре из них позволяют получить определенное представление о том, какие эмоции, ценности, интересы и потребности определили формирование и политизацию их идентичности⁹.

Собеседник 1, 32 года, родился и вырос в Дамаске, переехал в Турцию до начала конфликта с целью получения образования. Чувствует себя туркоманом, признает культурные различия между сирийскими туркоманами и анатолийскими турками. Не считает себя таким же сирийцем, как арабы, хотя «привязан к Сирии»; на родине ощущал дискриминацию туркоман, которые «не имели культурных и политических прав»: «...Иногда мы могли собраться с друзьями и поговорить на турецком на политические темы, или кто-то мог взять с собой национальный

1 На последних парламентских выборах 2021 г. Иракский туркоманский фронт получил 1 место, на выборах 2018 г. – 3 (Туркоманский фронт Киркука).

2 Tugdar 2018, 11.

3 Балмасов, С.С. Действия «Исламского государства» возрождают проект туркоманской автономии в Ираке // Институт Ближнего Востока. 1 августа 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=25389> (дата обращения: 12.01.2024).

4 Jawhar 2010.

5 Tugdar 2010, 12; Yildiz, Çitak 2021, 349.

6 Yildiz, Çitak 2021, 345.

7 Ibid., 345.

8 Oğuzlu 2004, 318–319.

9 Интервью из личного архива С.А. Сейидли; перевод с турецкого.

музыкальный инструмент и исполнить что-то. На этом вся наша культурная деятельность заканчивалась. Но даже это мы не могли всегда сделать: старшее поколение предупреждало, что не стоит так делать, потому что мы можем вызвать подозрения... Режим Асада авторитарный, и он всегда рассматривал нас как "пятую колонну"».

Собеседник 2, 36 лет, родился в селении Амрин на севере провинции Алеппо. Недовольство властью Асада было вызвано у него «провальной экономической и социальной политикой», но переломным моментом оказалось убийство солдатами в мае 2011 г. тринадцатилетнего подростка Хамзы аль-Хатиба, участвовавшего в гражданских протестах. Отмечает, что для многих «последней каплей стало жестокое обращение с протестующими, расстрел демонстраций в Даръа и Баниясе». В его отряде «присутствуют арабы, курды и туркоманы, и все они являются братьями». И далее: «Для нас этнические и религиозные меньшинства Сирии (христиане, алавиты) являются сирийцами, и мы против любой общинной дискриминации». Признавая дискриминацию суннитов со стороны правительства, подчеркивает: «Наша борьба не против части сирийского народа, а против режима, мы ничего не имеем против алавитов. Они такие же нам братья, как и другие сирийцы».

Собеседник 3, 32 года, родом из Даръа, из племени Шамар, принимал активное участие в борьбе с режимом Асада большую часть конфликта, в настоящее время проживает в Стамбуле. Среди причин недовольства называет «тяжелое социально-экономическое положение, дискриминацию суннитского большинства, авторитаризм Баас, рост безработицы среди молодежи, возрастание социального неравенства, жесткий ответ правительственных структур на первые довольно мирные протесты». О протестах говорит: «Я участвовал в протестах в Даръа... Мы активно использовали социальные сети для того, чтобы собираться. Часто это было стихийно, мы выходили на улицы и скандировали лозунги». Власть «реагировала жестко, силой пытались разогнать демонстрации, вели слежку за теми, кого они считали лидерами демонстраций. Несколько раз открывали огонь по протестующим. Я сам получил несколько пулевых ранений во время участия в протестах». Через полгода из-за ухудшения ситуации он перебрался на север Сирии, где провел шесть лет: «Власть там перешла к объединению оппозиции – Временному правительству Сирии... В экономическом плане эти регионы зависят от помощи Турции, в обиходе используется турецкая лира. У туркоман есть обучение на своем языке. Есть свои СМИ, организации, партии, органы власти». Дискриминацию в Сирии суннитского большинства, отмеченную среди причин кризиса, понимает так: «Алавитам гораздо легче строить карьеру в государственных структурах, в армии. Бизнесмены-алавиты часто пользуются покровительством и защитой правительства. Регионы с алавитским большинством получают большее финансирование со стороны центральной власти. Вся политическая элита Сирии – это алавиты». На вопрос, считает ли он алавитов мусульманами, отвечает: «Алавиты и друзья сами не считают себя мусульманами...», однако «до войны особо проблем [между нами] не было, а после войны началась взаимная неприязнь и даже ненависть». Признает, что до войны туркоманы были «в какой-то степени даже лучше интегрированы, чем ряд религиозных меньшинств».

Собеседник 4, 43 года, иракский туркоман, родился и вырос в Киркуке. Вот его оценка положения туркоман в период правления Баас: «У нас не было никаких культурных прав. Правительство не признавало наше существование. Нас рассматривали как угрозу территориальной целостности Ирака... Нам было отказано в создании каких-либо организаций или партий. В Киркук и другие районы Ирака с туркоманским населением переселяли арабские семьи. Мы сталкивались с дискриминацией в государственных учреждениях. Наши активисты арестовывались. В ряде туркоманских поселений режим Саддама устроил резню. Туркоманы в период правления партии Баас – меньшинство, подвергавшееся насильственной ассимиляции». В настоящее время ситуация «гораздо лучше»: «Сейчас Ирак признается мультиэтническим государством, у нас есть свои партии, газеты, телеканалы, культурные организации, школы и даже вооруженные отряды внутри иракских силовых структур». Считает туркоман «единым народом с турками Анатолии и азербайджанцами». На вопрос «Каковы ваши отношения с другими этническими группами в Ираке?» отвечает: «Если речь идет об обычной жизни, то проблем нет. В Киркуке туркоманы нормально уживаются с арабами, курдами, ассирийцами. Имеют межэтнические браки. Особенно с арабами. Но нельзя сказать, что между политическими силами, представляющими разные народы Ирака, есть согласие по поводу политических вопросов. Наоборот, имеет место соперничество. Особенно туркоманских партий с курдскими». И далее: «Мы выступаем за сохранение территориальной целостности Ирака... и против присоединения Киркука к курдской автономии, ... у нас есть опасения по поводу будущего туркоманской общины в Киркуке, если город перейдет под контроль курдских политических сил». Отношения между туркоманами-шиитами и туркоманами-суннитами называет хорошими: «Мы выступаем против любого рода религиозной нетерпимости».

Таким образом, в политической идентичности наших собеседников в различных комбинациях присутствуют элементы национальной (государственной), гражданской, этнической / панэтнической и конфессиональной идентичности. Первая находит выражение в восприятии Сирии или Ирака как своей родной страны и отказе от сецессии, вторая – в осознании своих прав и борьбе за них, третья – в идентификации себя как туркомана или представителя «единого тюркского народа», четвертая – в акценте на равноправие этноконфессиональных общин и недопустимость сектарианизма. В целом их представления о своем Я соответствуют ориентирам коллективной идентичности, закрепленным в официальных документах.

«Внешняя родина» и «исторические соотечественники»

В период строительства Сирией и Ираком «арабского отечества» Турция не выступала в защиту прав своих исторических соотечественников, стремясь поддерживать взаимовыгодные отношения с соседями, в частности развивать энергетическое сотрудничество с Ираком. Перейти к активной поддержке туркоманских общин ее заставила политическая дестабилизация региона и возникшие угрозы национальной безопасности.

На сирийско-туркоманском направлении интересы Турции фактически равнозначны интересам СТА. В их основе лежит ряд принципиальных мотивов:

- консолидация территориальных границ – Дамаск до сих пор официально не признал принадлежность Турции Александреттского санджака (Хатай);
- ослабление позиций баасистской элиты путем проведения конкурентных и открытых выборов;
- реализация принципа «мирного сосуществования» этноконфессиональных общин и незаинтересованность в федерализации Сирии (и тем более в «демократическом конфедерализме» Абдуллы Оджалана, представляющем собой альтернативу национальному государству и источник радикализации курдских политических движений);
- создание туркоманской культурной автономии и усиление мягкой силы Турции.

После начала «арабской весны» Турция стала оказывать финансовую и дипломатическую поддержку туркоманским партиям и предоставила свою территорию для создания СТА. Она также финансирует, снабжает и обучает в специально организованных лагерях туркоманские вооруженные отряды.

По мере возрастающей политической и военной вовлеченности Турции в сирийский конфликт туркоманы начали играть большую роль на сирийском направлении ее внешней политики. Туркоманские формирования вместе с другими отрядами вооруженной оппозиции принимали участие в турецких операциях «Щит Ефрата» (2016–2017), «Оливковая ветвь» (2018), «Источник мира» (2019), «Весенний щит» (2020), целью которых было противодействие проекту курдской автономии на севере Сирии и создание зоны безопасности на границе Турции и Сирии.

В 2019 г. все туркоманские вооруженные формирования стали частью Сирийской национальной армии (СНА) – альянса крупнейших оппозиционных вооруженных группировок Сирии, созданного при поддержке Турции и тесно сотрудничающего с ее вооруженными силами.

СНА и Турция в общей сложности контролируют территорию площадью 8 835 тыс. км² на севере Сирии, которая объявлена сирийской зоной безопасности. В этом районе расположены более тысячи различного рода поселений, значительная часть которых имеет туркоманское демографическое большинство¹. Де-факто эта территория администрируется альтернативным Временным правительством Сирии. В зоне безопасности созданы районные советы, которые выполняют функции местных органов власти; в них наряду с арабами и курдами присутствуют туркоманы. Турецкий (наряду с арабским и курдским) является языком деятельности местных администраций, а также широко используется в учебных заведениях. Он также является одним из языков СМИ, разного рода культурных объединений и вооруженных формирований². Фактически туркоманам удалось добиться культурной автономии – статуса, которого они требовали с самого начала конфликта.

1 "From Afrin to Jarabulus: A Small Replica of Turkey in the North," Enab Baladi, August 29, 2018, accessed December 8, 2023, <https://english.enabbaladi.net/archives/2018/08/from-afrin-to-jarabulus-a-small-replica-of-turkey-in-the-north>.

2 Ibid.

Турция не участвовала в операции по освобождению Кувейта (как и в операции «Иракская свобода» в 2003 г.), однако образование де-факто курдской автономии в Северном Ираке после объявления его «зоной безопасности» заставило ее перейти к активным действиям. Главные усилия были сосредоточены на том, чтобы предупредить появление независимого курдского государства или арабо-курдской конфедерации со столицей в Киркуке и тем самым исключить подобные устремления у турецких курдов. Сопутствующие задачи включали защиту туркоманского меньшинства, сосредоточенного на северо-востоке Ирака, и борьбу с передислоцировавшимися в Ирак после поражения в 1999 г. боевиками Рабочей партии Курдистана (РПК)¹.

С падением режима Саддама Хусейна возникли новые задачи в области национальной безопасности, так или иначе связанные с положением туркоманской общины. Это:

- подавление Исламского государства*²;
- противодействие усилению влияния Ирана, формированию инфраструктуры «шиитского полумесяца»³ и обострению конфессиональных противоречий среди туркоман⁴;
- операции против РПК в районе турецко-иракской границы;
- купирование результатов референдума 2017 г. о независимости Иракского Курдистана (претендовавшего также на Киркук в силу фактического контроля над провинцией).

В целом, несмотря на все разногласия и противоречия, отношения Турции с Ираком развиты гораздо лучше, чем с Сирией. Этому способствуют отсутствие территориальных споров, сотрудничество с политическим истеблишментом курдской автономии (клан Барзани), импорт энергетических ресурсов, а также существование культурной автономии иракских туркоман, которая позволяет Турции легально взаимодействовать с ними.

Заключение

Туркоманский вопрос в Сирии и Ираке рассматривался нами в двух контекстах – структурном и идентичностном. Важность первого обусловлена задачей консолидации территориальных, политических, экономических, культурных и иных границ, которая неизбежно возникает в ходе постимперского транзита и у государства ядра, и у государств периферии. У незападных политий не было исторического времени для того, чтобы выправить эти границы так, как это делали европейские государства, – через войны, этнические чистки, обмены территориями и населением⁵.

Восстановление «справедливой» территориальной принадлежности было делом практически безнадежным: республиканской Турции не удалось вернуть Мосул, а присоединение к ней Александреттского санджака (Хатай) до сих пор

1 Jawhar 2010.

2 Знаком * отмечены организации, признанные террористическими и запрещенные в РФ.

3 Marcinkowski 2010, 83–84.

4 Yildiz, Çitak 2021, 350.

5 Мелешкина, Кудряшова 2022.

официально не признано Сирией. В результате распада империи турки Сирии и Ирака, принадлежавшие к условному османскому большинству, оказались культурной периферией и для Турции, и для новых арабских государств, где они – для дифференциации с анатолийскими турками и дальнейшего закрепления границ – стали именоваться туркоманами.

Навязывание рамки национального государства «сверху» привело к смешению политических институтов модерна и устойчивых патримониальных практик, которые ослабляли друг друга в этом причудливом сочетании. Европейские администрации, столкнувшись с подъемом освободительной борьбы, взяли курс на создание формально этнически однородных государств с центральными органами власти и равными правами граждан, однако реализовать подобный проект в условиях раннего постосманского общества ни они, ни оказавшиеся у власти традиционные элиты просто не могли.

В идентичностном аспекте идея государственного национализма безжалостно ломала те прежние идентичности, которые не вмещались в очерченные территориальными границами ячейки, – османскую, исламскую, тюркскую, арабскую. Из-за отмены халифата и последовавших реформ – в первую очередь секуляризации и реформы языка – культурные связи туркоман с Турцией оказались разорванными. Национальный обет, предполагавший включение территорий с мусульманским большинством в состав турецкого государства, был на долгое время забыт.

После завершения периода мандатного управления и череды переворотов к власти в Сирии и Ираке пришли арабские националисты, представители партии Баас. Консолидация этих режимов при Хафезе Асаде и Саддаме Хусейне позволила остановить внутренние центробежные тенденции, достичь общегосударственного единства и повысить эффективность бюрократии. Туркоманы в этот период не имели коллективного голоса («культурные оттепели», как в Ираке начала 1970-х гг., были, скорее, нечаянными), но оказались включенными в государственную систему распределения социальных благ. Извне эту конструкцию поддерживала непримиримая борьба с Израилем и империализмом, а также масштабная советская помощь.

Ускоренное формирование коллективной туркоманской идентичности и рост политической субъектности туркоман пришлось на этап кризисного развития 1990–2000-х годов. Это было вызвано не только военными операциями США и их союзников в Ираке и «арабской весной» в Сирии. Первый удар по непатримониальным арабским режимам нанесли вынужденные неолиберальные реформы, которые повлекли за собой рост социального неравенства, снижение уровня включенности для отдельных социальных групп и их последующую мобилизацию. Начавшиеся внутренние конфликты в соседних странах потребовали активной позиции Турции, для которой территориальная дезинтеграция Ирака и Сирии и появление независимого курдского государства остаются главной угрозой национальной безопасности.

В этой ситуации защита туркоманских меньшинств «исторической родиной» наполнилась конкретным смыслом и содержанием. Турция предоставила свою территорию и разнообразную помощь для организации туркоманской политической оппозиции и вооруженных отрядов. Оказалось, что тюркская / туркоманская идентичность не только жива, но значительно усложнилась и приобрела

в том числе национальное измерение. Ни сирийские, ни иракские туркоманы практически не выдвигали сепаратистских требований и, будучи относительно небольшим меньшинством, не поддерживали идею федерализации. Обе общины выступают за гражданскую полиэтническую нацию и широкие культурные права. Крупнейшие и наиболее влиятельные политические организации туркоман (Сирийская туркоманская ассамблея и Иракский туркоманский фронт) имеют протурецкую ориентацию, однако есть и группы туркоман, для которых приоритетное значение имеет конфессиональная идентичность: они могут ориентироваться на Иран (шииты) или официальное сирийское правительство (алавиты).

Если поставить вопрос о содержании тюркизма на арабском направлении, то сегодня оно вариативно. По мере оздоровления ситуации в Ираке стремление туркоман к турецкой опеке уступает место желанию сотрудничества двух государств, а политика Турции не препятствует интеграции туркоман в Иракском Курдистане. Остается, однако, открытым вопрос, обретут ли иракские туркоманы альтернативные источники солидарности.

На сирийском направлении тюркизм не так прагматичен. В условиях сохранения у власти в Сирии прежней элиты туркоманская автономия вдоль турецко-сирийской границы приобретает устойчивую значимость, и тюркизм прошивается новыми нитями ответственности и зависимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аватков, В.А., Сбитнева, А.И. Новый национализм Турецкой Республики // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 2. С. 291–302. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-2-291-302>.

Avatkov, Vladimir A., and Alina I. Sbitneva. "New Nationalism of Turkish Republic." *RUDN Journal of Political Science* 24, no. 2 (2022): 291–302 [In Russian].

Болдырев, А.Г. Турецкий фактор в политике Великобритании и Франции в межвоенный период // Новая и новейшая история. 2020. Т. 64. № 2. С. 175–181. <https://doi.org/10.31857/S013038640008661-5>.

Boldyrev, Andrey V. "The Turkish Factor in the Politics of the Great Britain and France in the Interwar period." *Modern and Contemporary History* 64, no. 2 (2020): 175–181 [In Russian].

Звягельская, И.Д. Введение // Ближний Восток: политика и идентичность / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. С. 10–18.

Zvyagelskaya, Irina D. "Introduction." In *The Middle East: Politics and Identity*, edited by I.D. Zvyagelskaya, 10–18. Moscow: Aspect Press, 2020 [In Russian].

Восток в новейший период (1945–2000 гг.). Том 6 // История Востока. В 6 томах / отв. ред. В.Я. Белокре-ницкий, В.В. Наумкин. М.: Восточная литература, 2008.

Vostok v noveishii period (1945–2000 gg.). T 6. In *Istoriya Vostoka. V 6 tomah*, edited by V.Ya. Belokrenitskii, V.V. Naumkin. M.: Vostochnaya literatura, 2008 [In Russian].

Каспэ, С. Центры и иерархии: Пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2007.

Kaspe Svyatoslav I. *Tsentry i ierarkhii: Prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma*. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, 2007 [In Russian].

Киреев, Н.Г. История Турции. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2007.

Kireev Nikolai G. *Istoriya Turtsii. XX vek*. Moscow: IV RAN: Kraft+, 2007 [In Russian].

Козинцев, А.С. Борьба за государство: сирийский кризис сквозь призму центр-периферийных отношений // Политическая наука. 2018. № 4. С. 223–240. <https://doi.org/10.31249/poln/2018.04.11>.

Kozintsev, Alexander S. "A Fight for the State: Syrian Crisis through the Lens of Center-periphery Relations." *Political science (RU)*, no. 4 (2018): 223–240 [In Russian].

Косач, Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Национализм в мировой истории / под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. М.: Наука, 2007. С. 259–331.

Kosach, Grigory G. "Arabskii natsionalizm ili arabskie natsionalizmy: doktrina, ehtnonim, varianty diskursa." In *Nationalism in World History*, edited by Valery Tishkov, Viktor Shnirelman, 259–331. Moscow: Nauka, 2007 [In Russian].

Кудряшова, И.В. Как обустроить разделенные общества // Политическая наука. 2016. № 1. С. 15–33.

Kudryashova, Irina V. "How to Accomplish Stability in Divided Societies." *Political Science (RU)*, no. 1 (2016): 15–33 [In Russian].

Кудряшова, И.В., Козинцев, А.С. Институциональные решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в контексте имперского опыта // Политическая наука. 2021. № 2. С. 140–164. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2021.02.05>.

Kudryashova, Irina V., and Alexander S. Kozintsev. "Institutional Solutions for Sectarian Conflicts in the Middle East in the Context of Imperial Legacy." *Political Science (RU)*, no. 2 (2021): 140–164 [In Russian].

Кудряшова, И.В., Козинцев, А.С. Попутчики поневоле: исламские партии и арабское национальное государство в свете теории размежеваний // *Полит. Политические исследования*. 2023. № 3. С. 50–69. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.05>.

Kudryashova, Irina V., and Alexander S. Kozintsev. "Revisiting Cleavage Structures: Islamic Parties and Nation-state Formation in the Arab World." *Polis. Political Studies*, no. 3 (2023): 50–69 [In Russian].

Мелешкина, Е.Ю., Кудряшова, И.В. После империй: можно ли перековать мечи на орала? // *Политическая наука*. 2022. № 1. С. 14–51. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.01>.

Meleshkina, Elena S., and Irina V. Kudryashova. "After Empires: Beating Swords into Ploughshares." *Political science (RU)*, no. 1 (2022): 14–51 [In Russian].

Наумкин, В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // *Вестник Московского университета*. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. № 1. С. 66–96.

Naumkin, Vitaliy V. Deeply Divided Societies in the Middle East: Conflict, Violence, and Foreign Intervention. *Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics*, no. 1 (2015): 66–96 [In Russian].

Пир-Будагова, Э.П. История Сирии. XX век. М.: ИВ РАН, 2015.

Pir-Budagova, El'za P. *Istoriya Sirii. XX vek*. Moscow: IV RAN, 2015 [In Russian].

Подвинцев, О.Б. Имперская, постимперская, неоимперская идентичность // *Идентичность: личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание / под ред. И.С. Семененко. М.: Издательство «Весь Мир», 2017. С. 358–362.

Podvintsev, Oleg B. "Imperial, Post-Imperial, and Neoimperial Identity." In *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*, edited by I.S. Semenenko, 358–362. Moscow: Izdatelstvo VES MIR, 2017 [In Russian].

Сейидли, С.А. Формирование политической субъектности сирийских туркоман в рамках постимперского национального государства // *Политическая наука*. 2022. № 1. С. 258–276. <https://www.doi.org/10.31249/poln/2022.01.12>.

Seyidli, Saleh A. "The Syrian Turkmen Actorness in the Framework of a Post-imperial Nation-state." *Political science (RU)*, no. 1 (2022): 258–276 [In Russian].

Сурков, Н.Ю. Сирия: патриотическая идентичность как лекарство от конфессионализма // *Ближний Восток: политика и идентичность* / под ред. И.Д. Звягельской. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. С. 171–176.

Surkov, Nicolay Yu. "Syria: Patriotism as a Remedy for Sectarianism." In *The Middle East: Politics and Identity*, edited by I.D. Zvyagelskaya, 171–176. Moscow: Aspect Press, 2020 [In Russian].

Харитонов, О.Г. Теория и практика консонализма в ближневосточном контексте: новые грани старой проблемы // *Южно-Российский журнал социальных наук*. 2021. Т. 22. № 4. С. 61–80. <https://doi.org/10.31429/26190567-22-4-61-80>.

Kharitonova, Oxana G. "The Theory and Practice of Consociationalism in the Middle-Eastern Context: New Dimensions of an Old Problem." *South-Russian Journal of Social Sciences* 22, no. 4 (2021): 61–80 [In Russian].

Шлыков, П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // *Сравнительная политика*. 2017. Т. 8. № 1. С. 58–76. <https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76>.

Shlykov, Pavel V. "Eurasianism and Eurasian Integration in the Political Ideologies and Practice of Turkey." *Comparative Politics Russia* 8, no. 1 (2017): 58–76 [In Russian].

Щевелев, С.С. Британский мандат и восстание 1920 года в Ираке // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки»*. 2021. Т. 7 (73). № 1. С. 140–153. <https://doi.org/10.37279/2413-1741-2021-7-1-140-153>.

Shchevelev, Sergey S. "The British Mandate and the Uprising of 1920 in Iraq." *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical science* 7(73), no. 1 (2021): 140–153 [In Russian].

Anderson, Liam D., and Gareth Stansfield. *Crisis in Kirkuk: The Ethnopolitics of Conflict and Compromise*. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 2009.

Barkey, Karen, and George Gavrillis. "The Ottoman Millet System: Non-territorial Autonomy and its Contemporary Legacy." *Ethnopolitics* 15, no. 1 (2016): 24–42. <https://doi.org/10.1080/17449057.2015.1101845>.

Balanche, Fabrice. *Atlas of the Near East, State Formation and the Arab-Israeli Conflict, 1918–2010*. Leiden, Boston: Brill, 2017.

Brubaker, Rogers. "National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe." *Daedalus* 124, no. 2 (1995): 107–132. <http://www.jstor.org/stable/20027299>.

Büyüksaraç, Güldem B. "Trans-border Minority Activism and Kin-state Politics: The Case of Iraqi Turkmen and Turkish Interventionism." *Anthropological Quarterly* 90, no. 1 (2017): 17–53. <https://doi.org/10.1353/anq.2017>.

Dawisha, Adeed. *Arab Nationalism in the Twentieth Century: From Triumph to Despair*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2003.

Dukhan, Haian. "Tribes and Tribalism in the Syrian Uprising." *Tribes & Neighborhoods: The Dynamics of Subtlety* 6, no. 2 (2014): 1–27.

Fontana, Guiditta. "Creating Nations, Establishing States: Ethno-religious Heterogeneity and the British Creation of Iraq in 1919–1923." *Middle Eastern Studies* 46, no. 1 (2010): 1–16. <https://doi.org/10.1080/00263200902760535>.

Hinnebusch, Raymond A. "Syria Under the Ba'th: State Formation in a Fragmented Society." *Arab Studies Quarterly* 4, no. 3 (Summer 1982): 177–199.

Hinnebusch, Raymond A. "Identity and State Formation in Multi-sectarian Societies: Between Nationalism and Sectarianism in Syria." *Nations and nationalism* 26, no. 1 (2020): 138–154. <https://doi.org/10.1111/nana.12582>.

Hürmüzlü, Erşat. "The Turkmens of the Middle East." *Turkish Policy Quarterly* 14, no. 1 (Spring 2015): 85–93.

Jawhar, Raber T. "The Iraqi Turkmen Front." In *Returning to Political Parties? Partisan Logic and Political Transformations in the Arab World*, edited by Myriam Catusse, Karam Karam, 313–328. Beyrouth: Presses de l'Ifpo, The Lebanese Center for Policy Studies, 2010.

Jörum, Emma L. *Beyond Syria's Borders: A History of Territorial Disputes in the Middle East*. London, New York: I.B. Tauris, 2014.

Karpat, Kemal H. "The Ottoman Ethnic and Confessional Legacy in the Middle East." In *Ethnicity, Pluralism, and the State in the Middle East*, edited by Milton J. Esman, Itamar M. Rabinovich, 35–53. Ithaca, London: Cornell University Press, 1988.

Khadduri, Majid. "The Alexandretta Dispute." *The American Journal of International Law* 39, no. 3 (1945): 406–425. <https://doi.org/10.2307/2193522>.

Marcinkowski, Christoph. *Shi'ite Identities: Community and Culture in Changing Social Contexts*. Münster: LIT Verlag Münster, 2010.

Mullen, Christopher A., and J. Atticus Ryan, eds. *Unrepresented Nations and Peoples Organization: Yearbook 1996*. Stockholm: Martinus Nijhoff Publishers, 1997.

Oğuzlu, Tarik H. "Endangered Community: The Turkoman Identity in Iraq." *Journal of Muslim Minority Affairs* 24, no. 2 (2004): 309–325. <https://doi.org/10.1080/1360200042000296681>.

Osterhammel, Jürgen. *The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century*. Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2015.

Rath, Saroj K. "Searching a Political Solution for Syria." *India Quarterly: A Journal of International Affairs* 73, no. 2 (2017): 180–195. <https://doi.org/10.1177/0974928416683058>.

Rubin, Avshalom H. "Abd al-Karim Qasim and the Kurds of Iraq: Centralization, Resistance and Revolt, 1958–1963." *Middle Eastern Studies* 43, no. 3 (2007): 353–382.

Saatçi, Suphi. "The Turkman of Iraq." In *Linguistic Minorities in Turkey and Turkic-Speaking Minorities of the Periphery*, edited by Christiane Bulut, 329–342. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018.

Sanjian, Avedis K. "The Sanjak of Alexandretta (Hatay): Its Impact on Turkish-Syrian Relations (1939–1956)." *Middle East Journal* 10, no. 4 (1956): 379–394.

Simons, Geoff L. *Iraq: From Sumer to Saddam*, Basingstoke, Hampshire and London: Macmillan Publishers, 1996. 2nd edition.

Spruyt, Hendrik. *The Sovereign State and its Competitors. An Analysis of System Change*. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Stolleis, Friederike. "Discourses on Minorities and Sectarianism in Syria." In *Playing the Sectarian Card: Identities and Affiliations of Local Communities in Syria*, 7–10. Beirut: Friedrich-Ebert-Stiftung, 2015.

Tilly, Charles. "How Empires End." In *After Empire: Multiethnic Societies and Nation-building. The Soviet Union, and the Russian, Ottoman and Habsburg Empires*, edited by Karen Barkey, Mark von Hagen, 1–11. Oxford: Westview press, 1997.

Tugdar, Emel Elif. "Iraqi Kurdistan's Statehood Aspirations and Non-Kurdish Actors: The Case of the Turkomans." In *Comparative Kurdish Politics in the Middle East: Actors, Ideas, and Interests*, edited by Emel Elif Tugdar, Serhun Al, 3–26. Cham: Springer, 2018. https://doi.org/10.1007/978-3-319-53715-3_1.

Yildiz, Tunahan, and Zana Çitak. "The Multiple Identities of the Middle East: A Case of Iraqi Turkmen Refugees in Turkey." *Journal of Balkan and Near Eastern Studies* 23, no. 2 (2021): 339–357. <https://doi.org/10.1080/19448953.2020.1867805>.

Сведения об авторах

Ирина Владимировна Кудряшова,

к.полит.н., доцент, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

Салех Агил оглы Сейидли,

аспирант кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: saleh6064@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 29 января 2024.

Переработана: 19 февраля 2024.

Принята к публикации: 28 февраля 2024.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кудряшова, И.В., Сейидли, С.А. Тюркский мир и арабская родина: туркоманы Сирии и Ирака в поисках идентичности // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (1). С. 77–102. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-77-102>

Striving for National Identity: Syrian and Iraqi Turkomans in Search of a Homeland

ABSTRACT

The Turkomans are considered to be the integral part of a political space often reflexively labeled as “Turkic World.” Following the collapse of the Ottoman Empire, the Turkoman communities in Syria

and Iraq have undergone a complex evolution leading to their current status as politically organized distinct ethnic groups. This transformation has been predetermined by the policies of the colonial powers and the rise of Arab nationalism that was aimed to establish the united “Arab Homeland.” It was only with the decline of Baathist regimes that Turkomans started to gain political recognition.

How have the Turkomans in Syria and Iraq evolved culturally and politically over time? Do they perceive their future as being closely linked to their Arab “host” countries, or do they harbor aspirations of coming back to their historical Turkic legacy? What support do they receive from Turkey, and what is offered by Syrian and Iraqi authorities?

We have analyzed the Turkoman issue through a structural and identity-based lens, examining how these communities have navigated their relationships with the Arab states they reside in and their historical ties to Turkey. The framework proposed by R. Brubaker, which examines the interactions between marginalized ethnic minorities, nationalizing states, and external homelands, provides a valuable tool for understanding the complex dynamics involving Turkoman communities in Syria and Iraq.

The research findings indicate that Turkoman identity remains robust, albeit with a notable shift towards a more inclusive national-state dimension. Despite constituting a minority group, Turkomans in both countries are actively advocating for recognition within society and asserting their cultural rights. The primary Turkoman political factions in both countries have garnered backing from Turkey, although the nature of this support is complex. In Iraq, Turkomans are inclined towards seeking Turkish patronage while also demonstrating a willingness to engage with the Iraqi government. Conversely, in Syria, Turkomans residing along the border have successfully established a self-governing region with the Turkey's assistance. Furthermore, a segment of Turkomans place emphasis on their religious affiliations, such as identifying as Shiite or Alawite.

KEYWORDS

Turkoman minorities, Syria, Iraq, Turkey, national identity, imperial identity, ethnic identity, divided societies, Turkism

Authors

Irina V. Kudryashova,

PhD (Polit. Sci.), Associate Professor, Department of Comparative Politics,

MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: i.kudryashova@inno.mgimo.ru

Saleh A. Seyidli,

PhD student, Department of Comparative Politics,

MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: saleh6064@gmail.com

Additional information

Received: January 29, 2024. Revised: February 19, 2024. Accepted: February 28, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Kudryashova, Irina V., and Saleh A. Seyidli. "Striving for National Identity: Syrian and Iraqi Turkomans in Search of a Homeland." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 77–102.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-77-102>

Дискурс о неоколониализме как элемент внешнеполитической идентичности России в Африке

Шишкина Алиса Романовна, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Файн Егор Денисович, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Исаев Леонид Маркович, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Контактный адрес: ashishkina@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Статья затрагивает вопросы неоколониализма, в частности контекст, в котором данная проблема освещается в рамках российской официальной внешней политики. Статья дает представление о возникновении и современном понимании концепта неоколониализма в рамках политической науки. Авторы применяют метод контент-анализа выступлений, заявлений и статей российских официальных лиц, в которых имеются упоминания неоколониализма и борьбы с ним на африканском континенте. Показано, что нарратив неоколониализма занимает достаточно важное место в формировании Российской Федерацией своей внешнеполитической идентичности как форма выстраивания дискурсивного диалога со странами Запада. Особенности российского дискурса о неоколониализме выступают направленность на проблемы в сферах экономики и безопасности, а также некоторая абстрактность применительно к конкретным формам и проявлениям неоколониализма в африканских странах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

неоколониализм, Африка, внешняя политика России, официальный дискурс

Введение

Неоколониализм в Африке остается существенной проблемой, о которой говорят как исследователи, так и африканские политики. Со времен деколонизации прошло уже много лет, однако можно сказать, что за это время понятие неоколониализма лишь расширилось и обогатилось новыми примерами. Действительно, многие ученые стали подчеркивать значимость и менее заметных неоколониальных практик, таких как языковая и культурная политика, а неформальные связи лидеров правительств с бывшими метрополиями не всегда удается отследить и понять.

В ноябре 2022 г. Президент России В.В. Путин провел встречу с историками и представителями традиционных религий, в ходе которой поднимались и вопросы, связанные с Африкой и развитием российско-африканских отношений. Важное место уделялось и проблематике неоколониализма. По результатам встречи глава государства сформировал перечень поручений, среди которых значилось и проведение «научных исследований об истории зарождения, развития и о последствиях колониальной политики европейских государств на Африканском континенте и других континентах»¹.

В целом можно отметить, что во время подготовки к саммиту «Россия–Африка» неоколониализм был в центре внимания как российской политической элиты, так и экспертного сообщества. В марте 2023 г. в Государственной Думе прошла вторая международная парламентская конференция «Россия – Африка», на пленарном заседании которой неоколониализм упоминался неоднократно², а в октябре 2023 г. в Институте Африки РАН прошла конференция «Колониализм, неоколониализм, деколонизация: опыт исследования и современный дискурс»³.

Колониальная тематика получила дальнейшее развитие и в ходе проведения второго саммита «Россия – Африка» в июле 2023 г. в Санкт-Петербурге, со стороны как российского президента, так и африканских лидеров. Так, на пленарном заседании форума 27 июля 2023 г. В.В. Путин заявил, что проблемы колониализма и современного неоколониализма по-прежнему несут угрозу для мира: «За последние десятилетия, несмотря на то, что колониальное бытие ушло в прошлое, система неоколониализма все-таки существует, она создана, и мы видим эту гегемонию в финансах, в технологиях, в продовольствии... И когда нам говорят: “Нужно жить по правилам”, – непонятно кем написанным, – это и есть попытка сохранить эту систему неоколониализма»⁴. Вместе с тем представители партии «Единая Россия» на саммите активно встречались с представителями политических партий африканских государств. Публично заявленная цель встреч – переговоры касательно межпартийного взаимодействия и партнерства, в том

1 Перечень поручений по итогам встречи с историками и представителями традиционных религий России // Официальный сайт Президента РФ. 11 декабря 2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70073> (дата обращения: 01.11.2023).

2 Состоялось пленарное заседание «Россия – Африка в многополярном мире» // Государственная Дума. 20 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/56646/> (дата обращения: 31.10.2023).

3 Всероссийская научная конференция с международным участием «Колониализм, неоколониализм, деколонизация: опыт исследования и современный дискурс» // Институт Африки РАН. 31 октября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://inafran.ru/node/3059> (дата обращения: 01.11.2023).

4 Путин: навязывая другим странам жизнь «по правилам», Запад поддерживает неоколониализм // ТАСС. 28 июля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/18394125> (дата обращения: 28.10.2023).

числе в рамках новой инициативы партии – «Форума сторонников борьбы с современными практиками неокOLONиализма». По сообщениям от «Единой России», в оргкомитет данного форума уже входят партии со всех континентов, а одна из задач форума – бороться с практиками, которые ведут к подрыву суверенитета¹.

Российские эксперты утверждают, что одна из ключевых задач африканских стран в настоящий момент – борьба с проявлениями неокOLONиализма. Например, множество политических деятелей ЮАР, начиная от О. Тамбо и Н. Манделы и заканчивая Дж. Зумой и С. Рамафосой, неустанно заявляли о том, что неокOLONиальные действия Запада остаются огромной проблемой для всего континента². В российских СМИ также распространялась точка зрения о том, что африканские государства прекрасно осознают стремление более богатых стран использовать их в своих целях и стремятся сохранить свою полноценную независимость от бывших сюзеренов, и один из показателей этого – активное участие стран в саммите «Россия – Африка», где они могут выстраивать планы развития, не оглядываясь на мнение бывших колонизаторов³.

Таким образом, мы можем предположить, что дискурс о неокOLONиализме является одним из важных элементов выстраивания Россией своей внешнеполитической идентичности в Африке. Исходя из этого, в рамках настоящей работы мы попытаемся ответить на следующие вопросы. Во-первых, каковы особенности дискурса о неокOLONиализме в контексте российской внешнеполитической идентичности? Во-вторых, какую роль неокOLONиализм играет в российском официальном дискурсе?

Данные и методы

Эмпирическая база исследования состоит из текстов выступлений официальных лиц Российской Федерации. Данные выступления были взяты на официальных сайтах Президента России, Министерства иностранных дел, партии «Единая Россия», Государственной Думы, а также в федеральных СМИ, таких как Коммерсант, РБК, ТАСС. Поиск материалов осуществлялся по ключевым словам: «Африка», «Россия в Африке», «российская политика в Африке». Получившаяся выборка была отсортирована по годам. Был собран корпус статей из N=104.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2018 по 2023 гг. Нижняя рамка была обусловлена тем, что в июле 2018 г. В.В. Путин на саммите БРИКС в ЮАР впервые заявил о необходимости проведения саммита «Россия – Африка», что принято считать условной точкой отсчета т.н. российского возвра-

- 1 Климов, А.А. Андрей Климов на саммите «Россия – Африка»: «Единая Россия» создала Форум сторонников борьбы с неокOLONиализмом для обеспечения устойчивого развития мира // Единая Россия. 27 июля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/andrey-klimov-na-sammite-rossiya-afrika-edinaya-rossiya-sozdala-forum-storonnikov-borby-s-neokolonializmom-dlya-obespecheniya-ustojchivogo-razvitiya-mira> (дата обращения: 28.10.2023).
- 2 Балытников, В.В. НеокOLONиализм и борьба с ним в лексиконе политических лидеров ЮАР // Валдай. 6 апреля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/neokolonializm-i-borba-s-nim/> (дата обращения: 28.10.2023).
- 3 Карпович, О.Г. Похороны неокOLONиализма // Известия. 31 июля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1551682/oleg-karpovich/pokhorony-neokolonializma> (дата обращения: 29.10.2023).

щения в Африку¹. Верхняя рамка связана с проведением второго саммита «Россия – Африка» в июле 2023 года.

Исследование было проведено с использованием методов количественного и качественного контент-анализа в программе *ATLAS.ti*, которая позволяет отслеживать и визуализировать частоту использования терминов, словосочетаний, а также анализировать их контекст.

Понятие неокOLONиализма

Появление термина «неокOLONиализм» и его развитие неразрывно связаны с именем ганского ученого и первого президента независимой Ганы К. Нкрумы, с идеологией panaфриканизма и с периодом холодной войны. В 1965 г. К. Нкрума написал книгу «НеокOLONиализм: последняя стадия империализма», в которой подробно изложено понимание неокOLONиализма и его механизмов. Главным образом, по мнению К. Нкрумы, неокOLONиализм проявляется в так называемой помощи, которую предлагали бывшие колонизаторы сразу после провозглашений независимости. Помощь заключалась главным образом в военных соглашениях, открытии военных баз, экономическом и долговом контроле новоиспеченных государств, неравных условиях торговли. Одной из главных проблем, которая подчеркивается в книге, стала несправедливая эксплуатация африканских ресурсов. По мнению К. Нкрумы, неокOLONиализм способен существовать благодаря доминированию западных монополий, контролю мирового рынка международным капиталом, а также военной поддержке США. Иными словами, предоставляемая Африке «помощь» от западных стран и международных организаций является ловушкой и способом ограничить независимость стран².

Одним из ярких продолжателей многих идей К. Нкрумы стал Т. Санкара, буркинийский революционер, пришедший к власти в результате революции 1983 г. Придя к власти, Т. Санкара зарекомендовал себя как убежденный последователь левого движения и борец с неокOLONиализмом. В понимании Т. Санкары, неокOLONиализм в Буркина-Фасо существовал все 23 года после формального обретения ею независимости и выражался в фактической неизменности колониального строя. Вместо колониальной французской администрации пришла местная неокOLONиальная, которая была занята личным обогащением под покровительством Франции. Несмотря на независимость, Верхняя Вольта³ оставалась в существенной экономической зависимости от Франции, а государственные элиты за лояльность получили доступ к неограниченному обогащению, в то время как положение обычных буркинийцев не менялось⁴.

Хотя К. Нкрума первым заговорил о неокOLONиализме применительно к африканским странам как об особенном явлении, сам термин был впервые употреблен французским философом Ж.-П. Сартром еще в 1956 г. в статье

1 Маслов А., Сулов Д. Возвращение в Африку // Россия в глобальной политике. 16 ноября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vozvrashhenie-v-afriku-prioritet/>; Абрамова И.О. Почему Россия через 30 лет возвращается в Африку? // Российская газета. 3 декабря 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/12/03/pochemu-rossiya-cherez-tridcat-let-vozvrashchaetsia-v-afriku.html>.

2 Nkrumah 1965.

3 Название Буркина-Фасо до 1984 г.

4 Sankara 1985, 48–55.

«Неоколониалистская мистификация»¹. После этого термин был подхвачен анти-колониальными западными исследователями и исследователями марксистского толка, в том числе советскими. Ф. Ардан, французский юрист и ученый, был, вероятно, первым в западной академии исследователем, давшим неоколониализму определение². Как пишет Ф. Ардан, «неоколониализм – это политика извлечения различных выгод из слабых деколонизированных государств»³.

Особого внимания заслуживает советская школа изучения неоколониализма, которая за период своего существования с 1960-х по 1980-е гг. внесла существенный вклад в изучение данной проблемы. Отличительной чертой советской школы можно назвать то, что ее представители в большей степени фокусировались на африканских практиках США и международных финансовых и неправительственных организаций⁴. В своей работе «Эволюция американского неоколониализма» В. Щетинин пишет: «Будучи бессильным вернуть утраченную историческую перспективу, империализм пытается преодолеть действие этих противоречий, устоять в противоборстве с социализмом с помощью различных средств государственно-монополистического регулирования экономики и социального развития»⁵. Неоколониализм понимается как совокупность практик по «удержанию развивающихся стран в состоянии зависимости, оставшейся от периода колониализма и систематически воспроизводимой на основе существующей системы мирохозяйственных отношений капитализма»⁶. Стоит также вспомнить, что, в отличие от западной академии, в которой долгое время было нормой отрицать богатство африканской истории, советские специалисты смогли создать обширные программы по изучению истории Африки еще в самые первые годы существования СССР, и советская африканистика может по праву претендовать на звание первой в мире⁷.

Советскую традицию изучения неоколониализма переняли и в постсоветской России. Так, Д. Дегтерев, например, рассматривает проявления неоколониализма в несправедливом распределении ресурсов и влияния в мировом образовании и науке, переманивании западными университетами специалистов из развивающихся стран⁸. Неоколониализм, таким образом, – это совокупность практик контроля и вмешательства во внутреннюю политику бывших колоний со стороны метрополий. При этом важно учитывать, что речь не только о прямом военном или политическом влиянии, но и о менее заметных экономических, финансовых и культурных измерениях.

Коллектив авторов Института Африки РАН перечисляет следующие инструменты неоколониализма: экономическое порабощение под видом «помощи», развязывание вооруженных конфликтов, распространение политического

1 Sartre, Jean-Paul, "La mystification neo-colonialiste (The Neo-colonialist Mystification)," Pour Comprendre avec Rosa Luxemburg, May 20 2009, accessed November 29, 2023, <https://comprendre-avec-rosa-luxemburg.over-blog.com/article-31728971.html>.

2 Сироткина 2020, 82–97.

3 Ardant 1965, 851.

4 Бокерия et al. 2022, 671–687.

5 Щетинин 1972, 4.

6 Ibid.

7 Балежин, А.С. Африка в мировой истории: трактовки советской историографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 24 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840025590-8-1/> (дата обращения: 21.12.2023).

8 Дегтерев 2023, 31–46.

влияния через финансирование различных программ. В особенности отмечаются такие структуры, как Международный валютный фонд и Всемирный банк, через которые проводится различная экономическая «помощь» африканским странам. При этом, «несмотря на все экономические программы, имевшие целью якобы развитие африканских стран, сферы жизнедеятельности в Африке, не приносившие быстрых прибылей, не только не развивались, но и пришли в упадок. С момента завершения холодной войны экономический разрыв между Африкой и остальными странами лишь увеличивался»¹.

Современный взгляд на неокOLONиализм в политической науке основан на достижениях африканских интеллектуалов, однако масштаб понимания стал гораздо шире. Множество исследователей, например из ЮАР, изучают такие новые понятия, как «цифровой неокOLONиализм» в контексте выстраивания Китаем своих цифровых экосистем в Африке. Китай активно развивает информационные технологии в Африке, одновременно лоббируя собственные методы контроля за информационной средой, угрожая таким образом собственно африканскому контролю². О цифровом империализме пишут и российские авторы. Так, В.В. Усачева и В.В. Грибанова отмечают, что, несмотря на развитие мобильной связи и интернета на континенте, «информационный обмен продолжает оставаться несправедливым, и в цифровом пространстве доминируют неокOLONиальные державы»³. Другие исследователи заняты изучением западных влияний в процессе высшего образования, приходя к выводу, что западные концепции в гуманитарном образовании могут быть полезны для африканцев в качестве способа противостоять неокOLONиализму, однако африканское образование только выиграет от мультилингвального подхода⁴. Языку в современных исследованиях неокOLONиализма уделяется немало внимания. Например, другое исследование из ЮАР утверждает о необходимости отойти от использования английского в Африке, так как английский язык является одним из инструментов неокOLONиализма. Когда политика, наука и экономика страны осуществляется на языке бывших колонизаторов, цели и достижения страны могут банально не доходить до менее образованных и обеспеченных жителей страны. При этом не предлагается переходить на родные языки племен – они никогда не смогут стать удобной *лингва франка* – но предлагается обратить внимание на такие истории успеха языковой политики последних ста лет, как африкаанс, индонезийский язык или современный иврит⁵. Все эти языки смогли одновременно решить вопрос национального языка и ограничить внешнее влияние. Следует отметить, что вопрос независимости и самодостаточности в языковой политике в Африке до сих пор остается нерешенным: не предпринималось существенных попыток закрепить другие языки в качестве основных для СМИ⁶. Наконец, даже само название «Африка» порой ставится под сомнение как неокOLONиальное. Речь идет не о названии

1 Абрамов 2023, 88–89.

2 Gravett 2020.

3 Грибанова, В.В., Усачева, В.В. НеокOLONиализм в сфере образования и СМИ в Африке: некоторые итоги перехода от культурного к цифровому империализму // Электронный научно-образовательный журнал «История». 24 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840025593-1-1/> (дата обращения: 25.11.2023).

4 Olivier 2019, 1–18.

5 Prah 2002, 1–14.

6 Абрамов 2023, 93.

континента, но о его использовании в качестве обобщения всех африканских стран как единой политической, социальной и экономической сущности, хотя африканские страны представляют собой совершенно разные и уникальные миры, отношение к которым как к чему-то однообразному есть одно из проявлений неокOLONиализма¹.

По мнению многих исследователей, геополитический проект «Франсафрика» является ярким примером неокOLONиальной политики Франции². Под данным термином принято понимать неформальную систему патронажа, которая была выстроена после деколонизации на основе различных двусторонних договоров: оборонных (позволяющих содержать военные базы на территории бывших стран колоний) и экономических (нередко дающих эксклюзивное право для использования природных ресурсов)³. Сложно не упомянуть и финансовую составляющую Франсафрики, а именно хождение в бывших западноафриканских и центральноафриканских колониях Франции франка КФА, валюты, изначально привязанной к французскому франку и гарантируемой Казначейством Франции⁴.

Российский дискурс о неокOLONиализме

Российские официальные лица неоднократно заявляли об идее борьбы с неокOLONиализмом и приверженности России к этой борьбе. Во многом данная риторика прослеживается, например, в идее многополярного мира, к которому стремится Россия. Многополярный мир может дать развивающимся странам, в Африке и не только, возможность свободно выбирать своих политических и экономических партнеров, не ориентируясь на бывшие колонии. В каком-то смысле данная идея была реализована во времена холодной войны, когда независимые африканские государства могли выстраивать отношения либо с социалистическим, либо с капиталистическим блоком.

Ниже нами будет предпринята попытка определить нарративы, в которые облекается дискурс о неокOLONиализме в выступлениях российских официальных лиц, в каком контексте российские официальные лица используют термин «неокOLONиализм», а также к каким темам обращаются, говоря о борьбе с неокOLONиализмом. Изучение российского официального дискурса позволит нам понять, какую роль неокOLONиализм играет в российской внешней политике в отношении Африки.

Для начала выделим основные тематики, которые используются российскими официальными лицами в отношении Африки. Наиболее часто упоминаемыми темами, связанными с Африкой, являются «безопасность» (233 упоминания) и «неокOLONиализм» (108 упоминаний).

Если говорить о безопасности, по большей части она употребляется в контексте поддержания и сохранения суверенитета африканских стран. Например, в речи О. Озерова, посла по особым поручениям МИД РФ, на круглом сто-

1 Langan 2017.

2 Medushevskiy, Shishkina 2022.

3 McGowan 2020, 50–60.

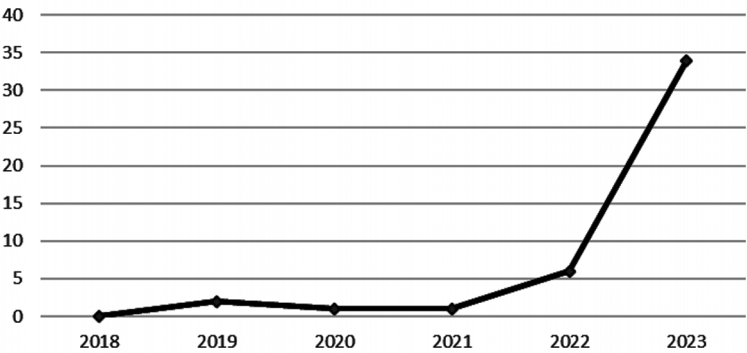
4 Taylor 2019.

ле «Неделимая безопасность: возможности и вклад парламентариев» в марте 2023 г. безопасность звучит в следующем контексте: «Речь идет о том, что Африка готовится к совершенно новому этапу своего развития, где будут сочетаться два главных процесса. Это процесс укрепления национального суверенитета, и здесь Россия выступает полностью на стороне наших африканских друзей, потому что мы заинтересованы в том, чтобы каждая страна имела самостоятельный голос, не подчинялась диктату извне и самостоятельно вырабатывала свою линию на международной арене. Мы убеждены, что у нас очень много общего. Есть общность интересов, и прежде всего в том, что касается безопасности»¹.

Также под безопасностью нередко понимается безопасность «энергетическая» и «продовольственная». Последняя и вовсе стала одной из главных тем в 2023 г. в связи с перебоями в поставках российского и украинского зерна и удобрений в африканские страны. Например, в рамках выступления Министра иностранных дел С. Лаврова на приеме по случаю Дня Африки прозвучала следующая мысль: «Вместе с африканскими друзьями наращиваем усилия, направленные на обеспечение продовольственной безопасности. Россия добросовестно выполняет свои обязательства по международным контрактам в части экспортных поставок продукции агропромышленного комплекса, удобрений, энергоносителей и других остро необходимых Африке товаров. Продолжим это делать, невзирая на препоны, которые Запад возводит на пути расширения законного сотрудничества России со странами континента»².

Рисунок 1.

**ДИНАМИКА УПОМИНАНИЯ ТЕРМИНА
«НЕОКОЛОНИАЛИЗМА» ПО ГОДАМ
DYNAMICS OF MENTION OF THE TERM
“NEOCOLONIALISM” BY YEAR**

Источник: составлено автором.

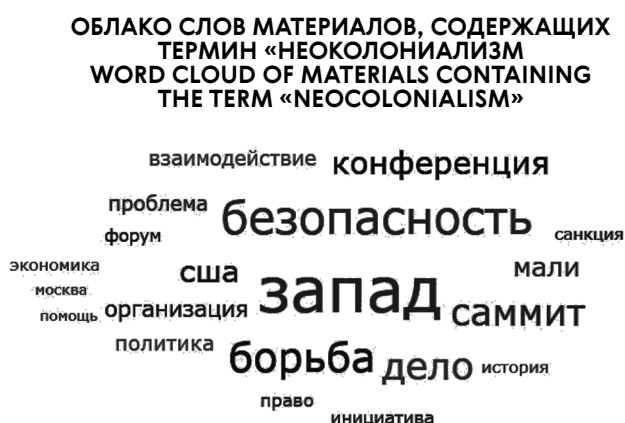
Однако наряду с «безопасностью» доминирующей темой в российском официальном дискурсе является «неоколониализм». Про неоколониализм го-

1 В МИД РФ заявили, что Россия поможет Африке стать мощным полюсом силы на мировой арене // ТАСС. 19 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/17310853> (дата обращения: 30.10.2023).
2 Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на приеме по случаю Дня Африки, Москва, 7 июня 2023 года // МИД РФ. 7 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1886041/?lang=ru (дата обращения: 29.10.2023).

ворится практически в каждом третьем выступлении (44 из 104). При этом на Рисунке 1 можно видеть, что абсолютное большинство этих упоминаний в собранных материалах приходится на 2022 и 2023 гг. Начиная с этого периода «неоколониализм» употребляется действительно особенно часто, когда речь идет о западных государствах. Например, заместитель директора департамента информации и печати МИД России И. Нечаев говорит о французской политике в регионе как о неоколониальной: «...Политика [Франции] в отношении своих бывших африканских владений была и остается воплощением понятия "неоколониализм"»¹.

Теперь же обратимся непосредственно к выступлениям, посвященным неоколониализму (Рисунок 2).

Рисунок 2.

Источник: составлено автором.

На Рисунке 2 видно, что наиболее часто неоколониализм употребляется в сочетании со словами «Запад» (111 раз), «безопасность» (84 раза), «борьба» (77 раз), а также «политика» (45 раз) и «экономика» (38 раз). Самый же частый контекст, в котором употребляется термин, – это «практики неоколониализма», в то время как на втором месте «борьба / противостояние с неоколониализмом». «Практики» упоминаются, например, в выступлении С.В. Лаврова на приеме по случаю Дня Африки: «В этом наше [России] принципиальное отличие от “коллективного Запада”, не изжившего комплекс превосходства и стремящегося увековечить неоколониальные практики»². Как заявил Президент России на Международной парламентской конференции «Россия – Африка в многополярном мире»: «Россия и страны Африки отстаивают традиционные для наших народов нормы морали и общественные устои, противостоят навязываемой извне неоколониальной идеологии»³.

- 1 Брифинг заместителя директора ДИП МИД России И.И. Нечаева, Москва, 11 августа 2022 года // МИД РФ. 11 августа 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news/1825841/#8 (дата обращения: 27.10.2023).
- 2 Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на приеме по случаю Дня Африки, Москва, 7 июня 2023 года // МИД РФ. 7 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/news/1886041/?lang=ru (дата обращения: 29.10.2023).
- 3 Путин заявил, что «неоколониальная система» прекратила существование // РБК. 16 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/06/2023/648c56b69a79477cabe9222a> (дата обращения: 29.10.2023).

Как видно, отсутствуют какие-либо поясняющие предложения или параграфы, которые бы раскрывали, что включают в себя «практики неокOLONиализма» или «борьба с неокOLONиализмом». Из контекста можно предположить, что в качестве борьбы выступают двусторонние договоренности, торговля и сотрудничество России с африканскими странами, но именно практики не получают должного освещения.

Рисунок 3.

Источник: составлено автором.

Если посмотреть на распределение стран, в отношении которых присутствует упоминание неокOLONиализма (Рисунок 3), то мы можем увидеть, что наиболее часто упоминаемыми в этом случае являются страны Запада (прежде всего, США и ЕС). Именно они предстают в качестве главных отправителей неокOLONиальных политик. Например, С.В. Лавров на пресс-конференции в Эритрее заявляет: «США и Европа в требованиях к африканским странам не сотрудничать с Россией добиваются восстановления колониальной зависимости Африки в новом виде»¹.

Здесь весьма примечательно то, что лидируют именно США, которые никогда не были непосредственными колонизаторами африканского континента, в отличие от Франции, Британии, Португалии или Испании. При этом Франция, которая уже обсуждалась в качестве одной из главных неокOLONиальных держав, упоминается во всех источниках в два раза реже, чем Соединенные Штаты (60 раз). Таким образом, можно предположить, что российская внешняя политика скорее склонна рассматривать Запад во главе с США в качестве единого полюса, продуцирующего неокOLONиальные нарративы в отношении африканских стран.

При этом неоднократно в материалах, посвященных неокOLONиализму, упоминается Советский Союз (наряду с такими терминами, как «советский», «советское наследие» и «советский опыт»). Ссылки на СССР и его политику в Африке появляются регулярно и главным образом в качестве противопоставления западному колониализму и неокOLONиализму. Например, в статье Посла России в Республике

1 Лавров назвал попыткой неокOLONиализма требования Запада от стран Африки не сотрудничать с РФ // BFM. 27 января 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/517938> (дата обращения: 30.11.2023).

Ангола В. Тарарова для газеты «Жорнал де Ангола» Советский Союз упоминается в следующем контексте: «Еще со времен героической и самоотверженной борьбы народов Африки за свою независимость Советский Союз оказал весьма значимую поддержку в их борьбе против неокOLONиализма, расизма и апартеида, помог многим африканским государствам обрести и защитить свой суверенитет, последовательно поддерживал в становлении государственности, укреплении оборонноспособности, создании основ национальной экономики, подготовке кадров»¹.

Еще одной специфической особенностью российского неокOLONиального дискурса является его направленность на своего рода дискурсивный диалог с Западом. При этом, например, конкретике, связанной с борьбой африканских стран с проявлениями неокOLONиализма, практически не уделяется внимания. Так, материалы о неокOLONиализме практически лишены упоминаний африканских деятелей, многие из которых олицетворяли борьбу с ним и считаются его главными теоретиками. Можно отметить, что пять раз упоминается Н. Мандела, охарактеризованный как «борец за права африканцев», в основном с целью цитирования. Например, обратимся снова к статье Посла России в Анголе: «В этой связи уместно напомнить слова выдающегося африканского государственного деятеля, непоколебимого борца за независимость и права народов Африки Н. Манделы...»². Дважды упоминается П. Лумумба и единожды – К. Нкрума, но без упоминаний каких-либо конкретных достижений или объяснений, почему они значимы для африканской политики. Как пишет заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в Государственной Думе А. Исаев: «На недавнем форуме “Россия – Африка” в Санкт-Петербурге В.В. Путин назвал П. Лумумбу первым среди лидеров национально-освободительного движения черного континента. П. Лумумба – демократически избранный глава правительства, которого жестоко пытали и убили под присмотром бельгийских офицеров. Это происходило уже после того, как была принята Декларация прав человека и Конго обрела формальную независимость. Одновременно на Западе рассказывали о священной миссии США и ее союзников – нести гуманизм и свободу во все страны»³. К. Нкрума вместе с другими африканскими деятелями был упомянут на Пленарном заседании Второго саммита «Россия – Африка» Президентом России В.В. Путиным: «В России помнят и чтят память выдающихся сынов Африки. Я назову их, уважаемые друзья. Мы должны помнить и не должны забывать о них. Назову имена П. Лумумбы, Г.А. Насера, Н. Манделы, А. бен Беллы, О. аль-Мухтара, К. Нкрумы, С. Машела, Л. Сенгора, К. Каунды, Дж. Ньереры. Мы помним и других африканских борцов за свободу и национальных лидеров африканских стран. Основываясь на принципах справедливости и равенства, они твердо отстаивали для своих народов независимый путь развития, зачастую ценой собственной жизни»⁴.

1 О статье Посла России в газете «Жорнал де Ангола» // МИД РФ. 19 апреля 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/press_service/publikacii-i-oproverzenia/publikatsii/1864381/ (дата обращения: 30.11.2023).

2 Ibid.

3 Исаев, А. Россия – лидер антиколониальной революции // Единая Россия. 9 августа 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://er.ru/activity/news/rossiya-lider-antikolonialnoj-revolucii-statya-andreya-isaeva> (дата обращения: 30.11.2023).

4 Саммит Россия – Африка // Президент России. 28 июля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/71826> (дата обращения: 30.11.2023).

Крайне мало и упоминаний африканских стран в связке с неокOLONиализмом. Единственное исключение – Мали, которая упоминалась 54 раза. Однако это было связано в первую очередь с появлением в этой стране ЧВК «Вагнер» в августе 2021 г., что породило широкую международную дискуссию по этому поводу. Например, О. Карпович, проректор Дипломатической академии МИД РФ, пишет: «Отмечу, что блестящий результат наших действий в Мали и ЦАР, который вполне может быть экстраполирован, например, в Нигер и Буркина-Фасо, обусловлен не действиями отдельной „частной военной компании“, а комплексными и планомерными шагами, координируемыми на самом высоком уровне. Собственно, потому эти локальные истории успеха и вызвали паническую реакцию у американо-европейских элит, четко видящих очерченную тенденцию по возвращению России в Африку»¹.

Другой редкий пример – Коморские острова, которые употреблялись пусть и в «дежурном» ключе, но весьма регулярно в контексте необходимости деколонизации острова Майотта. Как пишет Российская газета, цитируя Министра иностранных дел С.В. Лаврова: «Министр также напомнил, что та же Франция, несмотря на неоднократные резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, фактически до сих пор имеет колонии. Речь идет об острове Майотта, который был аннексирован в свое время у Коморских Островов»².

В целом, можно отметить весьма незначительное число упоминаний конкретных африканских стран и африканских организаций за пределами встреч с их представителями. Так, Африканский союз упоминается лишь 30 раз, существенно реже, чем Европейский (57 раз). В то же время, по мнению некоторых исследователей, именно африканские наднациональные организации могли бы стать эффективными институтами противостояния неокOLONиализму.

Заключение

Подытоживая проведенное нами исследование, стоит сказать, что нарратив неокOLONиализма занимает достаточно важное место в выстраивании Российской Федерацией своей внешнеполитической идентичности. Одними из наиболее часто упоминаемых тем являются безопасность (в том числе энергетическая и продовольственная), а также экономика, что закономерно вписывается в концепцию «возвращения» России в Африку.

Как показали результаты контент-анализа текстов выступлений российских официальных лиц, тема неокOLONиализма используется в качестве референса по отношению к странам Запада. Российский официальный дискурс в контексте африканских стран во многом имеет своей целью выстраивание внешнеполитической идентичности на основе противопоставления политики России в Африке действиям западных стран на этом континенте. Действительно, отсутствие колониального прошлого может рассматриваться в качестве позитивного бэкграунд-

1 Карпович, О.Г. Похороны неокOLONиализма. // Известия. 31 июля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1551682/oleg-karpovich/pokhorony-neokolonializma> (дата обращения: 29.10.2023).

2 Лавров назвал «клиническим случаем» обвинения России в неокOLONиализме со стороны Франции // Российская газета. 15 февраля 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/02/15/lavrov-nazval-klinicheskim-slucaem-obvneniia-rossii-v-neokolonializme-so-storony-francii.html> (дата обращения: 30.11.2023).

да для дальнейшего выстраивания взаимоотношений России с африканскими странами на этапе «возвращения» на континент.

В то же время необходимо отметить, что российский официальный дискурс о неокOLONIALИЗме отличается достаточно высокой степенью абстрактности в определении конкретных проявлений и практик неокOLONIALИЗма. Данная особенность может объясняться уже упомянутой выше риторической направленностью использования термина неокOLONIALИЗм. Кроме того, важным контекстом в этом случае выступают отсылки к выстраиванию многополярного мира и противостояние политике США. Но несмотря на некоторую поверхностность, присущую официальному дискурсу относительно неокOLONIALИЗма, подобная специфика оставляет достаточно большой простор для дальнейшего диалога с африканскими странами, так как отсутствуют наработанные (и, как следствие, во многом отжившие себя) дискурсивные модели по конкретным сферам взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Африка: неоплаченный долг колонизаторов / Отв. ред. И.О. Абрамова. М.: ИАФР РАН, 2023.
Afrika: Neoplachennyj Dolg Kolonizatorov, edited by Ivan O. Abramov. Moscow: IAFR RAN, 2023 [In Russian].
- Бокерия, С.А., Давидчук, А.С., Дегтерев, Д.А., Дубровский, И.Р., Журавлева, Е.В., Еномян, А.В., Иокина, Н.В., Никулин, М.А., Кассеа Ныгусие, В.М., Шпаковская, М.А. Советские исследования неокOLONIALИЗма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 4. С. 671–687. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687>.
- Bokeriya, Svetlana A., Davidchuk, Anna S., Degterev, Denis A., Dubrovskij, Ivan R., Zhuravleva, Evgeniya V., Enokyan, Artem V., Ivkina, Natalia V., Nikulin, Mikhail A., Kassae Nygusie, Volde M., Shpakovskaya, Marina A. "Soviet Studies of Neocolonialism." *Vestnik RUDN. International Relations* 22, no. 4 (2022): 671–687 [In Russian].
- Дегтерев, Д. А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. 2023. Т. 1. №1. С. 31–46. <https://doi.org/10.31249/j.2949-1711.2023.01.01>.
- Degterev, Denis A. "K Okonchaniyu 'Postkolonial'nogo Momenta' Antikolonial'noj Bor'by: Kontury Issledovatel'skoj Programmy." *Postkolonializm i sovremennost'* 1, no. 1 (2023): 31–46 [In Russian].
- Сироткина, А.И. Эволюция теоретических воззрений на неокOLONIALИЗм как экономическую категорию // Вопросы политической экономии. 2020. № 3. С. 82–97. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4067063>.
- Sirotkina, Anastasia I. "Evolyuciya Teoreticheskikh vovzrenij na neokolonializm kak ekonomicheskuyu kategoriyu." *Voprosy politicheskoy ekonomii* 3 (2020): 82–97 [In Russian].
- Щетинин, В.Д. Эволюция американского неокOLONIALИЗма: критика теории и практики неокOLONIALИЗмистского «партнерства». М: Международные отношения, 1972.
- Shchetinin, Valentin D. *Evoluciya Amerikanskogo Neokolonializma: Kritika Teorii i Praktiki Neokolonialistskogo "Partnerstva"*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1972 [In Russian].
- Ardant, Philippe. "Le Néo-Colonialisme: Thème, Mythe et Réalité." *Revue française de science politique* 15, no. 5 (1965): 837–855.
- Ardant, Philippe. "Neocolonialism: Theme, Myth and Reality." *Revue française de science politique* 15, no. 5 (1965): 837–855 [In French].
- Gravett, Willem. "Digital Neo-Colonialism: The Chinese Model of Internet Sovereignty in Africa." *African Human Rights Law Journal* 20, no. 1 (2020): 125–146. <http://dx.doi.org/10.17159/1996-2096/2020/v20n1a5>.
- Langan, Mark. *Neo-Colonialism and the Poverty of Development in Africa*. Springer, 2017.
- McGowan, Grace. "21st Century Françafrique in Côte d'Ivoire: A Study on Modern French Neocolonialism." *Veritas: Villanova Research Journal* 2 (2020): 50–60.
- Medushevskiy, Nikolai, and Alisa Shishkina. "Modern French Policy on the African Continent: Transformations of a Françafrique Model." *Journal of Asian and African Studies* 57, no. 6 (2022): 1141–1157.
- Nkrumah, Kwame. *Neocolonialism, the Last Stage of Imperialism*. London: Nelson and Sons, 1965.
- Olivier, Bert. "Decolonisation, Identity, Neo-colonialism and Power." *Phronimon* 20, no. 1 (2019): 1–18. <http://dx.doi.org/10.25159/2413-3086/3065>.
- Prah, Kwesi Kwaa. "The Burden of English in Africa: From Colonialism to Neo-colonialism." *TESL-EJ* 6, no. 1 (2002): 1–14.
- Sankara, Thomas. "The 'Political Orientation' of Burkina Faso." *Review of African Political Economy* 12, no. 32 (1985): 48–55.
- Taylor, Ian. "France à Fric: The CFA Zone in Africa and Neocolonialism." *Third World Quarterly* 40, no. 6 (2019): 1064–1088. <https://doi.org/10.1080/01436597.2019.1585183>.

Сведения об авторах

Алиса Романовна Шишкина,

к.полит.н., ведущий научный сотрудник центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ;

старший научный сотрудник, Институт Африки РАН

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

e-mail: ashishkina@hse.ru

Егор Денисович Файн,

младший научный сотрудник центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

e-mail: efayn@hse.ru

Леонид Маркович Исаев,

к.полит.н., заместитель директора центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ;

старший научный сотрудник, Институт Африки РАН

101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20

Сведения о финансировании

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ при поддержке гранта РФФИ № 21-18-00123

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 10 октября 2023.

Переработана: 13 ноября 2023.

Принята к публикации: 30 ноября 2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Шишкина, А.Р., Файн, Е.Д., Исаев, Л.М. Дискурс о неоколониализме как элемент внешнеполитической идентичности России в Африке // Международная аналитика. 2024. Том 15 (1). С. 103–117.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-103-117>

Discourse on Neocolonialism as an Element of Russia's Foreign Policy Identity in Africa

ABSTRACT

This article addresses the issue of neocolonialism and, in particular, the context in which this issue is addressed within the framework of Russian official foreign policy. The article gives an idea of the emergence and modern understanding of the concept of neocolonialism within the framework of political science. The authors use the method of content analysis of speeches, statements and articles by Russian officials that contain references to neo-colonialism and the fight against it on the African continent. It is shown that the narrative of neocolonialism occupies a fairly important place in the Russian Federation's construction of its foreign policy identity as a form of building a discursive dialogue with Western countries. The peculiarities of the Russian discourse on neocolonialism are its focus on problems in the spheres of economics and security, as well as some abstractness in relation to specific forms and manifestations of neocolonialism in African countries.

KEYWORDS

neocolonialism, Africa, Russian foreign policy, official discourse

Authors

Alisa Romanovna Shishkina,

PhD (Polit.Sci.), Leading Research Fellow, Center for Stability and Risks Analysis at HSE University;
Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences
20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000
e-mail: ashishkina@hse.ru

Egor Denisovich Fain,

Junior Research Fellow, Center for Stability and Risks Analysis at HSE University
20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000
e-mail: efayn@hse.ru

Leonid Markovich Issaev,

PhD (Polit.Sci.), Vice-Director, Center for Stability and Risks Analysis at HSE University,
Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences,
20, Myasnitskaya Street, Moscow, Russia, 101000

Additional information

Received: October 10, 2023. Revised: November 13, 2023. Accepted: November 30, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Funding

The research was carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics with the support of the Russian Science Foundation (project No. 21-18-00123).

For citation

Shishkina, Alisa R., Egor D. Fain, and Leonid M. Issaev "Discourse on Neocolonialism as an Element of Russia's Foreign Policy Identity in Africa." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 103–117.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-103-117>

«Конголитэ»: разделительные линии в политической жизни современной ДРК

Никольская Майя Викторовна, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию политической идентичности в Демократической Республике Конго. Автор уделяет особое внимание современной интерпретации понятия «конголитэ» – конголезской идентичности, во многом тождественной идее национального гражданства. Сам концепт «конголитэ» рассматривается в статье как набор правовых норм, как инструмент электоральной борьбы и как символический конструкт. Новое звучание этот концепт приобрел в контексте законопроекта, выдвинутого в 2021 г., а его возвращение во внутреннюю политику является показательным с точки зрения понимания настроений в конголезском обществе. Автор также задается целью выявить основные направления дискуссии об идентичности и приходит к выводу, что одной из ее констант является проблема политико-правового статуса руандафонного меньшинства (баньяруанда / баньямуленге), а другой – регионально-языковая фрагментация, которую усиливает экономико-демографическая специфика. Оба этих фактора в значительной степени влияют на внутренние паттерны голосования. Дискурс «чистоты» автохтонного происхождения оценивается как усугубляющий эту фрагментацию и конфликтогенность в отношениях Конго с государствами региона, в частности с Руандой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

идентичность, конголитэ, Демократическая Республика Конго, гражданство, баньямуленге, языковой фактор в политике, выборы

Введение

Историческая судьба Демократической Республики Конго (ДРК) на протяжении всего XX столетия складывалась трагично: череда кризисов с первых лет деколонизации; болезненное отделение от бывшей метрополии – Бельгии; две конголезские войны на рубеже веков; шаткий баланс сил внутри страны в 2000–2020 годах. Все эти события побудили политическую науку отнести Конго к так называемым *failed state*, а затем – к *fragile state*. К статусу *failed state* – несостоятельного государства – ДРК относят К. Кодденброк¹, Т. Трефон², Р. Ротберг³, отмечая низкую способность государства эффективно контролировать свою территорию и происходящие на ней процессы, а также адекватно реагировать на экономические и политические вызовы развитию. Понятие «хрупкого / слабого государства» (*fragile state*) используется в терминологии международных институтов, таких как ОЭСР, Всемирный банк и МВФ, и составляет основу *Fragile States Index*. Применительно к ДРК его можно встретить в работах К. Кайзера и С. Уолтерс⁴, С. Тареке⁵, С. Каплана⁶, Л. Синье⁷, Д. Кармента⁸. При всей неоднозначности этих понятий (С. Гримм⁹) и соответствующих международных рейтингов, сложно отрицать низкий уровень государственной состоятельности ДРК, понимаемой как способность обеспечить пять базовых функций современного государства: внешнюю безопасность, внутренний порядок, легитимность, управление и развитие¹⁰.

Однако на фоне относительной стабильности последних двух десятилетий национально-государственное строительство в Конго обретает более реальные перспективы. В постконфликтном обществе, яркий пример которого представляет ДРК, государственное строительство тесно связано с миростроительством: обеспечение безопасной среды для развития зависит от наличия действенных и легитимных государственных институтов¹¹. Одновременно этот процесс подразумевает поиск ориентиров и основ, которые способствовали бы формированию единой конголезской идентичности. Но как ее понимают сами конголезцы? Для ответа на этот вопрос в статье исследуется понятие «конголитэ» – «конголезско-сти», которое становится частью мейнстримного дискурса в связи с внесением в 2021 г. в конголезский парламент одноименного законопроекта. Полемика вокруг него может служить индикатором того, в какой степени политическое пространство ДРК определяют региональные, языковые и этнические составляющие. Автор предполагает, что они по-прежнему сохраняют актуальность, представляя угрозу целостности конголезского общества и препятствуя формированию национально-государственной идентичности.

Отдельного внимания заслуживает судьба руандафонов, т.е. носителей языка киньяруанда. Они представляют собой крупнейшее этноязыковое меньшинство,

1 Koddenbrock 2013.

2 Trefon et al. 2002.

3 Rotberg 2003.

4 Kaiser et al. 2012.

5 Tareke 2021.

6 Kaplan 2009.

7 Signé 2019.

8 Carment et al. 2013.

9 Grimm et al. 2014.

10 Мельвиль et al. 2012.

11 Sweet 2021.

сосредоточенное на востоке страны, преимущественно в провинциях Северное и Южное Киву. Траектория исторического развития страны подсказывает, что правовые нормы законопроекта о конголитэ усугубляют положение руандафонного меньшинства, отражая и усиливая настроения других социально-политических групп в Конго.

Обзор литературы

В литературе – как международной, так и отечественной – в подавляющем большинстве распространены алармистские сценарии будущего Конго. Очевидно, что ДРК представляет собой, по классическому определению А. Лейпхарта, фрагментированное общество, разделенное сегментарными различиями религиозной, этнической, языковой и культурной природы, которые совпадают полностью или частично с линиями политического противостояния. Политика идентичности в ДРК напрямую влияет на внутреннюю стабильность страны и несет в себе конфликтный потенциал. Так, В. Шишков полагает, что нынешняя траектория развития стран района Великих африканских озер (РВО) «может приобрести направленность на воспроизведение черт имперской государственности [...] и, наконец, шовинистической идеологии», предполагая, что подобный сценарий может быть реализован в том числе на территории Конго и соседних государств¹. Риск т.н. балканизации Конго как распада государства вследствие сверхинтенсивного политического насилия² озвучивается в большинстве работ³. Знаковыми в этой области являются современные обзорные исследования за авторством Т. Денисовой, С. Костелянца⁴ и Г. Сидоровой⁵, где идентичностные конфликты рассматриваются в контексте интересов соседних государств, в первую очередь связанных с «фактором Руанды», а также в рамках экономических и инфраструктурных проблем.

Отдельные исследования затрагивают идею «конголитэ» («конголезскости») как гражданства на идентичностной основе, изначальной принадлежности к «автохтонному» населению Конго. Здесь выделяются две основные интерпретации. Первую можно считать более конвенциональной для политической науки: она предлагает рассматривать «конголитэ» как примордиалистскую характеристику самого современного конголезского общества. Так, в представлении П. Мулатрис, речь идет о глубоких процессах, затрагивающих саму суть конголезской идентичности, которая берет свое происхождение в истории ДРК⁶. Историческую подоплеку сложившейся ситуации наблюдает и Дж. Мусинде, многие работы которого посвящены особенностям языкового фактора в конголезской политике⁷.

С этой группой исследователей не согласен, например, П. Мабиала Матуба-Нгома⁸, который сводит концепт «конголитэ» преимущественно к инструментарию

1 Шишков 2015.

2 Миняжетдинов 2015.

3 Huening 2013; Ндайисаба 2019.

4 Денисова et al. 2023.

5 Сидорова 2014; 2017.

6 Mulatris 2009.

7 Musinde 2012.

8 "Les elections dans l'histoire politique de la Republique Democratique du Congo (1957–2011) (Elections in the political history of the Democratic Republic of Congo (1957–2011)," Adenauer Stiftung, accessed January 10, 2024, https://www.kas.de/documents/275840/5293160/KAS_Les+%C3%A9lections+dans+l%27histoire+politique+de+la+RDC+1957-2011.pdf/1090662f-ac51-4d1c-ebc3-81f6af3be17a?t=1568495025033.

электоральной политики. Те же выводы можно сделать из работы американского исследователя Дж. Кастилло на основе социолингвистического подхода к изучению политической истории Конго¹, которая стала первым подробным историческим экскурсом в языковую политику Конго при диктаторском режиме Мобуту (у власти в 1965–1997). Н. Ламини отмечает значение идеологии для современных африканских обществ, уподобляя ее мифологии: и то и другое является генератором социальных установок², что позволяет судить о конструируемом характере конголезской идентичности.

Методология

Автор исходит из тезиса, в соответствии с которым конголезские электоральные процессы развиваются под воздействием регионально-языковой и этнической самоидентификации граждан и во многом основываются как на рациональном выборе, так и на субъективных предпочтениях, связанных с харизмой конкретных персоналий. Автор предполагает, что картографирование результатов голосования на выборах президента с 2006 г. (первые послевоенные выборы) по 2023 г. позволяет сопоставить их с языковой географией ДРК и выявить территориальные особенности. Для этих целей в работе используется база данных *African Elections Database*³, *Electoral Geography*⁴ и официальные релизы Конголезского избирательного комитета⁵.

Реакции общественности на законопроект о «конголитэ» изучались автором на основе новостных публикаций и интервью, представленных онлайн: преимущественно конголезская, французская, бельгийская пресса (*Radio Okapi*, *Forum des As*, *RTBF*, *Le Monde*). Отдельно стоит отметить растущее количество академических публикаций конголезских авторов, как, например, С. Нгуйя-Ндила Маленгана, чьи работы способствовали анализу основных направлений публичной полемики.

Вопросы идентичности в Конго – предмет не только академической науки, но и прикладного экспертного знания. Доклады о ситуации в ДРК регулярно публикуют как международные организации (специализированные органы ООН, ОЭСР), так и ведущие аналитические центры (*Refworld*, *ReliefWeb*, *Africa Center for Research Studies*, *ACCORD*), которые наряду со статистикой Конголезского избирательного комитета служат материалом для анализа и оценки результатов выборов.

Для характеристики политико-правового положения руандафонного меньшинства был проведен контент-анализ конголезского законодательства о гражданстве на основе релевантных выдержек начиная с колониального периода. Последние агрегированы в сводном анализе европейской исследовательской организации *Global Citizenship Observatory (GLOBALCIT)*, которая с 2008 г. изучает национальное правовое регулирование вопросов гражданства и выборов в разных странах.

1 Castillo 2023.

2 Lamini 1986.

3 "Congo-Kinshasa Detailed Election Results," African Elections Database, February 8, 2012, accessed January 10, 2024, https://africa-elections.tripod.com/cd_detail.html.

4 "Electoral Geography," *Electoralgeography.com*, accessed March 3, 2024, <https://www.electoralgeography.com/new/en/>.

5 "Commission Electorale Nationale Indépendante (Independent National Electoral Commission)," CENI, accessed March 3, 2024, <https://www.ceni.cd/>.

Правовой и политический аспекты концепта «конголитэ»

Концепт «конголитэ», введенный в политический оборот в середине 2000-х гг., снова стал актуальным в середине электорального цикла в 2021 г. Это было связано с внесением на рассмотрение в конголезскую Национальную ассамблею соответствующего законопроекта депутатом Н. Пулулу. Автор инициативы, независимый депутат Н. Чиани, баллотировавшийся в президенты в 2018 г., мотивировал его появление необходимостью «защитить национальный суверенитет» от «многочисленных случаев [вражеского] внедрения в руководство государства»¹. Текст закона предписывает руководствоваться *jus sanguinis*² как базовым квалификационным требованием для определения права занимать президентское кресло и другие руководящие должности: администратора национального разведывательного управления, главы генерального директората по миграции, премьер-министра, председателя Сената, председателя Национальной Ассамблеи, ряда министерских позиций³. Иными словами, претендовать на высшие посты в государстве может лишь гражданин ДРК, у которого оба родителя были конголезцами. Статья 72 конституции 2006 г. сохраняет право баллотироваться в президенты лишь за теми, кто «относится к этническим группам, чьи представители и территория входили в состав Конго (ныне – ДРК) к моменту обретения независимости»⁴.

Сам законопроект, равно как и идея «конголитэ» как критерия того, кто считается «настоящим» гражданином своей страны, вводит в правовое поле дискриминацию значительной части населения с иностранными корнями – в основном выходцев из Руанды и Бурунди (в Конго, по оценкам международных организаций, на разных правовых основаниях проживает около полумиллиона беженцев⁵). Одно из главных потенциальных последствий – автоматический запрет на выдвижение на высокие государственные посты представителей иммигрантов. С 2002 г. в Конго действует конституционный запрет на двойное гражданство, однако в реальности многие из приезжих по-прежнему сохраняют паспорт своей родины. Это несоответствие и раньше становилось предметом политических дискуссий. При этом вплоть до 2023 г., когда государство в преддверии выборов инициировало всеобщий сбор биометрических данных, у большинства граждан 100-миллионной страны не было документов, подтверждающих личность: ни водительских прав, ни паспортов. Старая конголезская ID-карточка, которую выдавали в 1974 г., с падением режима Мобуту в 1997 г. стала считаться

1 Coumba Kane, "RDC: «La proposition de loi sur la congolité va diviser les Congolais» (The Proposed Law on Congolité Will Divide the Congolese)," *Le Monde*, July 19, 2021, accessed March 3, 2024, https://www.lemonde.fr/afrique/article/2021/07/19/rdc-la-proposition-de-loi-sur-la-congolite-va-diviser-les-congolais_6088773_3212.html

2 Право крови (лат.).

3 Coumba Kane, "L'Avenir: «Congolité: préserver le vivre-ensemble» ('Congolité': Preserving Living Together)," *Radio Okapi*, July 9, 2021, accessed March 3, 2024, <https://www.radiookapi.net/2021/07/09/actualite/revue-de-presse/lavenir-congolite-preserver-le-vivre-ensemble>.

4 "Constitution de la République Démocratique du Congo (Constitution of the Democratic Republic of Congo)," Cabinet du Président de la République (President DRC), February 18, 2006, accessed March 3, 2024, wipo.int/edocs/lexdocs/laws/fr/cd/cd001fr.pdf.

5 "Democratic Republic of the Congo: Monthly Statistics of Refugees and Asylum Seekers (as of 28 February 2023)," ReliefWeb, accessed March 3, 2024, <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/democratic-republic-congo-monthly-statistics-refugees-and-asylum-seekers-28-february-2023>.

недействительной¹. Свое избирательное право конголезцы обычно подтверждали с помощью удостоверения избирателя².

Изначально законопроект о «конголитэ» многие сочли ситуативным маневром, направленным против лидеров оппозиции: «Конголитэ – это не спонтанно зародившаяся идеология, а (побочный) продукт борьбы за политическую власть»³. Так, в случае его успешного одобрения гонку покинул бы сын греческого еврея и замбийки М. Катумби, глава крупнейшей оппозиционной коалиции *Ensemble*, до 2016 г. союзник бывшего президента Ж. Кабилы, а позже, вплоть до 2021 г., поддерживавший нынешнего лидера Ф. Чисекеди. М. Катумби заработал немало репутационных очков как удачливый бизнесмен и как губернатор богатой провинции Катанга в 2007–2015 гг., через которую проходит африканский медный пояс. На его счету – реализация важных социальных и экономических проектов, включая развитие транспорта, образования, горнодобывающего дела, укрепление продовольственной безопасности региона, повышение его инвестиционной привлекательности. Доходы в бюджет Катанги с 2007 по 2013 г. выросли почти шестикратно⁴. Хотя отсутствие у М. Катумби команды продвижения и широкой базы во всех регионах страны с самого начала ставило под вопрос его шансы на успех, было очевидно, что его имидж крепкого управленца в сочетании с личной харизмой мог бы сильно поляризовать конголезский электорат. В пользу этого соображения говорит и реакция властей: если в 2021 г. пресс-секретарь правительства и министр коммуникации и печати П. Муаяя агитировал граждан воздерживаться от употребления «опасного» термина «конголитэ»⁵, то в разгар избирательной кампании 2023 г. он уже назвал обсуждение законопроекта «демократическим волеизъявлением народа»⁶.

Влияние на граждан концепта «конголитэ» и соревнований за «аутентичность» среди кандидатов особенно заметно на пиках электоральных циклов. Например, в 2006 г. министр обороны Ж.-П. Бемба выстроил избирательную кампанию со ставкой на свою «конголитэ» в противовес Ж. Кабиле, которого позиционировал как «иностранца» руандийского происхождения⁷. Как показывает исторический прецедент в Кот-д'Ивуаре, где, как и в конголезском случае, все началось с применения государственных законов для борьбы с политическими противниками, форсирование искусственно созданной идентичности чревато ксенофобией. Состязание между А. Бедье и А. Уаттара в правящей Демократической партии Кот-д'Ивуара после смерти ее основателя Ф. Уфуэ-Буаньи закончилось победой А. Бедье, инициировавшего

- 1 "Democratic Republic of Congo: The Elector's Card, Including the Date when It Came into Force and its Appearance, Security Features and Functions," RefWorld, June 21, 2013, accessed January 3, 2024, <https://www.refworld.org/docid/53424ddb4.html>.
- 2 William McCurdy, "National ID Cards Launched in DRC, Remain Uncollected in Ghana," Biometric Update.com, July 7, 2023, accessed January 3, 2024, <https://www.biometricupdate.com/202307/national-id-cards-launched-in-drc-remain-uncollected-in-ghana>.
- 3 "Congolité et ivoirité (Congolité and ivoirité)," La Libre, October 18, 2010, accessed January 3, 2024, <https://www.lalibre.be/debats/opinions/2006/10/19/congolite-et-ivoirite-C5XV3ABCCFGUBG77VHVWPKNGI/>.
- 4 "The DRC's Katanga Province Return of the Copper King," African Business, January 18, 2014, accessed January 3, 2024, <https://african.business/2014/01/economy/the-drc-s-katanga-province-return-of-the-copper-king>.
- 5 "Congolité : «une polémique de bas étage», selon Patrick Muyaya (Congolité: 'a Low-level Debate', According to Patrick Muyaya)," Forum des As, July 13, 2021, accessed January 3, 2024, <https://www.forumdesas.net/2021/07/congolite-une-polemique-de-bas-etage-selon-patrick-muyaya/>.
- 6 "Loi sur la Congolité: «Une expression démocratique», insiste Patrick Muyaya (Law on the Congolité: 'A Democratic Expression', Insists Patrick Muyaya)," YouTube, accessed January 3, 2024, <https://www.youtube.com/watch?v=yLfa7dZrIU>.
- 7 "Conflicts in the Democratic Republic of Congo: Causes, Impact and Implications for the Great Lakes Region," United Nations Economic Commission for Africa, September 2015, accessed January 3, 2024, <https://repository.uneca.org/bitstream/handle/10855/22687/b11546694.pdf>.

принятие закона о кандидатах в президенты. Документ ограничивал круг возможных претендентов требованием, чтобы оба родителя родились на территории Кот-д'Ивуара. Это привело к отстранению от участия в выборах А. Уаттара, представителя интересов мусульманского севера, включая приезжих рабочих из Мали и Буркина-Фасо, которые занимались выращиванием кофе и какао-бобов – основного экспортного товара страны. В результате переворота А. Бедье был отстранен от власти. Однако пришедший на смену Л. Гбагбо поддержал разработку идеологии «ивуаритэ» в качестве основы национального государства, которая потребовалась ему для консолидации электората в условиях экономического спада. Созданный конструкт усилил враждебное отношение к инородцам, особенно малийцам-мусульманам с севера, иностранцам из других африканских государств, которая вылилась в 2002–2011 гг. в кровопролитный гражданский конфликт. Его последствия в ивуарийском обществе сохраняются по сей день, лишняя раз подтверждая закономерность развития африканской государственности: любые попытки конструирования национально-гражданской идентичности за счет отторжения органической части общества заканчиваются продолжительным конфликтом.

Показательна в этом контексте незамедлительная реакция конголезской общественности, которая включала широкий спектр политических сил, верно оценивших возможный ущерб такого решения для национального единства. Против апологии «чистоты» идентичности во имя сохранения политической власти выступили и католическая церковь в лице архиепископа Киншасы¹, и такие крупные НПО, как Ассоциация доступа к правосудию (ACAJ) и Ассоциация метисов Конго (Асмеко), не без основания посчитавшая главной мишенью такого закона своих членов. Средствами борьбы стали посты в социальных сетях, демонстрации протеста и даже официальные письма и меморандумы в адрес властей². Малолегитимным внутри страны, но эффективным для международной репутации было осуждение этого документа со стороны ООН³. В качестве средства политической борьбы манипуляция «конголитэ» оказалась неудачной: Конституционный суд Конго 30 октября провозгласил законной кандидатуру М. Катумби⁴. Под давлением общественности законопроект был отклонен, но повторно внесен весной 2023 г., тем самым показав, что идея «чистоты» конголезской нации по-прежнему импонирует определенной части влиятельных сил в ДРК.

Чужие среди своих: судьба руандафонов в Конго

Любая дискуссия об идентичности в Конго затрагивает положение и роль руандафонов, или баньяруанда («руандийцев»), которые в конголезской истории стали перманентной мишенью для дискурса ненависти, несмотря на

1 "RDC: appels à l'abandon du projet de loi Tshiani sur la 'congolité' (DRC: Calls to Abandon Tshiani's Draft Law on 'congolité')," Africa News, April 4, 2023, accessed January 3, 2024, <https://fr.africanews.com/2023/04/04/rdc-appels-a-labandon-du-projet-de-loi-tshiani-sur-la-congolite/>.

2 "En RDC, un projet de loi sur la 'congolité' suscite la controverse (In the DRC, a Draft Law on 'Congolity' Sparks Controversy)," RTBF, April 3, 2023, accessed January 3, 2024, <https://www.rtbf.be/article/en-rdc-un-projet-de-loi-sur-la-congolite-suscite-la-controverse-11177799>.

3 "Congo Bill to Limit Presidential Eligibility Prompts Backlash," Reuters, July 9, 2021, <https://www.reuters.com/world/africa/congo-bill-limit-presidential-eligibility-prompts-backlash-2021-07-09/>.

4 "DRC Top Court Confirms Opposition Leader's Congolese Nationality," AfricaNews, accessed January 3, 2024, <https://www.africa-news.com/2023/10/30/drc-top-court-confirms-opposition-leaders-congolese-nationality/>.

конституционный запрет на дискриминацию по признаку расовой, этнической, культурной или языковой принадлежности.

Термин «баньяруанда» допускает разные интерпретации. В академической науке доминируют две. Первая заключается в том, что этим этническим неологизмом в районе Великих африканских озер принято обозначать всех руандийцев по происхождению, поддерживающих родственные, культурные, языковые связи со своей исторической родиной. Из всех баньяруанда в Конго отдельно выделяется категория баньямуленге, дословно «пришедшие с гор», которые иммигрировали на территорию нынешней ДРК до Первой мировой войны, по этническому происхождению преимущественно тутси. Большинство из них бежали от репрессий со стороны руандийского королевского двора в XVIII–XIX вв. и поселились на холмах Муленге в Южном Киву и в районе города Мазизи в Северном Киву¹. Другая версия разграничивает тутси Северного Киву – баньямуленге – и Южного – баньяруанда. Она встречается, например, в работах Ф. Ндахинды и А. Мугабе². Зачастую эти два термина используются как взаимозаменяемые. Поскольку перепись населения в ДРК в последний раз проводилась в 1984 г., точно оценить размер этой диаспоры сложно, но, по разным оценкам, она насчитывает около 400 тыс. человек.

Таблица 1.

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОНГОЛЕЗСКИХ БАНЬЯРУАНДА
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА
THE CIVIL AND LEGAL SITUATION OF THE CONGOLESE BANYARWANDA
IN THE LATE 19th – EARLY 21st CENTURIES**

Год	Событие правового значения	Основные положения	Как изменилось положение баньяруанда
1892	Указ короля Леопольда II о гражданстве в Свободном государстве Конго	Конголезское гражданство может быть приобретено по рождению от конголезских родителей в режиме натурализации (с облегченной процедурой для жителей соседних территорий, которые считались конголезцами после 5-летнего периода проживания в Конго), по презумпции закона и по свободному выбору	С целью увеличения населения Свободного государства Конго гражданство было привязано к <i>jus soli</i> – «праву почвы». Баньяруанда получают возможность стать гражданами Конго
1908	Колониальная хартия – основной закон Конго	В 1908 г. Свободное государство Конго перешло под контроль бельгийского государства как колониальная территория. Конголезское гражданство отменено, конголезцы формально становятся бельгийскими подданными	Это положение распространяется и на баньяруанда. Однако де-факто объем их прав отличается в меньшую сторону от тех, что были у бельгийцев по происхождению на территории Конго
1910	Договор об угандийско-конголезской границе между Бельгией и Великобританией, договор о колониальной границе между Великобританией и Германией	Границы новой бельгийской колонии делимитированы заново. Ряд территорий Конго оказался в Руанде под управлением Германии, другая часть – в Уганде под управлением Великобритании	Часть баньяруанда оказалась вновь на территории соседних государств

1 “GREAT LAKES – Complex Emergency Situation Report #12,” ReliefWeb, December 12, 1996, accessed January 3, 2024, <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/great-lakes-complex-emergency-situation-report-12>.
2 Ndahinda et al. 2024.

Год	Событие правового значения	Основные положения	Как изменилось положение баньяруанда
1922	Мандат Лиги Наций на управление Руандой–Урунди	По мандату Лиги Наций немецкие колонии Руанда–Урунди переданы Бельгии, а после Второй мировой войны перешли под управление ООН	Вместе с прочими конголезцами в результате передачи территории население бывших германских территорий осталось без гражданства. Граждане Руанды–Урунди получили аналогичные с конголезцами удостоверения личности, отличавшиеся от удостоверений иммигрантов из других соседних стран
1964	Лулуабургская конституция (первая конституция независимого Конго)	Ст. 6. Конголезскими гражданами могут считаться лица, чьи предки были представителями этнических групп, проживавших на территории Конго до 1908 г.	Гражданства лишаются баньяруанда, иммигрировавшие в период голода в Руанде в 1922–1950 гг. и незаконно въехавшие после 1960 г.
1971	Декрет 71-020	Регулирует приобретение гражданства выходцами из Руанды–Урунди	Гражданами считаются выходцы из Руанды–Урунди, проживающие на территории ДРК после независимости
1972	Закон о гражданстве 72-002	Отмена положений предыдущего декрета. Конголезское гражданство даруется всем, кто проживал на территории ДРК до января 1950 г.	Право на гражданство получили баньямуленге, проживавшие в Конго до 1950 г.
1981	Закон о гражданстве 81-002	Отмена положений предыдущего закона. На гражданство может претендовать любой, чей предок был или является членом племени, признанным в качестве такого в Заире в границах 1885 г. с учетом поправок последующих договоров и конвенций	Отдельного положения, касающегося эмигрантов из соседних стран, в законе нет. Все баньяруанда автоматически теряют гражданство
1995	Резолюция о гражданстве Высокого совета переходного парламента от 28 апреля	Все баньяруанда признаны иностранцами, которые приобрели заирское гражданство «путем мошенничества». К тексту прилагается список лиц, которые подлежат аресту и выдворению с территории государства, отмена продажи или передачи активов иностранцам, снятие с должностей всех управленцев тутси	Баньямуленге уравнили в статусе с остальными баньяруанда. 31 октября 1996 г. инициирована кампания по выдворению из страны населения руандийского, бурундийского и угандийского происхождения. Поток беженцев хлынул через границу, при этом у многих из них при пересечении границы были конфискованы конголезские удостоверения личности. Начало Первой конголезской войны (1996–1997)
2004	Закон о гражданстве 04-024	Ст.6. Гражданство получают выходцы из этнических групп, чьи представители и земли после независимости вошли в состав Конго Ст.21. Потомки руандийских иммигрантов могут по собственному выбору подать просьбу о гражданстве по достижении совершеннолетия	Конголезское гражданство увязывается и с происхождением, и с территорией. Легитимизация на практике принципа, действующего с 1970-х гг. для выходцев из Руанды и Бурунди

Источник: составлено на основе Report on Citizenship Law: Democratic Republic of Congo // EUI Global Citizenship Observatory URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/74188/RSC_GLOBALCIT_CR_2022_1.pdf (дата обращения: 14.01.2024), Democratic Republic of Congo (DRC): Treatment of the Banyarwanda in the DRC by the Congolese authorities and population // RefWorld URL: <https://www.refworld.org/docid/41501c5015.html> (дата обращения: 14.01.2024)

Как видно из *Таблицы 1*, гражданско-правовой статус баньяруанда и баньямуленге определялся как производная то от этнических, то от территориальных переменных и варьировался на протяжении всей истории Конго, начиная с бельгийской колонизации до сегодняшних дней, в сторону их большей или меньшей маргинализации¹. Если принять в качестве исходного тезиса то, что гражданско-правовой статус человека в современном мире во многом тождественен понятию

1 “République Démocratique du Congo (RDC): Situation des Banyamulenge (Tutsi ou Banyarwanda) Democratic Republic of Congo (DRC) :The Situation of Banyamulenge (Tutsi or Banyarwanda),” Asylos, accessed January 3, 2024, <https://asylos.libguides.com/c.php?g=713694&p=5162432>.

национальной идентичности¹, становится ясно, что баньяруанда в ДРК сложно ощущать себя полноценными конголезцами². Даже после принятия более лояльного по отношению к этой группе закона о гражданстве в 2004 г., положения которого были во многом отражены в конституции 2006 г., де-факто пространство для реализации гражданских и политических прав баньяруанда неуклонно сокращалось. Так, на выборах 2006 г. всего один конголезский тутси был избран в региональный парламент от Мазизи, а региональные выборы 2011 г. вообще отменили под предлогом нестабильности в регионе, что спровоцировало восстание под предводительством генерала Л. Нкунды. В 2006 г. представитель баньяруанда А. Маньва баллотировался в президенты и позже даже сделал карьеру в правительстве, однако это скорее исключение из общей политики.

Попытки на национальном уровне правовыми методами вытеснить баньяруанда из электорального пространства дублируются на региональном уровне в виде риторики ненависти, которая эксплуатирует и подогревает давно сложившиеся негативные стереотипы. После геноцида в Руанде и спустя две конголезские войны (1996–1997 и 1998–2003) – это одно из наиболее враждебно воспринимаемых меньшинств, причем ни правовые (гражданство), ни региональные (восток региона), ни этнические (тутси) признаки не могут служить однозначным маркером идентичности, которая приобретает все более произвольно конструируемый характер. В период отсутствия правового регулирования идентификации в Конго в качестве своего рода паспорта стал восприниматься язык как неотъемлемая часть идентичности любого человека. Отсюда – укоренение в вокабуляре понятия «руандафоны», или «киньяруандафоны», т.е. говорящие на киньяруанда. Первая конголезская война внесла раскол в ряды руандафонов: одни из них поддержали руандийскую армию во время ее вторжения на конголезскую территорию, другие выступили на стороне ДРК, поскольку наряду с другими общинами в Киву пострадали от действий руандийцев³. Однако демонстрация лояльности мало отразилась на глубинных убеждениях конголезской общественности. В «картографическом докладе» (*the mapping report*) УВКПЧ ООН зафиксировано 617 инцидентов с применением насилия в Конго только в период с 1998 по 2003 г., из которых 25 были направлены против баньямуленге и тутси⁴.

Новая волна риторики, направленной против баньямуленге, началась в 2021 г. и совпала с обсуждением закона о «конголитэ». Ее ключевые нарративы были сосредоточены вокруг идеи иностранной оккупации ДРК, главным зачинщиком которой стала Руанда. Согласно распространявшимся утверждениям, руандийцы якобы пытаются контролировать конголезскую землю и недра, подчинить себе местных, раздробить страну на несколько частей и создать в регионе

1 Зарецкий 2008.

2 "Conflicts in the Democratic Republic of Congo: Causes, Impact and Implications for the Great Lakes Region," United Nations Economic Commission for Africa, September 2015, accessed January 3, 2024, <https://repository.uneca.org/bitstream/handle/10855/22687/b11546694.pdf>.

3 "DRC: Banyamulenge Seeking Political Solution to Tensions," ReliefWeb, August 6, 2007, accessed January 3, 2024, <https://reliefweb.int/report/congo/drc-banyamulenge-seeking-political-solution-tensions>.

4 "Report of the Mapping Exercise Documenting the Most Serious Violations of Human Rights and International Humanitarian Law Committed Within the Territory of the Democratic Republic of the Congo Between March 1993 and June 2003," OHCHR, August 2010, accessed January 3, 2024, https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Countries/CD/DRC_MAPPING_REPORT_FINAL_EN.pdf.

свою империю¹ – лозунги, которые абсурдно звучат для всех, кто хорошо знаком с историей ДРК: замерить «уровень автохтонности» на территории, на протяжении многих веков заселявшейся разными пришлыми народами, не представляется возможным². Характерно, что такие нарративы распространяют не только лидеры радикальных вооруженных группировок Май Май, Билози Бишамбуке, доминирующих на восточном высокогорье, но и конкурирующие с баньямуленге за землю и влияние в регионе этнические общины бембе, бафулоро, баньинду и бавира. Так, из бурундийских СМИ известно о случаях подстрекательства местной молодежи со стороны вождей бафулоро к тому, чтобы обратиться с петицией в избирательный комитет с требованием отказать выходцам из соседних стран в регистрации на выборах³.

В качестве каналов ретрансляции антагонистической идеологии и заодно рекрутинга новых последователей используются распространенные социальные сети, в которых пока нет возможности контролировать контент на «периферийных языках». В них распространяются видео и фото со сценами насилия против баньямуленге, звучат угрозы расправы. Экстремистские и радикальные группировки вступают в стычки с представителями тутси, избивают их прямо на улице⁴. Практикуется публичное изобличение тех, кого идентифицировали как «пришлых» руандийцев, с последующей облавой и линчеванием⁵, позволяющими говорить о «медленном геноциде»⁶. В крупных городах с конголезским большинством, таких как Гома, Букаву, Ньягензи, Увира, молодежные ополчения «Вазалендо» («патриоты») не пускали баньяруанда в пункты регистрации для голосования.

Сложности дифференциации между конголезскими автохтонами (*originaires*) и аллохтонами сочетаются с размыванием физической границы между Руандой и Конго. Т. Денисова и С. Костелянец увязывают активизацию руандафонной вооруженной группировки М23, или «Движения 23 марта», со стремлением Чисекеди укрепить государственный контроль за добычей полезных ископаемых на востоке ДРК⁷. В официальных докладах ООН М23, посягающей на конголезские приграничные провинции и природные ресурсы, приписывают тесные связи с руководством Руанды. Ничуть не уменьшая значимость этого фактора, важно отметить, что возобновление деятельности боевиков, позиционирующих себя как защитников конголезских тутси, приходится на период первого обсуждения упомянутого ранее законопроекта. В попытке предать международной огласке дискриминацию баньямуленге в 2022 г. началась кампания в социальных сетях «мы за руандафонов в ДРК» под хэштегом #SayNoToTutsiPhobia.

1 Ndahinda et al. 2024.

2 Jackson 2006.

3 "Sud-Kivu : les Congolais d'origine burundaise, les Tutsis et les Banyamulenge se font enrôler très difficilement pour les élections (South Kivu :the Congolese of Burundian Origin, the Tutsi and the Banyamulenge Find it Very Difficult to Register for the Elections)," SOS Medias Burundi, February 20, 2023, accessed January 3, 2024, <https://www.sosmediasburundi.org/2023/02/20/sud-kivu-les-congolais-dorigine-burundaise-les-tutsis-et-les-banyamulenge-se-font-enroler-tres-difficilement-pour-les-elections/>.

4 Crispin Kyala, "Congolese Tutsis Describe Violent Campaign to Stop Them Voting," Reuters, March 7, 2023, accessed January 3, 2024, <https://www.reuters.com/world/africa/congolese-tutsis-describe-violent-campaign-stop-them-voting-2023-03-06/>.

5 Ndahinda et al. 2024.

6 Ntanyoma 2022.

7 Денисова et al. 2023.

Нападки на «чужаков» в преддверии выборов, эксплуатация образа внутреннего врага, который в данном случае совпадает с внешним, представляют собой распространенный объект политических манипуляций сознанием избирателя. В ситуации гиперфрагментации, которая наблюдается в ДРК, потенциальные риски таких манипуляций удваиваются. Как констатировал известный конголезский журналист К. Ямба Ямба, «проблема баньямуленге отравляет страну. Ее существование нужно признать – но она стала средством [политического] торга [...] Политические лидеры, историки, ученые, интеллектуалы должны указывать путь, а не прислушиваться к досужим сплетням»¹. В этом контексте каждый новый раунд конфронтации с M23 влечет за собой взаимные обвинения руководства ДРК и Руанды и рост напряжения в двусторонних отношениях. Очевидно, что проблема руандафонного меньшинства может стать импульсом к эскалации двустороннего конфликта вплоть до полномасштабной войны.

Регионально-языковые константы в электоральном уравнении

В формирующихся условиях ущемления в правах всех, кого причисляют к «неконголезцам», неочевидным способом подтвердить свою «конголитэ», и тем самым обеспечить физическую и финансовую безопасность, становится владение языком лингала². Де-юре языковая политика современной ДРК предполагает двухступенчатую модель – наследие диглоссии колониального периода, где на верхнем уровне располагается французский (официальный язык корреспонденции, бизнеса, управления и внешних коммуникаций), а нижний характеризуется равноправием четырех национальных языков. На суахили говорят в восточных районах: Катанга, Кисангани, Маниема, Северное и Южное Киву. Он также широко используется за пределами Конго: в Танзании, Кении, Уганде, Бурунди, Руанде, Сомали. Зона покрытия лингала – запад: столица, Экваториальная провинция и часть Ориенталь, а за пределами ДРК, хоть и в меньшей степени, распространен в ЦАР и Южном Судане. Чилуба доминирует в центральных районах, включая Восточное и Западное Касаи; чилубаговорящие, известные как «конголезские евреи»³, компактно проживают в Киншасе и Катанге, а также на северо-востоке Анголы. Ареал распространения киконго – провинции Май-Ндомбе (ранее Бандунду) и Центральное Конго (ранее Баконго). Киконго, как и лингала, также можно услышать в Анголе, Габоне и Камеруне.

Если административно-территориальным делением с обозначение четырех языковых зон Конго изначально обязано бельгийскому правлению, то во время «заиризации» при Мобуту лингала использовался как символический инструмент в процессе выстраивания вертикали власти: виртуозное владение «автохтонным» языком стало частью стратегии выживания и продвижения в политической иерархии. Кроме того, подобно суахили в Уганде, за 30 лет диктатуры лингала стал

1 "RDC: Félix Tshisekedi et la congolité des banyamulenge (Par Kasongo Mwema Yamba Yamba) (DRC: Félix Tshisekedi and the Congolité of Banyamulenge (By Kasongo Mwema Yamba Yamba)," Actualite, January 20, 2020, accessed January 3, 2024, <https://actualite.cd/2020/01/20/rdc-felix-tshisekedi-et-la-congolite-des-banyamulenge-par-kasongo-mwema-yamba-yamba>.

2 Büscher et al. 2013.

3 Kankolongo 2014.

языком насилия: местные администраторы, жандармы, молодежные полувоенные формирования говорили на лингала, в том числе в восточной части страны. Отсюда – три его основные коннотации, которые сложились в суахилиговорящих провинциях: 1) конголезцы-*originaires*; 2) система правоохранительных органов; 3) столичный дендизм и гламур как образ жизни¹. Приход к власти Л. Кабилы после свержения Мобуту ознаменовал замену лингалафонов на суахилифонов из восточной части страны; эта тенденция усилилась при его сыне Жозефе. При Ф. Чисекеди она была обращена вспять. Все это способствовало постепенному формированию политически значимого регионально-языкового деления между лингалаговорящим западом и суахилиговорящим востоком, который, как видно, сохраняется и по сей день.

Анализ географического распределения электоральных предпочтений с учетом явки (80% в 2006-м², 59% в 2011-м³, 48% в 2018-м⁴ и 43% в 2023-м⁵) дает возможность подтвердить гипотезу на предмет сохранения важности регионально-языкового фактора. Наиболее ярко разрыв между западом и востоком обозначили выборы 2006 г.⁶, которые позволили конголезцам напрямую выразить свою волю спустя более 40 лет независимого развития, что вдохновило избирателей отнестись к голосованию с гражданским энтузиазмом. В первом туре восток проголосовал за Ж. Кабилу, запад – за Ж.-П. Бембу (кроме провинции Бандунду, поддержавшей А. Гизенга). С перевыборами Ж. Кабилы на второй срок в 2011 г. оказались несогласны многие, в первую очередь отец нынешнего президента Э. Чисекеди, чилуба по происхождению, выходец из западной провинции Лулуа, попытавшийся оспорить их результаты.

В 2018 г. президентом стал Ф. Чисекеди с разницей 39,57% против 34,83% у кандидата от оппозиционной коалиции «Ламука»⁷ М. Фаюлу, третье место занял невзрачный кандидат в преемники Кабилы Э. Шадари. Хотя в ходе выборов удалось достичь фактически первой мирной передачи власти с момента обретения независимости в 1960 г., они были омрачены обвинениями в подтасовке результатов со стороны Ф. Чисекеди. Выборы были приостановлены в ряде городских общин в Северном Киву, официально – из-за эпидемии Эболы, а также в Май-Ндомбе из-за вооруженных столкновений. М. Фаюлу родом из Май-Ндомбе и пользуется существенной поддержкой в Северном Киву. В результате этого решения так и не проголосовало более 1,7 млн зарегистрированных избирателей – существенная цифра, учитывая, что итоговый перевес в пользу Чисекеди

1 Büscher et al. 2013.

2 "Landmark Voter Turnout in Congo Elections," ReliefWeb, July 31, 2006, accessed January 3, 2024, <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/landmark-voter-turnout-congo-elections>.

3 "Presidential and Legislative Elections in the Democratic Republic of the Congo," Carter Center, November 28, 2011, accessed January 3, 2024, https://www.cartercenter.org/resources/pdfs/news/peace_publications/election_reports/drc-112811-elections-final-rpt.pdf.

4 "Mission d'observation électorale de l'Union africaine pour les élections générales du 30 décembre en République Démocratique du Congo (African Union Election Observation Mission for the General Election of December 30 in the Democratic Republic of Congo)," African Union, January 2019, accessed January 3, 2024, https://au.int/sites/default/files/documents/38702-doc-rapport_de_la_mission_dobservation_electorale_de_lunion_africaine_pour_les_elections_generales_du_30_decembre_2018_en_republique_democratique_du_congo.pdf.

5 Christophe Châtelot, "DRC Elections: Félix Tshisekedi's Large and Already Disputed Victory," Le Monde, January 1, 2024, accessed January 3, 2024, https://www.lemonde.fr/en/le-monde-africa/article/2024/01/01/drc-elections-felix-tshisekedi-s-large-and-already-disputed-victory_6393131_124.html.

6 Verweijen 2016.

7 Проснись! (линг.).

исчислялся сотнями тысяч голосов. Выборы-2023 претендовали на более широкий охват конголезских граждан: в голосовании впервые приняли участие представители диаспоры, проживающие в Бельгии, Канаде, Франции, ЮАР и США, что само по себе является важным элементом современного демократического процесса¹. Кроме того, гражданам выдавались новые *ID* на основе биометрических данных. Однако в результате кампании в восточной части Конго документов не получили до 1 млн избирателей.

По итогам выборов Ф. Чисекеди финишировал первым среди 26 зарегистрированных кандидатов с 73,47% голосов, второе и третье место досталось соответственно М. Катумби – 18,32% и М. Фаюлу – 4,92%. Ф. Чисекеди и М. Фаюлу популярны на лингалаговорящем западе. Симпатии суахилиговорящего региона были отданы М. Катумби и гинекологу Д. Муквеге – лауреату Нобелевской премии мира, который прославился на востоке страны и за рубежом благодаря активизму против насилия в восточном Конго, однако на западе страны он практически неизвестен.

Даже если учитывать возможную подтасовку результатов голосования и другие фальсификации, которые отмечают независимые наблюдатели², отсутствие регистрации части избирателей, географический паттерн электоральной активности по-прежнему отражает разрыв между западом и востоком. В значительной степени его определяет запрос запада страны на экономическое развитие, а востока – на мир и безопасность. Этот разрыв также упирается в более широкий (и давний) спор об оптимальной модели административно-территориального устройства ДРК с учетом регионально-языкового контекста³, который в значительной степени дублируется экономико-демографическим. Экономическая жизнь страны и максимальная численность населения сосредоточены в трех центрах, относительно изолированных друг от друга с точки зрения транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры: запад (Киншаса), юго-восток (Лубумбаши), северо-восток (Кисангани). У каждого региона свои козыри: если предпринимательская и торговая деятельность сконцентрирована в основном на западе, то восток богат минеральными ресурсами, обеспечивающими большую часть национального дохода.

В этом контексте выборы ставят определенные рамки в дискуссии не только о разделе властных полномочий, но и о балансе между вкладом каждой провинции в государственный бюджет и распределением расходов на проекты по развитию. По действующей конституции ДРК провинции могут удерживать 40% национальных доходов, получаемых на их территории⁴, что безусловно выгодно богатым регионам, таким как Катанга. Конституция также учреждает специальный фонд для перераспределения до 10% бюджета на инфраструктуру в более бедных провинциях, обеспечивая определенное равновесие между богатыми,

1 Szulecki et al. 2021.

2 "Observers Take Note of Logistical Challenges in DRC Elections," The East African, December 22, 2023, accessed January 3, 2024, <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/news/east-africa/observers-take-note-of-logistical-challenges-in-drc-elections-4472388>.

3 Herbert F. Weiss, and Georges Nzongola-Ntalaja, "Decentralization and the DRC – An Overview," Conflict Prevention and Peace Forum, January 2013, accessed January 3, 2024, https://ssrc-cdn1.s3.amazonaws.com/crmuploads/new_publication_3/decentralization-and-the-drc.pdf.

4 "DRC 2005 Constitution (revised 2011)," Constitue Project, accessed January 3, 2024, https://www.constitueproject.org/constitution/Democratic_Republic_of_the_Congo_2011.

бедными регионами и центральным правительством в Киншасе. Вопрос о том, насколько эффективна эта схема в долгосрочной перспективе, представляет собой интересный предмет для будущих исследований.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает изначальное предположение о том, что идентичностная фрагментация по регионально-языковому и этническому принципу сохраняет свою актуальность в ДРК и продолжает в значительной степени определять внутривнутриполитическое развитие страны. Конго можно отнести к хрестоматийному примеру разделенного общества, которое характеризуется мобилизацией и политизацией аскриптивных идентичностей, радикалистскими и экстремистскими тенденциями¹. В таком обществе диктуемые соображениями конъюнктуры попытки навязать населению т.н. закон о «конголитэ» могут иметь мощные конфликтогенные последствия, вплоть до формирования националистических движений за выдворение баньямуленге и развязывания в РВО конфликта на межгосударственном уровне. Идея «конголитэ» в той форме, в которой ее предлагает недавний законопроект, является по своей сути дискриминационной и направлена на исключение из общества существенной его части.

Если проблема руандафонного меньшинства показывает уровень потенциальной эскалации в сегодняшнем поляризованном Конго, то регионально-языковая и экономическая фрагментация потенциально может превратиться в новый Восточно-Африканский разлом. Строительство современной государственности в ДРК, так или иначе, требует преодоления этого разделения, создания новых общенациональных институтов распределения власти и ресурсов. Продолжая академическую дискуссию между А. Лейпхартом и Д. Горовицем² о выборе в пользу консоциативной или интеграционистской модели развития, важно отметить, что будущее ДРК во многом связано с нахождением практических решений, подразумевающих размытие прежних идентичностных сегментов. Только в случае принципиального разрешения этого вопроса идея «конголитэ» будет означать новый вектор развития национально-государственной идентичности, а не откат в архаику межобщинных войн.

1 Метаморфозы разделенных обществ 2020.

2 Кудряшова 2016.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Денисова, Т.С., Костелянец, С.В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2023. № 1. С. 37–47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47>.
- Denisova, T.S., and S.V. Kostelyanets. "The Democratic Republic of the Congo: Political Instability and the Rwandan Factor." *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 1 (2023): 37–47 [In Russian].
- Зарецкий, Ю. История, память, национальная идентичность // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/za4.html>.
- Zaretskii, Yu. "Istoriya, pamyat', natsional'naya identichnost'." *Neprikosnovennyi zapas*, no. 3 (2008) [In Russian].
- Кудряшова, И.В. Как обустроить разделенные общества // Political science. 2016. № 1. С. 15–33.
- Kudryashova, I.V. "How to Accomplish Stability in Divided Societies." *Political science*, no. 1 (2016): 15–33.
- Мельвил, А.Ю., Миронюк, М.Г., Стукал, Д.К. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (На примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. 2012. № 4. С. 83–105.
- Melvil, A.Yu., Mironyuk, M.G., Stukal, D.K. "Gosudarstvennaya sostoyatel'nost', demokratiya i demokratizatsiya (Na primere postkommunisticheskikh stran)." *Politicheskaya nauka*, no. 4 (2012): 83–105 [In Russian].
- Метаморфозы разделенных обществ / под ред. И.В. Кудряшовой, О.Г. Харитоновой. Москва: МГИМО-Университет, 2020. 284 с.
- Kudryashova, I.V., Kharitonova O.G., eds. *Metamorphozy razdelennykh obshchestv*. Moskva: MGIMO-Universitet, 2020 [In Russian].
- Миняжетдинов, И.Х. «Балканизация» Ирака: факторы воспроизводства и распространения политического насилия // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка). М.: Институт Востоковедения РАН, 2015. С. 249–276.
- Minyazhetdinov, I. KH. "Balkanizatsiya' Iraka: faktory vosproizvodstva i rasprostraneniya politicheskogo nasiliya." In *Konflikty i voyny XXI veka (Blizhnii Vostok i Severnaya Afrika)*, 249–276. M.: Institut Vostokovedeniya RAN, 2015 [In Russian].
- Ндайисаба, О. Угроза «балканизации» Демократической Республики Конго и позиция государств региона Великих озер Африки // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3. С. 127–135.
- Ndayisaba, A. The Threat of Balkanization of the Democratic Republic of Congo and the Stand of the States in the Great Lakes Region." *South-Russian Journal of Social Sciences*, no. 3 (2019): 127–135 [In Russian].
- Сидорова, Г.М. Интеграция Демократической Республики Конго в систему международных отношений // Экономические отношения. 2017. № 4. С. 375–386. <https://doi.org/10.18334/eo.7.4.38603>.
- Sidorova, G.M. "Integratsiya Demokraticeskoy Respubliki Kongo v sistemu mezhdunarodnyh otnosheniy." *Ekonomicheskie otnosheniya*, no. 4 (2017): 375–386 [In Russian].
- Сидорова, Г.М. Кто виноват в нестабильности Демократической Республики Конго? // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6. С. 29–36. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-29-36>.
- Sidorova, G.M. "Who is Responsible for Instability in the Democratic Republic of Congo?" *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (2014): 29–36 [In Russian].
- Шишков, В.В. Некоторые тенденции и перспективы политического развития ведущих государств субсахарной Африки и Латинской Америки // Сравнительная политика. 2015. № 2. С. 73–85.
- Shishkov, Vasilii V. "Some Trends and Prospects of Political Development of Leading States Sub-Saharan Africa and Latin America." *Comparative Politics* 19, no. 2 (2015): 73–85 [In Russian].
- Büscher, Karen, Sigurd D'hondt, and Michael Meeuwis. "Recruiting a Nonlocal Language for Performing Local Identity: Indexical Appropriations of Lingala in the Congolese Border Town Goma." *Language in Society* 42, no. 5 (2013): 527–556. <https://doi.org/10.1017/S0047404513000651>.
- Carment, David, Yiagadeesen Samy, and Joe Landry. "Transitioning Fragile States: A Sequencing Approach." *The Fletcher Forum of World Affairs* 37, no. 2 (2013): 125–51. <http://www.jstor.org/stable/45289592>.
- Castillo, Joshua. "The Power of Language and the Language of Power: Sociolinguistic Methods and Social Histories of Language and Political Power in Mobutu's Congo-Zaire (1965–1997)." *History in Africa*, no. 50 (2023): 7–39. <https://doi.org/10.1017/hia.2022.13>.
- Grimm, Sonya, Lemay-Hébert, Nicolas, and Oliver Nay. "Fragile States': Introducing a Political Concept." *Third World Quarterly* 35, no. 2 (2014): 197–209.
- Huening, Lars-Christopher. "Making Use of the Past: the Rwandophone Question and the 'Balkanisation of the Congo.'" *Review of African Political Economy* 135, no. 40 (2013): 13–31. <https://doi.org/10.1080/03056244.2012.761603>.
- Jackson, Stephen. "Sons of Which Soil? The Language and Politics of Autochthony in Eastern D.R. Congo." *African Studies Review* 49, no. 2 (2006): 95–124. <https://doi.org/10.1353/arw.2006.0107>.
- Kaiser, Kai, and Stephanie Wolters. "Fragile States, Elites, and Rents in the Democratic Republic of Congo (DRC)." In *In the Shadow of Violence: Politics, Economics, and the Problems of Development*, edited by Douglass C. North, John Joseph Wallis, Steven B. Webb, and Barry R. Weingast, 70–111. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.
- Kamunga, F. *Report on Citizenship Law: Democratic Republic of Congo*. EUI Global Citizenship Observatory, 2022. https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/74188/RSC_GLOBALCIT_CR_2022_1.pdf.
- Kankolongo, A.M. "La cohabitation du français et des langues nationales en République démocratique du Congo est-elle harmonieuse?" In *Le français et les langues partenaires: convivialité et compétitivité*, 141–150. Pessac: Presses universitaires de Bordeaux, 2014.
- Kankolongo, A.M. "Is the Cohabitation of French and National Languages in the Democratic Republic of Congo Harmonious?" In *French and Partner Languages: Conviviality and Competitiveness*, 141–150. Pessac: Presses universitaire de Bordeaux, 2014 [In French].
- Kaplan, S. "Identity in Fragile States: Social Cohesion and State Building." *Development*, no. 52 (2009): 466–472. <https://doi.org/10.1057/dev.2009.57>.
- Koddenbrock, Kai. "The 'Failed-State' Effect: Statebuilding and State Stories from the Congo." In *Routledge Handbook of International Statebuilding*, edited by Chandler, D., and T.D. Sisk, 118–130. London: Routledge, 2013. <https://doi.org/10.4324/9780203370377>.

Lamini, R. *Culture politique de la société congolaise: évolution des traditions et des comportements politiques: Thèse de doctorat en Sociologie*. Paris, 1986.

Lamini, R. *Political Culture of the Congolese Society: Evolution of Traditions and Political Behaviours: Doctoral Dissertation in Sociology*. Paris, 1986 [In French].

Mulattris, P. "‘Congolité’ et construction identitaire dans le discours médiatique congolais." In *Discours d'Afrique*, 83–92. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2009.

Mulattris, P. "‘Congolité’ and Identity Construction in the Congolese Media Discourse." In *Discours d'Afrique*, 83–92. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 2009 [In French].

Musinde, J.K. "Langue française en milieu plurilingue congolais: structure et variation." *Environnement francophone en milieu plurilingue*, no. 4 (2012): 399–404.

Musinde, J.K. "The French Language in a Plurilingual Congolese Environment: Structure and Variations." *Environnement francophone en milieu plurilingue*, no. 4 (2012): 399–404 [In French].

Ndahinda, Felix Mukwiza, and Aggée Shyaka Mugabe. "Streaming Hate: Exploring the Harm of Anti-Banyamulenge and Anti-Tutsi Hate Speech on Congolese Social Media." *Journal of Genocide Research* 26, no. 1 (2024): 48–72. <https://doi.org/10.1080/14623528.2022.2078578>.

Ntanyoma, Rukumbuzi D., and Helen Hintjens. "Expressive Violence and the Slow Genocide of the Banyamulenge of South Kivu." *Ethnicities* 22, no. 3 (2022): 374–403. <https://doi.org/10.1177/14687968211009895>.

Rotberg, Robert I. "Failed States, Collapsed States, Weak States: Causes and Indicators." In *State Failure and State Weakness in a Time of Terror*, edited by Robert I. Rotberg, 1–25. Brookings Institution Press, 2003.

Signé, Landry. "Leaving No Fragile State and No One Behind in a Prosperous World: A New Approach." In *Leave No One Behind: Time for Specifics on the Sustainable Development Goals*, edited by Homi Kharas, John W. McArthur, and Izumi Ohno, 239–280. Brookings Institution Press, 2019.

Sweet, Rachel. "Peacebuilding as State Building? Lessons from the Democratic Republic of the Congo." In *The State of Peacebuilding in Africa*, edited by T. McNamee, and M. Muyangwa, 295–320. Palgrave Macmillan, Cham, 2021. https://doi.org/10.1007/978-3-030-46636-7_17.

Szulecki, Kacper, Bertelli, Davide, Erdal, Marta Bivand, Coşciug, Anatolie, Kussy, Angelina, Mikiewicz, Gabriella, and Corina Tulbure. "To Vote or not to Vote? Migrant Electoral (dis)engagement in an Enlarged Europe." *Migration Studies* 9, no. 3 (2021): 989–1010. <https://doi.org/10.1093/migration/mnab025>.

Tareke, Sibuh Gebeyaw. "State Fragility, Failure and Collapse in the New World Order: A Critical Assessment of the Applicability of these Concepts in the Case of Ethiopia, Democratic Republic of Congo and Somalia." *Journal of Law and Conflict Resolution* 12, no. 2 (2021): 13–24. <https://doi.org/10.5897/JLCR2019.0299>.

Trefon, Theodore, Van Hoyweghen, Saskia, and Stefaan Smis. "Editorial: State Failure in the Congo: Perceptions & Realities." *Review of African Political Economy* 29, no. 93/94 (2002): 379–88. <http://www.jstor.org/stable/4006785>.

Verweijen, Judith. *Stable Instability: Political Settlements and Armed Groups in the Congo*. London: Rift Valley Institute, 2016.

Сведения об авторе

Майя Викторовна Никольская,

и.о. директора Центра африканских исследований ИМИ МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 января 2024.

Переработана: 14 февраля 2024.

Принята к публикации: 15 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Никольская, М.В. «Конголитэ»: разделительные линии в политической жизни современной ДРК // Международная аналитика. 2024. Том 15(1). С. 118–135.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-118-135>

‘Congolité’: Dividing Lines in the Political Life of the Contemporary DRC

ANNOTATION

The article is devoted to the study of political identity in the Democratic Republic of Congo. The author pays particular attention to the modern interpretation of the concept of ‘Congolité’ – Congolese identity, which is in many ways identical to the idea of national citizenship. The concept of ‘Congolité’ itself is considered in the article as a set of legal norms, as an instrument of electoral struggle and as a symbolic construct. The concept has acquired a new meaning in the context of the 2021 draft law, and its return to domestic politics is significant for understanding the mood of Congolese society. The author also tries to identify the main lines of the identity debate and concludes that one of its constants is the problem of the political-legal status of the Rwandafon minority (Banyarwanda / Banyamulenge), and another is regional-linguistic fragmentation, which is reinforced by economic-demographic specificity. Both of these factors have a significant impact on internal voting patterns. The discourse of autochthonous ‘purity’ is seen as exacerbating this fragmentation and as generating conflict in Congo’s relations with states in the region, particularly Rwanda.

KEYWORDS

Identity, Congolité, Democratic Republic of the Congo, citizenship, Banyamulenge, language in politics, elections

Author

Mayya V. Nikolskaya,

Acting Director of the Centre for African Studies, Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
e-mail: nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru

Additional information

Received: January 30, 2024. Revised: February 14, 2024. Accepted: February 15, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Nikolskaya, Mayya V. “‘Congolité’: Dividing Lines in the Political Life of the Contemporary DRC.”
Journal of International Analytics 15, no. 1 (2024): 118–135.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-118-135>

Внешнеполитическая идентичность ОАЭ: авторитаризм, космополитизм, «ВЗАИМОСВЯЗАННОСТЬ»

Тюкаева Татьяна Иршатовна, ИМЭМО имени. Е.М. Примакова,
Москва, Россия

Контактный адрес: tatyana-tyukaeva@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению феномена внешнеполитической идентичности Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), небольшого нефтедобывающего государства в Персидском заливе, которое сумело достичь несоразмерных географическим масштабам успехов и поднять свой престиж на глобальном уровне. Исследуются исторические и культурные основы ее формирования, личностный фактор, выраженный в определяющей значимости роли правителя в формулировании основных контуров самоопределения и самопозиционирования малой монархии в региональном и международном контекстах, восприятие ключевых вызовов и угроз и способы реагирования на них, а также использование политической идентичности эмиратским руководством в реализации интересов страны. Отмечается, что основы внешнеполитической идентичности ОАЭ были заложены еще в период правления первых эмиров малой монархии и затем адаптированы и развиты новым поколением харизматичных и амбициозных лидеров с глобальным видением. Ключевое значение при этом имело слияние видений правителей двух эмиратов, наиболее весомых в политической и экономической жизни страны, – Абу-Даби и Дубая, что предопределило закрепление статуса ОАЭ на региональном и международном уровне как влиятельного и авторитетного игрока. Автор резюмирует, что главными компонентами эмиратской внешнеполитической идентичности, формулирование и успешное использование которой позволило малой монархии преодолеть объективные географические ограничения и уверенно отстаивать собственные подходы и интересы, проводя самостоятельный курс, стали прагматизм, приоритезация задач обеспечения социально-экономического развития и процветания, гармоничное сочетание консервативных ценностей и методов управления с идеями космополитизма, ориентация на принципы взаимосвязанности и включенности в глобальные финансовые и логистические цепочки и ключевые политические структуры мирового устройства, а также способность к адаптации к происходящим трансформациям баланса сил и умелой интерпретации международных норм и дискурсов в продвижении собственной повестки и имиджа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

малые монархии Персидского залива, ОАЭ, внешнеполитическая идентичность, Ближний Восток, экономическое процветание, взаимосвязанность, модернизация

Введение

ОАЭ, малая нефтедобывающая монархия, долгое время существовавшая в тени своих мощных соседей и практически не имевшая интересов за пределами субрегиона Залива, с начала 2010-х гг. превращается в значимого игрока региональных процессов, параллельно проецируя свое военно-политическое и экономическое влияние не только в рамках Ближнего Востока и Северной Африки, но и в глобальных масштабах. Весьма стремительный триумф мирового уровня не может не вызывать исследовательский интерес и делает актуальным вопрос о сущности эмиратской внешнеполитической идентичности.

Тематика политической идентичности государств все чаще становится объектом изучения российских¹ и зарубежных² исследователей как «одна из ключевых характеристик общественных отношений, [...] влияющая на внешнеполитическое поведение различных акторов»³ международных процессов. Трансляция идентичности вовне не только определяет характер, основные принципы и задачи внешней политики государств, но и представляется эффективным инструментом в реализации ими своих интересов как на национальном, так и на мировом уровне. И от успеха конструирования внешнеполитической идентичности в значительной степени зависит прогресс государства в решении задач собственного социально-экономического развития и обеспечения безопасности. Российский исследователь И.Л. Прохоренко определяет внешнеполитическую идентичность как «идеи и представления, порой мифологизированные, о сложившемся и / или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о его ресурсах внешней политики»⁴.

Изучению различных аспектов политической идентичности все чаще уделяется внимание и в исследованиях, посвященных странам Ближнего Востока⁵: в них достаточно комплексно рассматриваются исторические и этнорелигиозные основы формирования идентичности государств и обществ региона как в целом, так и в отдельности, использование идентичностей в конфликтах, фактор внешнего влияния, а также особенности трансформаций их самовосприятия и позиционирования в современных условиях. Однако тема конструирования внешнеполитической идентичности стран региона исследуется преимущественно на примерах традиционных ближневосточных «тяжеловесов» – в первую очередь Турции, Саудовской Аравии и Ирана, тогда как малые монархии Залива, в частности ОАЭ, остаются практически без внимания. Между тем представляется, что феномен этого государства, стремительно ворвавшегося в ряды региональных лидеров с глобальной повесткой, его заслуживает.

По мере региональной и международной активизации ОАЭ количество отечественных и особенно зарубежных работ, посвященных их внешней политике,

1 Идентичность: личность, общество, политика 2023; Политическая идентичность и политика идентичности 2011; Семенов 2011.

2 Identity Politics in the Age of Globalization 2010; Dalglish 2013; Analyzing Identity 2003.

3 Звягельская et al. 2020.

4 Прохоренко 2017.

5 См., например: Кузнецов 2019; Звягельская et al. 2019; Ближний Восток: Политика и идентичность 2020; Fakhri, Khayat 2022; Watkins 2020; Gulf Cooperation Council Culture and Identities in the New Millennium 2020.

за последнее десятилетие заметно возросло. Многие из них так или иначе затрагивали отдельные аспекты самопозиционирования малой монархии. Так, К. Ульрихсен¹ исследует региональную политику двух малых монархий – ОАЭ и Катар – в ходе «арабской весны», уделяя особое внимание экономическим и личностным факторам роста их влияния. Интерес представляет также и другая (из большого числа работ автора, посвященных теме внешней политики малых монархий Залива) работа исследователя², в которой он в историческом разрезе изучает внутренние и внешние факторы эволюции эмиратского государства и его становления в качестве влиятельного игрока регионального и международного масштаба. Д. Уоррен³ большое внимание уделяет исламскому компоненту в эмиратской и катарской внешнеполитической активности – также на примере событий «арабской весны». В свою очередь, Р. Миллер и Г. Верховен⁴ выявляют, каким образом Абу-Даби и Дохе удалось преодолеть ограничения своих географических масштабов, определяя внешнеполитическую логику и инструментарий ОАЭ как «видение *DP world*». Отдельного упоминания заслуживает работа О. Антви-Боатенга и М. Бинхувейдина⁵, посвященная внутренним факторам эмиратской «исключительности». В российских работах внешняя политика ОАЭ нечасто становится темой исследования и преимущественно изучается в контексте общих направлений развития монархий Залива⁶.

Между тем, как представляется, тема эмиратской внешнеполитической идентичности требует самостоятельного и комплексного исследования. Цель данной статьи заключается в выявлении ключевых компонентов внешнеполитической идентичности ОАЭ и способов ее использования в реализации национальных интересов и амбициозных задач в регионе и в мире.

Основы политической идентичности ОАЭ

Современное государство ОАЭ было создано в 1971 г., когда шесть глав шейхств Персидского залива Договорного Омана, находящихся под британским протекторатом, приняли решение о создании единой федерации (седьмой, Рас-эль-Хайма, присоединился в феврале 1972 г.) – в условиях ухода из региона Британии, их главного гаранта безопасности, и осознания шейхами необходимости объединиться для противостояния внешним угрозам.

В рамках единого государства семь эмиратов во главе с самым богатым и сильным в военном отношении Абу-Даби и традиционно конкурирующим с ним, вторым по значимости, Дубаем долгое время стремились сохранить свою автономию, в первую очередь контроль над природными ресурсами и собственные вооруженные силы⁷. Каждый из эмиратов имел свою правящую семью, политические элиты и даже внешнеполитические взгляды, нередко противоречащие другим в составе федерации. Так, в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг.

1 Ulrichsen 2012.

2 Ulrichsen 2017.

3 Warren 2021.

4 Miller, Verhoeven 2020.

5 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

6 Мелкумян 2020; Мелкумян 2021.

7 Miller, Verhoeven 2020; Shahrour 2020.

четыре эмирата, включая Абу-Даби, выступали в поддержку Багдада, тогда как остальные три во главе с Дубаем – в силу развитых торговых отношений с Ираном – больше склонялись в пользу Тегерана¹. В сложившихся условиях основополагающим для поддержания внутреннего единства страны стал принятый отцами-основателями ОАЭ принцип консенсуса в процессе принятия решений², институционально воплотившийся в Высшем совете федерации – главном органе в системе государственного устройства, объединяющем глав семи эмиратов для формулирования общей политики малой монархии Залива. Ключевые роли в политической системе управления были закреплены за Абу-Даби, чей эмир занимает должность президента ОАЭ, и Дубаем, главе которого отводится пост премьер-министра.

В большинстве арабских государств роли национального лидера принадлежит определяющее значение в формировании контуров политической идентичности страны. Для ОАЭ таким лидером стал эмир Абу-Даби, основатель и первый президент (1971–2004) малой монархии Шейх Зайид бин Султан Аль Нахайян. Успешно балансируя центробежные тенденции и самостоятельную экономическую и внешнеполитическую деятельность семи эмиратов³, он заложил основу для успешной эволюции ОАЭ как прагматичного и прогрессивного государства – основу, на базе которой его сын, третий, нынешний президент страны Мухаммед бин Зайид смог обеспечить современный триумф малой монархии в региональных и глобальных масштабах. Не меньшего внимания заслуживают фигуры первого (в составе ОАЭ) эмира Дубая (1971–1990) Шейха Рашида бин Саида Аль Мактума, а также его сыновей, главным образом Шейха Мухаммеда бин Рашида, которым столица эмирата обязана своим восхождением на общемировом уровне как «самый космополитичный город с наиболее диверсифицированной экономикой в Заливе»⁴.

Новое поколение эмиратских лидеров в лице Мухаммеда бин Зайида и Мухаммеда бин Рашида можно отнести к категории тех, кого российский историк и специалист по Ближнему Востоку И.Д. Звягельская определяет как «меняющих реалии». «Преодолевая сопротивление недовольных и не церемонясь с оппозицией», они в опоре на консервативные методы готовы проводить реформы и успешно «переосмысляют представления о целях национального развития»⁵. Кроме того, в отличие от отцов-основателей, склонных к сдержанности и принципу консультативности в процессе принятия решений, новое поколение более «мятежно» и предпочитает делать ставку на более агрессивные методы в отстаивании своих интересов⁶.

После смерти эмира Дубая Шейха Рашида в 1990 г. новые лидеры эмирата поставили цель превращения его в «глобальный город», приняв приоритетом сконцентрироваться на развитии экономической мощи в противовес традиционной политической конкуренции с Абу-Даби «до тех пор, пока это не мешает

1 Roberts 2017.

2 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

3 Miller, Verhoeven 2020.

4 Roberts 2017.

5 Звягельская 2024.

6 Shahrour 2020.

им в реализации их интересов». Окончательно доминирование Абу-Даби закрепилось в 2009 г., когда в ходе глобального финансового кризиса Дубай оказался на грани банкротства и был спасен многомиллиардным пакетом помощи, предоставленным им столичным эмиратом в обмен на политические уступки¹.

Параллельно с этим, после смерти первого президента монархии Шейха Зайида в 2004 г. начинается политическое восхождение и рост влияния в управлении страной Мухаммеда бин Зайида, формально занявшего пост наследного принца эмирата при эмире и втором президенте Халифе, его старшем брате, но ставшего де-факто лидером ОАЭ (в особенности после 2014 г. на фоне ухудшения здоровья официального главы государства). Амбициозный и харизматичный выпускник британской Королевской военной академии Сандхерста, Мухаммед бин Зайид считал необходимым «наращивать региональную и глобальную политическую роль страны в соответствии с ее экономическими трансформациями»² и сделал ставку на развитие военного потенциала монархии. Он не только консолидировал власть ОАЭ в своем эмирате, но и взял курс на укрепление «ультраавторитаризма»³, сконцентрировав управление и процесс принятия решений в рамках узкого круга своих ближайших родственников – «один из наиболее стойких пережитков бедуинской традиции»⁴.

Эмиратские лидеры не раз отмечали в своих заявлениях, что демократия в ее западных трактовках, прежде всего с точки зрения участия граждан в процессе государственного управления, «не подходит для ОАЭ»⁵. В их понимании демократия должна служить «средством достижения благосостояния народа»⁶, и в этом смысле авторитарное политическое устройство рассматривается ими как «*обязанность правителя* заботиться о своих соплеменниках» – в условиях их крайне ограниченных политических прав «обеспечивать потребности государственного строительства и общественное благо»⁷. Другими словами, авторитаризм, как его видят эмиратские лидеры, есть обязательное условие для поддержания безопасности и процветания страны.

Угрозой стабильности и экономическому развитию государства лидеры ОАЭ традиционно видят исламистов – с точки зрения как их организационного потенциала мобилизовать оппозиционное авторитарному правителю движение, так и их идеологии. Эмиратское руководство не верит в существование умеренного исламизма, адептами которого себя позиционируют, в частности, «Братья-мусульмане»⁸ – крупнейшая транснациональная организация политического ислама, и считает их деятельность и идеологию наряду с радикализмом таких террористических формирований, как ИГИЛ или «Аль-Каида»⁹, «двумя сторонами одной медали»¹⁰.

1 Shahrour 2020.

2 Miller, Verhoeven 2020.

3 Ibish 2017.

4 Звягельская 2024.

5 First Media E-Session with the Prime Minister, "Sheikh Mohammed, April 18, 2009, accessed February 12, 2024, <https://sheikhmohammed.ae/en-us/news/details?nid=22787&cid=Interviews+with+His+Highness#>.

6 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

7 Звягельская 2024.

8 Организация запрещена на территории РФ.

9 Организации запрещены на территории РФ.

10 Ibish 2017.

Проникновение «умеренных» исламистов в ОАЭ в 1970-е гг. было обусловлено, как и в других монархиях Залива, проблемой нехватки квалифицированных кадров в молодых государствах. Традиционно гонимые в большинстве арабских стран (в первую очередь, в Египте) и, как правило, высоко образованные, они прибывали в ОАЭ в качестве учителей, управленцев, проповедников, создав свой филиал в Дубае в 1974 г., и стремительно начали закреплять свое присутствие на министерских позициях в сферах образования, труда и социального обеспечения, юстиции, религии и религиозной собственности. Параллельно они наращивали давление на эмиратские власти с требованием реформ и критикой «неисламских практик», особенно в космополитичном Дубае¹. В отличие от богатых Абу-Даби и Дубая, остальные пять более бедных эмиратов, особенно остро ощущающих проблемы социально-экономического неравенства в стране, стали благодатной почвой для распространения идей «Братьев»². Попытки эмиров договориться с исламистами об ограничении их деятельности в политической и социальной сферах не принесли успехов. А теракты 11 сентября 2001 г. в США, участниками которых оказались два эмиратца, стали огромным потрясением для малой монархии и послужили триггером для массовых антиисламистских кампаний внутри страны, включая чистки кадров, аресты, депортации, а также реформы системы образования и усиление контроля над мечетями. Мухаммед бин За-йид, рьяный борец со всеми проявлениями исламизма, вывел антиисламистскую борьбу на беспрецедентно масштабный уровень, что в том числе во многом определило внешнюю политику ОАЭ в 2010-е гг.

Таким образом, принципы прагматизма, авторитаризма, антиисламизма и приоритезации стабильности и экономического процветания сформировали контуры политической идентичности ОАЭ. Кроме того, слияние видений правителей двух ключевых эмиратов – Абу-Даби с его акцентом на военно-политическую мощь и Дубая с его космополитизмом – предопределило успех международного самопозиционирования малой монархии.

Внешняя политика, безопасность и самопозиционирование

Первые десятилетия своего существования в качестве независимого государства ОАЭ, концентрируясь на задачах выстраивания системы внутреннего управления и экономического развития, фактически не имели самостоятельной внешней политики, а их интересы едва ли выходили за пределы субрегиона Залива, ограничиваясь экспортом нефти, предоставлением гуманитарной помощи, причем преимущественно арабским странам, а также некоторым участием в посредничестве в ходе региональных конфликтов. Главным источником потенциальных угроз малая монархия видела соседствующих с ней региональных «тяжеловесов» в лице Саудовской Аравии, принудившей в середине 1970-х гг. ОАЭ к отказу от части своей территории и расположенного на границе между

1 Roberts 2017.

2 Организация запрещена на территории РФ.

ними нефтяного месторождения¹, и Ирана (даже до Исламской революции), который накануне провозглашения создания эмиратского государства захватил три острова, принадлежавших двум бывшим шейхствам в составе Договорного Омана.

Двумя опорами обеспечения безопасности ОАЭ прагматично избрал союз с Саудовской Аравией (во многом сохраняющий свою важность и сегодня) и членство в созданном в 1981 г. Совете сотрудничества стран Залива (ССАГПЗ), в рамках которого малая монархия «молчаливо» принимала лидерство Эр-Рияда. Значимым элементом внешней политики ОАЭ при президентстве Шейха Зайида была принадлежность к арабской нации и солидарность с общеарабской повесткой (в первую очередь в арабо-израильском конфликте)².

Первым потрясением, оказавшим кардинальное влияние на эмиратскую внешнеполитическую идентичность, стали события Кувейтского кризиса 1990–1991 гг., который не только обострил опасения относительно потенциальной агрессии сильных соседей против малых монархий, но и показал несостоятельность Саудовской Аравии как гаранта безопасности. ОАЭ (как и другие монархии Залива) с начала 1990-х гг. – не отказываясь от союза с Эр-Риядом – в качестве главного гаранта безопасности избирают США, подписав с ними первое оборонное соглашение в 1994 г. и открыв доступ для американских ВВС и ВМС на военно-воздушную базу в Абу-Даби (Эд-Дафра) и в один из крупнейших в мире глубоководных портов Джебель Али в Дубае. В 1995–1996 гг. соглашения о сотрудничестве в сфере обороны ОАЭ подписали также с Францией и Великобританией.

Наиболее важной стороной активизированного ОАЭ военно-технического сотрудничества с западными государствами были регулярные совместные учения и участие в военных кампаниях, что отвечало поставленной Шейхом Зайидом задаче по укреплению потенциала эмиратских вооруженных сил³. Так, малая монархия стала единственной арабской страной, участвовавшей почти во всех кампаниях США начиная с Кувейтского кризиса – в Афганистане, Ливии, Сомали, Боснии, Косово, а также против ИГИЛ.

Вторым потрясением, во многом определившим направления развития внешней политики ОАЭ, стали теракты 11 сентября 2001 г. в США, которые не только послужили спусковым крючком для активизации борьбы против исламизма внутри страны, но и придали дополнительный импульс расширению эмиратских международных дипломатических связей и их институционализации – во многом в стремлении улучшить свой имидж посредством демонстрации категоричной позиции руководства малой монархии по проблеме терроризма. В частности, до 2000 г. монархия имела свои дипломатические представительства менее чем в 70 странах, а приоритет отдавался развитию персональных отношений между ключевыми лидерами ОАЭ и главами наиболее важных государств – очередной пример бедуинской традиции⁴.

1 Miller, Verhoeven 2020.

2 Warren 2021.

3 Sherwood 2017.

4 Ibish 2017.

Наконец, третьим потрясением послужили события «арабской весны», не только кардинально дестабилизировавшие Ближний Восток и расшатавшие авторитарные режимы, которые служили опорами региональной стабильности, но и ставшие trampлином для политического прорыва «умеренных» исламистов в целом ряде стран. Серьезным откровением для эмиратских лидеров стала реакция на общерегиональную турбулентность со стороны США, их главного гаранта безопасности, воспринятая в Абу-Даби как демонстрация ненадежности американских гарантий.

С начала 2010-х гг. ОАЭ начинают все больше действовать самостоятельно и инициативно в целях обеспечения собственной и региональной безопасности. И в условиях трансформации баланса сил на Ближнем Востоке и в Северной Африке к середине десятилетия становятся одним из ключевых региональных игроков, способным проецировать силу далеко за пределы своих границ. В 2010-е гг. основные усилия по стабилизации региона были направлены на борьбу с исламистами (что выражалось в поддержке авторитарных антиисламистских лидеров, например, в Ливии и Египте, силовых кампаниях против исламистских радикалов в сотрудничестве с Египтом и Францией в Сахеле, лидирующей роли ОАЭ среди арабских стран в коалиции под руководством США против ИГИЛ) и сдерживание растущего – «дестабилизирующего», в понимании Абу-Даби, – влияния Турции с ее внешнеполитическими амбициями и военно-политическим исламистским тандемом с Катаром.

Военный компонент с этого времени становится одним из важнейших составляющих внешнеполитического инструментария ОАЭ. Стремительно возросли закупки современных вооружений и военной техники, достигнув пика в 25,5 млрд долл. в 2014 г.¹ (второй после Саудовской Аравии показатель среди арабских стран), расширился круг партнеров в военно-технической и оборонной сферах как из числа западных государств, так и в Азии и Латинской Америке². Кроме того, малая монархия начала в отдельных случаях выступать не как потребитель, а как «провайдер» безопасности³ посредством оказания военной помощи своим региональным союзникам, в том числе через прямое вмешательство своих вооруженных сил, обеспечение боевой подготовки кадров, поставки вооружений, техники и даже наемников, а также создание собственных военных баз, например, в Ливии и на Африканском Роге⁴. Помимо этого, эмиратское руководство поставило задачу локализации производства оружия и военной техники на своей территории, что наряду с общей диверсификацией международных военно-политических, экономических и культурных связей со странами Европы, Латинской Америки, Африки, Индо-Тихоокеанского региона и Центральной Азии способствует укреплению самостоятельности ОАЭ на международной арене и снижению зависимости от США.

Несмотря на то, что США остаются – и останутся в обозримой перспективе – главным партнером ОАЭ в сфере обороны, эмиратское руководство по мере

1 "Military Expenditure by Country, in Constant (2018) US\$ m., 1988–2019 (see below for 1999–2009)," SIPRI, 2020, accessed January 21, 2024, <https://www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988%E2%80%932019%20in%20constant%20%282018%29%20USD.pdf>.

2 Sherwood 2017.

3 Shahrour 2020.

4 Ibish 2017.

укрепления международных позиций все увереннее отстаивает свое право на независимый внешнеполитический курс, высказывает критику в отношении некоторых аспектов американской политики на Ближнем Востоке (как это было в ходе вторжения США в Ирак в 2003 г.)¹, демонстрирует возмущение попытками Вашингтона вмешиваться во внутренние дела монархии (что, в частности, выразилось в отказе Абу-Даби согласиться на требования администрации Дж. Байдена увеличить добычу нефти в нарушение договоренностей в рамках «ОПЕК+» в 2022 г.) и действует вопреки недовольству США (например, с 2014 г. в Ливии и с 2015 г. в Йемене)². Аналогичным образом в отношениях и со своим главным региональным партнером Саудовской Аравией ОАЭ демонстрируют готовность отстаивать свои интересы, даже если это приводит к возникновению конфликтных ситуаций (например, в области регулирования нефтедобычи или в йеменском конфликте, где противоречия достигали уровня прямых вооруженных столкновений между эмиратскими и саудовскими прокси).

Примечательно, что, несмотря на рост напористости региональной политики ОАЭ, фактически реализуемой занимающим на тот момент пост наследного принца Мухаммедом бин Зайидом, прагматизм оставался неотъемлемой частью эмиратской внешнеполитической идентичности. Так, в отношении Ирана, который традиционно воспринимается как источник потенциальных угроз, ОАЭ с начала 2000-х гг. сделали ставку на экономическое «вовлечение» и, опираясь на исторические торговые связи и проживающую в монархии почти полумиллионную иранскую диаспору³, стали вторым после Китая крупнейшим торговым партнером Исламской республики⁴. Дубай же и вовсе в условиях антииранских санкций является «главным окном в глобальную экономику»⁵ для соседа. В свою очередь, для Турции, даже на фоне заметного сокращения экономических связей в ходе региональной эскалации между двумя странами во второй половине 2010-х гг., ОАЭ оставались и остаются крупнейшим торговым партнером среди монархий Залива⁶. В 2020 г. малая монархия подписала соглашение о нормализации отношений с Израилем, в основе которого в первую очередь лежали интересы собственного экономического – в том числе технологического – развития и процветания.

Демонстрируя решительную готовность применять силу в критических с точки зрения своей и региональной безопасности ситуациях, эмиратское руководство осознает, что реализация их жизненно важных интересов требует сотрудничества с сильными партнерами, что обуславливает приверженность малой монархии расширению взаимодействия с различными региональными и международными блоками и альянсами⁷ – как путем встраивания в существующие, так

1 Shahrour 2020.

2 Sherwood 2017.

3 Ibish 2017.

4 "UAE-Iran Trade and Business Activity Surges Post Easing of Restrictions," *Transport and Logistics*. Middle East, September 15, 2023, accessed January 21, 2024, <https://www.transportandlogisticsme.com/global-news/uae-iran-trade-and-business-activity-surges-post-easing-of-restrictions>.

5 Sherwood 2017.

6 Nader Habibi, "Turkey's Economic Relations with Gulf States in the Shadow of the 2017 Qatar Crisis," *Crown Center for Middle East Studies*, December, 2019, accessed January 21, 2024, <https://www.brandeis.edu/crown/publications/middle-east-briefs/pdfs/101-200/meb132.pdf>.

7 Ibish 2017; Sherwood 2017.

и посредством создания новых форматов. В частности, в рамках ССАГПЗ осуществляется регулярный диалог с США, Россией, ЕС, а в 2005 г. ОАЭ присоединились к Стамбульской инициативе сотрудничества монархий Залива с НАТО. С 2008 г. страна является участником Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), с 2023 г. – партнером по диалогу Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), с января 2024 г. – членом БРИКС. ОАЭ активно участвуют в деятельности «Группы 20», формально не являясь ее участником, выражают интерес к расширению многостороннего сотрудничества в формате китайской инициативы «Один пояс, один путь», а в 2023 г. присоединились к инициативе создания экономического коридора Индия – Ближний Восток – Европа (*India – Middle East – Europe Economic Corridor, IMEC*).

Эмиратские лидеры многократно и на разных площадках подчеркивают свою приверженность принципам многосторонности, «конструктивному диалогу, который развивается на различных платформах, где представлены одновременно развитые и развивающиеся страны», «поддержанию сбалансированных стратегических и экономических отношений», сотрудничеству во имя «мира, безопасности и процветания» в глобальном масштабе¹, акцентируя свой отказ «выбирать сторону между великими державами»².

Кроме того, малая монархия видит себя ключевым звеном в выстраиваемой ею трансрегиональной системе «взаимосвязанности»³, инициируя создание новых «малосторонних» (*minilateral*) форматов сотрудничества⁴. Примером таких форматов с ограниченным количеством заинтересованных участников и узкой повесткой стали *I2U2* (сформированный в 2021 г. ОАЭ, Израилем, Индией и США), Негевский форум (объединивший в 2022 г. ОАЭ, Бахрейн, Египет, Марокко, Израиль и США), трехсторонняя инициатива Франции – ОАЭ – Индии (провозглашенная в 2023 г.).

Между тем главным воплощением приверженности ОАЭ принципу встроенности в глобальную экономику и статуса одного из ключевых звеньев сетей «взаимосвязанности» представляется центральное в регионе положение малой монархии в сфере мировой торговли и логистики.

Еще первое поколение лидеров Абу-Даби и Дубая сделало ставку на развитие торгового и финансового потенциала, используя приток нефтедолларов для выстраивания логистической и коммерческой инфраструктуры, банковского сектора и инвестиционных механизмов. В 1976 г. был основан суверенный фонд *Abu Dhabi Investment Authority (ADIA)*, в 1985 г. в Дубае создана авиакомпания Emirates, а в порте Джебель Али была открыта первая и крупнейшая в регионе свободная экономическая зона. Уже к началу 2000-х гг. ОАЭ стали самой глобализированной, третьей по величине арабской экономикой и крупнейшим инвесто-

1 См., например: "United Arab Emirates joins BRICS Group," UAE Ministry of Foreign Affairs, August, 25, 2023, accessed February 12, 2024, <https://www.mofa.gov.ae/en/mediahub/news/2023/8/25/25-8-2023-uae-brics>.

2 См., например: "Speech on the UAE's Foreign Policy Delivered by H.E. Dr Anwar Gargash at the 2022 Abu Dhabi Strategic Debate," UAE Ministry of Foreign Affairs, December 6, 2022, accessed February 12, 2024, <https://www.mofa.gov.ae/en/mediahub/news/2022/12/6/06-12-2022-uae-speech>.

3 "Khalifa bin Zayed's Succession in the UAE: An Old New Course?" ISPI, May 18, 2022, accessed January 21, 2024, <https://www.ispionline.it/en/publication/khalifa-bin-zayeds-succession-uae-old-new-course-35084>.

4 Narayanappa Janardhan and Gedaliah Afterman, "New UAE-India Economic Deal Opens the Door for Minilateral Partnership with Israel," AGSIW, March 2, 2022, accessed January 21, 2024, <https://agsiw.org/new-uae-india-economic-deal-opens-the-door-for-minilateral-partnership-with-israel/>.

ром, а эмират Дубай в самостоятельном качестве к началу 2010-х гг. превратился в глобальный хаб коммерции и туризма. Лидер монархии Мухаммед бин Зайид, архитектор масштабных стратегий социально-экономических реформ, разработанных и начавших реализовываться с конца 2000-х гг., инкорпорировал «дубайскую модель» в общее видение развития монархии с целью превращения ОАЭ в «доминирующую геоэкономическую силу западной части Индийского океана», «осевое государство», важнейший узел мировой торговли, «связывающий производителей и потребителей Ближнего Востока, Африки и Азии друг с другом и с остальными частями мира»¹.

Сегодня на территории ОАЭ функционирует более 40 свободных экономических зон, специализирующихся в различных сферах от безопасности, коммерции и энергетики до высоких технологий, медиа и дизайна. Малая монархия располагает более 10 аэро- и морскими портами, в их числе один из крупнейших в регионе международный аэропорт в Дубае и входящий в десятку крупнейших в мире порт Джебель Али. В стране имеется шесть собственных основных авиакомпаний, в том числе региональные лоукостеры и международные лидеры – крупнейшая в регионе *Emirates*, а также *Etihad Airways*.

Однако главным проявлением встроенности ОАЭ в мировые логистические цепочки на правах значимого транспортного узла представляется сформированная с 2005 г. усилиями *DP World* (базирующегося в Дубае одного из крупнейших мировых портовых операторов) географически диверсифицированная сеть, связывающая более 80 терминалов в более чем 50 странах на шести континентах с дубайским Джебель Али. Эти морские и речные порты не только служат продвижению эмиратских экономических интересов в глобальных масштабах, но и нередко могут использоваться для базирования ВВС и ВМС малой монархии² и ее союзников. В то же время разрастание глобальной эмиратской сети оперируемой *DP World* и *Abu Dhabi Ports Group* портовой инфраструктуры диктует одним из важнейших направлений внешней политики обеспечение безопасности не только стран-партнеров, но и международных морских транспортных путей – еще одну задачу, которую Абу-Даби в 2010-х гг. начинает отстаивать более явно, вовлекаясь, например, в операции по борьбе с пиратством в Индийском океане, а также конфликты в Йемене и на Африканском Роге³.

Относительно новым инструментом включения ОАЭ в мировую торговлю стала серия двусторонних соглашений о всеобъемлющем экономическом партнерстве (*Comprehensive Economic Partnership Agreement – CEPA*): с 2022 г. подобные документы были подписаны с Индией, Израилем, Индонезией и Турцией, ведутся переговоры о заключении соглашений с Австралией, Колумбией, Кенией, Грузией, Камбоджей – всего к 2031 г. планируется подписать *CEPA* с 22 странами и экономическими блоками⁴. Кроме того, все три эмиратских инвестиционных фонда входят в список 15 крупнейших суверенных фондов мира, а *ADIA* в 2023 г.

1 Miller, Verhoeven 2020.

2 Ibid.

3 Ibish 2017.

4 Sarmad Khan, "UAE's Foreign Trade Set to Hit Almost \$600bn in 2022," The National News, December 7, 2022, accessed January 21, 2024, <https://www.thenationalnews.com/business/2022/12/07/uaes-foreign-trade-set-to-hit-almost-600-billion-in-2022/>.

стал вторым по объемам активов¹, общая географическая картина распределения которых весьма разнообразна и покрывает как развитые, так и развивающиеся экономики на разных континентах.

Таким образом, приоритизация задач обеспечения стабильности и экономического процветания внутри страны определила базовые принципы самопозиционирования малой монархии Залива в регионе и мире. ОАЭ видят себя влиятельным региональным военно-политическим игроком, активно участвующим в выстраивании архитектуры системы безопасности на Ближнем Востоке, энергичным участником глобальных трансформаций мироустройства, а также неотъемлемой частью мировой экономики в качестве одного из ключевых звеньев сети «взаимосвязанности», трансрегиональных логистических цепочек и финансовых потоков. При этом отдельное внимание отводится продвижению своего имиджа как прогрессивного государства.

Международный престиж

В бедуинской культуре, которая имела важное значение в формировании эмиратской политической идентичности, большая роль традиционно отводится репутации лидера как заботящегося о людях, щедрого правителя². Во внешней политике этот принцип воплотился в масштабной благотворительной деятельности ОАЭ на международной арене, закрепившей за малой монархией репутацию одного из главных доноров гуманитарной помощи в мире³. Основатель и первый президент ОАЭ Шейх Зайид провозгласил одной из ключевых составляющих эмиратской внешней политики предоставление гуманитарной помощи, на которую в 1970-х – 1980-х гг. приходилось до 10% ВВП страны и которая преимущественно направлялась в арабские страны⁴.

По мере интернационализации внешнеполитической активности и роста глобальных амбиций ОАЭ за пределами Ближнего Востока расширялась и география распределения донорской помощи, фокус которой все больше смещался на неарабские и немусульманские страны Глобального Юга⁵. Параллельно с этим институционализировалась политика донорства: создавались механизмы предоставления помощи, главным из которых является *Abu Dhabi Development Fund*, разрабатывались программы и стратегии, малая монархия активно включилась в работу ряда международных государственных и негосударственных организаций (в первую очередь ООН) по предоставлению официальной помощи в целях развития (*official development assistance*).

В более широком смысле гуманитарная активность ОАЭ сформулирована как «продвижение дипломатии» и «содействие международному сотрудничеству» в стратегии «Мы – ОАЭ 2031» как одна из четырех ее основ и подразумева-

1 "Leading Sovereign Wealth Funds (SWF) Worldwide in 2023, by Assets under Management (AUM)," Statista, June, 2023, accessed January 21, 2024, <https://www.statista.com/statistics/1390087/leading-sovereign-wealth-funds-swf-worldwide-by-assets-under-management/>.

2 Звягельская 2024.

3 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

4 Warren 2021.

5 "United Arab Emirates. Foreign Aid 2020," Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation, accessed January 21, 2024, https://www.mofaic.gov.ae/-/media/UAE%20Foreign%20Aid%20Report%202020_EN.

ет становление малой монархии в качестве «глобальной силы во имя развития и стабильности». Это направление эмиратской внешней политики воплотилось наиболее ярко в ходе обострения украинского кризиса и эскалации напряженности между Россией и Западом с 2022 г., в частности, в активной посреднической деятельности ОАЭ (как, впрочем, и Саудовской Аравии и Катара) по вопросу обмена пленными между Москвой и Вашингтоном и Москвой и Киевом, укрепляя международный статус и авторитет малой монархии.

Характерно, что даже с ростом значимости силового компонента эмиратская внешняя политика сохраняет приверженность гуманитарным принципам, о чем также многократно с разных площадок заявляют лидеры и чиновники малой монархии¹. Так, в Афганистане, где вооруженные силы ОАЭ играли весомую роль в деятельности возглавляемой США коалиции против талибов, малая монархия внесла большой вклад в восстановление образовательных и здравоохранительных учреждений и гражданской инфраструктуры². Аналогичным образом в ходе своего активного участия в военной кампании в Йемене с 2015 г. ОАЭ реализовали на юге страны десятки проектов по реконструкции энергетических сетей и школ³.

Не менее значимым компонентом международного престижа и имиджа ОАЭ как прогрессивного государства является модернизация национальной экономики. Эта модернизация подразумевает не только экономическую диверсификацию и снижение доли нефтяного сектора, но и внедрение новейших технологий и инноваций во всех сферах жизни, развитие высококвалифицированного человеческого капитала, поощрение предпринимательства, частных инициатив и создание привлекательной бизнес-среды – построение «конкурентной экономики знаний»⁴. Все эти задачи нашли отражение в глобальных и амбициозных стратегиях социально-экономического развития малой монархии – «Видение 2021» (2011), «Программа столетия 2071» (2017), «Принципы 50» (2021) и «Мы – ОАЭ 2031» (2022). Их реализация призвана укрепить «глобальный имидж ОАЭ» как главного «направления для бизнеса, туризма, производства, инвестиций и культурного превосходства», центра концентрации специалистов в различных сферах⁵.

Сегодня малая монархия занимает первое место в мировом рейтинге по привлечению талантов⁶ и лидирующие позиции среди арабских стран с точки зрения экономической конкурентности, инвестиционной привлекательности⁷, удобства ведения бизнеса, а также развитости человеческого капитала. В 2023 г. ОАЭ – единственное арабское государство, вошедшее в десятку наиболее влиятельных

1 См., например: "His Highness Sheikh Mohamed bin Zayed Keynote Remarks at the 2015 Government Summit in Dubai," UAE Embassy, Washington, D.C., February 13, 2015, accessed February 12, 2024, <https://www.uae-embassy.org/news/his-highness-sheikh-mohamed-bin-zayed-keynote-remarks-2015-government-summit-dubai>.

2 Sherwood 2017.

3 Shahrour 2020.

4 "National Agenda," The Cabinet. United Arab Emirates, accessed January 21, 2024, <https://uaecabinet.ae/en/national-agenda>.

5 "The Principles of the 50," U.AE, accessed January 21, 2024, <https://u.ae/en/about-the-uae/uae-in-the-future/initiatives-of-the-next-50/the-principles-of-the-50>.

6 "UAE Ranked Number 1 in World for Talent Attractiveness and More," Arabian Business, May 12, 2023, accessed January 21, 2024, <https://www.arabianbusiness.com/culture-society/uae-ranked-number-1-in-world-for-talent-attractiveness-and-more>.

7 "UAE Ranks First Among Arab Economies in Competitiveness," Emirates News Agency, December 22, 2023, accessed January 21, 2024, <https://wam.ae/article/aq9klgm-uae-ranks-first-among-arab-economies>.

стран в индексе «Глобальной мягкой силы»¹, а три эмиратских университета попали в список 20 вузов планеты с наибольшей долей иностранных студентов². Малая монархия является мировым лидером по количеству кампусов зарубежных университетов, крупнейшие из которых – Нью-Йоркский университет и Сорбонна³. ОАЭ удерживают второе (после Израиля) место в регионе по показателю расходов на НИОКР относительно ВВП и являются региональным лидером в области исследований космоса с наиболее прогрессивной космической программой⁴ и инициативами по активизации межарабского сотрудничества в данной сфере.

Кроме того, по оценке европейского исследовательского центра Euromonitor, Дубай в 2021–2023 гг. занимает второе место в списке самых привлекательных туристических направлений в мире⁵. В стране проводятся масштабные спортивные мероприятия, такие как автогонки «Формула 1» и теннисный чемпионат Дубая, расширяется сеть культурных учреждений, в первую очередь музеев, а к созданию облика городов приглашаются современные архитекторы со всего мира.

Неотъемлемым элементом формируемого эмиратским руководством имиджа страны как современного государства, прогрессивного и ответственного члена международного сообщества является продвигаемая ОАЭ повестка «зеленой» энергетики, защиты окружающей среды и устойчивого развития. Еще в 1999 г. был учрежден Международный фонд защиты окружающей среды, каждые два года вручающий одноименную награду за достижения в данной сфере. Оставаясь одним из мировых лидеров по объему выбросов углекислого газа на душу населения, ОАЭ реализует ряд «зеленых» инициатив, наиболее амбициозными из которых стали заявленная цель монархии обеспечивать половину своих потребностей в энергии за счет возобновляемых источников и «превращение государства в глобальный хаб и успешную модель новой зеленой экономики»⁶. В 2023 г. Дубай стал местом проведения Конференции ООН по изменению климата (COP28).

Наконец, ОАЭ активно продвигает свой международный имидж как поборника принципа толерантности и сосуществования⁷, прежде всего религиозного. Продиктованная потребностями обеспечения внутренней безопасности страны (более 80% населения составляют мигранты из Европы и Южной Азии), эта повестка стала основой для продвижения эмиратскими лидерами образа монархии как «модели цивилизованного поведения»⁸, а также улучшения глобального имиджа исламской религии. В стране действуют министерство толерантности,

1 Udzhukhu 2023.

2 Angel Tesorero, "3 UAE Universities Top Global Rankings with Highest Percentage of International Students," Khaleej Times, June 6, 2023, accessed January 21, 2024, <https://www.khaleejtimes.com/uae/education/3-uae-universities-top-global-rankings-with-highest-percentage-of-international-students>.

3 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

4 Мелкумян 2022.

5 "Euromonitor International's Report Reveals World's Top 100 City Destinations for 2023," Euromonitor International, December 13, 2023, accessed January 21, 2024, <https://www.euromonitor.com/press/press-releases/dec-2023/euromonitor-internationals-report-reveals-worlds-top-100-city-destinations-for-2023>.

6 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

7 "The UAE's Aid to Foreign Countries," UAE, accessed January 21, 2024, <https://u.ae/en/information-and-services/charity-and-humanitarian-work/the-uae-aid-to-foreign-countries>.

8 Kourgiotis 2020.

международный институт толерантности, запущена Национальная программа толерантности, проводятся Мировой форум толерантности, а также Форум по продвижению мира в мусульманских обществах. На территории ОАЭ, помимо мечетей, функционируют христианские церкви, буддистские и индуистские храмы, иудейская синагога.

Продвижение на глобальной арене престижа малой монархии как прогрессивного государства, помимо своей самостоятельной значимости, играет инструментальную роль. Так, международная благотворительная деятельность ОАЭ служит в том числе способом проникновения и закрепления их военно-политического и экономического присутствия в различных странах и регионах мира. Модернизация экономики работает на реализацию очевидных целей национального развития и привлечения их финансового и кадрового обеспечения. В свою очередь, закрепление за ОАЭ репутации мусульманского государства, в котором «гармонично сосуществуют принципы шариата и современные нормы»¹, выступает идейной опорой традиционной борьбы руководства монархии со всеми формами политизации ислама (в лице как умеренных исламистов, так и радикалов), которая, в свою очередь, в отдельных случаях служит прикрытием для сдерживания любой внутренней оппозиции эмиратскому правителю.

Сформированная прогрессивными отцами-основателями и новым амбициозным поколением лидеров ОАЭ модель внешнеполитического самопозиционирования предопределила ведущее положение малой монархии на региональной и международной арене как одного из ключевых игроков военно-политических процессов на Ближнем Востоке, влиятельного актора мировой торговли и финансов, значимого звена глобальных логистических цепочек, инновационного и продвинутого государства с активной гуманитарной повесткой. Все эти элементы самопозиционирования позволили малой монархии «интегрироваться в систему глобального управления и экономики преимущественно на своих условиях»², эффективно служа реализации интересов национального социально-экономического развития и обеспечения безопасности.

Не претендуя на единоличное лидерство, продвигающее собственную модель политического устройства (что свойственно, например, Саудовской Аравии, Ирану, Турции), и не стремясь – в попытках самоутверждения – бросить вызов сильным соседям (как это успешно делал Катар с 1990-х гг.), ОАЭ сформулировали свою особую внешнеполитическую идентичность. Ее основными компонентами представляются прагматизм, гармоничное сочетание консервативных методов в управлении с ценностями космополитизма и отстаивания независимости с выстраиванием сетей взаимосвязанности, высокая адаптивность к изменениям баланса сил, приоритезация целей социально-экономического процветания, а также активная публичная дипломатия, утверждающая международный престиж малой монархии и нивелирующая внешние угрозы и нелицеприятные моменты внутреннего развития.

1 Antwi-Boateng, Binhuwaidin 2017.

2 Ulrichsen 2012.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ближний Восток: Политика и идентичность. Коллективная монография / под ред. И.Д. Звягельской. ИМЭМО РАН. М.: «Аспект Пресс», 2020.

Middle East: Politics and Identity. Collective monograph. Edited by Irina D. Zvyagelskaya. IMEMO, Moscow: Aspekt Press, 2020 [In Russian].

Звягельская, И.Д., Богачева, А.С., Давыдов, А.А., Ибрагимов, И.Э., Самарская, Л.М., Свистунова, И.А., Сурков, Н.Ю. Политическая идентичность и ее влияние на внешнюю политику государств Ближнего Востока // *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 55–73. <https://doi.org/10.31857/S086919080009039-9>.

Zvyagelskaya, Irina D., Bogacheva, Anastasiya S., Davydov, Alexey A., Ibragimov, Ibragim E., Samarskaya, Lyudmila M., Svistunova, Irina A., and Nikolay Yu. Surkov. "Political Identity and its Impact on the Foreign Policy of the States of the Middle East." *Vostok (Oriens)*, no. 2 (2020): 55–73 [In Russian].

Звягельская, И.Д., Кожанов, Н.А., Свистунова, И.А., Сурков, Н.Ю. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности (Турецкая, иранская и саудовская модели) // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 9. С. 93–103.

Zvyagelskaya, Irina D., Kozhanov, Nikolay A., Svistunova, Irina A., and Nikolay Yu. Surkov. "States of the Middle East in Search of Foreign Policy Identity (Turkish, Iranian and Saudi Models)." *World Economy and International Relations* 63, no. 9 (2019): 93–103 [In Russian].

Звягельская, И.Д. Лидерство в арабском мире: от революции к переосмыслению // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68. № 1. С. 62–73. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-1-62-73>.

Zvyagelskaya, Irina D. "Leadership in the Arab World: From Revolution to Redefinition." *World Economy and International Relations* 68, no. 1 (2024): 62–73 [In Russian].

Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / отв. ред. И.С. Семененко; ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2023.

Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field. Edited by Irina S. Semenenko. IMEMO, Moscow: Ves Mir, 2023 [In Russian].

Кузнецов, В.А. От Океана до Залива: идентичность одного региона в условиях неомодерна // *Вестник Московского Университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика*. 2019. Т. 11. № 2. С. 9–39.

Kuznetsov, Vasily A. "From the Ocean to the Gulf: One Region's Identity in the Context of Neomodernity." *Bulletin of Moscow State University. Series 25. International Relations and World Politics* 11, no. 2 (2019): 9–39 [In Russian].

Мелкумян, Е.С. Изменение подходов Совета сотрудничества арабских государств Залива к проблемам безопасности после «арабской весны» // *Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2021. № 4. С. 105–130. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-105-130>.

Melkumyan, Elena S. "The Evolution of the Gulf Cooperation Council Approaches to Security Issues after the Arab Spring." *Moscow University Bulletin of World Politics* 13, no. 4 (2021): 105–130 [In Russian].

Мелкумян, Е.С. Космическая деятельность ОАЭ: разрушение стереотипов // *Мировая экономика*

и международные отношения. 2022. Т. 66. № 5. С. 78–87. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-5-78-87>.

Melkumyan, Elena S. "United Arab Emirates Space Activity: Breaking the Stereotypes." *World Economy and International Relations* 66, no. 5 (2022): 78–87 [In Russian].

Мелкумян, Е.С. Развитие арабских монархий Залива: прорыв в будущее // *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 2. С. 37–42. <https://doi.org/10.31857/S032150750008471-0>.

Melkumyan, Elena S. "Development of Arab Gulf Monarchies: Breakout to Future." *Asia and Africa Today*, no. 2 (2020): 37–42 [In Russian].

Политическая идентичность и политика идентичности. В 2-х томах / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011–2012.

Political Identity and Identity Politics, edited by Irina S. Semenenko. M.: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), 2011–2012 [In Russian].

Прохоренко, И.Л. Внешнеполитическая идентичность // *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2017. С. 465–468.

Prokhorenko, Irina L. "Foreign Political Identity." In *Identity: The Individual, Society, and Politics. An Encyclopedia*, edited by Irina S. Semenenko, 465–468. Moscow: Ves mir, 2017 [In Russian].

Семененко, И.С. Политика идентичности и политическая идентичность // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2011. Т. 7. № 2. С. 5–24.

Semenenko, Irina S. "Political Identity and Identity Politics." *Political expertise: POLITEX* 7, no. 2 (2011): 5–24 [In Russian].

Analyzing Identity: Cross-Cultural, Societal and Clinical Contexts. Edited by Wendy Saunderson and Peter Weinreich. London: Routledge, 2003.

Antwi-Boateng, Osman, and Binhuwaidin, Mohammed. "Beyond Rentierism: The United Arab Emirates' Exceptionalism in a Turbulent Region." *Contemporary Arab Affairs* 10, no. 4 (2017): 522–536. <https://doi.org/10.1080/17550912.2017.1399640>.

Dalglish, Bregham. "Problematising the Political Theory of Identity Politics: Towards an Agonistic Freedom." *KRITIKE* 7, no. 1 (2013): 69–95.

Fakih, Ali, and Rasha Khayat. "Social Identity, Confidence in Institutions, and Youth: Evidence from the Arab Spring." *Social Science Quarterly* 103, no. 5 (2022): 997–1018. <https://doi.org/10.1111/ssqu.13179>.

Gulf Cooperation Council Culture and Identities in the New Millennium. Edited by Magdalena Karolak and Nermin Allam. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-1529-3>.

Hussein. *The UAE's Evolving National Security Strategy.* The Arab Gulf States Institute in Washington (AGSIW), Issue Paper No. 4, 2017.

Identity Politics in the Age of Globalization. Edited by Roger Coate and Markus Thiel. Boulder: First Forum Press, 2010.

Kourgiotis, Panos. "'Moderate Islam' Made in the United Arab Emirates: Public Diplomacy and the Politics of Containment." *Religions* 43, no. 11 (2020). <https://doi.org/10.3390/rel11010043>.

Miller, Rory, and Harry Verhoeven. "Overcoming Smallness: Qatar, the United Arab Emirates and Strategic Realignment in the Gulf." *International Politics* 57 (2020): 1–20. <https://doi.org/10.1057/s41311-019-00180-0>.

Roberts, David. "Qatar and the UAE: Exploring Divergent Responses to the Arab Spring." *Middle East Journal* 71, no. 4 (2017): 544–562. <https://doi.org/10.3751/71.4.12>.

Shahrour, Karam. *The Evolution of Emirati Foreign Policy (1971–2020): The Unexpected Rise of a Small State with Boundless Ambitions*. Kuwait Program at Sciences Po, 2020.

Sherwood, Leah. "Risk Diversification and UAE Foreign Policy." In *The Small Gulf States. Foreign and Security Policies before and after the Arab Spring*, edited by Khalid Almezaini and Jean-Marc Rickli, 144–167. London: Routledge, 2017.

Udzhukhu, Darina. "Education as a Tool of the UAE's Soft Power." *Young Scientist*, no. 48 (2023): 475–478.

Ulrichsen, Kristian. *Small States with a Big Role: Qatar and the United Arab Emirates in the Wake of the Arab Spring*. HH Sheikh Nasser al-Mohammad al-Sabah Publication Series no. 3, 2012.

Ulrichsen, Kristian. *The United Arab Emirates: Power, Politics, and Policymaking*. Routledge, 2017.

Watkins, Jessica. "Identity Politics, Elites and Omnibalancing: Reassessing Arab Gulf State Interventions in the Uprisings from the Inside out." *Conflict Security and Development* 20, no. 5 (2020): 653–675. <https://doi.org/10.1080/14678802.2020.1820162>.

Warren, David H. *Rivals in the Gulf: Yusuf al-Qaradawi, Abdullah Bin Bayyah, and the Qatar-UAE Contest over the Arab Spring and the Gulf Crisis*. Routledge, 2021.

Сведения об авторе

Татьяна Иршатовна Тюкаева,

к.полит.н., научный сотрудник Лаборатории «Центр ближневосточных исследований»

ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН РФ

117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

e-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 25 января 2024.

Переработана: 22 февраля 2024.

Принята к публикации: 28 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Тюкаева, Т.И. Внешнеполитическая идентичность ОАЭ: авторитаризм, космополитизм, «взаимосвязанность» // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (1). С. 136–153.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-136-153>

UAE Foreign Policy Identity: Authoritarianism, Cosmopolitanism, Connectivity

ABSTRACT

The article explores the phenomenon of the foreign policy identity of the UAE, an oil-producing nation in the Persian Gulf that has managed to overcome the constraints of its smallness and assert its prestige on a global scale. The study aims to identify historic and cultural basis of the shaping of this identity, the monarchy's perception of threats and challenges and its ways of dealing with them, the role of political leadership and how their personal views and ambitions shape the contours of the country's self-positioning as well as the use of the foreign policy identity in implementing national interests. The author discovers that the core of UAE foreign policy identity was contoured by the founding fathers of the small monarchy and then later developed and adapted by the new generation of ambitious, charismatic, and visionary leaders. The key factor was the fusion of visions of rulers of the two emirates with most economic and political weight in the federation, Abu Dhabi and Dubai, that defined the regional and international status of the UAE as an influential and powerful actor. The paper concludes that the main components of UAE foreign policy identity are pragmatism, prioritization of socioeconomic development and prosperity, perfect combination of conservative governance and cosmopolitanism, the principles of connectivity and integration in global financial and logistic networks and flows, as well as agility in the currently changing balance of power and skillful interpretation of international norms and discourses in promoting its own image and agenda.

KEYWORDS

Gulf small monarchies, UAE, foreign policy identity, Middle East, economic prosperity, connectivity, modernization

Author

Tatiana I. Tyukaeva,

PhD (Polit. Sci.), Research Fellow, Center for Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997

e-mail: tatyana-tyukaeva@yandex.ru

Additional information

Received: January 25, 2024. Revised: February 22, 2024. Accepted: February 28, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Tyukaeva, Tatiana I. "UAE Foreign Policy Identity: Authoritarianism, Cosmopolitanism, Connectivity." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 136–153.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-136-153>

Становление внешнеполитической идентичности де-факто государства: от самопровозглашения – к международно-правовой субъектности (казус Абхазии)

Павлова Анастасия Вячеславовна, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: lodinaanastasia09@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется характер внешнеполитической идентичности де-факто образования на примере Абхазии, получившей признание со стороны России и ряда других государств. При помощи анализа текстов Обращений абхазской интеллигенции (1977 и 1988) и контент-анализа ежегодных Посланий президента Республики Абхазия предпринимается попытка ответить на вопрос: в чем заключается внешнеполитическая идентичность изучаемого де-факто (с 2008 г. – частично признанного) государства. В заключении автор приходит к выводу, что концептуальные основы внешнеполитической идентичности, сформулированные в Обращениях, отражаются в официальном дискурсе и воспроизводятся на уровне бытового восприятия, однако они не являются статичными. Хотя сегодня Абхазия все чаще позиционируется как суверенное государство, в официальных выступлениях и повседневном общении все еще прослеживаются отголоски идентичности Абхазии как де-факто государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Абхазия, де-факто государство, внешняя политика, исторические травмы, Россия, Грузия

Де-факто государства как результат сецессии в той или иной степени подвергаются стигматизации со стороны суверенных государств – членов ООН¹, политика которых по отношению к ним сводится преимущественно к санкционным ограничениям, полному игнорированию либо ограниченному принятию самого факта их существования². Вместе с тем де-факто государства играют определенную роль в системе международных отношений, оказывая влияние на региональную безопасность, глобальную политэкономия³ и взаимоотношения мировых держав⁴. По мнению С. Пегга, это влияние нельзя охарактеризовать как исключительно негативное. Более того, де-факто государства могут приносить определенную «пользу» сообществу признанных государств. Прежде всего, само их возникновение, как правило, связано с завершением активных боевых действий, что подразумевает некоторую стабилизацию региональной ситуации. Кроме того, промежуточное положение в системе международных отношений позволяет им проявлять большую гибкость там, где признанные государства должны демонстрировать строгую приверженность нормам международного права⁵.

Исходя из этого, представляется важным изучение поведения де-факто государств на международной арене, одним из предопределяющих факторов которого предположительно является внешнеполитическая идентичность. Объектом настоящего исследования выступает Республика Абхазия как пример успешного государственного образования, возникшего в результате сецессии и при этом способного создавать и поставлять необходимые политические блага приемлемого качества и в достаточном количестве⁶, а также сумевшего добиться, пусть и ограниченного, признания на международной арене. При помощи метода контент-анализа предпринимается попытка ответить на вопрос, в чем заключается внешнеполитическая идентичность изучаемого де-факто государства⁷. Базовая гипотеза основывается на предположении о том, что основы внешнеполитической идентичности Абхазии были сформулированы в двух Обращениях абхазской интеллигенции (1977 и 1988)⁸ и что заключенные в данных текстах нарративы находят свое отражение в современном политическом дискурсе.

Де-факто государства как акторы международных отношений

В самом общем смысле понятие «де-факто государство» охватывает территориальные образования, добившиеся независимости в результате сецессии, но не получившие широкого международного признания в качестве суверенных государств⁹. Дальнейшие трактовки исследователей могут варьироваться.

1 Ker-Lindsay 2018.

2 Pegg 1998.

3 Ibid.

4 Маркедонов 2021.

5 Pegg 1998.

6 Kudryashova 2021.

7 Поскольку в работе рассматривается идентичность Абхазии как до, так и после признания Россией (2008) и рядом других государств, то во избежание методологической путаницы, если речь идет не только о периоде после 2008 г., здесь и далее по тексту Абхазия будет обозначаться как де-факто государство, хотя следует иметь в виду, что с 2008 г. она является частично признанным государством.

8 Абхазский узел 1995, 19–114.

9 Caspersen 2017.

Для раскрытия концепта необходимо сопоставить его со смежными понятиями. Во-первых, де-факто государство – не синоним, а зеркальное отражение квази-государства: если первое осуществляет контроль над территорией и способно к выстраиванию эффективной системы государственного управления, но при этом лишено легитимности в глазах международного сообщества, то второе, даже будучи признанным членом ООН, зачастую терпит неудачу в реализации государственного проекта¹. Во-вторых, де-факто государство не означает «мятежное государство». Напротив, как отмечает Н. Касперсен, де-факто государство подразумевает окончание режима управления повстанческими структурами; после завершения военных действий начинается процесс строительства государственных институтов² с последующей передачей им управленческих функций. Нельзя свести понятие «де-факто государство» и к «криминальным зонам»: несмотря на значительный теневой сектор, они обладают собственной политэкономией, характеристики которой сходны с таковыми у ближайших соседей³. И, наконец, де-факто государства не являются «марионеточными государствами»⁴: они активно вовлечены в процессы национального и государственного строительства⁵, а также в той или иной степени способны вести самостоятельную внешнюю политику⁶.

Вместе с тем необходимо признать определенную степень зависимости де-факто государств от внешнего патрона, которую Дж. Комаи выделяет в качестве ключевой характеристики подобного рода образований на постсоветском пространстве, концептуализируя их как «маленькие зависимые юрисдикции» (*small dependent jurisdictions*)⁷. Она выражается в форме получения экономических выгод и гарантий безопасности⁸ и может быть интерпретирована как относительная нормальность и даже как некое выражение самоопределения⁹, но не как отсутствие самостоятельности¹⁰.

Принимая в качестве исходного положения тезис о способности де-факто государств к реализации автономного внешнеполитического курса, можно развить идею о наличии у данных образований и собственной внешнеполитической идентичности, которая в настоящей работе понимается как совокупность представлений государственного актора о самом себе, о своих союзниках и политических оппонентах, о системе международных отношений и о своем месте в ней.

При изучении внешнеполитической идентичности де-факто государства представляется необходимым принять во внимание конфликт с «материнским» государством (*parent state*), которое может оказывать влияние на развитие проектов и планов отделившихся образований¹¹. Прежде всего такие конфликты не-

1 Pegg 1998.

2 Caspersen 2017.

3 O'Loughlin et al. 2014.

4 Caspersen 2017.

5 Broers 2020.

6 Markedonov 2012; Broers 2020.

7 Comai 2018.

8 Florea 2017.

9 Comai 2018.

10 Broers 2020.

11 Маркедонов 2021.

редко носят этнополитический характер¹. Это означает, что в их основе лежат не только сепаратистские или сепаратистские устремления², но и столкновение идентичностей³. Далее, по мнению Л. Броерса⁴, даже после завершения активных боевых действий постоянное ощущение угрозы, исходящей от «материнского» государства, сохраняется. Отсутствие признания опасно, ведь если в «материнском» государстве будет принято решение о восстановлении территориальной целостности силовым путем, то оно вряд ли встретит возражения со стороны международного сообщества⁵. Кроме того, конфликты, ассоциированные с возникновением де-факто государств Евразии, как правило, характеризуются отсутствием окончательного урегулирования и, соответственно, формальных договоренностей о невозобновлении боевых действий, поэтому применительно к ним используется прилагательное «замороженный» (*frozen*)⁶. Вместе с тем и само понятие «замороженный конфликт» оспаривается рядом исследователей, аргументирующих свое мнение тем, что такой тип конфликта обладает своей внутренней динамикой, и предлагающих использовать термин «тлеющий» (*smoldering*) вместо «замороженного»⁷. Изменениям подвержен и геополитический контекст⁸. Так, изначально конфликт между Грузией и Абхазией носил исключительно локальный этнополитический характер, позиция России в нем не была однозначно в поддержку одной или другой стороны⁹, и только с начала 2000-х гг. он стал все больше ассоциироваться с российско-американским противостоянием¹⁰, приобретая статус геополитического¹¹. И, наконец, воспоминания о прошедших военных действиях закрепляются в политических практиках, дискурсах и символах, которые вплетаются в государственную идентичность. В качестве примеров можно привести мемориал у моста через р. Гумисту, памятник В. Ардзинбе в г. Гагре и проведение церемоний возложения цветов в память о воинах, погибших в годы Отечественной войны народа Абхазии.

Конфликт 1992–1993 гг. в зеркале грузинских и абхазских исследований

В абхазской научной литературе тема идентичности изучаемого государственного образования раскрывается преимущественно в исторической перспективе с особым акцентом на грузино-абхазский конфликт. В трудах абхазских исследователей можно выделить общие идеи: Абхазия – маленькое государство¹² с «трагической историей» в силу этого «геополитического обстоятельства»¹³, в отношении которого как со стороны России, так и со стороны западных государств

1 На постсоветском пространстве этнополитический характер имели чеченский конфликт, грузино-абхазский конфликт, грузино-осетинский конфликт и конфликт вокруг Нагорного Карабаха.

2 Kharitonova 2021.

3 Hicks 2001.

4 Broers 2020.

5 Caspersen 2017.

6 Kazantsev et al. 2020.

7 O'Loughlin et al. 2014.

8 Ibid.

9 Маркедонов, Скаков 2017; Kazantsev et al. 2020.

10 Силаев 2017.

11 Kazantsev et al. 2020.

12 Лакоба 2001; Авидзба 2013; Айба 2006.

13 Айба 2006.

применялись «двойные стандарты»¹. Стоит отметить, что понятие «де-факто государство» по отношению к Абхазии в работах А.Ф. Авидзбы² и Б. Айбы³ не употребляется. В свою очередь, И.Р. Марыхуба⁴ однозначно характеризует ее как «суверенное государство», как «государство – субъект международного права», а конфликт 1992–1993 гг. – как «межгосударственную войну» или «реконкисту». Грузия же, по мнению автора, не является государством ни де-факто, ни де-юре⁵. В книге С.З. Лакобы⁶ также используется понятие «межгосударственный конфликт», и существующая де-факто Абхазия противопоставляется лишь зафиксированной де-юре (но не де-факто) Грузии.

В грузинском академическом дискурсе парадоксальным образом прослеживается схожесть подходов с таковыми в абхазской научной литературе. Прежде всего, значительное внимание уделяется истории происхождения грузинского и абхазского этносов. Если в абхазской историографии последовательно доказывается автохтонность абхазского народа и историческое право на занимаемую территорию⁷, то в трудах грузинских ученых отстаивается противоположная точка зрения, согласно которой Абхазия – историческая область Грузии, а ее коренное население – грузины⁸. Таким образом, при сопоставлении, например, работы С.З. Лакобы и О.Х. Бгажбы⁹ с работой Дж. Гамахари¹⁰ создается впечатление академического спора о том, какой этнос занял изучаемую территорию раньше. При этом и грузинская, и абхазская стороны в равной степени используют в отношении друг друга слово «оккупация»¹¹. Значительное место в исследовательских работах отводится описанию военных преступлений противоположной стороны: и в абхазской, и в грузинской литературе употребляются слова «геноцид» и «этнические чистки», а также в красках описываются «зверства оккупантов» как в отношении абхазского или грузинского этносов, так и в отношении этнических меньшинств – армян, греков и русских¹². Кроме того, в качестве общей черты можно выделить приписываемую России в рамках конфликта 1992–1993 гг. как грузинскими¹³, так и абхазскими¹⁴ авторами одностороннюю поддержку Абхазии и Грузии соответственно, включая поставку вооружений и непосредственную вовлеченность российских военных в боевые действия. Стоит отметить, что есть и третья точка зрения, согласно которой в определенный период внешнеполитический курс России по отношению к грузино-абхазской проблеме отличался амбивалентностью¹⁵.

1 Лакоба 2001; Авидзба 2013.

2 Авидзба 2013.

3 Айба 2006.

4 Марыхуба 2004.

5 Ibid.

6 Лакоба 2001.

7 Марыхуба 2004; Бгажба, Лакоба 2007.

8 Гамахария, Гогия 1997; Папаскири 2008; Лордкипанидзе, Отхмезури 2010; Гамахария 2012.

9 Бгажба, Лакоба 2007.

10 Гамахария 2012.

11 Лакоба 2001; Марыхуба 2004; Бгажба, Лакоба 2007; Гамахария 2012.

12 Ibid.

13 См., например: Гамахария 2012; Кухианидзе 2012.

14 См., например: Лакоба 2001.

15 Авидзба 2013.

Методика проведения исследования

Анализ двух Обращений абхазской интеллигенции (1977 и 1988)¹ в сравнительной перспективе позволил выделить ключевые нарративы, которые, как представляется, легли в основу внешнеполитической идентичности современной Абхазии. С опорой на полученные результаты был проведен качественный контент-анализ шести ежегодных Посланий президента Республики Абхазия Народному Собранию² (2007³, 2008⁴, 2013⁵, 2016⁶, 2017⁷, 2022⁸). Ограниченность выборки обусловлена тем, что, несмотря на употребление слова «ежегодные», Послания носят нерегулярный характер. Послание 2022 г. – первое⁹ (и единственное к моменту завершения настоящего исследования) для президента А. Бжани, вступившего в должность в апреле 2020 г. В этой связи послания отбирались в соответствии со следующими критериями: 1) доступность в сети Интернет и достоверность источника; 2) охват каждого всенародно избранного президента; 3) соответствие количества посланий количеству сроков президента. При проведении контент-анализа за лексическую единицу принимались смысловые фрагменты (предложения или фразы) в соответствии с тремя параметрами: 1) представления о себе; 2) отношения с внешним миром; 3) характер международной среды; 4) отношения с международными акторами.

В рамках настоящего исследования представления государственного образования о себе включают три возможных варианта: де-факто государство, непризнанное государство и суверенное государство.

Параметр «отношения с внешним миром» операционализируется через две переменные: изоляция и открытость. Во избежание двусмысленности необходимо отметить, что в первом случае речь идет о восприятии де-факто государством своего положения в международной системе, а не о целенаправленном политическом курсе. Следовательно, «изоляция» означает вынужденную констатацию факта нахождения в данном состоянии, а «открытость», в свою очередь, подразумевает сознательную внешнеполитическую установку изучаемого актора.

Характер международной среды был операционализирован в соответствии с его влиянием на достижение де-факто государством своих интересов и поставленных целей: «благоприятствующий» в случае содействия и «враждебный» в случае препятствования.

1 Абхазский узел 1995, 19–114. Далее – Обращения.

2 Далее – Послания.

3 Президент Абхазии выступил с ежегодным посланием к парламенту: полный текст // REGNUM. 30 мая 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/835843?ysclid=losj53ot5192443265> (дата обращения: 09.11.23).

4 На первом плане вопрос признания независимости: выступление президента Абхазии в парламенте // REGNUM. 22 апреля 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/835843?ysclid=losj53ot5192443265> (дата обращения: 09.11.23).

5 Послание Президента Республики Абхазия А.З. Анкваба // Abkhazia-News.ru. 18 декабря 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/phykg> (дата обращения: 09.11.23).

6 Послание Президента Народному Собранию-Парламенту // Президент Республики Абхазия. 20 января 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/phykg> (дата обращения: 09.11.23).

7 Послание Президента Народному Собранию-Парламенту Республики Абхазия // Президент Республики Абхазия. 20 декабря 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=7185&ysclid=losj53ot5192443265 (дата обращения: 09.11.23).

8 Послание Президента Республики Абхазия А.Г. Бжани Народному Собранию-Парламенту Республики Абхазия // Президент Республики Абхазия. 16 июня 2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/phykw> (дата обращения: 09.11.23).

9 Ibid.

Параметр «отношения с международными акторами» основан на существующей в исследованиях идентичностей дихотомии «друг / враг», но в интересах настоящей работы конкретизирован до понятий «партнер / союзник / братское государство» в отношении «друзей», а в случае «врага» – Грузии – до характера отношения к нему – резко негативного (если в дискурсе присутствуют признаки дегуманизации), негативного и нейтрального.

Затем результаты контент-анализа были сопоставлены с результатами анализа Обращений¹ и проиллюстрированы наблюдениями автора по итогам двухнедельного пребывания в Гулрыпшском районе Республики Абхазия.

Противоречия эволюции внешнеполитической идентичности Абхазии

Прежде чем приступить к анализу Обращений, представляется логичным обратиться к более ранней публицистике. В настоящем исследовании анализируется работа С. Басарии² «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении» (1925). Данное произведение интересно тем, что в нем приводятся этнографическое описание абхазов и исторические очерки. Кроме того, рассматривается сочинение популярного в Абхазии Н. Лакобы³ «Искры Октябрьской Революции в Абхазии (воспоминания)» (1922).

Одним из ключевых нарративов в работе С. Басарии⁴ является более чем двухтысячелетняя история самостоятельности абхазского народа – *ансуа*. Следующий значимый сюжет – покорение «вольной страны» «царскими войсками». При этом, согласно мнению автора, абхазы – последние из кавказских горцев, вошедших в состав Российской Империи: первой (добровольно) сдалась Грузия, абхазы же упорно сопротивлялись, а после неоднократно поднимали восстания. Вместе с тем в произведении Н. Лакобы⁵ вхождение Абхазии в состав Российской Империи называется добровольным, но в части восстаний против «притеснений» точки зрения авторов совпадают. В этом контексте стоит отметить, что именно идея С. Басарии впоследствии получила более широкое распространение в Абхазии, в частности она красной нитью проходит в государственном учебнике истории для школьников 10-11 классов⁶.

В довершение всех «бед», пишет С. Басария⁷, – война с Турцией (1877), в результате которой абхазы становятся «виновным населением» и лишаются права на землю, на которой они жили две тысячи лет. При этом слово «махаджирство» в работе С. Басарии⁸, в отличие от произведения Н. Лакобы⁹, не употребляется. Еще один важный элемент исторического повествования – по-

1 Абхазский узел 1995, 19–114.

2 Басария 1923.

3 Лакоба 1922.

4 Басария 1923.

5 Лакоба 1922.

6 Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учеб. заведений. 2-е издание, дополненное и переработанное. Сухум: Министерство образования и науки РА, 2015. 464 с.

7 Басария 1923.

8 Ibid.

9 Лакоба 1922.

литика меньшевиков. Примечательно, что и С. Басария¹, и Н. Лакоба² противопоставляют «грузинский национализм» и «шовинизм» «интернациональности» и национальному «индифферентизму» абхазов.

Идеи ранних советских публицистов нашли свое продолжение в Обращениях абхазской интеллигенции 1977 и 1988 гг. Сравнительный анализ Обращений³ позволил выделить три исторические травмы Абхазии: махаджирство, «шовинистическая» политика грузинских меньшевиков, «бериевщина». Общим при изложении данных сюжетов является нарратив о том, что их результатом стало увеличение численности грузинского населения на территории, которую этнические абхазы считали исторически своей, и что сами абхазы на ней ощущали себя в меньшинстве. Кроме того, в обоих Обращениях сформулирован ряд так называемых исторических обид (*historical grievances*) по отношению к грузинскому этносу: изменение абхазской топонимики на грузинскую; кадровая политика в пользу грузинского этноса; доминирование грузинской историографии, которое авторами называется не иначе как «фальсификация истории» Абхазии; «наступление» на абхазский язык и культуру; и, наконец, «огрузинивание» самих абхазов. Главным отличием Обращения 1988 г. от Обращения 1977 г. является содержание в нем концептуального обоснования наличия у абхазов исторического опыта государственности, отсчет которой ведется со времен Абхазского царства (VIII – начало XI вв.), и права на позиционирование себя в качестве самобытного этноса: «абхазы – народ с древней культурой, самостоятельной историей, языком, совершенно отличным от грузинского». Один из жителей поселка Агудзера на вопрос о том, кто такие абхазы, ответил: «Мы один из первых христианских народов, наравне с грузинами и армянами»⁴.

Контент-анализ Посланий показал, что внешнеполитическая идентичность Абхазии находится в процессе непрерывной эволюции.

Во-первых, на *Рисунке 1* можно проследить, как менялись представления государственного образования о себе: от де-факто государства и непризнанного государства в 2007–2008 гг. до суверенного государства в 2016–2022 годах. При этом примечательным представляется то, что президенты Республики Абхазия, говоря о ней как о суверенном государстве, одновременно обращают свое внимание на факт экономической зависимости от России. Впервые о ней упомянул в своем послании А. Анкваб (2013), впоследствии тезис развил Р. Хаджимба. В Послании последнего (2015), тем не менее, содержатся мысли о достижении финансовой самодостаточности «в обозримой перспективе» (5 раз) и тезис о внешнеполитической автономности (2 раза); в 2015 г. он уже (дважды) говорит об экономической самостоятельности как о «жизненной необходимости». Очевидно, что достижение этой цели требует соответствующего уровня собственного

1 Басария 1923.

2 Лакоба 1922.

3 Абхазский узел 1995, 19–114.

4 Здесь и далее прямая речь жителей Абхазии, зафиксированная во время пребывания автора в Гулрыпшском районе в 2022–2023 гг., используется исключительно в иллюстративных целях и не претендует на статус самостоятельного научного метода в силу недостаточно репрезентативной выборки. На основании этого нельзя сделать валидные выводы. Цель автора – показать некоторые из точек зрения, существующих в общественном дискурсе.

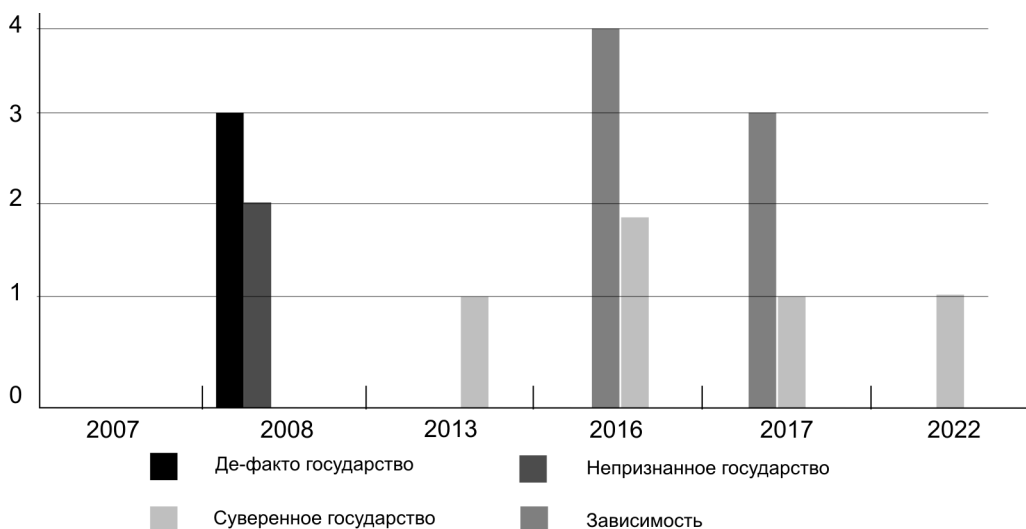
производства. Однако даже на полках магазинов большая часть товаров – импортная, включая яйца и молочную продукцию:

- «– Нет, своего здесь ничего не производится.
- А местный сыр-колобок? (*прим.* – вопрос автора)
- И он завозной – из Краснодара».

В этой связи представляется небезосновательной мысль российского исследователя М.А. Платоновой о том, что, получив частичное признание от России, Абхазия утратила часть своей де-факто независимости¹.

Рисунок 1.

**КАТЕГОРИИ «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЕБЕ» И «ЗАВИСИМОСТЬ» В ДИНАМИКЕ
THE CATEGORIES OF “SELF-IMAGE” AND “DEPENDENCE” IN DYNAMICS**

Источник: составлено автором.

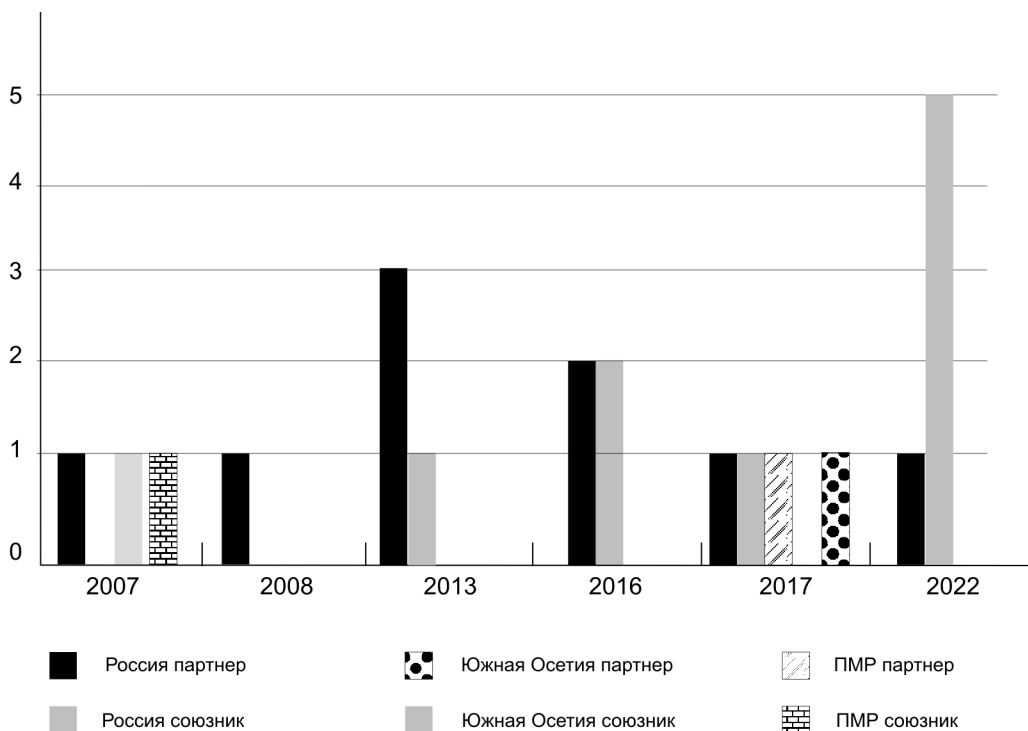
Во-вторых, на *Рисунке 2* показано, что за 15 лет произошли изменения в восприятии партнеров и союзников. Так, в 2007–2008 гг. «союзниками» признавались Приднестровская Молдавская Республика и Республика Южная Осетия. Россия же позиционировалась в качестве «главного партнера», причем в Послании 2007 г. есть уточнение: «в процессе мирного урегулирования». В Послании 2013 г. упоминания о двух де-факто государствах отсутствуют вовсе, а Россия впервые называется «стратегическим союзником», но лишь единожды, в то время как в качестве «партнера», внешнеэкономического и политического, она характеризуется в 4 раза чаще. В Послании 2016 г. понятия «партнер» и «союзник» применительно к России встречаются с одинаковой частотой, а Южная Осетия получает характеристику «братское государство». В Послании 2017 г. соотношение двух понятий, характеризующих статус России, сохраняется, в то время как два де-факто государства обозначаются как «партнеры». Примечательно, что в Послании 2017 г. впервые звучит тезис об «особом характере абхазо-российских отношений». В последнем к моменту написания работы

1 Платонова 2012.

Послании 2022 г. в отношении России доминирует понятие «союзник»: частота упоминаний равняется 5, в то время как слово «партнер» звучит единожды. В том же Послании применительно к Южной Осетии используется эпитет «братская». Таким образом, к 2022 г. во внешнеполитическом дискурсе президентов Абхазии Республика Южная Осетия и Приднестровская Молдавская Республика уступили место союзника Российской Федерации.

Рисунок 2.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОРАХ В ДИНАМИКЕ
PERCEPTIONS OF INTERNATIONAL ACTORS IN DYNAMICSS

Источник: составлено автором.

При этом стоит отметить, что, хотя на официальном уровне Россия позиционируется в качестве стратегического союзника, ее восприятие на уровне индивидов и повседневных практик далеко не так однозначно. Прежде всего, это выражается в дискуссии вокруг законопроекта об апартаментах. Сторонники продажи апартаментов иностранцам (прежде всего россиянам) аргументируют свое мнение необходимостью привлечения новых ресурсов для развития страны, противники озвучивают опасения относительно потенциального смещения демографического баланса, связанного с возможностью получения иностранцами абхазского гражданства¹. Вторую точку зрения можно проиллюстрировать словами одного из жителей Гулрыпшского района: «Не поймите нас неправиль-

¹ Возможность продажи апартаментов иностранным бизнесменам обсудили в Сухуме // Общественная палата Республики Абхазия. 2 ноября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/phyllf> (дата обращения: 09.11.23).

но, мы не против русских, но мы маленькие, нас мало. Один москвич может купить всю Абхазию. Мы это уже проходили в отношениях с Грузией. Мы видели, к чему это может привести». Вероятно, подобные опасения являются отражением трех исторических травм, изложенных в Обращениях¹, и вытекающего из них нарратива о «малочисленном народе». Кроме того, на фоне признания России в качестве гаранта безопасности как на официальном уровне, так и на бытовом, хотя и с оглядкой на текущую ситуацию, вхождение в состав Российской Федерации представляется *как минимум для части* абхазов не желанным исходом, а последним средством:

«– Абхазия все равно войдет в состав России.

– Почему? Абхазия же этого не хочет, и Россия это понимает.

– Не хочет. А что делать? Иначе на нас снова нападет Грузия. Если бы не Россия, здесь бы уже снова была война.

– А что изменилось?

– Как что? Украина. Россия сейчас там»².

На спорность вопроса о степени «открытости» в отношениях с Россией указывает и российский исследователь С.М. Маркедонов. При этом автор подчеркивает, что оппозиция, критикующая правящую элиту за принятие неоднозначных решений, в число которых входит, например, соглашение о даче «Пицунда», при приходе к власти начинает действовать аналогичным образом. Подобную тенденцию политолог охарактеризовал словом «круговорот»³.

Сложно отрицать и наличие негативного отношения к определенной части российской истории. На официальном уровне зафиксированы День памяти жертв Кавказской войны и насильственного выселения горских народов Кавказа, а также День памяти жертв политических репрессий. На бытовом уровне это проявляется в таких высказываниях, как: «Если бы не русский царь, сейчас вся Кубань бы наша была». Объяснение подобного рода «двойственности» в восприятии – благодарности по отношению к современной Российской Федерации и возложения вины на правящие элиты Российской Империи и СССР – может заключаться в том, кто в нарративах выступает «обидчиками» (*perpetrators*): не Российская Империя, но «царизм», «русский царь», царские «власти», «войска», «командование», «генералы», «военная администрация» и т.д.; не Советская Россия, но И. Сталин и «любимый грузинский сын» Л. Берия⁴.

Говоря о Грузии, на Рисунке 3 заметно, что с течением времени характер ее восприятия, отраженный в Посланиях, смягчается: от крайне негативного в 2008 г. до нейтрального в 2013 г. Снижается и частота ее упоминания в текстах: от 14 в 2008 г. до 0 в 2017 г. В 2022 г. Грузия упоминалась всего единожды в качестве «потенциального агрессора». Связанная с понятием «обидчик» (*perpetrator*) категория «вины» после 2008 г., пережив свой пик, полностью исчезает из по-

1 Абхазский узел 1995, 19–114.

2 Из разговора автора в июле 2023 г.

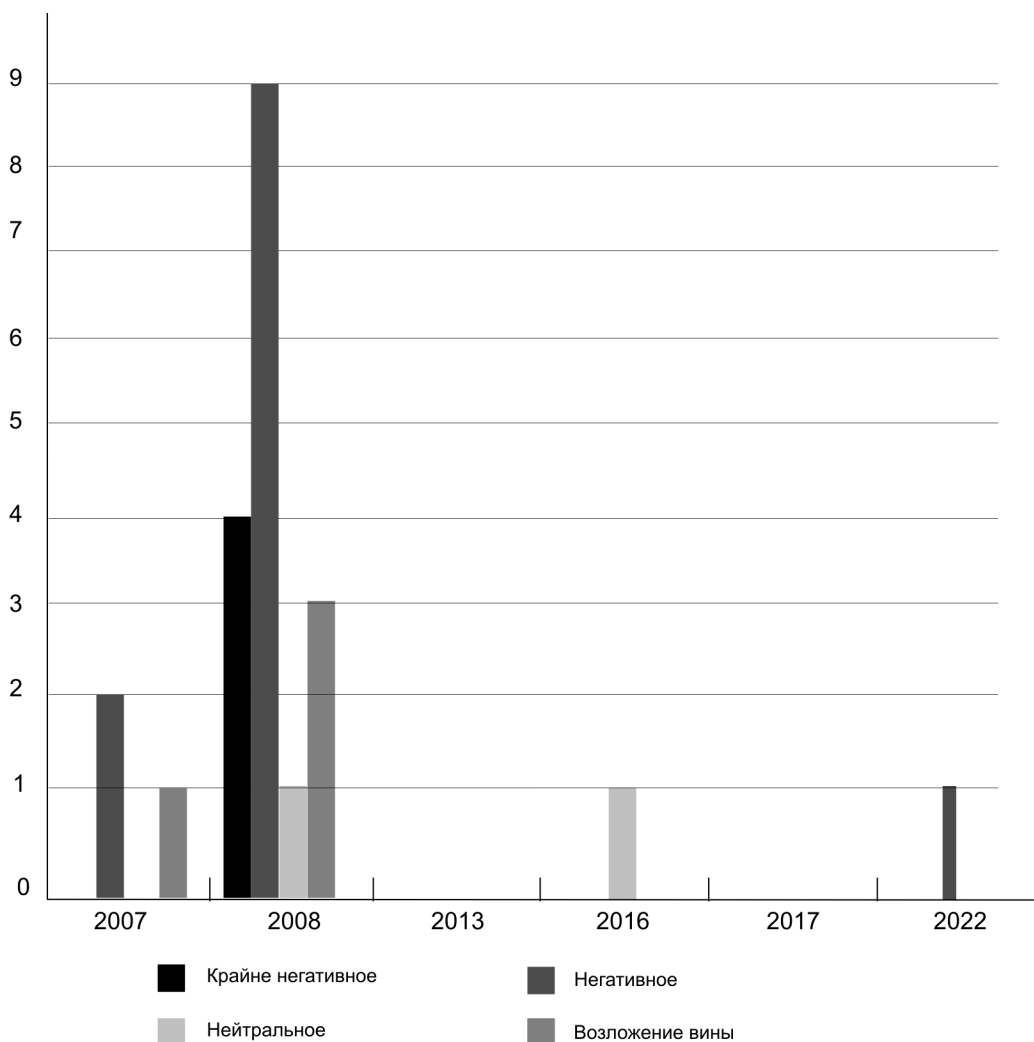
3 «Геополитизация» Абхазии или борьба за дополнительную легитимность власти? // Аписныпресс. 14 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/qqaxu> (дата обращения: 09.11.23); Маркедонов, С.М. «Дачный вопрос» или переформатирование Абхазии // Telegram-канал «Донской казак». 10 января 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/DonskoyCossack/229> (дата обращения: 09.11.23).

4 Pavlova, Anastasia. "History on the Book Pages: Content-Analysis of the Abkhazian Textbook on History." SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY, October 12, 2023. <https://papers.ssrn.com/abstract=4629319>.

литической риторики, изучаемой в рамках настоящего исследования. В разговоре с автором исследования жительница поселка Агудзера, пережившая блокаду города Ткуарчала, сказала: «[Характер человека] не зависит от национальности. И среди грузин есть хорошие люди, многие из них за Абхазию воевали». Конфликт 1992–1993 гг., кажется, постепенно отдалается в прошлое, что, впрочем, способствует более пессимистичному и критическому отношению к действительности. После окончания боевых действий прошло 30 лет, и часть населения по-своему «подводит итоги», неутешительные для действующего руководства частично признанного государства: «30 лет прошло. Мы не видим никаких изменений»; «Не за это мы воевали»; «Вот первый президент Абхазии хороший был. Он за Абхазию болел всей душой. А эти только карманы свои набивают».

Рисунок 3.

ОТНОШЕНИЕ К ГРУЗИИ В ДИНАМИКЕ
THE ATTITUDE TOWARDS GEORGIA IN DYNAMICS

Источник: составлено автором.

Вместе с тем в отношении грузин Галского района по-прежнему наблюдается некоторая настороженность. И хотя в Посланиях проблема грузинского меньшинства, проживающего на территории современной Абхазии, прямо поднимается лишь раз – в выступлении А. Анкваба (2013) – и еще раз, но косвенно – в выступлении Р. Хаджимбы (2016): «... я не приемлю пропаганды того, что в нашем обществе есть какие-то внутренние враждебные Абхазии силы, откуда бы эта пропаганда ни исходила», – ее замалчивание на высшем уровне не означает ее отсутствия. Так, глава Галского района К. Пилия в своем недавнем интервью признал, что значительная часть населения управляемой им территориальной единицы до сих пор не имеет абхазского паспорта¹. В одном из диалогов с автором местный житель озвучил следующее мнение: «Они в Абхазии только живут, а работа – все там. У них паспорт и абхазский, и грузинский, они свободно границе пересекают. А мы так не можем. Их просили оставить что-то одно – грузинское гражданство или абхазское. Они не согласились. Мы боимся, что, если снова начнется война, они на их стороне воевать будут». Законодательством Абхазии запрещено иметь двойное гражданство, за исключением российского². Однако, по словам К. Пилия³, одна из сложностей заключается в том, что процедура отказа от грузинского гражданства в пользу абхазского предполагает непосредственное обращение в соответствующие органы в Грузии, которые в свою очередь не признают абхазское гражданство, поскольку считают территорию Абхазии частью Грузии. Кроме того, исследовательский интерес вызывает этнический состав руководства Галского района, 91,49% населения которого, согласно данным официальной статистики⁴, – грузины. К. Пилия, его первый заместитель Д. Адлейба, а также заместители Д. Кове и А. Аджинджал – этнические абхазы, причем глава администрации и его команда представляют собой т.н. варягов и предположительно являются надежными людьми в глазах центральных властей, поскольку, например, К. Пилия – ветеран грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., а по прошлому месту работы – депутат Парламента Республики Абхазия⁵.

То, что в Абхазии существует неразрешенный вопрос с этническим меньшинством, отмечает и российский исследователь И.В. Кудряшова⁶. Это тоже своего рода проявление тех трех исторических травм, которые были выделены при анализе Обращений⁷ 1977 и 1988: вполне вероятно, что существуют опасения снова оказаться «в меньшинстве» на той территории, которую этнические абхазы считают исторически своей.

1 АмчРА. Константин Пилия – глава Галского района // Официальный сайт Администрации Галского района. 3 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://gal.apsny.land/novosti/item/7-amchra-konstantin-piliya-glava-galskogo-rajona> (дата обращения: 09.11.23).

2 Закон Республики Абхазия № 1168-с-XIV «О гражданстве Республики Абхазия» (с изменением и дополнением от 18 сентября 2013 г. № 3392-с-V) от 8 ноября 2005 года. Принят Народным Собранием – Парламентом Республики Абхазия 24 октября 2005 года // Президент Республики Абхазия. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/phyvi> (дата обращения: 09.11.23).

3 АмчРА. Константин Пилия – глава Галского района // Официальный сайт Администрации Галского района. 3 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://gal.apsny.land/novosti/item/7-amchra-konstantin-piliya-glava-galskogo-rajona> (дата обращения: 09.11.23).

4 Государственный комитет Республики Абхазия по статистике // Управление государственной статистики Республики Абхазия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ugsra.org/> (дата обращения: 09.11.23).

5 Руководство района // Официальный сайт Администрации Галского района. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/rhymh> (дата обращения: 09.11.23).

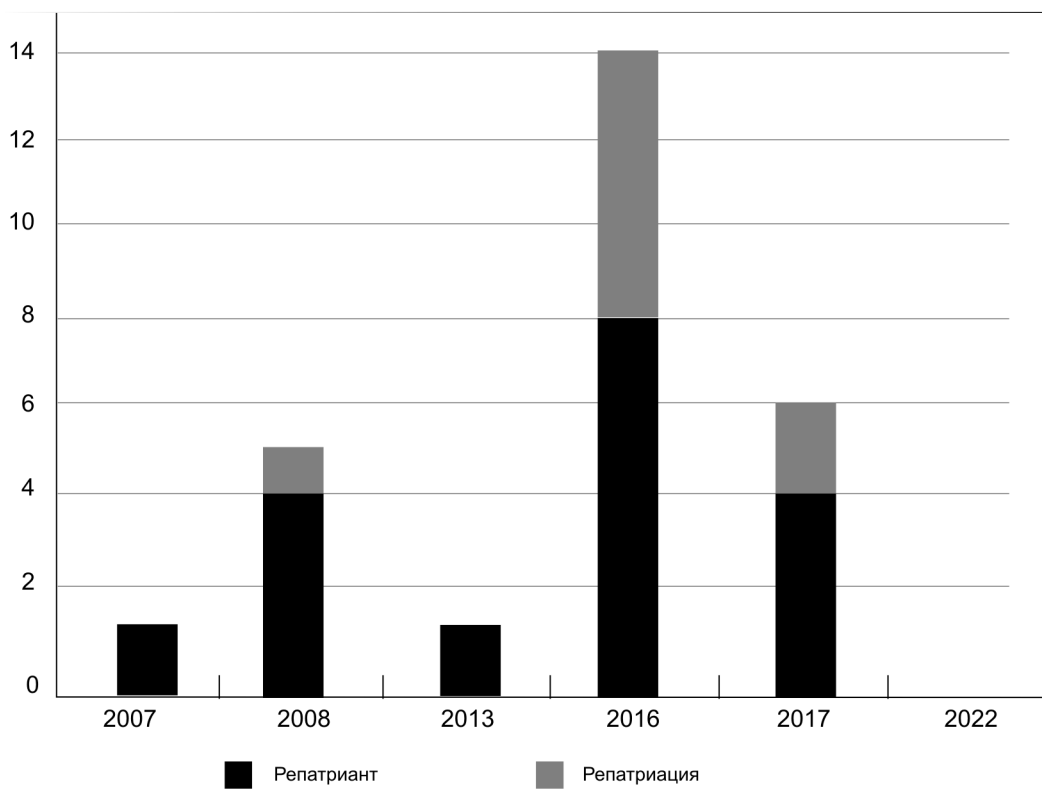
6 Kudryashova 2021.

7 Абхазский узел 1995, 19–114.

Возвращаясь к историческим травмам, нельзя обойти стороной махаджирство. В современном политическом дискурсе этот исторический нарратив обрел новую лексическую форму – «репатриация» этнических абхазов, преимущественно из Турции, на свою «историческую родину». На *Рисунке 4* прослеживается динамика частоты употребления слов «репатриация» и «репатрианты» в Посланиях президентов: больше всего упоминаний встречается в Посланиях Р. Хаджимбы (2016) и С. Багапша (2008), хотя данный сюжет присутствует во всех выступлениях, за исключением А. Бжани (2022). На вопрос о том, как абхазы, долгое время проживавшие за рубежом, интегрируются в современное абхазское общество, один из респондентов дал следующий ответ: «Тяжело им. Но они молодцы, они своего языка не забыли. Немного на ломаном говорят, конечно. У нас все больше русский. На абхазском больше говорят в семьях, старшие. А молодежь и особенно дети – только на русском. Ну мы сами в этом, конечно, виноваты. Сами того не замечая, порой и дома на русский переходим».

Рисунок 4.

**ЧАСТОТА УПОТРЕБЛЕНИЙ СЛОВ «РЕПАТРИАНТ» И «РЕПАТРИАЦИЯ» В ДИНАМИКЕ
THE FREQUENCY OF THE WORDS "REPATRIATE" AND "REPATRIATION" IN DYNAMICS**

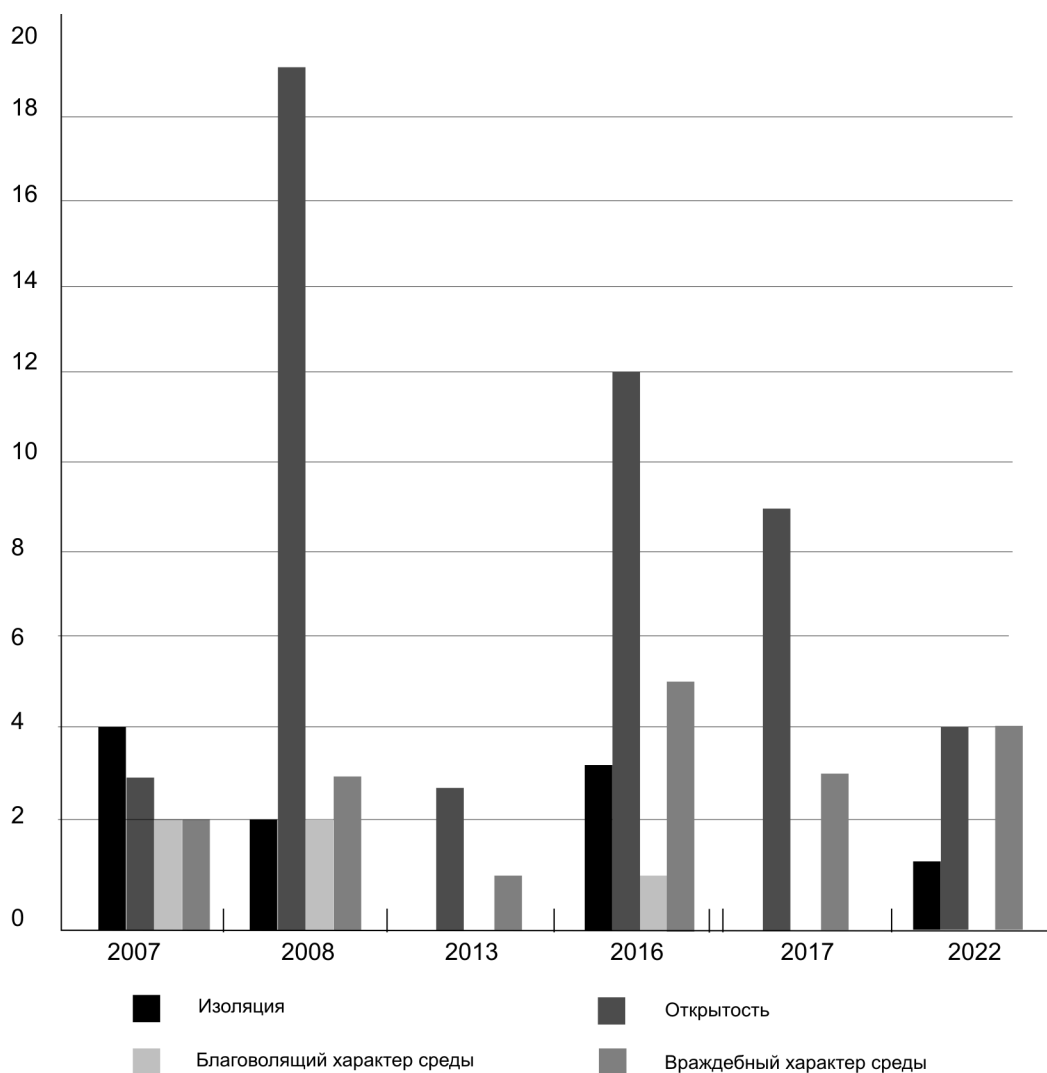

Источник: составлено автором.

Интерес представляет отношение президентов Абхазии к международной среде и восприятие ими ее характера, отображенные на *Рисунке 5*. Сильнее всего ощущая международную изоляцию («блокадная экономика», «экономическая блокада», «экстремальные условия непризнанности, политического давления,

Рисунок 5.

**КАТЕГОРИИ «ОТНОШЕНИЯ С ВНЕШНИМ МИРОМ» И «ХАРАКТЕР
МЕЖДУНАРОДНОЙ СРЕДЫ» В ДИНАМИКЕ**
**THE CATEGORIES OF "RELATIONS WITH THE OUTSIDE WORLD" AND "THE NATURE
OF THE INTERNATIONAL ENVIRONMENT" IN DYNAMICS**

Источник: составлено автором.

изоляции и эмбарго»), С. Багапш (2007 и 2008) вместе с тем демонстрировал наибольшую открытость по отношению к внешнему миру. Именно в его Посланиях чаще, чем в Посланиях последующих президентов, встречается мысль о том, что международная среда может не только препятствовать, но и способствовать достижению поставленных истеблишментом де-факто государства целей. Наименьшей степенью «открытости» отличается риторика А. Анкваба (2013) и А. Бжани (2022). В первом случае объяснение, возможно, кроется в самом характере выступления – его целью было дать ответ на критику со стороны оппозиции в условиях сложной внутривнутриполитической обстановки. Во втором случае текст Послания был посвящен преодолению последствий коронавирусных ограничений и про-

износился в условиях начала СВО России. Вместе с тем необходимо признать, что категория «изоляция» после 2008 г. в Посланиях президентов употребляется реже и приобретает новые смыслы. Если в Посланиях С. Багапша под ней подразумевался преимущественно санкционный режим в отношении Абхазии, то в Послании Р. Хаджимбы (2016) речь идет о «гуманитарной изоляции» частично признанного государства, а в послании А. Бжанин – «инвестиционной». Для Посланий всех Президентов характерно восприятие внешней среды как враждебной, препятствующей достижению поставленных целей, однако после С. Багапша представление об обратном встречается лишь единожды – в Послании Р. Хаджимбы (2016).

Заключение

Проведенное исследование показало, что Республика Абхазия все еще находится в процессе поиска своей внешнеполитической идентичности, хотя некоторые ее черты уже сейчас довольно определены. Какие-то из них являются продолжением тех нарративов, которые были заложены в раннесоветской публицистике и в Обращениях абхазской интеллигенции (1977 и 1988)¹, другие стали результатом влияния меняющейся внутри- и внешнеполитической ситуации. Первые включают в себя «негативную» идентичность как противопоставление Абхазии Грузии; восприятие себя «малочисленным народом» и страх оказаться в меньшинстве на своей территории вследствие трех исторических травм; обоснование стремления к независимости как укорененной в истории отличительной характеристике абхазского этноса. В числе новейших тенденций формирования идентичности можно выделить: определение в качестве «стратегического союзника» России вместо называемых ныне «братскими» Республики Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республики при сохранении спорности вопроса о пределах интеграции с нею; восприятие мира сквозь призму *Realpolitik*; смягчение образа Грузии – от экзистенциального «врага» до «потенциального агрессора».

Признавая уязвимость текущего положения частично признанного государства, главы республики и рядовые жители, тем не менее, позиционируют Абхазию в качестве суверенного государства. Однако проведенный анализ приводит к выводу о том, что во внешний мир одновременно транслируется и совершенно противоположная мысль: «Мы маленькие и нас мало, а международная среда враждебна». Как итог, в абхазском политическом дискурсе все еще прослеживаются черты идентичности де-факто государства, а не только того международного актора, которым оно стремится предстать, что, впрочем, не означает отсутствия более позитивных перспектив в будущем.

1 Абхазский узел 1995, 19–114.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абхазский узел: Документы и материалы по этническому конфликту в Абхазии. Выпуск II. Народный форум Абхазии «Айдгылара» и его союзники. 1989–1990 гг. / Составитель и ответственный редактор М.Ю. Чумалов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995.
- М.Ю. Chumalov, ed. *Abkhazskii uzel: Dokumenty i materialy po etnicheskomu konfliktu v Abkhazii. Vypusk II. Narodnyi forum Abkhazii «Aidgylara» i ego soyuzniki. 1989–1990 gg.* Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS, 1995 [In Russian].
- Авидзба, А.Ф. Становление независимого Абхазского государства и Российская Федерация (1993–2008 гг.) // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН. Том I: Абхазия / отв. ред. А.Ю. Скаков. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 209–226.
- Avidzba, Aslan F. "Stanovlenie nezavisimogo Abkhazskogo gosudarstva i Rossiiskaya Federatsiya (1993–2008 gg.)." In *Uchenye zapiski Tsentra izucheniya Tsentral'noi Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ya IV RAN. Tom I: Abkhaziya*, edited by A.Yu. Skakov, 209–226. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2013 [In Russian].
- Айба, Б. Малые страны мира. Сухум: ГПП «Дом печати», 2006. 180 стр.
- Aiba, Badra. *Malye strany mira*. Sukhum: GPP "Dom pechati," 2006 [In Russian].
- Басария, С. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.
- Basariya, Simon. *Abkhaziya v geograficheskoy, etnograficheskoy i ekonomicheskoy otnoshenii*. Sukhum-Kale, 1923 [In Russian].
- Бгажба, О.Х., Лакоба, С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
- Bgazhba, Oleg Kh., and Stanislav Z. Lakoba. *Istoriya Abkhazii s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. Sukhum, 2007 [In Russian].
- Гамахария, Дж. Политическая история Абхазии/ Грузия (Краткая научная справка) / под ред. Н. Кварццелия. Тбилиси, 2012.
- Gamakharia, Jemal. *Political History of Abkhazia/ Georgia (Brief science information)*, edited by Nana Kvaratskhelia. Tbilisi, 2012.
- Гамахария, Дж., Гогия, Б. Абхазия – историческая область Грузии (историография, документы и материалы, комментарии). С древнейших времен до 30-х годов XX века. Тбилиси: Издательство ООО «Агдгома», 1997.
- Gamakharia, Dzhemal, and Badri Gogiya. *Abkhaziya – istoricheskaya oblast' Gruzii (istoriografiya, dokumenty i materialy, kommentarii). S drevneishikh vremen do 30-kh godov XX veka*. Tbilisi: Izdatel'stvo OOO "Agdgoma," 1997 [In Russian].
- Кухианидзе, А. Грузия: конфликты, преступность и безопасность // Кавказ и глобализация. 2012. № 4. С. 60–71.
- Kukhianidze, Alexander. "Georgia: Conflicts, Crime, and Security." *The Caucasus & Globalization* 6, no. 4 (2012): 54–62.
- Лакоба, Н. Искры Октябрьской Революции в Абхазии (воспоминания) // К истории революционного движения в Абхазии. Сборник Главполитпросвета Абхазии. Сухум: Типография Сов. Нар. Хозяйства Абхазии, 1922. С. 3–22.
- Lakoba, Nestor. *Iskry Oktyabr'skoi Revolyutsii v Abkhazii (vospominaniya)*. In *K istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Abkhazii. Sbornik Glavpolitprosveda Abkhazii*, 3–22.
- 3–22. Sukhum: Tipografiya Sov. Nar. Khozyaistva Abkhazii, 1922 [In Russian].
- Лакоба, С.З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Сapporo: Slavic Research Center, 2001.
- Lakoba, Stanislav Z. *Abkhaziya – de-fakto ili Gruzii de-yure?* Sapporo: Slavic Research Center, 2001 [In Russian].
- Лордкипанидзе, М., Отхмезури, Г. Статус Абхазии в составе Грузии: к истории вопроса // Кавказ и глобализация. 2010. № 1–2. С. 205–207.
- Lordkipanidze, Mariam, and Georgi Otkhmezuri. "Abkhazia's status as part of Georgia: historical perspective." *The Caucasus & Globalization* 4, no. 1–2 (2010): 172–183.
- Маркедонов, С. Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 12. С. 79–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89>
- Markedonov, S. "Post-Soviet De Facto States: Trajectories of Their Struggle for Sovereignty." *World Economy and International Relations* 65, no. 12 (2021): 79–89 [In Russian].
- Маркедонов, С., Скаков, А. Постсоветская Грузия: от турбулентности к стабильности и предсказуемости // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее : хрестоматия. М.: НПСРМД, 2017. С. 131–140.
- Markedonov, Sergei, and Aleksandr Skakov. "Postsovetskaya Gruzii: ot turbulentnosti k stabil'nosti i predskazuemosti." In *Evolutsiya postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee : khrestomatiya*, 131–140. Moscow: NP RSMD, 2017 [In Russian].
- Марыхуба, И. Исторические, государственно-правовые обоснования суверенитета Абхазии. Сухум: СППА, 2004.
- Marykhuba, Igor. *Istoricheskie, gosudarstvenno-pravovye obosnovaniya suvereniteta Abkhazii*. Sukhum: SPPA, 2004 [In Russian].
- Папаскири, З. Абхазия и абхазы в общегрузинском этнокультурном и политико-государственном пространстве // Кавказ и глобализация. 2008. № 2. С. 120–139.
- Papaskiri, Zurab. "Abkhazia and the Abkhazians in the common Georgian ethno-cultural, political, and state expanse." *The Caucasus & Globalization* 2, no. 2 (2008): 105–121.
- Платонова, М.А. Де-факто независимые государства Кавказа: переосмысление терминологии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 98–101. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2012.1.14>.
- Platonova, Maria A. "De-facto Independent States of the Caucasus: Redefining the Terminology." *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, no. 1 (2012): 98–101 [In Russian].
- Силаев, Н. Что получилось у Грузии? // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. М.: НПСРМД, 2017. С. 41–46.
- Silaev, Nikolai. "Chto poluchilos' u Gruzii?" In *Evolutsiya postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee : khrestomatiya*, 41–46. Moscow: NP RSMD, 2017 [In Russian].
- Broers, Laurence. "Unrecognised Statehood?" In *Routledge Handbook of the Caucasus*, edited by Galina M. Yemelianova and Laurence Broers, 1st ed., 466. London: Routledge, 2020.

Brubaker, Rogers. "Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account." *Theory and Society* 23, no. 1 (1994): 47–78. <https://doi.org/10.1007/BF00993673>.

Caspersen, Nina. "Making Peace with De Facto States." In *Unrecognized States and Secession in the 21st Century*, edited by Martin Riegl and Bohumil Doboš, 11–22. Cham: Springer International Publishing, 2017. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56913-0_2.

Comai, Giorgio. "Conceptualising Post-Soviet de Facto States as Small Dependent Jurisdictions." *Ethnopolitics* 17, no. 2 (March 15, 2018): 181–200. <https://doi.org/10.1080/17449057.2017.1393210>.

Florea, Adrian. "De Facto States: Survival and Disappearance (1945–2011)." *International Studies Quarterly* 61, no. 2 (2017): 337–351. <https://doi.org/10.1093/isq/sqw049>.

Hicks, Tim. "Another Look at Identity-Based Conflict: The Roots of Conflict: The Roots of Conflict in the Psychology of Consciousness." *Negotiation Journal* 17, no. 1 (2001): 35–45. <https://doi.org/10.1111/j.1571-9979.2001.tb00225.x>.

Kazantsev, Andrei A., Peter Rutland, Svetlana M. Medvedeva, and Ivan A. Safranchuk. "Russia's Policy in the 'Frozen Conflicts' of the Post-Soviet Space: From Ethno-Politics to Geopolitics." *Caucasus Survey* 8, no. 2 (October 22, 2020): 142–162. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1728499>.

Ker-Lindsay, James. "The Stigmatisation of de Facto States: Disapproval and 'Engagement without Recognition.'" *Ethnopolitics* 17, no. 4 (August 8, 2018): 362–372. <https://doi.org/10.1080/17449057.2018.1495363>.

Kharitonova, Oksana. "Ethnic Conflicts and Nation-Building Trajectories in Post-Soviet States." In *Transitions in Post-Soviet Eurasia*, by Archana Upadhyay, 83–102, 1st ed. London: Routledge India, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003193418-6>.

Kudryashova, Irina. "Secession and de Facto State-Building as a Tool for Managing Ethno-Cultural Diversity." In *Transitions in Post-Soviet Eurasia*, by Archana Upadhyay, 103–113, 1st ed. London: Routledge India, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003193418-7>.

Markedonov, Sergey. "The Unrecognized States of Eurasia as a Phenomenon of the USSR's Dissolution." *Demokratizatsiya* 20 (2012): 189–196.

O'Loughlin, John, Vladimir Kolossov, and Gerard Toal. "Inside the Post-Soviet de Facto States: A Comparison of Attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia, and Transnistria." *Eurasian Geography and Economics* 55, no. 5 (September 3, 2014): 423–456. <https://doi.org/10.1080/15387216.2015.1012644>.

Pegg, Scott. *De Facto States in the International System*. Working Paper 21. Institute of International Relations The University of British Columbia, 1998.

Сведения об авторе

Анастасия Вячеславовна Павлова,

аналитик Института международных исследований МГИМО МИД России

119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: lodinaanastasia09@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 14 ноября 2023.

Переработана: 14 декабря 2023.

Принята к публикации: 15 декабря 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Павлова, А.В. Становление внешнеполитической идентичности де-факто государства: от самопровозглашения – к международно-правовой субъектности (казус Абхазии) // Международная аналитика. 2024. Том 15 (1). С. 154–172. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-154-172>

The Rise of De Facto State's Foreign Policy Identity: From Self-Proclamation to International Legal Subjectivity. The Case of Abkhazia

ABSTRACT

The article focuses on the foreign policy identity of the de facto state, citing Abkhazia, which gained partial recognition from Russia and a number of other states, as an example. Using comparative analysis of the Abkhazian Intellectuals' Addresses (1977 and 1988) and content analysis of the annual Presidential Addresses as basic research methods, the study attempts to answer the question: what is the foreign policy identity of the de facto state (from 2008 – partially recognized state) under issue. The conducted research concludes that the conceptual foundations of Abkhazian foreign policy identity, formulated in the Intellectuals' Addresses, are reflected in the official discourse and reproduced at the level of everyday perception, still they are not static. The main implication to be made is that although today Abkhazia is increasingly positioned as a sovereign state, the opposite – Abkhazia's identity as a de facto state – is still evident enough in official speeches and everyday communication.

KEYWORDS

Abkhazia, de facto state, foreign policy, historical traumas, Russia, Georgia

Author

Anastasia V. Pavlova,

analyst, Institute for International Studies, MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: lodinaanastasia09@gmail.com

Additional information

Received: November 14, 2023. Revised: December 14, 2023. Accepted: December 15, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Pavlova, Anastasia V. "The Rise of De Facto State's Foreign Policy Identity: From Self-Proclamation to International Legal Subjectivity.

The Case of Abkhazia." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 154–172.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-154-172>

Проблемы национальной идентичности современной Германии в международном измерении

Пименова Евгения Владимировна, Москва, Россия

Контактный адрес: pimminito14@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка проанализировать влияние международной ситуации на концепцию немецкой идентичности. Выявлены элементы, составляющие основу современного германского самосознания. Автор исследует соотношение регионального, национального и наднационального компонентов в процессе самоидентификации немцев, изучает проблему сохраняющегося ментального «разлома» между новыми (бывшая ГДР) и старыми землями (Западная Германия). Особое внимание уделяется тем вызовам, которые создает для ФРГ с точки зрения германского самосознания и коммеморативных практик приток мигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Отдельно рассмотрена роль палестино-израильского обострения 2023 г. в трансформации национального нарратива. Дана оценка конфликта вокруг Украины как фактору укрепления европейского измерения немецкой идентичности.

Среди ключевых методов, использованных автором, – контент-анализ выступлений официальных лиц ФРГ, анализ законодательства и СМИ. Также применялись логический, хронологический и сравнительно-исторический методы. Все это в совокупности дало возможность прийти к следующим выводам. ФРГ переживает системный и многомерный кризис идентичности. Главной проблемой становится поиск баланса между исторической ответственностью, трансатлантическими обязательствами и национальными интересами. Целью германского истеблишмента становится формулирование новой национальной идеи, включающей в себя определение роли и места Германии в мире, формирование ценностного консенсуса в отношении мигрантов, преодоление отчуждения между востоком и западом страны. Однако в сложившемся после 1990-х гг. миропорядке такая масштабная задача для нынешних элит остается скорее невыполнимой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

историческая вина, национальный консенсус, историческая память, Холокост, ГДР, беженцы, миграционная политика

Вопрос о национальном сознании немцев и конструировании их идентичности – философская, социальная и политическая проблема, имеющая не только внутригерманское измерение. То, как на различных исторических этапах Германия формулировала свою национальную идею, оказывало существенное влияние на ход европейской и мировой истории. Теория «поиска места под солнцем» эпохи Бисмарка стала одним из факторов, приведших к Первой мировой войне; концепция превосходства германской расы эпохи национал-социализма стала смысловым фундаментом следующего глобального военного конфликта. Имел место и обратный процесс: внешнеполитические условия становились катализатором появления новых субидентичностей. Так, эпоха холодной войны, разделение Германии на ФРГ и ГДР породили особое явление – так называемый восточногерманский менталитет.

По итогам Второй мировой войны были демонтированы все прежние идеологические основы немецкой государственности. После такого «часа ноль» страна возрождалась на новом ценностном и концептуальном базисе. Были полностью дезавуированы ключевые параметры национальной идентичности: величие национального духа, ощущение исключительности, превосходства германизма, апелляция к героическому прошлому. Вместо этого стал насаждаться нарратив о неизбывной исторической вине немцев, об их ответственности за преступления гитлеровского режима. После объединения Германии в 1990 г. эти практики были экстраполированы и на бывшую ГДР.

Ныне концепция новой германской идентичности, заложенная в послевоенную эпоху, сталкивается с многочисленными вызовами. В условиях глобальной турбулентности и стремительных этнодемографических трансформаций немцы вновь оказались перед необходимостью переосмыслить национальное самоопределение. В этой связи особый исследовательский интерес вызывает вопрос о том, с какими проблемами сталкиваются нынешние власти Германии в попытках интерпретировать эти вызовы в привычной им системе координат.

Концепция коллективной идентичности как часть конструктивистской теории пришла в социальные и политические науки сравнительно недавно – в конце 1980-х годов¹. До этого понятие идентичности относилось исключительно к сфере психологии. Но оно оказалось удобной объясняющей моделью и для многих общественных процессов.

Процессы глобализации и европейской интеграции пошатнули представление о национальном государстве как о доминирующем и неизменном субъекте международных отношений в его вестфальском смысле. Исследователи обратились к понятию «идентичность», чтобы сформировать некую дополнительную основу группового самоопределения. В широком смысле под идентичностью подразумевается самосознание индивида или группы, формируемое посредством различных критериев отождествления – языковых, культурных, ценностных, национальных².

1 Melucci 1989.

2 Хантингтон 2004.

Как представляется, теоретическое понимание германской идентичности наиболее емко сформулировал представитель Франкфуртской школы Юрген Хабермас. Он интерпретировал это понятие как космополитическое самосознание, которое не ограничивается национальными границами, а базируется на общечеловеческих и гуманистических принципах. Хабермас полагает, что Германия должна стремиться к единству Европы, оставаясь при этом открытой, инклюзивной страной¹. Такая интерпретация де-факто легла в основу официального политического дискурса объединенной Германии.

В немецкой академической литературе проблемы германской идентичности традиционно рассматриваются в дихотомии национального и наднационального, или, в определении немецкого социолога М. Мадера, в контексте противопоставления ее гражданского (ценностного) и этнического измерения². При этом Г. Хелльманн указывал на особо чувствительную для ФРГ связь между процессом национального самоопределения и внешнеполитической культурой³. Неизменным при этом оставался исключительно либералистский идейный подход, подразумевающий не просто неизбежность, но и желательность размывания национального компонента общественного самосознания в пользу глобального. Этот тезис стал фактически научной константой⁴.

В последние годы мировые кризисы различной этиологии заставляют «по-новому» подходить к проблемам идентичности и способствуют эрозии либеральных концепций. Автор ставит целью рассмотреть проблему германского национального сознания в ее многомерности, учитывая не только противопоставление национального и глобалистского аспектов, но и феномен «восточногерманского менталитета», а также фактор мусульманской миграции. Все это в совокупности формирует дополнительные сложности внешнеполитического измерения германской идентичности и в перспективе может стать самостоятельным вызовом для политических элит ФРГ.

От исторической вины к «демократическому патриотизму»

В новой (денацифицированной) Германии поиск коллективных объединительных смыслов начался сразу после Второй мировой войны. Первым шагом стало осмысление проблемы коллективной вины. Этот термин был введен К. Ясперсом⁵ в 1946 г. Такая постановка вопроса вызвала острую дискуссию – далеко не все в те годы были готовы напрямую соотносить себя с преступлениями нацистского режима. Однако со временем именно коллективная вина стала одним из тех элементов, при помощи которых немцы оказались вынуждены идентифицировать себя как общность. При этом ядром национальной исторической вины стал Холокост. Ряд исследователей даже указывает на то, что современную германскую ментальность можно назвать холокостоцентричной⁶. В 2015 г.

1 Habermas 2001.

2 Mader, Schoen 2023, 872

3 Hellmann, Wagner, Baumann 2014, 193–212.

4 Кочетков 2012.

5 Ясперс 1999.

6 Колесов, Шиманская 2019, 173.

президент Й. Гаук заявил: «Без Освенцима нет немецкой идентичности»¹. Одними из ключевых характеристик новой Германии, проистекающих из осознания исторической ответственности, стали пацифизм и «культура военной сдержанности», подразумевающая принципиальное неучастие в конфликтах, а также отказ от поставок оружия в кризисные регионы.

Один из известных афоризмов Ф. Ницше гласит: «Немцев характеризует то, что насущность вопроса “что такое быть немцем” для них никогда не угасает»². Эта проблема остается одной из центральных для германской общественной и научной мысли. В самом широком смысле дискуссия сводится к обсуждению того, есть ли у Германии свой «особый путь» и всегда ли попытка строить национальное государство оборачивается националистическим бумом в его наиболее мрачных проявлениях. Ряд историков полагает даже, что после ужасов и страданий, которые принес миру А. Гитлер, страна не может позволить себе ни малейших попыток обращаться к национальным истокам и стимулировать чувство национальной принадлежности. Одним из первых, кто развивал такой образ мысли, был леволиберальный профессор Билефельдского университета Х.-У. Велер. Он полагал, что национал-социализм стал закономерным и даже неизбежным следствием исторического развития страны в XIX веке³. Такая постановка вопроса стала доминирующей точкой зрения и в научных кругах, и в политическом дискурсе.

Долгое время слово «патриотизм» носило исключительно негативные коннотации, связанные с милитаристским его пониманием. Экспертные интерпретации зачастую доходили до абсурда. Например, после чемпионата мира по футболу 2006 г., прошедшего в Германии, исследовательской группой Института междисциплинарных исследований конфликтов и насилия того же Билефельдского университета было проведено исследование проблем национализма в ФРГ. Авторы, помимо прочего, констатировали, что спортивный праздник спровоцировал всплеск так называемого «тусовочного патриотизма» в стране (нем. – “*party-patriotismus*”), усилил ощущение приемлемости (*sic!*) повсеместного изображения национальных флагов, тем самым пробудив низменные националистические чувства в обществе. И, дескать, в будущем подобных практик следует избегать⁴.

Но в последние годы в политическом мейнстриме стала набирать силу тенденция «нормализации истории», согласно определению директора мюнхенского Института современной истории А. Виршинга⁵. Подразумевается, что Германия уже принесла свое покаяние, в том числе и посредством выплат больших компенсаций жертвам, и глубоко осознала свою историческую ответственность. Теперь страна может не бояться своего прошлого и смотреть в него не только с чувством вины, но и с гордостью за его светлые и славные страницы.

1 “Joachim Gauck: Keine deutsche Identität ohne Auschwitz (Joachim Gauck: No German identity without Auschwitz),” Deutscher Bundestag, January 27, 2015, accessed October 10, 2023, URL: https://www.bundestag.de/webarchiv/textarchiv/2015/kw05_gedenkstunde-357044.

2 Nietzsche 2022.

3 Wehler 1973.

4 Becker et al. 2007, 145.

5 Wirsching A., “Ist der Tod kein Meister aus Deutschland mehr? (Is death no longer a master from Germany?),” Zeit, May 08, 2022, accessed September 19, 2022, URL: <https://www.zeit.de/2022/19/holocaust-nationalsozialismus-krieg-ukraine/komplettansicht#print>.

Один из тех, кто активно развивает эту теорию, – историк и политолог, профессор Гумбольдт-Университета Х. Мюнклер¹. Его концептуальные наработки легли в основу программных выступлений президента ФРГ Ф.-В. Штайнмайера. Так, в 2019 г. глава государства указал на необходимость поиска объединительных символов в немецкой истории. Он впервые ввел в оборот понятие «демократического патриотизма», констатировал, что для самоидентификации немцев крайне важна опора на исторические истоки, и предложил смотреть на историю страны как на историю зарождения и становления демократии (разумеется, не предавая забвению память о трагических страницах прошлого)². Тем не менее этнонациональный фактор германской самоидентификации продолжает оставаться нивелированным.

В поисках идентичности: между национальным и европейским

Единое германское государство образовалось, по европейским меркам, весьма поздно – в 1871 г. Это поставило политиков того времени перед необходимостью в ускоренном темпе искать идею, которая могла бы объединить прежде разрозненные германские княжества. Одной из ее важнейших составляющих стала ненависть к французам – под господством наполеоновской Франции оказалась значительная часть немецких земель. Как представляется, именно стремление избавиться от французского господства, противопоставить себя Франции пробудило в немцах чувство национальной общности. Создание же Германской империи произошло на волне крупной победы, одержанной над французами во франко-прусской войне 1870–1871 гг.

Спустя многие десятилетия германо-французский тандем станет одной из движущих сил европейской интеграции, а преодоление «наследственной враждебности» – одним из важных элементов немецкой идентичности после 1945 г. После Второй мировой войны место дискредитированного национального самосознания заняло восприятие себя в качестве неотъемлемой части объединяющейся Европы³. Писатель Т. Манн сформулировал эту мысль в 1954 г., указав на то, что немецкая молодежь должна стремиться не к германской Европе, а к европейской Германии⁴. С тех пор любые отсылки к чувству национальной гордости стали моветоном.

Концептуальные основы новой германской национальной идеи получили свою исчерпывающую формулировку к середине 1980-х г. Наиболее емко это выразил Р. фон Вайцзеккер, президент ФРГ с 1984 по 1994 г.: «У нас есть особенности, которые отличают нас от других народов. Мы можем найти их в нашей истории и географическом положении страны, в языке и культуре, в интеллектуальной со-

1 Muenckler 2011.

2 Rede von F.-W. Steinmeier zum Festakt '100 Jahre Weimarer Reichsverfassung' (Speech by F.-W. Steinmeier at the ceremony '100 years of the Weimar Constitution'), Bundespräsident.de, February 6, 2019, accessed October 08, 2023, URL: <https://www.bundespraesident.de/SharedDocs/Reden/DE/Frank-Walter-Steinmeier/Reden/2019/02/190206-Weimar-100-Jahre-Reichsverfassung.html>.

3 Павлов, Пименова 2023, 33.

4 "Thomas Manns Visionen über Europa (Thomas Mann's visions of Europe)," NDR, June 07, 2013, accessed October 16, 2023, URL: <https://www.ndr.de/kultur/buch/thomasmann153.html>.

зидательной силе и государственности, в социальной структуре и экономических успехах... ФРГ неразрывно связана с Западом. Мы относимся к кругу западных демократий. Эта связь окончательна и бесповоротна. Именно эта ценностная шкала объединяет нас вместе»¹. Не в последнюю очередь посыл федерального президента был направлен на решение «германского вопроса» – объединение страны. Заявленные критерии должны были служить унифицирующей базой для немцев запада и востока Германии.

Можно сказать, что эти установки укоренились в общественном сознании. Многие немцы привыкли формулировать свою идентичность, полностью избегая любых упоминаний о ее национальном компоненте². В 2005 г. опрос газеты *“Die Welt”* показал, что больше всего граждане страны гордятся свободой слова, конституцией и объединением страны. Комментируя результаты опроса, основатель и директор Немецкого исторического музея в Берлине К. Штельцль предложил свою интерпретацию немецкой национальной идеи: «Быть немцем – это значит быть частью общечеловеческого: радоваться совместному созиданию, полноте жизни и свободе»³. По данным Фонда Сороса, и спустя полтора десятилетия ситуация не изменилась: большинство респондентов по-прежнему указывали на то, что гордятся Основным законом, а кроме того – сильным социальным государством и культурным наследием, экономической мощью страны и ее лидерством в техническом прогрессе⁴.

Однако в ФРГ есть и те общественные силы, которые стремятся вернуть Германию к ее национальным корням. Они убеждены, что преломление внешнеполитического курса через призму сугубо немецких национальных интересов укрепит международный авторитет страны. К этим силам можно отнести, прежде всего, адептов прусской идеи⁵. К ним относится целый ряд объединений и организаций, продвигающих идею возрождения подлинного «прусского духа». Например, одна из крупнейших тематических газет, общегерманское консервативное издание *“Preussische Allgemeine”*, определяет свое идеологическое кредо следующим образом: «Мы чувствуем себя обязанными традиционной прусской системе ценностей. Старая Пруссия выступала за религиозную и мировоззренческую толерантность, любовь к родине, открытость миру, правовую государственность, ... а также за поведение, определяемое здравым смыслом, во всех сферах общественной жизни»⁶.

При этом ведется дискуссия и о более масштабном проекте – «прусском культурном пространстве», включающем в себя часть Прибалтики, Польши и Кенигсберг как территории, исторически впитавшие элементы прусского менталитета. По мнению активистов, развитие и продвижение этой концепции даст новый импульс в формировании идентичности Германии и поможет выстраивать более

1 Richard von Weizsäcker, “Was ist das eigentlich: deutsch? (What is that actually: German),” ghdi.ghi-dc.org, October 15, 2010, accessed November 22, 2023, URL: https://ghdi.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=1157&language=german.

2 Соколов et al. 2023, 105–106.

3 “Was es bedeutet, deutsch zu sein (What it means to be German),” *Die Welt*, September 10, 2005, accessed November 12, 2023, URL: <https://www.welt.de/print-welt/article164288/Was-es-bedeutet-deutsch-zu-sein.html>.

4 “The Fading Taboo of Germany’s National Pride. Implications for Open Society Attitudes,” dpart, February 12, 2019, accessed December 28, 2023 URL: <https://dpart.org/publications/german-report/>.

5 Именно Пруссия как самое влиятельное из германских государств во II половине XIX в. стала центром «собираания» германских земель. После 1945 г. Пруссия была юридически упразднена как «оплот милитаризма и реакции».

6 “Wer wir sind. Stimme der politischen Vernunft (Who we are. Voice of political reason),” *Preussische Allgemeine*, accessed November 14, 2023. URL: <https://www.preussische-allgemeine.de/ueber-uns.htm>.

самостоятельную внешнюю политику, позволив Германии в меньшей степени зависеть от США¹.

Примечательно, что идею пруссачества взяла на вооружение правая партия «Альтернатива для Германии» (АдГ). В политической программе для региональной кампании в Бранденбурге в 2019 г. один из разделов был посвящен актуальности прусского наследия: «...Пруссия в очень большой степени определяла историю Германии и Европы. Тем самым Пруссия вышла за пределы немецкого культурного пространства...». В АдГ убеждены, что Пруссия – это пример для современной немецкой демократии и «бастион против антидемократических действий “старых” партий ФРГ»². Прусофильский тренд стал неотъемлемой частью партийных установок.

Безусловным вызовом для германской идентичности стало начало российской СВО на Украине. Страна встала перед необходимостью поиска баланса между национальными интересами, неизбежными историческими реминисценциями, европейской и трансатлантической солидарностью. При этом действия ФРГ на международной арене нередко шли вразрез с культивируемым в течение десятилетий принципом германского пацифизма. Сложным решением для канцлера О. Шольца стали поставки Киеву немецких танков. Серьезные общественные дебаты спровоцировали его решение о наращивании военного потенциала бундесвера. Все это на первых порах вызывало определенный когнитивный диссонанс в обществе.

Кризис вокруг Украины оказался фактором, «цементирующим» европейское измерение немецкой идентичности. В риторике политиков Германия все чаще стала изображаться как главный европейский бастион либерального мира, защитница демократических ценностей. Что, в свою очередь, призвано было оправдывать милитаризацию общественного дискурса. В этом контексте логичными выглядят и заявления министра обороны ФРГ о том, что стране необходимо перевооружаться, так как «Россия представляет угрозу Западу»³.

Говоря о военной угрозе, представители немецкого истеблишмента указывают на то, что поддержка Украины для ФРГ – это не просто опосредованное участие в военном конфликте, а фактически способ сохранения собственной идентичности. В частности, в своем программном выступлении перед парламентом канцлер О. Шольц объявил о «смене эпох» и переломном моменте немецкой истории: «Мир “после” никогда не станет прежним... Мы хотим обеспечить нашу свободу, процветание и защитить демократию»⁴.

1 “Ohne Preußen ist in Deutschland kein Staat zu machen. Plädoyer für eine Neugliederung der Bundesländer Von Hans-Joachim Winter (No state can be created in Germany without Prussia. Plea for a reorganization of the federal states By Hans-Joachim Winter),” Preussische Nachrichten, September 05, 2018, accessed October 16, 2023, URL: <http://www.preussen.org/preussische-nachrichten/68-ausgabe-62/12-ohne-preuen-ist-in-deutschland-kein-staat-zu-machen>.

2 “Vergangenheit bewahren, Zukunft gemeinsam gestalten. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl des Landtages Brandenburg (Preserve the past, shape the future together. Election program of the Alternative for Germany for the election of the Brandenburg state parliament),” AfD-Brandenburg, September 01, 2019, accessed September 23, 2023, URL: <https://afd-brandenburg.de/wp-content/uploads/2019/04/Leitantrag-Landtagswahlprogramm-AfD-BB-2019.pdf>.

3 “Pistorius warnt vor militärischer Bedrohung des Westens durch Putin (Pistorius warns of Putin’s military threat to the West),” MDR, December 18, 2023, accessed December 21, 2023, URL: <https://www.mdr.de/nachrichten/welt/osteuropa/politik/ukraine-krieg-russland-gefahr-westen-pistorius-nato-100.html>

4 “Regierungserklärung in der Sondersitzung zum Krieg gegen die Ukraine vor dem Deutschen Bundestag am 27. Februar 2022 in Berlin (Government statement in the special session on the war against Ukraine before the German Bundestag on February 27, 2022 in Berlin),” Bundesregierung.de, February, 27, 2022, accessed January 19, 2024, URL: <https://www.bundesregierung.de/resource/blob/992814/2131062/78d39dda6647d7f835bbe76713d30c31/bundeskanzler-olaf-scholz-reden-zur-zeitenwende-download-bpa-data.pdf>.

Очевидно, что апелляция к наднациональному, глобальному измерению немецкой идентичности как к фактору, мобилизующему общественное сознание, не стимулирует рост национально-патриотических настроений в стране. Показательными в этом отношении можно считать результаты опроса, проведенного журналом *"Stern"*, о том, намерены ли граждане ФРГ защищать свою страну с оружием в руках. Более 60% респондентов выразили свою неготовность к национальной обороне. Интересно, что наиболее высокий процент согласных «встать под ружье» в случае военной угрозы был отмечен среди опрошенных, причисляющих себя к сторонникам партии АдГ¹.

Таким образом, текущая внешнеполитическая турбулентность стала «проверкой на прочность» для германской идентичности, показав, что для политического класса ФРГ нет альтернативы «окончательной и бесповоротной» – в определении Р. фон Вайцзеккера – ментальной связи с Западом, а у Германии нет и не может быть никакого «особого пути».

Вместе с тем локальные и специфические проявления сугубо немецкого самосознания служат сигналом того, что в обществе постепенно появляется запрос на новую «национальную идею», более отчетливо структурирующую роль и место ФРГ в текущих внешнеполитических трансформациях.

Между западом и востоком страны

Когда в 1989–1990 гг. исчезла ГДР и Германия стремительно объединилась, на волне общей эйфории казалось, что все неизбежные сложности и «побочные эффекты» этого процесса в очень скором времени будут преодолены. Среди западногерманских элит господствовало убеждение, что восток страны быстро избавится от пережитков социализма и устремится к свободе, демократии и либеральным ценностям капиталистического мира². Ценой этому должен был стать полный демонтаж всей социальной, политической и экономической структуры бывшей ГДР и ее «очищение» от остатков тоталитаризма – именно так определялись несколько десятилетий правления Социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

«Преодоление прошлого» для восточных немцев на деле протекало весьма жестко. После многочисленных люстраций, ликвидации местных производств, разрушения экономических цепочек и фактического обесценивания персональных достижений в новых реалиях многие люди почувствовали себя выброшенными на обочину жизни. В политических кругах, тем не менее, возобладало мнение, согласно которому все эти негативные проявления останутся проблемой конкретного поколения эпохи перемен и со временем уровень жизни и социальная удовлетворенность в обеих частях страны сравняются.

Расчет не оправдался, и спустя более чем три десятилетия проблема «востока» и «запада» не только сохраняется, но и обретает новые измерения. По данным опросов, более половины – 57% – восточных немцев чувствуют себя

1 "Nur 17 Prozent der Deutschen bereit zur Landesverteidigung mit der Waffe (Only 17 percent of Germans are prepared to use weapons to defend their country)," Stern, December 20, 2023, accessed December 21, 2023, URL: <https://www.stern.de/politik/deutschland/umfrage--nur-17-prozent-der-deutschen-bereit-zur-landesverteidigung-mit-der-waffe-34301080.html>.

2 Кренц 2009, 400–410.

людьми второго сорта¹. Исключенность из новых элит способствовала формированию восприятия объединения как колонизации². Острая недопредставленность выходцев из Восточной Германии во власти, а также в топ-менеджменте крупных корпораций сохранилась до сих пор. По подсчетам правительственной экспертной группы, по состоянию на 2023 г. на высших и высоких государственных должностях находится 81,9% представителей «старых федеральных земель» и лишь 14,3 % – «новых»³.

Исследование, проведенное к 30-летию объединения страны, показало, что 41% граждан Германии, проживающих в восточных землях, до сих пор ощущают себя не просто немцами, а именно восточными немцами. Среди немецких экспертов существует устойчивое представление, что восприятие самих себя в качестве отдельного сообщества сложилось у жителей бывшей ГДР в качестве реакции на сложности объединительного процесса⁴. Таким образом, формирование восточногерманской идентичности как отдельного социокультурного и социопсихологического явления происходило на основе идеи о несправедливости объединительного процесса и отчасти стало формой коллективного самоутверждения.

В специальном правительственном докладе «30 лет мирной революции и единства» впервые была предпринята попытка дать исчерпывающее определение восточногерманской идентичности. Под восточными немцами авторы предлагают подразумевать немецких граждан, ведущих свое происхождение с территории бывшей ГДР и имеющих связанный с ней биографический опыт. В эту категорию попадают и те, «чье взросление пришлось на период после 1990 г. в землях, входивших в состав ГДР, и те, кого в значительной мере затронули процессы объединения и трансформации общества... Идентификация в качестве восточного немца сегодня также определяется социализацией в рамках общественных процессов, порожденных периодом с 1989 г. и первых двух десятилетий преобразований в Восточной Германии после объединения страны»⁵.

При этом важно принимать во внимание и исторические предпосылки, обусловившие различия запада и востока Германии. Например, как замечал историк и дипломат И.Ф. Максимычев, обе части страны отличаются по составу населения⁶. Территория ГДР включала в себя главным образом прусские земли. Там доминировало протестантское население – в противовес католическому западу; помимо этого, с 1945 г. на востоке Германии стал преобладать пролетарский

1 "Das lange Arbeiten an der Einheit (The long work on unity)," Tagesschau, n.d., accessed September 27, 2023, URL: <https://www.tagesschau.de/inland/deutsche-einheit-119.html>.

2 Хорольская 2019, 136.

3 "Zum Stand der Deutschen Einheit Bericht der Bundesregierung 2023 (Federal Government Report 2023 on the status of German unity)," Bundesregierung.de, September 27, 2023, accessed January 28, 2024, URL: www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/2226090/19e8d0dba83e65e13266838329366e15/zum-stand-der-deutschen-einheit-2023-download-bkamt-data.pdf?download=1.

4 "Eine ostdeutsche Identität gab es erst nach der DDR. Interview mit Thomas Krüger (An East German identity only existed after the GDR. Interview with Thomas Krüger)," Berliner Zeitung September, 2019, accessed November 12, 2023, URL: www.bz-berlin.de/berlin/umland/eine-ostdeutsche-identitaet-gab-es-erst-nach-der-ddr.

5 "Kommission "30 Jahre Friedliche Revolution und Deutsche Einheit (Commission "30 Years of Peaceful Revolution and German Unity")," BMI.bund.de, December 08, 2020, accessed November 14, 2023, URL: <https://www.bmi.bund.de/SharedDocs/downloads/DE/veroeffentlichungen/2020/abschlussbericht-kommission-30-jahre.html>.

6 Максимычев 2011, 18–23.

компонент. На западе же локализовались промышленная и землевладельческая элиты, покинувшие советскую зону оккупации.

В свою очередь, западные немцы также имеют претензии к соотечественникам с востока, нередко обвиняя их в ксенофобии и отсутствии зрелой толерантности¹. Экс-глава партии ХДС и кандидат в канцлеры в ходе кампании 2021 г. А. Лашет во время одного из ток-шоу, еще будучи в должности премьер-министра земли Северный Рейн – Вестфалия, эмоционально заявил: «ГДР разрушила людям мозг... И получилось, что целые регионы страны так и не научились уважать других людей. Коммунизм их этому не научил... В течение 40–50 лет там все шло не так»². Следует отметить, что А. Лашет – уроженец Аахена, типичный «весси»³, его рассуждения вполне можно рассматривать как общий срез восприятия западными немцами актуальных процессов на востоке.

Социальная неудовлетворенность восточных немцев проецируется и на текущую повестку дня. Именно в «новых землях» чаще всего голосуют за правую АдГ в противовес этаблированным «старым» партиям. Именно на востоке отмечается повышенное недовольство миграционной политикой германского правительства. Сказывается это и на внешнеполитических ориентирах, причем не только на уровне рядовых граждан, но и среди региональных политиков.

В частности, премьер-министр Саксонии М. Кречмер регулярно заявлял, что санкции в отношении Москвы и отказ от российского газа – нецелесообразны, так как наносят ущерб Германии, и призывал искать дипломатическое решение украинской проблемы. В одном из интервью в декабре 2023 г. он заметил, что для Германии характерна «уходящая корнями в XIX в.» позиция, подразумевающая, что Россию «необходимо ослабить в военном, политическом и экономическом плане, чтобы она перестала представлять... угрозу». Именно эта идея «закладывает основу для дальнейших конфликтов» с Россией, которая остается «соседом Германии». М. Кречмер констатировал необходимость сменить политический курс руководства ФРГ в отношении Москвы⁴.

В свою очередь, премьер-министр земли Мекленбург – Передняя Померания М. Швезиг активно продвигала идею запуска «Северного потока-2» и также ратовала за нормализацию отношений с РФ⁵.

В последнее время в германских СМИ обсуждается вопрос о том, что поставки Украине оружия из ФРГ встречают острое неприятие именно в Восточной Германии. Проживающие там граждане все чаще высказываются в том смысле, что ситуацию следует заморозить, не предоставлять тяжелое вооружение Украине и держаться подальше от конфликта, который не является и не должен становить-

1 Sirleschtov A., "Deutsche Einheit und Fremdenfeindlichkeit (German unity and xenophobia)," Tagesspiegel, September 21, 2016, accessed November 15, 2023, URL: <https://www.tagesspiegel.de/politik/das-schlimmste-ist-die-ignoranz-3759433.html>.

2 "Armin Laschet haelt eine Wutrede gegen Ex-DDR (Armin Laschet gives an angry speech against the former GDR)," Morgenpost, November 10, 2016, accessed November 24, 2023, URL: <https://www.morgenpost.de/kultur/tv/article208389587/Armin-Laschet-haelt-bei-Hart-aber-Fair-Wutrede-gegen-Ex-DDR.html>.

3 «Осси» и «весси» – принятое в ФРГ название западных и восточных немцев, от слова «West» – запад и «Ost» – восток.

4 Премьер Саксонии заявил, что Германии необходимо сменить политический курс в отношении РФ // ТАСС. 27 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19639049> (дата обращения: 27.12.2023).

5 У немецких политиков начали искать связи с Россией // Российская газета. 19 апреля 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/04/19/u-nemeckih-politikov-nachali-iskat-svazi-s-rossiej.html> (дата обращения: 18.11.2023).

ся немецким¹. А программный директор по международным делам Фонда Кербера, эксперт по России С. Пагунг даже сделала вывод, что «Россия является частью восточногерманской идентичности», так как поддержка Москвы якобы становится для восточных немцев проекцией недовольства федеральным правительством и формой защиты собственного коллективного самоопределения². А главный редактор одного из немецких аналитических журналов *“Cicero”* А. Марги в колонке, посвященной 33-й годовщине объединения Германии, заключил, что страна подошла к этой дате расколотой, как никогда ранее, и это требует от немецкого народа большей саморефлексии³.

Действительно, противоречия между востоком и западом страны со временем только нарастают. И чем более радикальной становится «атлантизация» внешней политики ФРГ, тем больше сопротивления это вызывает среди восточных немцев. Именно поэтому в перспективе игнорирование проблем восточногерманской самоидентификации может стать «тонким местом» для федерального правительства.

«Новые немцы» как вызов германскому самосознанию

В 2015 г. ФРГ охватил беспрецедентный миграционный кризис: тогда по решению канцлера А. Меркель в страну был открыт беспрепятственный допуск для беженцев с Ближнего Востока. Эти события поставили Германию перед необходимостью в ускоренном режиме интегрировать в свое общество массу людей чуждой культуры и радикально иной ментальности. В научных, экспертных и политических кругах развернулись острые дискуссии о том, насколько готовы и способны представители других культур и конфессий разделять немецкие критерии национальной самоидентификации. А также о том, можно ли сформулировать универсальный «национальный код», который станет новым ценностным консенсусом.

Для современной Германии миграционный вопрос приобрел свою актуальность после Второй мировой войны. Страна нуждалась в рабочих руках для восстановления экономики. По общим оценкам, в период с 1955 по 1973 г. в ФРГ прибыли более 14 млн работников. Однако тогда власти Западной Германии рассматривали миграцию как временный инструмент, игнорируя социальный и демографический аспект данного явления⁴. Первые попытки осмыслить ценностные и ментальные факторы интеграции переселенцев начали предприниматься в конце 1990-х гг., после того как правительство Г. Шредера приняло решение о присвоении Германии статуса «иммиграционной страны». Основной проблемой в этом смысле стало то, смогут ли «новые немцы», главным образом с мусульманским бэкграундом, не только воспринимать культурные и социаль-

1 “Russland ist Teil der ostdeutschen Identität (Russia is part of East German identity),” Tagesschau, February 26, 2023, accessed October 23, 2023, URL: <https://www.tagesschau.de/inland/gesellschaft/ostdeutschland-ukraine-101.html>.

2 Ibid.

3 Marguier A. “So zerrissen wie nie (More torn than ever),” Cicero, October 03, 2023, accessed October 10, 2023, URL: <https://www.cicero.de/innenpolitik/tag-der-deutschen-einheit-so-zerrissen-wie-nie>.

4 Соколов, Давыдов 2023, 42–43.

ные нормы страны, но и разделять негативные аспекты национальной памяти, а также соотносить себя с германским чувством исторической вины, лежащим в основе актуальной идентичности немцев.

По прошествии 10 последующих лет стало очевидно, что сложности возникли уже на начальных этапах интеграции. В 2010 г. А. Меркель объявила о провале мультикультурной модели, потребовав от мигрантов обязательного знания немецкого, а также соблюдения законодательства. Однако она неоднократно подчеркивала, что «ислам является частью Германии»¹.

В 2015 г. на волне миграционного кризиса Й. Гаук констатировал, что страна должна «порвать с имиджем гомогенной нации, где для всех ее представителей родной язык – немецкий, и они являются преимущественно христианами и светлокожими», и что приходится «дать новое определение нации: теперь это сообщество разных людей, которые, однако, разделяют общие ценности»². Предложенную тогда федеральным президентом концепцию нередко называют «постнациональной идентичностью»³.

В целом идея Й. Гаука была достаточно лояльно воспринята в немецком обществе. Согласно опросу «Постмиграционная Германия», одному из крупнейших исследований в области интеграции и миграции в ФРГ, большинство граждан Германии полагали, что быть немцем – это уже не вопрос происхождения. Главным критерием люди, как правило, считали просто умение говорить на немецком. Вторым наиболее часто упоминаемым условием было наличие немецкого паспорта. При этом исследование показало, что представители титульного этноса все еще имели предубеждения относительно мусульман: 37,8% опрошенных заявили, что немцами не могут быть те, кто носит хиджаб⁴.

По официальным данным за 2022 г., число жителей Германии с «иммиграционной историей» выросло на 6,5% по сравнению с предыдущим годом и составило 20,2 млн человек. Это почти четверть всего населения ФРГ, причем около 12 млн из них имеют немецкий паспорт. Рост количества иммигрантов наблюдается в основном за счет беженцев⁵. Больше всего людей прибывает из Сирии, Афганистана и Ирака, а также из Турции.

Несмотря на объективные сложности их интеграции, в политическом истеблишменте преобладает убеждение, согласно которому универсальные либеральные ценности, которые исповедует Германия, – толерантность, свобода, демократия, права человека – обладают самоочевидной притягательностью и для таких мигрантов тоже. И в этом контексте сосуществование, например, вины за Холокост как основы немецкой поствоенной идентичности и ислама как «части Германии» вполне укладывается в плюралистическое понимание немецкой идентичности. Усиление же антисемитских настроений последних лет воспри-

1 Меркель признала провал мультикультурной модели // Лента.ру. 17 октября 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2010/10/17/merkel/> (дата обращения: 23.11.2023).

2 "Wir können nicht jede Last tragen (We cannot bear every burden)," General Anzeiger, August 28, 2015, accessed October 23, 2023, URL: https://ga.de/region/wir-koennen-nicht-jede-last-tragen_aid-42491871.

3 Ассман 2016, 86–90

4 "Deutsch ist, wer deutsch spricht (German is whoever speaks German)," Wirtschaftswoche, November 30, 2014, accessed October 24, 2023, URL: <https://www.wiwo.de/politik/deutschland/integration-deutsch-ist-wer-deutsch-spricht/11053936.html>.

5 "Pressemitteilung Nr. 158 vom 20. April 2023 (Press release No. 158 from April 20, 2023)," Destatis.de, April 20, 2023, accessed October 16, 2023, URL: https://www.destatis.de/DE/Presse/Pressemitteilungen/2023/04/PD23_158_125.html.

нималось как «болезнь роста». До самого последнего времени считалось, что со временем при определенных усилиях со стороны государства антисемитизм может быть в основном преодолен¹.

Настоящим стресс-тестом для интеграционной политики Германии стало обострение палестино-израильского конфликта в октябре 2023 г. после атаки ХАМАС на Израиль. Улицы германских городов заполнили представители мусульманских, преимущественно арабских, общин, чтобы присущим им образом выразить солидарность с палестинцами Газы. Одним из главных лозунгов протестующих был слоган «Освободите Палестину от германской вины». Под этим подразумевалось, что покаяние за Холокост, выражающееся в абсолютной поддержке Израиля со стороны ФРГ, не должно быть препятствием для объективного анализа и оценки действий Израиля по отношению к Палестинской автономии за последние семь с лишним десятилетий.

Некоторые пропалестинские активисты призвали демонстрантов выходить на улицы каждую ночь и «превратить их в Газу». Немецкая полиция приняла меры к запрету многих демонстраций, указывая на высокий риск «разжигания ненависти» и угрозы общественной безопасности. Все это привело к ожесточенным столкновениям протестующих и правоохранителей².

Несмотря на то что антиизраильские митинги проходили во многих странах мира, именно для ФРГ они оказались наиболее чувствительной проблемой, затронувшей основы ее национального нарратива. Политическое руководство страны заняло однозначную позицию. Канцлер О. Шольц декларировал, что «безопасность Израиля – это государственный интерес Германии»³. Правящая коалиция решила подготовить поправки к закону о натурализации, жестко пресекающие антисемитизм. В ходе обсуждения этой законодательной инициативы даже высказывались соображения об увязывании выдачи немецкого паспорта с официальным признанием от соискателя гражданства ФРГ «неотъемлемого права Израиля на существование». Так, впервые в качестве критерия национальной самоидентификации было предложено рассматривать приверженность идее благополучия иного государства⁴.

Однозначная позиция политического и медийного мейнстрима, выражающаяся в абсолютной солидарности с Израилем, не предполагает широкой публичной дискуссии на этот счет. Однако на альтернативных медиаплощадках журналисты и эксперты стали обсуждать назревшие вопросы. В частности, речь шла о том, не слишком ли высока для Германии социальная цена поддержки Израиля и не являются ли чрезмерными требования о безоговорочной лояльности к текущей политике израильских властей со стороны всех без исключения жите-

1 Möller H. "Drohender Identitätsverlust? Entwicklung und Perspektiven der deutschen Erinnerungskultur (Threatening loss of identity? Development and perspectives of the German culture of remembrance)," Konrad Adenauer Stiftung, August 09, 2018, accessed November 14, 2023. URL: <https://www.kas.de/de/web/die-politische-meinung/artikel/detail/-/content/drohender-identitaetsverlust->.

2 "German leaders voice outrage and thousands rally in Berlin in reaction to rising antisemitism," AP News, October 22, 2023, accessed November 28, 2023, URL: <https://apnews.com/article/germany-scholz-antisemitism-cb8ca3c6c322072acaa010cd16c2a925>.

3 "Israel und Deutschlands Staatsräson: Was bedeutet das? (Israel and Germany's reason of state: What does that mean?)," Deutsche Welle, October 16, 2023, accessed November 23, 2023, URL: <https://www.dw.com/de/hamas-terror-gegen-israel-was-bedeutet-deutschlands-staatsraeson/a-67107688>.

4 "Gesetzentwurf der Ampel: Kein deutscher Pass für antisemitische Migranten (Traffic light bill: No German passport for anti-semitic migrants)," Frankfurter Rundschau, November 27, 2023, accessed November 28, 2023, URL: <https://www.fr.de/politik/staatsbuergerschaftsrecht-hamas-einbuergierung-gesetzesreform-antisemit-thomae-herrmann-doppelpass-92696833.html>.

лей ФРГ, в том числе и имеющих свои форматы национальной памяти. Дебатировался также вопрос о том, не станет ли лишение германского гражданства за нелояльность другому государству мерой, нарушающей демократические принципы ФРГ, и всегда ли под определение антисемитизма подпадает критика действий политического руководства Израиля¹.

Особое внимание к текущим проблемам палестинцев, не совпадающее с официальной позицией германских властей, характерно и для представителей турецкой общины ФРГ. Заметным явлением в этом контексте стало известие о том, что немецкие активисты турецкого происхождения создают в ФРГ промусульманскую партию «Демократический альянс за разнообразие и подъем» (DAVA), которая планирует принять участие в выборах в Европейский парламент летом 2024 г. Это объединение идейно и концептуально близко «Партии справедливости и развития» (ПСР), которую возглавляет турецкий президент Р.Т. Эрдоган, открыто декларирующий свой пропалестинский курс. Один из лидеров новой партии М. Йолдас состоит на учете германского министерства внутренних дел за поддержку движения ХАМАС.

Эксперты пока сдержанно оценивают успех этой политической силы в ближайших электоральных кампаниях, указывая однако, что в долгосрочной перспективе такие объединения получают заметную поддержку среди граждан Германии с миграционным происхождением, что, в свою очередь, может создавать дополнительные вызовы для формирования ценностных нарративов ФРГ².

Описанные проблемы требуют глубокой общественной рефлексии. События осени 2023 г. продемонстрировали, что масштабные этнодемографические изменения, происходящие в Германии, влекут за собой необходимость переосмысления идейного базиса концепции немецкой идентичности. Видный немецкий историк А. Ассманн писала: «...Память о Холокосте никуда не уходит, и ей можно прогнозировать довольно надежные перспективы. В марте 2011 г. премьер-министр федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия Х. Крафт, совершая поездку в Израиль, заявила журналистам: “Я принадлежу к поколению, которое росло после войны и больше не имеет ничего общего с национал-социализмом. Однако у нас остается обязательство поддерживать особые отношения с Израилем. Это будет делать и наше нынешнее молодое поколение, даже если его представителей зовут Серап и Мурат”»³.

Время показало, что эти предположения не оправдались, и сегодня страна нуждается в «перезагрузке» смыслов.

Заключение

Можно констатировать, что Германия переживает один из самых серьезных кризисов идентичности в современной истории. Этот кризис имеет

1 “Opfert Deutschland seine multikulturelle Identität für Israel? (Is Germany sacrificing its multicultural identity for Israel?),” TRT Deutsch, October 21, 2023, accessed November 28, 2023, URL: <https://www.trtdeutsch.com/meinung/opfert-deutschland-seine-multikulturelle-identitaet-fuer-israel-15920546>.

2 Kathrin Braun, “Dava-Partei: So gefährlich ist der AKP-Ableger (‘Dava Party:’ This is how dangerous the AKP offshoot is),” Merkur.de, January 29, 2024, accessed January 30, 2024, URL: <https://www.merkur.de/politik/dava-partei-deutschland-gruendung-erdogan-akp-europa-wahl-kritik-zr-92802954.html>.

3 Ассманн 2016, 45.

несколько линий разлома. Во-первых, полное размывание национального в пользу наднационального зачастую идет вразрез с прагматическими интересами ФРГ и внешнеполитической целесообразностью. Можно сказать, что Германия стала первым и, пожалуй, единственным примером страны с негативным вектором национального самоопределения, ищущей свою идентичность де-факто через ее потерю. Совокупность внутренних и внешних проблем все очевиднее подталкивает Германию к необходимости обращаться к корням и этнокультурным основам самосознания, чтобы определить свое место в международной иерархии.

Во-вторых, десятилетия трансатлантического вектора интеграции восточно-германских земель без учета ценностной и ментальной специфики их населения углубили раскол между востоком и западом страны, в том числе и в выборе внешнеполитических ориентиров.

И, наконец, в-третьих, в условиях массовой миграции из мусульманских стран начала «буксовать» холокостоцентричная концепция самоидентификации через историческое покаяние. Что, в свою очередь, провоцирует серьезные внутренние конфликты на фоне нарастания международной напряженности. Многие немецкие эксперты сходятся во мнении о том, что Германии нужно «изобрести себя как нацию заново»¹.

В последние годы в научной, художественной литературе и в публицистике набирают популярность рассуждения о растущей исламизации западного мира. Известный политолог А. Рар даже сделал смелое предположение о том, что к середине текущего столетия в Европе может появиться Халифат². Представляется, что давать прогнозы на этот счет вряд ли разумно. Но нельзя исключать и того, что в перспективе проблемами национальной идентичности Германии будут заниматься новые элиты, и академические, и политические.

1 Ассман 2022.

2 Рар 2019.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ассман, Алейда. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
- Assman, Aleida. *Novoe nedovolstvo memorialnoj kulturoj*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016 [In Russian].
- Ассман, Алейда. Европейская мечта. Переизобретение нации. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 512 с.
- Assman, Aleida. *Evropejskaya mechta. Pereizobretenie nacji*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022 [In Russian].
- Колесов, Д.И., Шиманская О.К. Культура памяти холокоста в политике денацификации Германии // Современная Европа. 2019. № 4. С. 164–173. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42019164173>.
- Kolesov, Denis, Olga Shimanskaya. "The Holocaust Memory Culture in the Denazification Policy of Germany." *Contemporary Europe*, no. 4, (2019):164-173 [In Russian].
- Кочетков, В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. № 2. 2012. С 144–162
- Kotshetkov, Vladimir V. "National and ethnic identity in the modern world." *Bulletin of Moscow University. Episode 18. Sociology and political science*, no. 2 (2012): 144–162 [In Russian].
- Кренц, Э. Осень 1989 года. М.: Издательство Московского гуманитарного университета. 2009. 440 с.
- Krenc, Egon. *Osen' 1989 goda*. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo humanitarnogo universiteta. 2009 [In Russian].
- Павлов, Н.В., Пименова Е.В. История в политической культуре Германии: генезис и современность // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 29–41. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.04>. EDN: MTDАН5.
- Pavlov, Nikolai V., Evgeniya V. Pimenova. "The history in the political culture of Germany: genesis and modernity." *Polis. Political Studies*, no. 1 (2023): 29–41 [In Russian].
- Рар, А.Г. 2054. Код Путина. М.: Эксмо, 2019. 384 с.
- Rar, A.G. 2054. *Kod Putina*. Moscow: Eksmo, 2019 [In Russian].
- Соколов, А.П., Давыдов А.Д. Проблемы миграционной политики Германии: от сдержанности к открытости // Международная аналитика. 2023. Т. 14. № 3. С. 41–57. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57>.
- Sokolov, Artem P., and Alexander D. Davydov, "The challenges of Germany's migration policy: from restraint to openness." *International analytics*, no. 3 (2023): 41–57 [In Russian].
- Соколов А.П., Давыдов А.Д., Беликов В.В., Сигова А.А. Специфика национальной идентичности в риторике руководства ФРГ (по выступлениям на Мюнхенской конференции по безопасности 2014–2022 гг.) // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 105–121.
- Sokolov, Artem P., Alexander D. Davydov, Vladimir V. Belikov, and Anastasiya A. Sigova, "The specifics of national identity in the rhetoric of the leadership of the Federal Republic of Germany (based on Speeches at the Munich Security Conference 2014–2022)." *Polis. Political Studies*, no. 4 (2023): 105–121 [In Russian].
- Хорольская М.В. Преодоление прошлого и переосмысление истории ГДР в современной Германии // Россия и современный мир 102, no. 1 (2019): 133–147.
- Horolskaya, Mariya V. "Overcoming the past and reinterpreting the history of the GDR in contemporary Germany." *Russia and the modern world*, no. 1 (2019): 133–147 [In Russian].
- Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., Транзиткнига. 2004. 635 с.
- Huntington, Samuel. *Vyzovy amerikanskoj nacionalnoj identichnosti*. Moscow: Tranzitkniga, 2004 [In Russian].
- Яснерс К. Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии. М.: Прогресс, 1999. 146 с.
- Yaspers, Karl. *Vopros o vinovnosti. O politicheskoy otvetstvennosti Germanii*. Moscow: Progress, 1999 [In Russian].
- Becker, Julia, Ulrich Wagner, Oliver Christ. "Nationalismus und Patriotismus als Ursache von Fremdenfeindlichkeit." In *Deutsche Zustände, Folge 5*, Frankfurt am Mein, 2007.
- Becker, Julia, Ulrich Wagner, Oliver Christ. "Nationalism and patriotism as causes of xenophobia." In *German Conditions. Folge 5*. Frankfurt am Mein, 2007 [In German].
- Habermas, Juergen. *The Postnational Constellation. Political Essays*. Cambrige: The MIT Press, 2001.
- Hellmann, Gunther, Wolfgang Wagner, Rainer Baumann. *Deutsche Außenpolitik. Grundwissen Politik*. Wiesbaden: Springer VS, 2014. https://doi.org/10.1007/978-3-658-05022-1_11.
- Hellmann, Gunther, Wolfgang Wagner, Rainer Baumann. *German foreign policy. Basic knowledge of politics*. Wiesbaden: Springer VS, 2014. https://doi.org/10.1007/978-3-658-05022-1_11 [In German].
- Mader, Matthias, Harald Schoen. "Stability of National-Identity Content: Level, Predictors, and Implications". In *Political Psychology* 44, no. 4, 2023: 871–891.
- Melucci, Alberto. *Nomads of the Present: Social Movements and Individual Needs in Contemporary Society*. Philadelphia: Temple University press, 1989.
- Muenckler, Herfried. *Die Deutschen und ihre Mythen*. Berlin: Rohwolt, 2011.
- Muenckler, Herfried. *The Germans and their myths*. Berlin: Rohwolt, 2011 [In German].
- Nietzsche, Friedrich. *Jenseits von Gut und Böse: Vorspiel einer Philosophie der Zukunft. Deutschland*. Oberursel: Gröls Verlag, 2022.
- Nietzsche, Friedrich. *Beyond Good and Evil: Prelude to a Philosophy of the Future. Germany*. Oberursel: Gröls Verlag, 2022 [In German].
- Wehler, Hans-Ulrich. *Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918*. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973.
- Wehler, Hans-Ulrich. *The German Empire 1871–1918*. Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1973

Сведения об авторе

Евгения Владимировна Пименова,
к.ист.н., историк-германист, журналист
Москва, Россия
e-mail: pimminito14@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 12 января 2024.
Переработана: 8 февраля 2024.
Принята к публикации: 12 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Пименова, Е.В. Проблемы национальной идентичности современной Германии
в международном измерении // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (1). С. 173–190.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-173-190>

The Problems of National Identity in Contemporary Germany in an International Context

ABSTRACT

The article analyzes the influence of the current international situation on the concept of German identity. The main elements that form the basis of contemporary German self-consciousness are identified. The author explores the relationship between the regional, national, and supranational components of German self-identification, examining the persistent mental “divide” between the new (former GDR) and the old lands (West Germany). Special attention is paid to the challenges posed for the Federal Republic of Germany in terms of historical discourse and memorial practices by the influx of migrants from the Middle East and North Africa. The role of the 2023 Palestine-Israel escalation in the transformation of the national narrative is separately examined. The article also evaluated the conflict around Ukraine as a factor in strengthening the European dimension of German identity. Among the key methods used by the author are content analysis of speeches by German officials, analysis of legislation and media. In addition, logical, chronological, and comparative-historical methods were applied. All this in aggregate led to the following conclusions.

The Federal Republic of Germany is undergoing a systemic and multidimensional identity crisis. The main challenge is finding a balance between historical responsibility, transatlantic commitments, and national interests. The goal of the German establishment is to formulate a new national idea, which includes defining the role and place of Germany in the world, forming a value consensus regarding migrants, and overcoming the alienation between the east and west of the country. However, in the post-1990 world order, such a large-scale task remains rather impossible for the current elites.

KEYWORDS

historical guilt, national consensus, historical memory, Holocaust, GDR, refugees, migration policy

Author

Evgeniya V. Pimenova,

PhD (Hist.), historian specializing in German studies, journalist

Moscow, Russia

e-mail: pimminito14@gmail.com

Additional information

Received: January 12, 2024. Revised: February 8, 2024. Accepted: February 12, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Pimenova, Evgeniya V. “The Problems of National Identity in Contemporary Germany in an International Context.” *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 173–190.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-173-190>

Внешняя политика Индии как отражение изменений в индийской правящей элите

Величкин Сергей Васильевич, Дипломатическая академия МИД России,
Москва, Россия

Контактный адрес: velichkins@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению изменений, привнесенных в формулирование и осуществление целей и задач внешней политики Индии в результате существенного обновления ее политической элиты, запущенного начавшимися в 1990-е гг. экономическими реформами. Констатируется, что правящая индийская элита в современных условиях в целом тождественна политической, образ мыслей которой, пусть изрядно помолодевшей и более образованной, определяется ее самоидентификацией в понятиях традиционных ценностей, носящих религиозный и, для огромного индусского большинства, кастовый характер. При этом состав индийской элиты в годы реформ расширился, прежде всего за счет каст среднего и даже низкого положения в традиционной иерархии. Усиление страны многие склонны ассоциировать с возвращением к «правильной» культурно-цивилизационной основе, которая в века, предшествовавшие чужеземным завоеваниям, обеспечивала Индии естественное, в их глазах, первенство в мире. Главное изменение – появление у элиты ощущения уверенности в себе, на которое и опирается так называемый новый национализм «человека из народа» нынешнего премьер-министра Н. Моды. Опираясь на его заявления, выступления министра иностранных дел С. Джайшанкара и статьи индийских и российских исследователей, автор показывает привнесенные им новшества в продвижении главных национальных интересов Индии в меняющемся мире. Рассматриваются создание ею собственной сферы влияния в рамках новой Индо-Тихоокеанской стратегии; сочетание сотрудничества и соперничества в отношениях с Китаем; причины динамичного расширения взаимодействия с США и присутствующие в нем «красные линии»; мотивы развития особо привилегированного стратегического партнерства с Россией и использования многосторонних форматов; возвращение в индийскую повестку задач обретения статуса главного голоса «глобального Юга». Делается вывод, что строящиеся на приоритетности цели утверждения в статусе великой державы и глобального актора в мировой политике подходы к императивности построения многополярного миропорядка, «где Индия была бы сильным полюсом», создают исторические возможности для наращивания российско-индийского взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Индия, политическая элита, Китай, многополярность, сотрудничество с США, G-20, Индо-Тихоокеанская стратегия

Понимание перспективы и динамики становления многополярного миропорядка требует знания направления и факторов эволюции внешнеполитического курса Индии. Их исследованию посвящены многочисленные работы российских ученых последнего времени. Это, прежде всего, монографии и статьи С.И. Лунева¹, Т.Л. Шаумян² и А.В. Куприянова³, работы А.Г. Володина, Б.М. Волхонского, Э.П. Шавлай, а также исследования А.И. Захарова и А.А. Киреевой⁴. В их публикациях анализируются как основные национальные интересы и ключевые направления внешней политики азиатского гиганта, так и принципиальные экзогенные и эндогенные факторы, влияющие на его стратегию. При этом констатируется значительная преемственность внешнеполитических подходов Нью-Дели в начале текущего столетия в целом успешному курсу, сформировавшемуся в первые десятилетия независимости. Отмечается достаточное единство взглядов ведущих политических партий на главные внешнеполитические макропроблемы.

Вместе с тем значительное внимание уделяется существенным изменениям, которые претерпели приоритеты и стиль осуществления индийской дипломатии. Некоторые отечественные исследователи склонны говорить о «переломе» во внешней политике Индии на рубеже столетий⁵.

Представляется, что эти оценки созвучны и основному течению академических публикаций в самой Индии, в целом позитивно оценивающих шаги, принятые ею, чтобы в 1990-гг. интегрироваться в постбиполярный миропорядок и на данном этапе претендовать на роль одного из столпов складывающейся многополярности⁶. При этом, например, перешедший в академическую науку после отставки с поста секретаря по иностранным делам МИД М. Дубей в сопоставимых выражениях говорит о заключении во второй половине 2000-х гг. сделки о сотрудничестве в области атомной энергетики между Индией и США. По его оценке, это открыло не только новый этап в отношениях двух стран, но и новые возможности для продвижения Индии к статусу великой державы, которые блокировала до тех пор американская политика «сдерживания» Нью-Дели⁷.

Практически для всех индийских авторов характерно подчеркивание значения резкого роста на рубеже веков экономической и военной мощи соседнего Китая, превращения его в глобальную державу. Обычно осознание этого датируется одновременно со всемирным экономическим кризисом 2008 г. Именно это, по их мнению, поставило перед разработчиками стратегии индийской внешней политики новые «амбициозные» задачи⁸.

Не подлежит сомнению, что в основе роста международного авторитета и возможностей постановки в реальной перспективе задач повышения статуса Индии в мировых делах лежит рост экономической и военной мощи этой самой

1 Лунев 2010; 2019; Lunev, Shavlay 2021.

2 Шаумян 2021; 2022.

3 Куприянов 2023; Куприянов, Макаревич 2021; Alexey Kupriyanov, "India Between Russia, the USA and China," Valdai Discussion Club, February 14, 2022, accessed January 7, 2024, <https://valdaiclub.com/a/highlights/india-between-russia-the-usa-and-china/>; Alexey Kupriyanov, "India's Foreign Policy Dilemmas: Protecting National Interests," Valdai Discussion Club, November 2, 2022, accessed January 7, 2024, <https://valdaiclub.com/a/highlights/india-s-foreign-policy-dilemmas/>; Kupriyanov 2023.

4 Володин 2022; Волхонский 2016; Shavlay 2021; Захаров 2020; Киреева 2020.

5 Леонова 2017.

6 Karnad 2018; Panda 2023; Tharoor 2007; Sitapati 2016.

7 Dubey 2016.

8 Panda 2023.

многонаселенной страны планеты. Его обоснованно связывают с взвешенным поэтапным проведением комплекса далеко идущих рыночных реформ («либерализации экономики»), начатых в 1990-е гг. дальновидной командой стоявшего у власти Индийского национального конгресса (ИНК) под руководством премьера П.В. Нарасимхи Рао и его министра финансов М. Сингха.

Однако такие крупные изменения на ключевых направлениях внешней политики, как обретение страной статуса ядерной державы и начало диалога с США о строительстве партнерских отношений, связаны с прорывом к власти во второй половине того же десятилетия коммуналистского антипода секулярного ИНК в лице Бхаратия Джаната Парти (БДП). По прошествии четверти века вряд ли можно отрицать, что именно БДП сумела наилучшим образом адаптироваться к социальным процессам, ускоренным реформами, в том числе продолженными правительством ИНК в премьерство М. Сингха (2004–2014). Это и привело БДП к власти в 2014 г., и оставляет ее правящей партией по сей день во главе коалиции пользующихся влиянием в тех или иных штатах местных партий.

Для индийской аналитики последнего десятилетия особенно характерно единодушие в признании успеха внешней политики, которая ассоциируется с новаторской личной дипломатией премьер-министра Н. Моды. Так, известный обозреватель Ч. Раджа Мохан считает, что Н. Моди ставит дипломатию на службу интересам экономического развития, избавляя ее от усвоенной в прежние годы «оборонительной манеры держаться в мировых делах», при этом разрабатывая «новый словарь для подачи внешней политики страны»¹.

Представляется, что как успех БДП, так и востребованность практикуемого ее лидером стиля дипломатии определяются в первую очередь мировосприятием современной правящей элиты Индии. Это в немалой степени связано с изменениями ее состава. Автор считает, что преследуемая цель анализа данных взаимосвязей на переживаемом этапе трансформации индийской внешней политики составляет научную новизну статьи и делает ее актуальной в контексте исследований, упомянутых выше. Автор ставит задачи рассмотреть наиболее существенные социально-политические изменения, определить их влияние на перемены в субстанции и стиле проведения внешнеполитического курса и попытаться оценить его общее направление в сегодняшнем бурно меняющемся мире. Соответственно, структурно статья строится из разделов, в которых последовательно рассматриваются названные темы.

Автор разделяет убедительно обоснованное в отечественной науке мнение о непригодности в качестве методологической базы для исследования современной индийской политики теорий политического реализма или институционального либерализма². Более того, проработав большую часть своей жизни в системе советской / российской дипломатической службы, он остается убежденным приверженцем «реальной политики». Она оперирует категориями логического истолкования поддающихся проверке накопленных надежных экспертных

1 C. Raja Mohan, "Move over SCO and BRICS – Swing States are Set to Take Precedence." Indian Express, July 5, 2023, accessed January 7, 2024, <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/move-sco-brics-swing-states-precedence-8743827/>.

2 Куприянов, Макаревич 2021, 76.

источников и эмпирическим наблюдением фактологических баз. При этом в их обобщении, на взгляд автора, оправдывают себя отдельные положения критической теории и некоторых направлений конструктивизма. Например, положенная в основу критической геополитики Дж. О'Тоалом и Дж. Эгнью в 1992 г. идея, согласно которой все модели глобальной политики находятся под влиянием или даже непосредственно основаны на географических представлениях¹, многое объясняет в геополитических представлениях современных индийских элит.

Эволюция элит

Данный раздел построен главным образом на основе опубликованных исследований российских ученых. К ним наряду с трудами признанных авторитетов Л.Б. Алаева, Б.И. Ключева и Е.С. Юрловой², составляющих своего рода классику отечественной индологии по данному кругу проблем, следовало бы отнести также работы С.И. Лунева, В.П. Кашина, А.В. Куприянова, А.Л. Сафроновой, Е.Н. Успенской и Е.В. Кругловой³. Всесторонне описаны и проанализированы процессы социальной трансформации в современной Индии в широко известных в научных кругах книгах С. Бару «Властная элита Индии: класс, каста и культурная революция»⁴ и Ш. Тхарура «Слон, тигр и мобильник»⁵. Представляются обоснованными во многом совпадающие заключения в части анализа процессов в индийских элитах Х. Дамодарана, Р. Кидваи, Дж. Джозефа и А. Мукерджи⁶. Со своей стороны, автор дополнил их выводы несколькими наблюдениями прикладного порядка и исходит из сложившегося в современной отечественной науке⁷ понимания правящей элиты как ступени социальной стратификации, осуществляющей практическую власть в государстве. Исторически в Индии она формировалась, прежде всего, из традиционной аристократии, принадлежавшей к высоким кшатрийским кастам. В колониальный период элита вобрала в себя верхушку иерархически выстроенного англичанами мощного бюрократического чиновничьего аппарата. В первой половине XX в. сформировалась оппозиционная контрэлита, сосредоточенная в рядах возглавившей основное течение национально-освободительного движения партии Индийский национальный конгресс. Было достаточно очевидным преобладание в ней, особенно среди руководства, членов высоких брахманских каст. Однако по необходимости, в силу масштабов движения в огромной стране, на роли исполнителей решений привлекался многочисленный актив из числа образованных выходцев из средних каст.

Как отмечается в новаторском исследовании А.В. Куприянова «Стратегическое партнерство России и Индии с точки зрения национальных элит», с особенностями процессов формирования индийских элит во времена британского владычества связан характерный для вступления страны в период независимо-

1 Окунев 2012.

2 Алаев 2021; Ключев 2002; Юрлова 2017.

3 Лунев 2015; Кашин 2020; Куприянов, Макаревич 2021; Kupriyanov 2023; Сафронова 2022; Успенская 2010; Круглова 2008.

4 Baru 2021.

5 Tharoor 2007.

6 Damodaran 2008; Kidwai 2011; Joseph 2021; Mukherjee 2020.

7 Амуров 2020, 19–28.

сти «так называемый политический консенсус – молчаливое согласие элит по ключевым проблемам внешней и внутренней политики»¹.

Определяющим направлением политического развития Индии в первые десятилетия независимости было развитие демократических институтов, включая систему разделения властей, на основе светской конституции. Она закрепила равноправие, отмену (на деле – послабление) кастовой системы и введение льгот для наиболее социально приниженных слоев населения («неприкасаемых» и так называемых аборигенов). Согласно ей, формирование власти в центре, штатах федерации и на местном уровне происходило на основе всеобщих выборов, а в целом политическая система представляла собой парламентаризм в условиях многопартийности². Выдвижение в принимающую решения партийно-парламентскую элиту через выборы в условиях гигантского фактического преобладания в жизни страны традиционных (религиозно-кастовых) институтов во многом определяло ее суть. Параллельно набирала силу эволюция сложившейся до независимости деловой, военной и бюрократической элиты, чье положение в системе принятия решений было недвусмысленно ниже.

Правящая элита Индии и сегодня в целом тождественна политической элите страны. При этом она все более опирается на растущий средний класс и со всей определенностью включает высшее чиновничество и «коммуникативную» элиту в лице верхних слоев академических и журналистских кругов. Следует упомянуть и об особой, во многом уникальной, роли в Индии культурной, особенно кинематографической, элиты. Хотя, разумеется, правомерно говорить и о предпринимательской, и о военной элитах, которые имеют свой весомый голос в решении ее судеб³. При всем его своеобразии управление Индией – федерацией штатов, развитой парламентской демократией с многопартийной системой, оперирующей разветвленным многоопытным аппаратом профессиональных госслужб в условиях конституционного правопорядка – прерогатива связанных волей электората иерархически выстроенных партийных структур. Прочие же типы элит проявляют себя, преимущественно (военные и кинозвезды, как правило, после отставки) делегируя своих представителей в политические партии.

К началу 2020-х гг. облик и взгляды правящей элиты существенно изменились под воздействием начавшихся в 1990-е и ускорившихся в последнее десятилетие «либерально-рыночных реформ». Их суть – отмена жесткого экономического регулирования и привлечение частных иностранных инвестиций в новые отрасли, которые могли бы обеспечить быстрый рост ВВП⁴. Реформы формируют запрос на людей образованных, открытых инновациям, цифровым и иным передовым технологиям и прочим реалиям современного мира. Субъективно это воспринимается как процесс «вестернизации элит», но на практике – вовсе ему не тождественно.

Данная статья не ставит цель детального исследования процессов формирования новой элиты, как это делает С. Бару в его становящемся классическим

1 Kipriyanov 2023, 36.

2 Индия сегодня 2005, 126–128.

3 Kipriyanov 2023, 37–39.

4 Кузык, Шаумян 2009, 531–541.

труде «Властная элита Индии: класс, каста и культурная революция»¹. В частности, не затрагивается важнейшая проблема переориентации значительной части региональных элит с ИНК на БДП и местные партии, доминирующие в отдельных штатах страны (Дравида Муннетра Кажагам, Телугу Десам, Тринамул Конгресс, Ам Адми Парти и др.). На внешнюю политику этот в полной мере судьбоносный процесс серьезного влияния не оказал.

Важное заключение делает С. Бару со ссылкой на идеи авторитетного американского политолога М. Калецки. Действительным обладателем власти в Индии является не верхушка индийского общества, состоящая из помещиков и представителей крупного бизнеса, а задающий вектор поведению электората так называемый промежуточный класс. Его составляют «богатое крестьянство», «мелкое предпринимательство» и «профессионалы среднего класса»². Не будучи элитой в привычном понимании, этот класс заставляет ее считаться со своими настроениями. Ведь его сила – в способности преградить любой группе доступ к власти в условиях закрепившейся в стране системы выборов и парламентского правления.

В известной степени это противоречит классической теории элит, однако соответствует сложившимся реалиям. Их суть – в уникальной адаптации практикуемой вестминстерской системы парламентского представительства к сложному этническому и кастовому многообразию индийского общества.

В целом индийское общество остается горизонтально и вертикально фрагментированным – в нем, как уже отметили российские исследователи, «одновременно присутствуют как традиционные, так и современные слои, а также ячейки кастового, религиозного и этнолингвистического характера»³. При этом образ мыслей современной индийской политической элиты, пусть изрядно помолодевшей и более образованной, даже более чем ранее определяется ее самоидентификацией в понятиях традиционных ценностей: ценностей, носящих религиозный и, для огромного индусского большинства, кастовый характер.

Прежнее поколение индийской элиты отличали образование, полученное в аристократических британских колледжах, и манеры в стиле придворных могольских императоров. БДП подвергла их резкой критике, нашедшей живой отклик у избирателей. Символичным стало поражение яркого представителя этой плеяды, блестящего дипломата и англоязычного писателя Ш. Тхарура, в борьбе с выходцем из прежде «неприкасаемых» М. Кхарге на выборах президента уже оппозиционного ИНК в октябре 2022 г.

Как отмечалось российскими исследователями, состав индийской элиты в годы реформ расширился, в том числе в городе, прежде всего за счет каст среднего и даже низкого положения в традиционной иерархии⁴. Социальный прогресс, в целом усиление страны многие ее представители склонны ассоциировать отнюдь не с той или иной западной моделью, а с возвращением к «правильной» культурно-цивилизационной основе. Ведь именно она, по их мнению,

1 Baru 2021.

2 Keshari 2021.

3 Круглова 2008, 13.

4 Ibid., 8.

в века, предшествовавшие чужеземным завоеваниям, обеспечивала Индии естественное для нее, в глазах сторонников этих взглядов, первенство в мире. Их привлекает идея, что успех обеспечивает именно возобновление следования «альтернативной»¹, исконно отечественной модели модернизации.

Над утверждением этого взгляда усердно поработала индийская академическая наука последних лет. Вошедшие в число распространенных для среднего индийца уже в первые десятилетия независимости страны представления о периоде колониального владычества как «времени беспросветной тьмы», обогащенные новыми фактами и сюжетами, были ею существенно дополнены. Прежде всего, детальным обоснованием тезиса о том, что Индия веками шла по своему пути эволюции, который был прерван из-за появления европейских колонизаторов. На базе исследований, показывавших, как завоевания европейцев разрушили заодно и доколониальный мир региона Индийского океана, в котором роль активных акторов играли политики Индостана, экспертами была разработана концепция Индо-Тихоокеанского региона с заявкой, по мнению А.В. Куприянова, на гегемонию в этом регионе².

Символическим для победы данного тренда в современном индийском внутриэлитном дискурсе является употребление впервые конституционного альтернативного названия страны Бхарат (в честь мифического царя Бхараты, от которого, согласно эпосу «Махабхарата», и пошел индийский народ) в официальных приглашениях от имени президента страны Д. Мурму на саммит G-20 в октябре 2023 г.³

Выразительным маркером той же тенденции является замена в 2022 г. креста Святого Георгия на военно-морском флаге печатью маратхского героя сопротивления британцам в XVII в. адмирала Шиваджи. Аналогичным образом в армии объявлено о готовящемся лишении ряда полков наград и знаков отличия, полученных по итогам кампаний колониальных времен против индийских княжеств⁴.

Гордая самодостаточность и взвешенный практицизм

Общепризнанным в Индии наших дней считается, что с повышением эффективности и количественным ростом национальной экономики азиатский гигант обретает основу мощи, необходимой для проведения внешней политики, которая обеспечит стране заслуженное ею место среди великих держав⁵. Автор настоящей статьи убежден, что главным фактором перехода к активной наступательной политике стало констатируемое многими наблюдателями появление у элиты ощущения уверенности в себе⁶. На него и опирается так называемый новый национализм «человека из народа» Н. Моди.

1 Сафронова 2018.

2 Куприянов 2023, 42.

3 "President of Bharat' on G20 Dinner Invite Reignites Row, Congress Hits out," India Today, September 5, 2023, accessed January 7, 2024, <https://www.indiatoday.in/india/story/under-assault-jairam-ramesh-sees-red-over-president-of-bharat-on-g20-invite-2431111-2023-09-05>.

4 Куприянов 2023, 44.

5 Sunil Sharan, "A More Vigorous Foreign Policy," The Times of India, November 15, 2023, accessed January 7, 2024, <https://timesofindia.indiatimes.com/blogs/strategic-insights/a-more-vigorous-indian-foreign-policy/>.

6 Harsh V. Pant, "How Economic Reforms Influenced India's Foreign Policy Conversations," Observer Research Foundation, July 24, 2021, accessed January 7, 2024, <https://www.orfonline.org/expert-speak/how-economic-reforms-influenced-india-foreign-policy-conversations>.

Элита безоговорочно гордится своей великой страной, убеждена в ее полном праве на роль великой державы («наряду с США и Китаем») со всеми ее атрибутами. Новое здесь, пожалуй, то, что к статусу постоянного члена Совета Безопасности ООН¹ по воле А.Б. Ваджпаи открыто добавилось ядерное оружие, а о том, что Индии не пристало быть чьим-либо младшим партнером, говорится без стеснения. Равным образом сегодняшняя элита Индии (ее «вестернизированное» меньшинство и, тем более, диаспора на Западе, на взгляд автора настоящей статьи, не согласного с высказывавшимися на сей счет не так давно некоторыми отечественными коллегами мнениями², и в этом определяющей роли не играет) не видит свое отечество «частью Запада»³ или «союза демократий».

Как пишет видный отставной дипломат Н. Мальхотра, имеющиеся ресурсы, включая интеллектуальный потенциал и безупречную нравственную цивилизационную традицию, позволяют не отступать от национальных интересов. Автор отмечает, что для многих в Индии вопрос теперь только в надлежащем управлении и целеполагании⁴. Традиционная «стратегическая автономия» уже понимается как полная самостоятельность внешней политики, а ее главной, единственно достойной страны целью видится превращение Индии в одного из глобальных мировых игроков.

Согласно преобладающим в современной индийской элите оценкам, «идеализм» политики Дж. Неру показал себя неэффективным, а в реалиях современности просто неуместным⁵. Прагматизм теперь понимается как расставление приоритетов сугубо сообразно национальным интересам⁶. Между тем, в мировых делах, к неудовольствию ставшей «более почвенной» элиты, определенно доминирует западная повестка. Министр иностранных дел С. Джайшанкар регулярно публично говорит, что мировому большинству навязываются неактуальные проблемы, преимущественно Европы. (В СМИ, симпатизирующих Западу, лукаво относят к таковым украинскую, где речь идет в сущности о переделах территорий и уточнении границ, к которым «не-Запад» не имеет отношения.) Убедительно для новой элиты поясняется, что происходит это в ущерб решению жизненно важных задач – борьбе с терроризмом, урегулированию финансовой, продовольственной и энергетической проблем, реформированию институтов глобального управления⁷.

Индийская правящая элита опасается непрерывного усиления Китая. Теперь более всего тревожатся не только по поводу того, что он поддержит

1 Achal Malhotra, "India's Foreign Policy: 2014-19: Landmarks, Achievements and Challenges Ahead," Ministry of External Affairs, Government of India, July 22, 2019, accessed January 7, 2024, URL: <https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?833/>.

2 Лунев 2010, 13.

3 "India does not Always Align with West, Deal with it: EAM Jaishankar on Delhi's Stance on Ukraine War," Livemint, 26 November, 2022, accessed January 7, 2024, <https://www.livemint.com/news/india/india-does-not-always-align-with-west-deal-with-it-eam-jaishankar-on-delhi-s-stance-on-ukrainewar-11669479479028.html>.

4 Achal Malhotra, "India's Foreign Policy: 2014-19: Landmarks, Achievements and Challenges Ahead," Ministry of External Affairs, Government of India, July 22, 2019, accessed January 7, 2024, <https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?833/>.

5 Vaibhav Tiwari, "Difficult to Understand: S Jaishankar Calls out Nehru's 'Romanticism' on China," The Hindustan Times, January 2, 2024, accessed January 7, 2024, <https://www.hindustantimes.com/india-news/in-s-jaishankars-china-view-nehrus-romanticism-vs-modi-patels-realism-101704177524054.html>.

6 Shashank Mattoo, "S Changes Jaishankar Wants in India's Foreign Policy," The Hindustan Times, February 9, 2023, accessed January 7, 2024, <https://www.hindustantimes.com/videos/news/s-changes-jaishankar-wants-in-india-s-foreign-policy-101675790401872.ht>.

7 Divya Dwivedi, "India has a Major Role in Shaping a New World Order," Mint, September 20, 2023, accessed January 7, 2024, <https://www.livemint.com/opinion/online-views/india-has-a-major-role-in-shaping-a-new-world-order-11694446473084.html>.

наксалитов или повстанцев из племен Северо-Востока. КНР сегодня вытесняет Индию из зон ее традиционного влияния и приоритетных интересов и имеет превосходство в военной мощи, в том числе в прямой конфронтации на линии фактического контроля в Гималаях¹. А главное – по впечатлению идеологов новой элиты, Китай претендует на место второй сверхдержавы в «новой bipolarности», хотя бы и в промежуточной фазе формирования многополярного миропорядка². По мнению автора, те, кто правит сегодняшней Индией, хотели бы использовать возможности сотрудничества с богатым, развитым и влиятельным соседом, но на условиях уважения себя как равного. Автор согласен с коллегами, отмечающими, что эти люди в Нью-Дели сосредоточены на том, чтобы ограничить преимущества явного соперника, не вступая с ним в прямую и опасную конфронтацию³.

Новой индийской элите в силу ее социального опыта близки взятые на вооружение сегодняшней делийской дипломатией в отношениях с северным соседом приемы. Это сочетание грозной ультимативной риторики с использованием переговорных механизмов. Последнее включает личную дипломатию на высшем уровне (Нарендра Моди и Си Цзиньпин встречались более 20 раз), вступление в любые «сетевые коалиции», ставящие целью «сдерживание Китая». При этом скрупулезно соблюдаются «красные линии», исключающие втягивание в чужую, особенно прямую, конфронтацию с Пекином. Это подтверждают информированные источники, близкие к МИД Индии⁴.

Сегодняшняя элита более резко, чем раньше, исключает чье-либо влияние на свои внутренние дела. Отвергаются, в частности, предложения защиты прав отечественных религиозных и национальных меньшинств, осуждения подавления в Индии наксалитских и сепаратистско-автономистских (в Кашмире и на Северо-Востоке) выступлений. Не проходят также «разоблачения» по ходу «посторонних» антикоррупционных кампаний. Это, кстати говоря, снижает политическое влияние в Индии индийских диаспор на Западе, где немало скептицизма в отношении Н. Моди (хотя данный настрой и не столь силен, как в начале его правления). В Индии местная элита, по наблюдениям автора, в сертификатах Запада о демократичности не нуждается – как формулирует упомянутый выше А. Мальхотра, «исповедует демократию и поддерживает ее, но не экспорт идеологии»⁵.

Выступая на «саммитах демократий» в 2021 и 2023 гг., Н. Моди привел конкретные примеры древнего происхождения демократического «духа» Индии – от принципа выборности лидера в «Махабхарате» до идеи консультативных органов с широким представительством в Ведах и княжеств с ненаследственной формой правления в древней Индии. Этот дух, как подчеркнул премьер-министр Индии, являлся «неотъемлемой частью традиций индийской цивилизации» задолго

1 Menon 2020.

2 Panda 2023, 19.

3 Alexey Kupriyanov, "India Between Russia, the USA and China," Valdai Discussion Club, February 14, 2022, accessed January 7, 2024, <https://valdaiclub.com/a/highlights/india-between-russia-the-usa-and-china/>.

4 Shyam Saran, "India's Foreign Policy in an Uncertain World," Center for Policy Research, June 3, 2019, accessed January 7, 2024, <https://cprindia.org/indias-foreign-policy-in-an-uncertain-world/>.

5 Achal Malhotra, "India's Foreign Policy: 2014-19: Landmarks, Achievements and Challenges Ahead," Ministry of External Affairs, Government of India, July 22, 2019, accessed January 7, 2024, <https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?833/>.

до развития выборных политических органов в других регионах, и его не смогли сломить «столетия колониального правления»¹.

Среди наиболее успешных лозунгов жесткого прагматика и авторитетного менеджера Н. Моды на посту премьера – «Делай в Индии» и «Атманирбхар Бхарат» («Самодостаточная Индия»). Они хорошо вписались в обостренное общественное понимание демографических императивов курса на постоянное расширение занятости. При этом равным образом в элите присутствует и понимание необходимости внешних партнеров, инвесторов, источников финансовой помощи и поступления передовых технологий для успеха программ роста национальной экономики. Это «Умельцы Индии», «Умные города», «Цифровая Индия», «Чистая Индия», программа развития инфраструктуры². Растущее внимание современной индийской дипломатии к экономическим аспектам подразумевает мощную поддержку в стране мер по ограничению внешних конкурентов на индийском рынке (несмотря на проблемы с крупнейшими поставщиками импорта – КНР и США).

То обстоятельство, что новая элита предпочитает опираться на решение внутриполитических проблем, популярных в широких слоях, автор статьи считает отличительной чертой внешнеполитического курса Н. Моды. Это особенно характерно для «застарелых» проблем, имеющих тенденцию к обострению (даже если выбранные решения заведомо вызвали неблагоприятную реакцию за рубежом). Ярким примером является преобразование штата Джамму и Кашмир в союзную территорию в августе 2019 г. БДП решилась на этот шаг, реализующий многолетнее программное положение ее доктрины, только после убедительной победы на всеобщих выборах, упрочившей ее позиции на второй срок пребывания у власти. Расчет на то, что возросшая мощь страны уже позволит справиться с внешней негативной реакцией, оправдался. При том, что предсказуемо такая реакция последовала со стороны не только Пакистана, но и в весьма резкой форме – его союзников в исламском мире, а также Китая³.

К этой же категории относится серия шагов по борьбе с массовой миграцией из Бангладеш в Ассам и другие соседние штаты. Это определенно усилило поддержку, особенно в названных районах, БДП, хотя и вызвало довольно болезненную реакцию в Дакке⁴.

Присущая индийской элите идея преобладания на своем субконтиненте получила воплощение в формуле *neighbourhood first* («приоритет соседям») и подкрепляется ссылкой на теорию мандалы, описанную родоначальником ин-

1 "National Statement by Prime Minister Narendra Modi at the Summit for Democracy," Narendra Modi site, December 10, 2021, accessed January 7, 2024, <https://www.narendramodi.in/national-statement-by-prime-minister-narendra-modi-at-the-summit-for-democracy-558844>; "Remarks by Prime Minister Shri Narendra Modi at the Leader-level Plenary of the Second Summit for Democracy," Narendra Modi site, March 29, 2023, accessed January 7, 2024, <https://www.narendramodi.in/pime-minister-narendra-modi-s-remarks-at-summit-for-democracy-568869>.

2 Achal Malhotra, "India's Foreign Policy: 2014-19: Landmarks, Achievements and Challenges Ahead," Ministry of External Affairs, Government of India, July 22, 2019, accessed January 7, 2024, <https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?833/>.

3 "Much to Pakistan's Dismay and India's Delight, Saudi Arabia Maintains Neutrality over Kashmir Issue," The Economic Times, February 28, 2021, accessed January 7, 2024, https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/much-to-pakistan-s-dismay-and-india-s-delight-saudi-arabia-maintains-neutrality-over-kashmir-issue/articleshow/81256040.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst.

4 Nabaarun Barooah, "In Assam, Hindutva has Helped BJP Build an Impossible Consensus," The Wire, April 3, 2023, accessed January 7, 2024, <https://thewire.in/politics/in-assam-hindutva-has-helped-bjp-build-an-impossible-consensus>; "Indian Foreign Policy in 2021," Drishti, January 12, 2021, accessed January 7, 2024, <https://www.drishtias.com/daily-updates/daily-news-editorials/indian-foreign-policy-in-21>.

дийской дипломатии Каутильей в трактате «Артхашастра» (IV–V вв. до н.э.), где Мандала представляет собой концентрические круги влияния с центром в царстве. Непрерывная борьба таких центров – суть международных отношений, предмет основных забот правителя.

В книге министра иностранных дел С. Джайшанкара «Путь Индии» интересы страны представлены тремя концентрическими кругами, поясняющими идею новомодной Индо-Тихоокеанской стратегии. Внутренний круг и есть страны субконтинента, лидерство Нью-Дели в котором (неважно, что суть лидерства уподоблена роли гуру – ведь слову наставника ученики должны следовать беспрекословно) должно признаваться всеми. Второй круг сегодня – государства Индийского океана и Афганистан, где интересы Индии должны «учитываться». А в Тихом океане Индия рассчитывает на «открытость и свободу», то есть отсутствие доминирования какой-либо державы¹.

Концепция формирования сферы влияния, свойственная элите, рассматривается как «следование традиции». В практическом плане ее новизна заключается в переходе к роли «доброжелательного гегемона», внимательного к экономическим проблемам соседей по субконтиненту. Это сочетается с наращиванием присутствия в Индийском океане, которое включает в себя строительство мощного флота, инициативы «Моусам» («Хорошая погода» – о развитии культурных связей с 39 странами его побережья) и САГАР («Безопасность и развитие для всего региона»), а также участие в Четырехстороннем диалоге по безопасности (QUAD). В «четверке» индийской дипломатии пока удается придавать характер формата взаимодействия с США, Японией и Австралией, обеспечивающего преимущественно индийские экономические интересы. Нью-Дели при этом не связывается дополнительными обязательствами². Как справедливо указывает А.В. Куприянов, «подобная политика могла сформироваться только в условиях консенсуса элит», который «в целом позволяет проводить линию на укрепление индийской позиции в мире, избегая резких поворотов»³.

По мнению автора настоящей статьи, если присмотреться пристальнее, в «круге первом» за новой концепцией не просматривается серьезного укрепления позиций Индии в соседних странах субконтинента. Скорее можно говорить о неуклонном росте торгово-экономических связей и инвестиций Китая и в Непале, и в Шри-Ланке, и в Бангладеш, не говоря уже о Пакистане. Да и в самой Индии. Очевидно определенное увядание формата СААРК после срыва проведения его очередного саммита в Исламабаде в 2016 г. Фактически Нью-Дели «перевел стрелки» регионального формата сотрудничества в БИМСТЕК, где Пакистан не участвует. Это подчеркивает другое, уже четко просматривающееся изменение политики Индии – освобождение ее от многолетней «зацикленности» на конфронтацию с Пакистаном.

Как новый акцент нынешняя внешнеполитическая доктрина Индии, откликаясь на настроение новой элиты, подчеркивает, что в случае прямого нарушения «действием» национальных интересов страна даст «быстрый и своевременный»

1 Jaishankar 2020.

2 Panda 2023, 20.

3 Куприянов, Макаревич 2021, 15.

ответ. Так, в качестве примеров А. Мальхотрой в лекции, распространенной МИД Индии, приводятся ее действия в Бангладеш (1971), Шри Ланке (1987–1990) и на Мальдивах (1988). Он поясняет, что «в отличие от вмешательства во внутренние дела других стран», которое для Индии неприемлемо, речь в этих ситуациях шла о мерах, принимаемых «по просьбе соответствующей страны»¹.

Современный пример правомерных действий в ситуации, когда уговоры не помогают и непозволительно, «чтобы они ошибочно были сочтены проявлением слабости страны», А. Мальхотра приводит в той же лекции. Это «хирургически точные удары по базам террористов на оккупированной Пакистаном индийской территории в сентябре 2016 года» и в Балакоте в феврале 2019 г. Во втором случае индийская авиация действовала в ответ на болезненное нападение боевиков из «Лашкар-э-Тойба», базирующейся в Пакистане, на подразделение индийской армии вблизи городка Пульвама в Кашмире. По распространенному в Индии мнению, это и сыграло решающую роль в победе БДП на прошедших вскоре очередных всеобщих выборах².

Уместно напомнить, что политическое восхождение БДП началось с кампании за восстановление на месте рождения царя-героя индуистской мифологии Рамы в пограничном городке Айодхья посвященного ему храма. Храм якобы был снесен в начале XVI в. основателем династии Великих Моголов Бабуром, поставившим на его месте мечеть. Снос в декабре 1992 г. 150-тысячной толпой индуистских националистов этой мечети привел к массовым индуистско-мусульманским столкновениям по всей Индии, в ходе которых погибло более 2 тыс. человек. Формирование победившей на выборах 1998 г. коалицией во главе с БДП правительства стало результатом роста влияния стоявших за этой кампанией сил. Крупнейшее деяние главы кабинета А.Б. Ваджпаи – проведение ядерных испытаний в мае того же года. Общенациональное одобрение этой своеобразной заявки на статус мировой державы³ подтвердило основной настрой формирующейся новой властной элиты. Оно стало также важной частью фундамента последующего успеха нового поколения руководства БДП, его претензий на адекватное представительство новой элиты во власти.

Главное направление – глобальная роль

Опираясь на упоминавшуюся книгу С. Джайшанкара «Путь Индии», индийский аналитик Ш. Матту утверждает, что привнесенная министром новизна в ведение дел индийской дипломатией включает решимость действовать напористо, наступательно, с верой в свои силы. Он видит новизну стиля нового министра также в готовности идти на риск, не страшась чьего-то недовольства, и умении эффективно «управлять нарративами», «не отсиживаясь, как бытовало

1 Achal Malhotra, "India's Foreign Policy: 2014-19: Landmarks, Achievements and Challenges Ahead," Ministry of External Affairs, Government of India, July 22, 2019, accessed January 7, 2024, <https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?833/>.

2 "BJP Used Pulwama Attack, Balakot Air Strike to Win 2019 LS Polls: Manik Sarka," Times of India, April 24, 2023, accessed January 7, 2024, http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/99719160.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst.

3 Белокреницкий et al. 2003, 217.

прежде, в тени»¹. Анализ многочисленных выступлений С. Джайшанкара приводит к выводу, что данное обстоятельство действительно является принципиально новым явлением в индийской внешней политике.

Важная составная часть сегодняшнего видения мира индийской элитой – ее близкая к единодушной оценка ситуации как благоприятствующей расширению сотрудничества с США и другими странами Запада. В первую очередь – с Японией и Австралией, особенно в формате *QUAD*, а также с Францией, Канадой, Великобританией и Германией. При этом, что также принципиально важно, – сотрудничества на льготных условиях, обеспечивающих поставки современных вооружений и технологий, а также прочие торгово-инвестиционные интересы, без взятия страной на себя конкретных дополнительных обязательств. Новое здесь то, что это проистекает из представления об Индии как *swing power* (державе, от присоединения которой решающим образом зависит баланс сил), которую прочие по определению должны обхаживать². И обеспечено это в общественном восприятии во многом именно отмеченным изменением стиля.

В индийской политической элите широко распространено, если не преобладает, понимание того, что США и их западные союзники видят в их стране прежде всего альтернативный Китаю центр силы в региональном контексте. Индийцам ясно, что те хотели бы использовать их страну в возможной военной конфронтации с КНР³. Однако свой экзистенциальный национальный интерес элита видит как раз в том, чтобы не дать себя вовлечь в подобный конфликт из-за Тайваня или Южно-Китайского моря⁴. При этом никто не верит намекам на то, что американцы «в случае чего» придут индийцам на помощь. Никаких иллюзий («доверия») относительно договороспособности США (особенно после бегства из Кабула в августе 2021), веры в искренность риторики Вашингтона о «приоритетном партнерстве» и подобных клише нет. Двойные стандарты применения Западом установленных им же «правил» элите известны⁵. Вмешательство США в Ираке, Ливии и Сирии публично осуждается⁶. И все же – и это серьезный вывод исследования – в Индии сегодня убеждены, хотя, на взгляд автора, несколько самоуверенно, что контролируют данную ситуацию.

Выступления в печати индийских экспертов-политологов, реакция на них в кибер-пространстве не оставляют сомнений в решительном неприятии как идеи, так и практики «однополярного мира». Речь идет прежде всего о

- 1 Shashank Mattoo, "5 Changes Jaishankar Wants in India's Foreign Policy," The Hindustan Times, February 9, 2023, accessed January 7, 2024, <https://www.hindustantimes.com/videos/news/5-changes-jaishankar-wants-in-india-s-foreign-policy-101675790401872.ht>.
- 2 C. Raja Mohan, "Move over SCO and BRICS – Swing States are Set to Take Precedence," Indian Express, July 5, 2023, accessed January 7, 2024, <https://indianexpress.com/article/opinion/columns/move-sco-brics-swing-states-precedence-8743827/>.
- 3 P.S. Jayaramu, "Time to Push for a Permanent Seat at the UNSC," Deccan Herald, October 2, 2023, accessed January 7, 2024, <https://www.deccanherald.com/opinion/time-to-push-for-a-permanent-seat-at-the-uns-2709749>.
- 4 Pawan Anand, "Russia and India: A Defining Relationship in Uncertain Times," Valdai Discussion Club, May 30, 2023, accessed January 7, 2024, <https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-and-india-a-defining-relationship/>.
- 5 "Jaishankar Calls out Double Standards of Influential Nations as US Backs Canada's claim," Deccan Herald, September 25, 2023, Accessed January 7, 2024, <https://www.deccanherald.com/india/jaishankar-calls-out-double-standards-of-influential-nations-as-us-backs-canadas-claim-2699327>.
- 6 Achal Malhotra, "India's Foreign Policy: 2014-19: Landmarks, Achievements and Challenges Ahead," Ministry of External Affairs, Government of India, July 22, 2019, accessed January 7, 2024, <https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?833/>.

стремлении участвовать на равноправной основе в принятии решений по всем основным пунктам глобальной повестки¹. Но также об отказе следовать диктату единственной сверхдержавы – будь то вопросы соблюдения вводимых ею санкций, голосования в ООН или иные аспекты использования суверенитета. Раздражение индийской элиты вызывает и просто присущая американцам манера мессиански читать нравоучения о том, как Нью-Дели следует поступать «в соответствии с его собственными интересами», тем более – «согласно правилам»².

Время от времени откровенные сторонники «однополярного мира» из проамериканского лобби пробрасывают идеи о «неактуальности ООН и международного права»³. Однако в элите сложился практически полный консенсус вокруг поддержки осуществления Индией своих амбиций глобальной великой державы именно через статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, желательно с правом вето⁴.

Суть занятой Нью-Дели позиции после начала Специальной военной операции на Украине: публично Россию не критикуем, к санкциям не присоединяемся, по резолюциям воздерживаемся, но войну считаем «несвоевременной», ее прекращение – приоритетом и обращаемся к обеим сторонам «конфликта» с призывом о прекращении военных действий и дипломатическом урегулировании. При этом Индия в полной мере сохраняет присущие сложившимся отношениям особого привилегированного стратегического партнерства с Россией уровень, доверительность и повестку контактов и политического взаимодействия, масштаб и наполнение разнопланового сотрудничества⁵.

Такой подход и последующее развитие событий подтверждают, что индийская элита продолжает считать необходимым развитие взаимодействия с Россией. Ведь Запад во главе с США так и не смог «нанести [ей] стратегическое поражение на поле боя». С. Джайшанкар подчеркнуто именует данный подход «кардинальным принципом нашей внешней политики»⁶. В глазах индийцев сегодня такое взаимодействие способствует утверждению в мире многополярности. Новым нюансом здесь, пожалуй, является его прочтение как сдерживание амбиций США и Китая, особенно в контексте задач «континентальной безопасности»⁷. Также если учесть выгоды в сфере ВВТ при строительстве отношений с Москвой традиционен, то массированный импорт из России энергоносителей в условиях западных санкций в связи с СВО – принципиально новый момент⁸. Нефтегазовая

1 "Narendra Modi: The World Needs India's Sustained Rise, as Much as India needs the World," Narendra Modi site, January 17, 2017, accessed January 7, 2024, <https://www.narendramodi.in/pm-modi-inaugurates-the-second-raising-dialogue-533914>.

2 Alexey Kupriyanov, "India's Foreign Policy Dilemmas: Protecting National Interests," Valdai Discussion Club, November 2, 2022, accessed January 7, 2024, <https://valdaiclub.com/a/highlights/india-s-foreign-policy-dilemmas/>.

3 Rohan Venkat, "India Outside In #2: Why it is Dangerous for India to Believe the World is 'multipolar'," India Side Out by Rohan Venkat, May 18, 2023, accessed January 7, 2024, <https://rohanvenkat.substack.com/p/india-outside-in-2-why-it-is-dangerous>.

4 P.S. Jayaramu, "Time to Push for a Permanent Seat at the UNSC," Deccan Herald, October 2, 2023, accessed January 7, 2024, <https://www.deccanherald.com/opinion/time-to-push-for-a-permanent-seat-at-the-uns-2709749>.

5 Величкин 2023.

6 "India's Foreign Minister on Ties with America, China and Russia," The Economist, June 13, 2023, accessed January 7, 2024, <https://www.economist.com/asia/2023/06/15/indias-foreign-minister-on-ties-with-america-china-and-russia>.

7 "India is Deeply Engaged with Russia in Expanding our Economic and Trade Ties: Indian Ambassador Venkatesh Varma," The Hindu, August 29, 2021, accessed January 7, 2024, <https://indianembassy-moscow.gov.in/pdf/Amb%20Interview%20-%20The%20Hindu%20.pdf>.

8 Pawan Anand, "Russia and India: A Defining Relationship in Uncertain Times," Valdai Discussion Club, May 30, 2023, accessed January 7, 2024, <https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-and-india-a-defining-relationship/>.

сфера стала двигателем экономического сотрудничества двух стран, увеличив объем их товарооборота с 11–12 млрд долл. США до 65 млрд в 2023 г.¹

Уникальность взаимодействия с Россией – в наличии как глобального измерения, наглядно иллюстрируемого сотрудничеством на площадке ООН и в формате БРИКС, так и регионального. Это подтверждается вступлением Индии в Шанхайскую организацию сотрудничества наблюдателем, а затем и повышением своего статуса там до полного членства.

Наконец, как подтверждают выступления экспертов, СМИ и реакция в социальных сетях, современная индийская элита считает закономерным утверждение Индии в роли неофициального лидера «глобального Юга» («не-Запада»)². Речь не идет о возрождении в роли лидера Движения неприсоединения конца 1980-х гг. Тогда, в биполярную эпоху, это предполагало маневрирование между сверхдержавами, умение занять выгодную для себя «срединную» позицию. От этой роли сам Нью-Дели отошел в постбиполярные 1990-е, сочтя, что ее недостаточно для вхождения в «высшую мировую лигу»³.

Анализ имеющихся фактов и обстоятельств приводит к выводу, что Индия сегодня ставит перед собой задачу формулировать сугубо самостоятельную повестку из приоритетов если не всех стран «не-Запада», то, во всяком случае, на основе консенсуса его «средних держав». Это видение наиболее рационального пути к достижению главной внешнеполитической цели в нынешних условиях хаотизации международных отношений на пути к многополярному мироустройству.

Убедительной иллюстрацией к сказанному стало председательство Индии в 2023 г. в G-20. Оно было подано руководством страны как важнейшее направление своей международной деятельности на данном этапе и получило поддержку как в индийском общественном мнении, так и в странах «глобального Юга». Сумев сформулировать повестку форума на основе требований незападного большинства и не позволив США и их западным союзникам навязать работе G-20 антироссийскую «украиноцентричную» направленность, Нью-Дели с успехом решил важную коэксистенциальную задачу своей внешней политики⁴. Н. Моди, похоже, отыскал подходящую формулу «Васудхайва Кутумбакам» («Мир это одна семья») из Маха Упанишады, примиряющую наступательный настрой нынешней индийской националистической доктрины с переустройством мира на принципах полицентричности⁵.

Все сказанное обуславливает высокую степень международной активности Индии, «беспрецедентный дипломатический охват»⁶ лично ее премьер-министра Н. Моди и министра иностранных дел С. Джайшанкара. Новое здесь не только

1 Интервью Посла России в Индии Д.Е. Алипова телеканалу «Россия 24» // Youtube. 20 марта 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=R4Z3FgbaQXE> (дата обращения: 20.03.2024).

2 Divya Dwivedi, "India has a Major Role in Shaping a New World Order," Mint, September 20, 2023, accessed January 7, 2024, <https://www.livemint.com/opinion/online-views/india-has-a-major-role-in-shaping-a-new-world-order-11694446473084.html>.

3 Лунев 2010, 5.

4 Satnam Singh Sandhu, "G20 Bali Summit: World Echoed with India's Take on Global Issues," The Hindustan Times, November 19, 2022, accessed January 7, 2024, <https://www.hindustantimes.com/cities/chandigarh-news/g20-bali-summit-world-echoed-with-india-s-take-on-global-issues-101668796871362.html>.

5 "India's G20 Presidency Played Role Of Catalyst In Post-Pandemic World: PM Modi," ABP Live, September 7, 2023, accessed January 7, 2024, <https://news.abplive.com/india-at-2047/g20-summit-2023-india-presidency-pm-modi-column-vasudhaiva-kutumbakam-covid-pandemic-growing-economy-1628099>.

6 Achal Malhotra, "India's Foreign Policy: 2014-19: Landmarks, Achievements and Challenges Ahead," Ministry of External Affairs, Government of India, July 22, 2019, accessed January 7, 2024, <https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?833/>.

в беспрецедентном числе визитов, но и в разноплановом соответствии названных нетипичных государственных деятелей востребованной роли выразителей преобладающих в современной элите устремлений. Это, соответственно, роль взвешенного в суждениях, осторожного мудреца – «риши»¹ (Моди) и роль за словом в карман не лезущего правдорука на равной ноге с ухищренными «видеши» – чужеземцами (Джайшанкара)².

Выводы

Изложенное позволяет констатировать, что Индия наращивает внешне-политическую активность, более целеустремленно фокусируя ее на закрепление статуса общепризнанного самостоятельного актора в мировой политике. При этом она умело использует банкротство «однополярности», американско-китайские противоречия и тенденции к суверенизации глобальной повестки стран «не-Запада». Динамизм и напористость этой деятельности, по мнению автора настоящей статьи, сообщают общенациональная поддержка данного курса и компетентное руководство его проведением. То и другое являются следствием расширения массовой базы и повышения уверенности в себе политической элиты на основе укрепления экономической и военной мощи своей державы, переживающей модернизацию и подъем национального чувства. Эти процессы еще не достигли кульминации, но их перспектива дополняется ощутимым развитием в Индии ранее, по сути, отсутствовавшей стратегической культуры (интересное исследование проблемы убедительно проведено С.И. Луневым и Э.П. Шавлай³).

Все это в совокупности во многом объясняет занятую руководством этой страны, вопреки тривиальным ожиданиям многих на Западе, позицию по СВО. Естественно, обеспечивающую именно индийские интересы. Более того, объясняет и лежащие в основе данной позиции подходы к императивности построения многополярного миропорядка, «где Индия была бы сильным полюсом»⁴. Все это создает новые возможности для взаимодействия России с Индией в выполнении своей исторически сложившейся уникальной миссии по выстраиванию более справедливого полицентричного миропорядка⁵.

1 Nilanjan Mukhopadhyay, "With 'sage' Makeover, Brand Modi Reinvents Itself Again," Deccan Herald, January 5, 2021, accessed January 7, 2024, <https://www.deccanherald.com/opinion/with-sage-makeover-brand-modi-reinvents-itself-again-934577.html>.

2 "Jaishankar's Viral Remark on European 'Mindset' Quoted by German Chancellor," Hindustan Times, February 20, 2023, accessed January 7, 2024, <https://www.hindustantimes.com/india-news/jaishankars-viral-remark-on-european-mindset-quoted-by-german-chancellor-101676860630597.html>.

3 Lunev, Shavlay 2021.

4 Achal Malhotra, "India's Foreign Policy: 2014-19: Landmarks, Achievements and Challenges Ahead," Ministry of External Affairs, Government of India, July 22, 2019, accessed January 7, 2024, <https://www.mea.gov.in/distinguished-lectures-detail.htm?833/>.

5 Andrey Sushentsov, "What Is the 'Big Idea' of Russia-India Relations?" Valdai Discussion Club, October 26, 2023, accessed January 7, 2024, <https://valdaiclub.com/a/highlights/what-is-the-big-idea-of-russia-india-relations/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алаев, Л.Б. Индийская цивилизация. Опыт понимания. Москва: Ленанд, 2021. 432 с.
- Alayev, L.B. *Indiyaskaya tsivilizatsiya. Opyt ponimaniya*. Moscow: Lenand, 2021.
- Амуров, М.А. Типология современных политических элит // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 19–28. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2020-5-19-28>.
- Amurov, M.A. "The Classification of Contemporary Political Elites." *Administrative Consulting*, no. 5 (2020): 19–28 [In Russian].
- Белокреницкий, В.Я., Москаленко, В.Н., Шаумян, Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения, 2003. 368 с.
- Belokrenitskiy, V.Ya., Moskalenko, V.N., Shaumyan, T.L. *Yuzhnaya Aziya v mirovoj politike*. Moscow: International Relations, 2003 [In Russian].
- Величкин, С.В. Индия и специальная военная операция на Украине: неслучайная позиция // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 369–379. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2023-4-369-379>.
- Velichkin, Sergey V. "India and the Special Military Operation in Ukraine: A Non-Accidental Position." *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*, no. 4. (2023): 369–379. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2023-4-369-379> [In Russian].
- Володин, А.Г. «Треугольник» Москва – Дели – Пекин в системе внешней политики Индии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. № 6 (2022): 6–27. <https://doi.org/10.31249/kgt/2022.06.01>.
- Volodin, A.G. "Moscow – Delhi – Beijing Triangle in the System of India's Foreign Policy." *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law* 15, no. 6 (2022): 6–27 [In Russian].
- Волхонский, Б.М. Политика Индии в Азиатско-Тихоокеанском регионе в контексте конкуренции США и Китая // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2. С. 70–88.
- Volhonskiy, B.M. "Politika Indii v Aziatsko-Tihookeanskom regione v kontekste konkurentsii SSHA i Kitaya." *Problemy natsionalnoy strategii*, no. 2. 2016. С. 70–88 [In Russian].
- Захаров, А.И. Вступление Индии в глобальный мир: особенности пути // Россия и современный мир. 2020. № 2. С. 113–134. <https://doi.org/10.31249/rsm/2020.02.07>.
- Zakharov, A.I. "The Characteristic Features of India's Entry into the Global World." *Rossiya i sovremennyy mir*, no. 2 (2020): 113–134 [In Russian].
- Индия сегодня: справочно-аналитическое издание / под ред. Е.Ю. Ваниной, А.М. Горячевой, В.П. Кашина. М.: Ариаварта-Пресс, 2005. 592 с.
- Vanina, E.Yu., Goryacheva, A.M., Kashina, V.P., eds. *Indiya segodnya: spravochno-analiticheskoe izdanie*. Moscow: Ariavarta-Press, 2005 [In Russian].
- Кашин, В.П. Нарендра Модди. Лидер современной Индии. М.: Институт востоковедения РАН, 2020. 264 с.
- Kashin, Valeriy P. Narendra Modi. *Lider sovremennoy Indii*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2020 [In Russian].
- Киреева, А.А. Япония и Индия: стратегическое партнерство на Индо-Тихоокеанском пространстве // Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее. Материалы 7-й международной конференции молодых востоковедов. Москва, 2020. С. 91–102. <https://doi.org/10.24411/9999-043A-2020-10010>.
- Kireeva, A.A. "Japan and India: Strategic Partnership in the Indo-Pacific." In *Vostochnaya Aziya: Proshloe, Nastoyashcheye, Budushcheye*, 91–102. Moscow, 2020 [In Russian].
- Клюев, Б.И. Религия и конфликт в Индии. М.: ИВРАН, 2002. 240 с.
- Klyuev, Boris I. *Religiya i konflikt v Indii*. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2002 [In Russian].
- Круглова, Е.В. Некоторые особенности политического лидерства в Индии // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2008. № 3. С. 3–15.
- Kruglova, Ye.V. "Nekotorye osobennosti politicheskogo liderstva v Indii." *RUDN Journal of Political Science*, no. 3 (2008): 3–15 [In Russian].
- Кузык, Б.Н., Шаумян, Т.Л. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке. М.: Институт экономических стратегий, 2009. 1224 с.
- Kuzyk, B.N., Shaumyan, T.L. *Indiya – Rossiya: strategiya partnerstva v XXI veke*. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii, 2009 [In Russian].
- Куприянов, А.В. Постколониальная история на службе антиколониальной политики: критическая историография и национальный миф в современной Индии // Международная аналитика. 2023. № 2. С. 35–48. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-14-2-35-48>.
- Kupriyanov, A.V. "Postcolonial History in the Service of Anticolonial Politics: Critical Historiography and National Myth in Contemporary India." *Journal of International Analytics* 14, no. 2 (2023): 35–48 [In Russian].
- Куприянов, А.В., Макаревич, Г.Г. Индия в пост-биполярную эпоху: тридцатилетие поиска места в мире // Международная аналитика. 2021. № 2. С. 74–92. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-2-74-92>.
- Kupriyanov, Alexey V., and Gleb G. Makarevich. "India in the Post-Bipolar World: 30 Years of Searching the Place." *Journal of International Analytics* 12, no. 2 (2021): 74–92 [In Russian].
- Леонова, О.Г. Стратегия внешней политики Индии. Эволюция, принципы, цели // Обозреватель – Observer. 2017. № 5. С. 25–42.
- Leonova, O.G. "Strategiya vneshney politiki Indii. Evolyutsiya, printsipy, tseli." *Obsrver*, no. 5 (2017): 25–42 [In Russian].
- Лунев, С.И. Внешняя политика Индии и воздействие на нее внутренних факторов // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 1. С. 189–201. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-1-10-189-201>.
- Lounev, S.I. "Foreign Policy of India and the Impact of the Endogenous Factors." *MGIMO Review of International Relations*, no. 1 (2010): 189–201 [In Russian].
- Лунев, С.И. Регионализация и интеграция: Индия и Южная Азия. Москва: Юрайт, 2019. 304 с.
- Lounev, S.I. *Regionalizatsia i Integratsia: India i Yuzhnaya Aziya*. Moscow: Yurait, 2019 [In Russian].
- Лунев, С.И. Социальные протесты в Индии // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 4. С. 198–207. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-4-43198207>.
- Lounev, S.I. *Sotsialnyye protest v Indii. Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2015;(4(43)):198–207. Accessed 07.01.2024. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2015-4-43198207> [In Russian].

Окунев, И.Ю. Критическая геополитика и пост-критический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики. М.: МГИМО, 2012. <https://mgimo.ru/upload/iblock/bee/bee894b261eed2b0c126a2c9720ee085.pdf>.

Okunev, I.Yu. *Kriticheskaya geopolitika i postkriticheskii sdvig v issledovatel'skoy paradigme geopolitiki*. M.: MGIMO, 2012 [In Russian].

Сафронова, А.Л. Проблемы интерпретации княжеского наследия в современной Индии // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2018. № 4. С. 41–55.

Safronova, A.L. "Problems of Interpretation of Princely States' Heritage in Contemporary India." *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 13. Vostokovedenie*, no. 4 (2018): 41–55 [In Russian].

Успенская, Е.Н. Индийское кастовое общество: особенности формирования и состав // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение, африканистика. 2010. № 3. С. 35–44.

Uspenskaya, Y.N. "Indiyskoe kastovoe obshchestvo: osobennosti formirovaniya i sostav." *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 13. Asian Studies. African Studies*, no. 3 (2010): 35–44 [In Russian].

Шаумян, Т.Л. Индия на глобальных перекрестках // Свободная мысль. 2022. № 2. С. 145–155.

Shaumyan, T.L. "Indiya na globalnyh perekryostkah." *Svobodnaya Misl'*, no. 2 (2022): 145–155 [In Russian].

Шаумян, Т.Л. Индуизм в общественно-политической жизни Индии // Международная аналитика. 2021. № 4. С. 106–122. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-4-106-122>.

Shaumyan, T.L. "Hinduism in the Socio-Political Life of India." *Journal of International Analytics* 12, no. 4 (2021): 106–122 [In Russian].

Юрлова, Е.С. Индия. Касты в политике // Религия и общество на Востоке. 2017. № 1. С. 69–125. <https://www.ivran.ru/articles?artid=9632>.

Yurlova, Y.S. "Indiya. Kasty v politike." *Religion and Society in the East*, no. 1 (2017): 69–125 [In Russian].

Baru, Sanjaya. *India's Power Elite: Class, Caste and a Cultural Revolution*. Penguin Random House India, 2021.

Damodaran, Harish. *India's New Capitalists: Caste, Business, and Industry in a Modern Nation*. Houndmills, Basingstake, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2008.

Dubey, Muchkund. *India's Foreign Policy: Coping with the Changing World*. New Delhi: Orient Blackswan Private Limited, 2016.

Jaishankar, Subramaniam. *The India Way: Strategies for an Uncertain World*. New Delhi: Harper Collins, 2020.

Joseph, Josi. *The Silent Coup: A History of India's Deep State*. Chennai: Westland Publications, 2021.

Karnad, Bharat. *Staggering Forward: Narendra Modi and India's Global Ambition*. Gurgaon: Penguin, 2018.

Keshari, Raju. *Review of Sanjay Baru, India's Power Elite: Class, Caste and a Cultural Revolution*. New Delhi: Penguin Viking, 2021.

Kidwai, Rashid. *24 Akbar Road: A Short Story of the People behind Fall and Rise of the Congress*. New Delhi: Hachette India, 2011.

Kupriyanov, Alexey. "Strategic Partnership Between Russia and India from the Perspective of National Elites." *MGIMO Review of International Relations* 16, no. 2 (2023): 33–48. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-2-89-33-48>.

Lunev, Sergey I., Shavlay, Ellina P. "India as a Global Power: The Strategic Culture Problems." *India Quarterly* 77, no. 4 (2021): 525–541. <https://doi.org/10.1177/09749284211047750>.

Menon, Shivshankar. *India's Foreign Affairs Strategy*. New Delhi: Brookings Institution India Center, 2020.

Mukherjee, Anit. *The Absent Dialogue: Politicians, Bureaucrats, and the Military in India*. New York: Oxford University Press, 2020.

Panda, Jagannath P. "India in a World of Asymmetrical Multipolarity." *Institute for Security and Development Policy Journal* 15, no. 1 (2023): 18–22. <https://isdpeu/publication/india-in-a-world-of-asymmetrical-multipolarity/>.

Shavlay, Ellina P. "India's and Russia's Approaches to the Indo-Pacific-Marrying the Two." *Russia in Global Affairs*, no. 1 (2021): 98–116. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-1-98-116>.

Sitapati, Vinay. *Half-Lion: How P.V. Narasimha Rao Transformed India*. New Delhi: Penguin Books India, 2016.

Tharoor, Shashi. *The Elephant, the Tiger and the Cellphone. Reflections on India in the Twenty-First Century*. New Delhi: Viking-Penguin Books India, 2007.

Сведения об авторе

Сергей Васильевич Величкин,

к.и.н., Чрезвычайный и Полномочный Посол (в отставке),

доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России

119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1

e-mail: velichkins@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 9 января 2024.

Переработана: 25 января 2024.

Принята к публикации: 1 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Величкин, С.В. Внешняя политика Индии как отражение изменений в индийской правящей элите // Международная аналитика. 2024. Том 15 (1). С. 191–209.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-191-209>

Foreign Policy of India as the Reflection of Change in its Ruling Elite

ABSTRACT

The article examines the changes in the formulation, prioritisation and implementation of India's foreign policy objectives as a result of a significant renewal of its political elite, triggered by the economic reforms that began in the 1990s. It is argued that India's ruling elite is now largely identical to its political elite, whose mindset, although considerably younger and better educated, is more than ever defined by its self-identification with traditional values, which are religious and, for the vast Hindu majority, caste-based. At the same time, the composition of India's elite has broadened during the reform years, mainly through the inclusion of middle and even lower castes in the traditional hierarchy. Many of its representatives tend to associate the strengthening of the country with a return to the "correct" cultural and civilisational basis which, in the centuries before foreign conquest, gave India what they saw as its natural primacy in the world. The main change is the emergence of a sense of self-confidence among the elite, on which the so-called "new nationalism" of the "man of the people", the current Prime Minister N. Modi, is based. Drawing on his statements, speeches by Foreign Secretary S. Jaishankar, and articles by Indian and Russian scholars, the author shows the innovations introduced by the Prime Minister in promoting India's core national interests in a changing world. The article examines the creation of India's own sphere of influence within the framework of the new Indo-Pacific strategy, the combination of cooperation and competition in relations with China, the reasons for the dynamic expansion of interaction with the United States and the "red lines" involved, the motives for developing a particularly privileged strategic partnership with Russia and for using multilateral formats, and the return to India's agenda of the task of gaining the status of the main voice of the Global South. It is concluded that approaches to the imperative of building a multipolar world order "in which India would be a strong pole", based on the priority goal of establishing for it the status of a great power and a global actor in world politics, create historic opportunities for increasing Russian-Indian interaction.

KEYWORDS

India, political elite, China, multipolarity, cooperation with the USA, Group of 20, Indo-Pacific strategy

Author

Sergey V. Velichkin,

PhD (Hist.), Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (retired),
Associate Professor of the Department of International Relations,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
53/2 Ostozhenka, building 1, Moscow, Russia, 119021

e-mail: velichkins@mail.ru

Additional information

Received: January 9, 2024. Revised: January 25, 2024. Accepted: February 1, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Velichkin, Sergey V. "Foreign Policy of India as the Reflection of Change in its Ruling Elite."
Journal of International Analytics 15, no. 1 (2024): 191–209.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-191-209>

Афганская идентичность: перспективы дефрагментации

*Конаровский, М.А. Афганистан на рубеже веков:
новый перекресток судьбы. М.: МГИМО-Университет, 2020. 355 с.*

*Конаровский, М. А. Дорога в семь тысяч дней.
М.: «Арктика 4Д», 2014. 460 с.*

Князев Александр Алексеевич, ИМИ МГИМО, Москва, Россия

Контактный адрес: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Научная значимость мемуарного жанра вряд ли подлежит сомнению: воспоминания участников событий уже давно утвердились в качестве одного из важнейших документально-исторических источников. А применительно к событиям относительно недавним и являющимся актуальными для понимания современных политических процессов, знакомство с литературой такого рода можно считать обязательным, такие книги – неотъемлемая часть знания, стремящегося к научности, не говоря уже об объективности. Вряд ли можно отрицать и актуальность процессов, происходящих в Афганистане, хотя бы для полноценного понимания происходящего в сфере национальной безопасности России и стран, относящихся к сфере жизненных российских интересов.

Афганская тема, применительно ко времени конца XX – начала XXI в., в отечественной (и не только) мемуарной литературе отражена достаточно широко, однако рассматриваемые монографии М.А. Конаровского¹ выходят далеко за пределы мемуарного жанра. Помимо авторских воспоминаний, элементов путевых заметок, его книги содержат в себе и значительный компонент рассуждений, относящихся к аналитической работе, налицо связь ретроспективных констатаций с размышлениями автора, направленными на понимание перспектив развития процессов в Афганистане. В этом пространстве М.А. Конаровский обращает внимание и на такой важный фактор развития страны, как состояние социальной идентичности, зачастую оказывающий решающее влияние на политические

1 В этот список может быть также включена еще одна публикация: *Конаровский, М.А.* Страна гор и легенд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. В издательстве «МГИМО-Университет» готовится к публикации второе издание, исправленное и дополненное, книги «Дорога в семь тысяч дней».

процессы, в свою очередь, находясь под их воздействием. То обстоятельство, что данный вопрос М.А. Конаровский затрагивает в своих книгах, пусть и не используя саму дефиницию, дает основания полагать, что тематика афганской идентичности ему не чужда.

Число публикаций в подобном эклектичном мемуарно-историческом и аналитическом жанре с акцентированием вопросов идентичности в литературе невелико. Не ставя перед собой задачу полноценного историографического обзора, можно отметить, что массив отечественной литературы об Афганистане последних примерно 50 лет от авторов, не понаслышке знающих эту страну, довольно велик. Заметное место среди них занимают военные, находившиеся в составе объединенного контингента советских войск или несшие иную службу в Афганистане в 1979–1989 гг., чьи информационно насыщенные описания событий очень важны как исторический источник¹. Констатируя неоднородность и внутреннюю противоречивость афганского общества, они в большинстве случаев не подвергают ее какому-либо анализу, имея иное целеполагание. Среди военных авторов можно выделить, пожалуй, М.А. Гареева², который если и не рассматривает социальную структуру всего общества, то в своих описательных контекстах дает множество подробных картин разрозненности афганской элиты 1980-х – начала 1990-х годов.

Из работ других авторов, имеющих большую «афганскую» биографию, – востоковедов – следует отметить труды известных ученых М.Ф. Слинкина³, В.Н. Пластуна⁴, уделяющих заметное внимание состоянию элиты афганского общества, а также разнообразных его групп. В этой связи необходимо указать на важное достоинство книг М.А. Конаровского, обусловленное, вероятно, характером его работы в Афганистане, не ограничивавшейся столицей. География его наблюдений чрезвычайно широка: помимо Кабула, автор вовлекает читателя в провинциальные жизнеописания различных эпох – от королевского Афганистана и первой республики М. Дауда до правления НДПА и времени американской оккупации 2001–2021 гг.

Высочайшая фрагментация афганского общества, диктующая ему центробежные тенденции, является одной из базовых причин того перманентно нестабильного состояния страны, в котором она находится в последние полвека. Нестабильность, в свою очередь, создает условия для формирования на территории Афганистана комплекса угроз, выходящих далеко за его пределы: производство и распространение наркотических веществ, организация экстремистских и террористических структур, массовые миграции.

Понимаемая как тождественность группы самой себе и как совокупность характерных особенностей, интегрирующее свойство группы, идентичность афганского общества в широком временном разрезе в малой степени претерпела критически важные трансформации. До настоящего времени она в целом отражает ту фундаментальную структуру социума, которая сложилась к самому концу

1 Среди широко известных: Громов 1994; Ляховский 2004; Спольников 1990.

2 Гареев 1996; Гареев 1999.

3 Слинкин 2019.

4 Пластун 2016.

XIX в., когда утвердились существующие границы Афганистана. Процесс формирования афганской государственности в территориальном плане, начатый подчинением и экспроприацией пуштунами земель таджикского населения Афганистана, был завершен завоеванием пуштунами преимущественно шиитского Хазараджата к 1893 г. и т.н. Кафиристана – нынешней провинции Нуристан — к 1896 г. Дополнительную напряженность в Нуристане создавало то обстоятельство, что население региона к моменту завоевания пуштунами не исповедовало ислам, который внедрялся уже в XX в. насильственно. Непростой была и колонизация северных узбекских ханств левобережья Амударьи, или «Чор Вилаята» («четыре области»).

Присоединение непустунских территорий вело к тому, что постепенно в сложном комплексе внутриафганских противоречий все более и более важное значение приобретал этнический фактор. Его роль в процессах общегражданской консолидации только усугублялась массовыми внутренними миграциями в последней четверти XIX – начале XX в.: интенсивным переселением пуштунских племен в северную и центральную части страны и волнообразными перемещениями непустунского населения на юг.

Фрагментация афганского общества по этническому признаку всегда находилась в поле зрения российских (и советских) востоковедов-афганистов. Следует вспомнить прежде всего работы И.Е. Каткова¹ и В.В. Басова,² благодаря которым этнополитические аспекты в отечественной афганистике изучены достаточно хорошо. Даже при том что динамика изменений в этнической структуре населения Афганистана на протяжении примерно полутора веков была и остается достаточно высока. Важным итогом периода басмаческого движения и среднеазиатской эмиграции в Афганистан стало, например, то обстоятельство, что к 1930-м гг. численность непустунских этносов значительно выросла, возникла потребность в адекватном юридическом закреплении произошедших изменений этнополитического баланса. Однако политическая система феодального по своей сути государства подобную возможность исключала, шло дальнейшее накопление противоречий.

Этнический фактор занимает едва ли не главное место в самоидентификации всех без исключения представителей афганского общества. Для понимания состояния сферы межэтнических отношений в Афганистане представляется необходимым сделать и следующий экскурс. В сочинениях главы младоафганского движения Махмуда Тарзи последовательно проводилась мысль о том, что понятие «афганская нация» должно включать в себя все народы и народности, населяющие Афганистан. Идея единства, проповедовавшаяся М. Тарзи, во многом основывалась на учении Джамалутдина аль-Афгани – известного идеолога панисламизма. В свое время Афгани особо подчеркивал, что «только на основе союза и единства афганский народ поднял знамя независимости». Идея единства афганского народа базируется на идее единства всех исламских народов, являвшейся центральной в мировоззрении аль-Афгани³.

1 Катков 1989.

2 Басов 2011.

3 Подробнее см.: Имомов 1983.

Таким образом, на первый план выводился конфессиональный фактор, что естественно, поскольку в исламе с самого начала была заложена идея государственности как общности религиозной. Абсолютизация принципа общности людей на основе веры на протяжении всей истории ислама позволяла оправдывать консолидацию этнически разнородных групп населения в пределах государств. Примат конфессионального над этническим предполагал и примат государственного. Эти установки были положены в основу национальной политики кабульских эмиров, согласно которой афганская нация должна быть единой и включать в себя все народы и племена, населяющие Афганистан. На протяжении всего XX в. каких-то концептуальных изменений во взглядах кабульской правящей – пуштунской – элиты на национальный вопрос не происходило, де-факто пуштунизация усиливалась, государственное все более превалировало над этническим, исключалась сама постановка вопроса о предоставлении какой-либо формы автономии для любого из непуштунских народов. Такой вариант решения национального вопроса – объединение всех народов и народностей на базе исторически сложившейся государственности под флагом унитарного Афганистана – был и остается источником напряженности в стране. Засилье пуштунов в высших эшелонах власти, пуштунская колонизация афганского Туркестана, подавление хазарейского восстания 1890-х гг., восстания узбеков под руководством Мохаммада Исхак-хана в 1888 г., насильственное обращение нуристанских племен в ислам – все это поддерживало перманентное состояние антипуштунских настроений среди национальных меньшинств Афганистана и толкало их на путь сепаратизма и восстаний в конце XIX в. и на протяжении XX века. И это было естественным отражением характерной для афганского общества неспособности к унитаризму.

В то же время этнополитический баланс афганского общества, начавший формироваться на рубеже XIX–XX вв., обеспечивался применением модели гегемонистского доминирования в сочетании с исторически установившимися, естественными механизмами интеграции и ассимиляции. Это создавало условия для постепенного, чрезвычайно медленного, но все-таки преодоления трайбалистских и этнических противоречий в процессе утверждения афганского национального государства. Однако реформистские начинания эмира Амануллы-хана в 1920-х гг., как и модернизационные устремления президента М. Дауда в 1970-х гг., натолкнулись на контрреакции – правого консервативного крыла афганского политического класса в первом случае и левого, представленного НДПА, – во втором. Саурская / апрельская революция 1978 г. открыла новый этап модернизации страны, также потерпевший неудачу, несмотря на колоссальные ресурсные затраты СССР.

Среди вопросов, связанных с объяснением феномена талибов, учитывая их преимущественно сельское происхождение, актуален вопрос о роли в этом процессе традиционной городской пуштунской элиты. Она оказалась неспособной консолидировать пуштунское большинство. Афганистан к началу 1990-х гг. представлял собой зону диффузии двух цивилизационных типов – традиционного и раннемодернистского. Резкое внедрение новых идеологических и политических компонентов подорвало основу традиционного устройства Афганистана. Влияние советской доктрины интернационализма в 1980-х гг. дало импульс процессу

консолидации этнических меньшинств. Одновременно начали оформляться и прообразы политических структур и движений, объединенных по признакам этничности и, в отдельных случаях, конфессиональной принадлежности (хазарейцы-шииты и исмаилиты), территориальной общности, ориентации на определенного лидера и на определенную внешнюю силу, противостояния той или иной угрозе.

Процесс разложения традиционного общественного строя, появление новых форм групповой идентификации и спровоцировали реакцию, воплощением которой стал «Талибан¹». Пуштунские племена всегда имели высокую степень автономности от правительства в Кабуле. Многолетняя война и политические эксперименты 1970–1980-х гг. к 1990-м гг. серьезно ослабили взаимную зависимость пуштунских племен и государства, а разрушение институтов государства в 1992–1994 гг. сделало самостоятельность пуштунских племен и местных полевых командиров почти абсолютной. Отсутствие централизованных государственных институтов способствовало ослаблению традиционной общенациональной пуштунской элиты, которая утратила существенное влияние на основную массу пуштунских племен. А с этнополитической точки зрения движение талибов очевидно представляет собой реакцию пуштунов, ранее доминировавших во властной элите афганского общества, на политический вызов со стороны этнических меньшинств.

М.А. Конаровский уже применительно к 2000-м гг. в своих книгах многократно обращает внимание на «застарелые афганские проблемы – прежде всего, трайбализм и этнорегиональную разобщенность. Слабой центральной власти бросали открытый вызов и местные авторитеты, стремившиеся к закреплению влияния как на пуштунском юге и юго-востоке, так и на непуштунском севере и западе. Положение усугубляли трения между прозападно ориентированными пуштунами и влиятельной группировкой панджширцев или “северян” во властных структурах. Среди последних особняком держались узбекские представители, авторитетный провинциальный таджикский лидер М. Ата, губернатор Герата, бывший артиллерийский капитан Исмаил-хан, группировки хазарейцев-шиитов и т.д. Между ними стояли монархисты “римской группы” экс-короля. Свою собственную игру вели кандагарские, пактийские и другие пуштунские кланы...»².

Уникальное родоплеменное государственное образование Афганистан всегда довольно условно признавало верховную власть – короля, президента, – ориентируясь на почти безраздельное доминирование повседневного права – на авторитет старейшин родов и племен, укоренившуюся в национальной памяти силу традиций. Наряду с ментальными различиями этнических и конфессиональных групп и связанными с этими различиями особенностями поведения, в том числе этикетного, есть и некий инвариант этого поведения, инвариант афганской ментальности. Основой его является понятие «адаб», происходящее из домусульманских традиций персоязычных афганских этносов (таджиков, хазарейцев и пуштунов). Известный кодекс «Пуштунвали», по сути, представляет

1 «Талибан» признан террористической организацией и запрещен на территории России.

2 Конаровский 2020, 58.

собой свод нравственно-этических, социально-правовых правил, а в некоторых случаях, как отмечает И.Е. Катков, и регулятор политизации. Важнейший из элементов «Пуштунвали» – бадал, обычай мести, воздаяния, возникший во времена, когда государство не могло защитить индивида, сохранил свое значение и, в определенной мере, способствовал независимости пуштунов от государственной правовой системы¹.

На протяжении многих столетий мусульманское духовенство занимало важнейшие позиции в афганском обществе, являясь, по сути, первостепенным консолидирующим фактором. Традиция участия духовенства в политической жизни (и обязательного присутствия в политической идеологии религиозного компонента как доминирующего), заложенная в ходе англо-афганских войн, постепенно и привела, на наш взгляд, к формированию основ того фундаментализма, носители которого впоследствии всегда чрезвычайно быстро превращались в мощную и прекрасно организованную политическую силу. Англо-афганским войнам XIX–XX вв. предшествовала гражданская война 1818–1826 гг., в результате которой авторитет и, следовательно, реальная власть центрального правительства оказались сведены к минимуму. Традиционная раздробленность страны на вилойты, зачастую почти полностью независимые от кабульских эмиров, и общая внутренняя разобщенность афганского общества лишь усилились, лишив страну единого дееспособного руководства. В этих условиях мусульманская суннитская элита превратилась в единственный фактор, располагающий реальным властным потенциалом. Религиозные лидеры превратились в силу, способную организовать успешное противодействие любому центральному правительству. Высочайшую роль улемов в экономической, социальной и политической жизни страны отмечает еще Джамалутдин аль-Афгани в своей «Краткой истории афганцев» («Татма ал-баен фи тарих ал-афган»). Улемы, указывает он, особое влияние имели в традиционных сферах (религиозной, судебной, идейной и морально-нравственной). Даже шахи и эмиры не могли не считаться с их влиянием. Улемы были владельцами значительных земельных угодий; они иногда насильно захватывали земли соседей, используя для оправдания и обоснования этих действий свой религиозный авторитет².

Представляется возможным сделать вывод о том, что именно войны XIX в. с Великобританией, вызвавшие бурную религиозную реакцию, послужили первопричиной усиления исламского консерватизма в Афганистане вплоть до текущих десятилетий XXI века. Ненависть ко всему, что связано с «неверными», породила острое неприятие подавляющей частью общества большинства привнесенных извне идей и основанных на них преобразований, которые неизменно наталкивались на мощнейшее сопротивление, имевшее, отметим это еще раз, обязательную религиозную подоплеку. Этот фактор неприятия обусловил неуспех преобразований как в 1980-х гг. с ориентацией на социалистическую модель, так и в первые десятилетия XXI в. по модели западной демократии. И в этом плане движение талибов – это еще и реванш консерватизма. Возникновение движения

1 Катков 1989, 39.

2 См.: Имомов 1983.

талибов является отражением конфликта цивилизационного и социокультурного типа, это феномен, образовавшийся на противоречиях между традиционным и раннемодернистским укладами, в том числе – между городским урбанизированным и консервативным сельским населением. А высокий уровень лояльности к талибам со стороны афганцев может свидетельствовать о прочности существующих архаичных форм идентичности.

Фрагментированное состояние афганской идентичности во многом подкрепляется и ландшафтно-географической локализацией населения Афганистана, что способствует доминированию первичных форм групповой солидарности. Религиозные, языковые и культурные различия проходят не только по границам расселения этносов, но и внутри этнических групп. К примеру, среди хазарейцев есть шииты джафаритского мазхаба, но есть и крупные группы хазарейцев-исмаилитов. Основная часть пуштунов является приверженцами ханифитского мазхаба суннизма, но среди пуштунских племен существует раскол по причастности к разным суфийским тарикатам; есть и пуштунские племена, исповедующие шиизм. А есть еще и кочевники – «кучи», – обособленный образ жизни которых очень колоритно описывает М.А. Конаровский¹.

«Беда в том, – резюмирует один из афганских визави М.А. Конаровского, – что вдали от родины мы всегда держимся вместе, доброжелательны и обаятельны. Однако дома нетерпимы, не умеем сосуществовать и договариваться, а объединяемся только перед лицом общей опасности, да и то ненадолго»². Полевые наблюдения автора в различных регионах Афганистана подтверждают эту оценку. За пределами страны тот или иной выходец из Афганистана на вопрос о своем происхождении может назвать себя «афганцем», отталкиваясь от своей страновой идентичности. В подобной дихотомической ситуации нужно учитывать, что слово «афганец» (афгано) – синоним слова «пуштун» (пушту, пашто), но при нахождении вне своей страны работает именно гражданская самоидентификация. В самом Афганистане это практически исключено: человек назовет себя пуштуном, таджиком, узбеком или хазарейцем, апеллируя исключительно к идентичности этнической.

Эта двойственность усугубляется в диаспорах, где разного рода эмигрантские ассоциации уже устойчиво формируются по этническому признаку. Это относится не только и не просто к этнокультурным сообществам, но уже проецируется на сферу религии: во многих странах с крупными афганскими диаспорами существуют отдельно не только шиитские хазарейские мечети, но и пуштунские мечети, таджикские мечети, узбекские мечети и т.д. Формальное взаимодействие между этнически различными эмигрантскими афганскими группами происходит разве что в рамках мероприятий, организуемых посольствами Афганистана.

Этническая самоидентификация часто определяет и направления эмиграции: например, маловероятно встретить эмигранта – пуштуна или хазарейца – в Таджикистане. Хотя среди афганских эмигрантов в Пакистане или Иране можно встретить не только шиитов-хазарейцев, но также и пуштунов, таджиков,

1 Конаровский 2014, 41–44.

2 Ibid., 48.

узбеков, здесь определяющей является уже, помимо каких-либо практических обстоятельств, общемуусульманская общность. Однако эта конфессиональная общность свою объединительную функцию выполняет, как ни странно это может показаться, только локально, эпизодически, она не отменяет самого факта высочайшей фрагментации афганского общества. О чем свидетельствует и опыт «семи тысяч дней» афганской жизни и работы М.А. Конаровского.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Басов, В.В. Национальное и племенное в Афганистане: К пониманию невоенных истоков афганского кризиса: Сборник статей. М.: НИЦ ФСКН России, 2011. 353 с.
- Basov, Vladimir. V. *Nacional'noe i plemennoe v Afganistane: K ponimaniyu nevoennyh istokov afganskogo krizisa: Sbornik statej*. M.: NIC FSKN Rossii, 2011 [In Russian].
- Гареев, М.А. Моя последняя война. М.: ИНСАН, 1996.
- Gareev, Mahmut A. *Moja poslednjaja vojna*. M.: INSAN, 1996 [In Russian].
- Гареев, М.А. Афганская страда. М.: ИНСАН, 1999.
- Gareev, Mahmut A. *Afganskaja strada*. M.: INSAN, 1999 [In Russian].
- Громов, Б.В. Ограниченный контингент. М.: Прогресс, 1994. 352 с.
- Gromov, Boris V. *Ogranichenennyj kontingent*. M.: Progress, 1994 [In Russian].
- Имомов, Ш. Некоторые черты мировоззрения Джалалуддина Афгани и общественная мысль Афганистана в начале XX в. // Ближний и Средний Восток: экономика и история / Под ред. Ю.В. Ганковского. М.: Издательство «Наука», 1983. С. 142–152.
- Imomov, Sh. "Nekotorye cherty mirovozzrenija Dzhamaaluddina Afgani i obshhestvennaja mysl' Afganistana v nachale XX v." In *Blizhnij i Srednij Vostok: jekonomika i istorija*, edited by Ju. V. Gankovskij, 142–152. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1983 [In Russian].
- Катков, И.Е. Социальные аспекты племенной структуры пуштунов // Афганистан. История, экономика, культура. Сборник статей / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. М.: Наука, 1989. С. 39–57.
- Katkov, I. E. "Social'nye aspekty plemennoj struktury pushtunov." In *Afganistan. Istoriya, jekonomika, kul'tura. Sbornik statej*, edited by Ju. V. Gankovskij, 39–57. M.: Nauka, 1989 [In Russian].
- Ляховский, А.А. Трагедия и доблесть Афгана. 2-е изд., перераб. и доп. Ярославль: Норд, 2004. 800 с.
- Ljahovskij, Aleksandr A. *Tragedija i doblest' Afgana*. 2-e izd., pererab. i dop. Jaroslavl': Nord, 2004 [In Russian].
- Пластун, В.Н. Изнанка афганской войны 1979–1989 гг.: дневниковые записи и комментарии участника. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. 756 с.
- Plastun, Vladimir N. *Iznanka afganskoj vojny 1979–1989 gg.: dnevnikovye zapisi i kommentarii uchastnika*. M.: Institut vostokovedenija RAN, 2016 [In Russian].
- Слинкин, М.Ф. Афганские встречи и беседы. М.: Издательство МБА, 2019.
- Slinkin, Mihail F. *Afganskije vstrechi i besedy*. M.: Izdatel'stvo MBA, 2019 [In Russian].
- Спольников, В.Н. Афганистан. Исламская оппозиция. Истоки и цели. М.: Наука, 1990. 192 с.
- Spol'nikov, Viktor N. *Afganistan. Islamskaja oppozicija. Istoki i celi*. M.: Nauka, 1990 [In Russian].

Сведения об авторе

Александр Алексеевич Князев,
ведущий научный сотрудник Центра евроазиатских исследований
Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.
e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 22 января 2024.
Переработана: 5 февраля 2024.
Принята к публикации: 14 февраля 2024.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Князев, А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. 2024. Том 15 (1). С. 210–218.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218>

Author

Alexander Al. Knyazev,

Leading Researcher, Center for Euroasian Studies,
Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky Prospekt, Moscow, Russia, 119454

e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: January 22, 2024. Revised: February 5, 2024. Accepted: February 14, 2024.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Knyazev, Alexander Al. "Afghan Identity: Prospects for Defragmentation."

Journal of International Analytics 15, no. 1 (2024): 210–218.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее свежие по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаданных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции..

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б. Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно: в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777; по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2024. – 15(1). – С. 1-218.

Подписано к печати: 20.02.24.

Формат: 108х70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 13,625. Тираж 200 экземпляров. Заказ

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.